

РУССКАЯ БАСНЯ

РУССКАЯ
БАСНЯ

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
О С Н О В А Н А А. М. Г О Р Ь К И М

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

Л Е Н И Н Г Р А Д 1 9 4 9

РУССКАЯ БАСНЯ

XVIII и XIX ВЕКА

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания*
Н. Л. Степанова

редакционная коллегия:

*И. А. Груздев, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Еюлин, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов*

ОТ РЕДАКТОРА

Басня — один из наиболее распространенных жанров русской литературы XVIII и начала XIX века. В ту эпоху басенный жанр переживает расцвет в творчестве таких выдающихся русских поэтов-баснописцев, как Сумароков, Хемницер, Дмитриев, Измайлов, Крылов и др. В дальнейшем, с середины XIX века, басня оказалась в стороне от большой дороги русской литературы. Лишь в годы первой русской революции вновь оживляется интерес к басенной сатире и выдвигается такой революционный баснописец-сатирик, как Демьян Бедный. В советской литературе этот жанр продолжает активно развиваться.

После Крылова, вплоть до конца XIX века, басня становится гораздо менее заметным явлением в литературной жизни, являясь преимущественно достоянием бесталанных подражателей и эпигонов. Об этом свидетельствует и появление пародийных басен К. Пруткива, направленных против измелчания басенного жанра, утерявшего к тому времени свою сатирическую направленность, свое литературное и общественное значение. Этим объясняется, что сборник «Русская басня» мы ограничили рамками XVIII и первой трети XIX века, начиная с басен Кантемира и кончая баснями Крылова и его современников.

При выборе басен для настоящего сборника приходилось руководиться как принципом исторической характерности, так и художественной полноценности помещаемого в книге материала. Естественно, что большинство авторов представлено лишь частью своих басен. Так, например, из 370 басен А. Сумарокова в книгу вошли лишь 51, из 80 басен И. Дмитриева отобраны 27 и т. д. С другой стороны, сюда вошли и басни, являвшиеся единичными опытами поэтов в этом жанре, — Д. Фонвизина, А. Радищева, А. Пушкина, Н. Гнедича и др., — однако весьма характерными и как свидетельство популярности этого жанра для эпохи и по тому своеобразному преломлению, которое басня принимает в творчестве этих писателей.

Наряду с произведениями известных баснописцев и видных поэтов XVIII и начала XIX века, в книгу включены и басни, характеризующие массовую басню той эпохи, принадлежащие некоторым давно забытым баснописцам. Эти басни включены не только с тем, чтобы дать представление о широкой распространенности басенного жанра, но и показать также разнообразие идейных и художественных тенденций и принципов в его пределах.

Предлагаемый читателю сборник басен отнюдь не преследует цели дать исчерпывающий охват баснописцев XVIII и начала XIX века, тем более что это и фактически невозможно было бы сделать в объеме одной книги. Многие баснописцы тех лет — такие, например, как А. Агафи, В. Соболев, Н. Мацнев, Гр. Ржевский и др., — в сборник не включены, так как их басни не отличаются ничем от общего ремесленного уровня.

В книгу включены и избранные басни Крылова, без которых невозможно себе представить полной картины развития и расцвета басни, с такой яркостью и совершенством представленной подлинно народными баснями Крылова. Кроме того, при отборе басен предшественников Крылова в некоторых случаях учитывались те басни, которые послужили Крылову одним из источников его сюжетов.

При расположении материала в книге принят в основном хронологический принцип, нарушаемый, однако, в тех случаях, когда порядок басен был установлен прижизненными сборниками авторов или когда определить точную датировку и хронологическую последовательность не представлялось возможным.

Тексты печатаются, как правило, по последним прижизненным публикациям; орфография и пунктуация унифицированы согласно принятым в настоящее время принципам.

РУССКАЯ БАСНЯ

1

«Басне особенно посчастливилось на святой Руси», — писал Белинский, перечисляя многочисленных русских поэтов-баснописцев, начиная от «отца русской литературы» Ломоносова, «нисшедшего с своего лирико-эпико-драматического котурна...», чтобы написать басенку «Волк в пастушьей одежде». ¹ От Кантемира, Ломоносова и Тредиаковского к Крылову шел путь русской басни, представленной такими выдающимися мастерами этого жанра, как А. Сумароков, Василий Майков, М. Херасков, И. Хемницер, И. Дмитриев, А. Измайлов. Такие великие и крупные писатели, как А. Пушкин, А. Радищев, Д. Фонвизин, Г. Державин, В. Жуковский, К. Батюшков, Денис Давыдов, отдали дань басне, не говоря уже о множестве менее известных поэтов XVIII и первой половины XIX века. Эта большая басенная традиция завершается расцветом басни в творчестве Крылова, поставившего русскую басню на первое место в мировой литературе.

Белинский высоко оценил самобытный, народный характер русской басни, видя вершину ее развития в творчестве Крылова. «Крылов возвел у нас басню, — писал он, — до *plus ultra* совершенства. Нужно ли доказывать, что это гениальный поэт русский, что он неизмеримо возвышается над всеми своими соперниками? Кажется, в этом никто не сомневается. Замечу только, впрочем, не я первый, что басня оттого имела на Руси такой чрезвычайный успех, что родилась не случайно, а вследствие нашего народного духа, который страх как любит побасенки и применения. Вот самое убедительнейшее доказательство того, что литература непременно должна быть народною, если хочет быть прочною и вечною». ²

Басня принадлежит к наиболее древнему виду поэтического творчества и имеет многовековую историю. Подобно пословице, песне, сказке, она являлась подлинным творением народа.

¹ В. Белинский. Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 262.

² В. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 351.

История русской басни особенно наглядно свидетельствует о ее национальной самобытности и самостоятельности, о том, что она создавалась на основе народного творчества, отражая в своем развитии различные этапы социальной, классовой борьбы. Помимо того в русской литературе XVIII и начала XIX веков басня являлась жанром сатирическим, особенно полно отражавшим реальную действительность.

Русская басня вобрала в себя опыт и достижения восточного аполога, античной и европейской басни, и в то же время была новым и самобытным явлением, целиком выросшим на национальной почве. В русской литературе басенная традиция постоянно сочеталась с народными, фольклорными истоками. Их скрещение и придало национальный характер русской басне. Своеобразный склад народного ума, с его трезвым и насмешливым взглядом на вещи, самый характер национального юмора, как он проявился в сказке, поговорке, нашли свое выражение и в художественных особенностях русской басни. Для автора басни, как и для сказителей народного творчества, не имело значения то, что его сюжет уже сложился в басенной традиции до него. Баснописец заново рассказывал сюжет, по-своему его осмысляя, вкладывая в него свое содержание, претворяя его в национально-самобытные образы. Белинский, говоря о Крылове, подчеркивал, что «его басни — русские басни, а не переводы, не подражания». ¹ С самого начала, с творчества Ломоносова и Сумарокова, русская басня имела самостоятельный, ярко выраженный национальный характер, даже в тех случаях, когда русские баснописцы пользовались уже бытовавшими в мировой литературе сюжетами.

Русская литература XVIII века развивалась в значительной мере под знаком классицизма. Но в то же время для русского классицизма важно отметить его национальное своеобразие, его тяготение к народности, не укладывающееся в рамки схоластических западноевропейских теорий классицизма. Национальное своеобразие русского классицизма являлось результатом быстрого расцвета русской культуры в послепетровскую эпоху.

Самая быстрота роста нашей национальной культуры, своеобразие ее исторического и социального характера определяли ее отличие от Запада. Русская литература уже в XVIII веке становится проводником новых, передовых идей, осознает себя как общественное дело. Этим в значительной мере объясняется то обстоятельство, что, наряду с «высокими» жанрами классицизма, в русской литературе XVIII века такое большое и важное место заняли жанры сатирические, в частности та же басня.

¹ В. Б е л и н с к и й. Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 427.

Об этом прогрессивно-сатирическом направлении в русской литературе говорил в свое время Белинский, подчеркивая, что «...сатирическое направление со времен Кантемира сделалось живою струею всей русской литературы». ¹

Среди «сатирического направления» видное место принадлежало и басне. Являясь, с одной стороны, жанром «признанным» и канонизированным поэтикой классицизма, басня вместе с тем была тесно связана, как по своим истокам, так и по своим художественным принципам, с народным творчеством. В то же время басня в русской литературе сразу же становится сатирической, проникаясь элементами реализма, столь характерными для сатирической устремленности и общественной направленности русской литературы. Русская басня, начиная от Кантемира и Сумарокова, шла своим путем, отличным от басни западноевропейской. Она была тесно связана с фольклором, с народной речью, в отличие от галантной, салонной европейской басни XVII—XVIII веков. В то время как западноевропейская басня постепенно становилась достоянием преимущественно узкого литературного круга, превращаясь в изысканный салонный жанр во Франции (Флорнан) или в отвлеченное моральное рассуждение в Германии (Лессинг), русская басня чаще всего сохраняла свою сатирическую и народную основу.

Еще Пушкин, говоря о различии между Лафонтеном и Крыловым, отмечал национальную особенность русской басни и русского юмора в целом: «Некто справедливо заметил, что простодушие (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться. Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов».

Об этом же писал двумя годами раньше и П. Вяземский. Отмечая широкое распространение басни в русской литературе, он объяснял это своеобразием русского ума и характера, национальными особенностями русской литературы: «Яркая черта ума русского есть насмешливость лукавая; но наша острота, не заключающаяся, как острота французская, в игре слов или тонком выражении мысли, есть более живописная... Басни должны были укорениться у нас и часто утаивать под своим покровом обнажение истины или слишком смелой, или слишком язвительной. Обращая внимание на русские пословицы, сей отголосок ума народов, найдем еще новые доводы сродства нашего с баснями». ²

¹ В. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 184.

² Известие о жизни И. И. Дмитриева. И. И. Дмитриев. Сочинения. Спб., 1823, стр. XXXII—XXXIII.

Эту характеристику Вяземского и Пушкина в дальнейшем развил Белинский в статье «Разделение поэзии на роды и виды». Указав, что басня достигла высокого развития в русской литературе, Белинский выше всех баснописцев ставит Крылова, «истинно-гениального творца народных басен, в которых выразилась вся полнота практического ума, смысленности, повидимому простодушной, но язвительной насмешки русского народа».¹

В русской литературе басня как литературный жанр заняла видное место уже к середине XVIII века, очень быстро достигнув широкого развития и расцвета. Это объясняется тем, что в условиях русской общественной и литературной жизни басня явилась, наряду с сатирической журналистикой и комедией, одним из тех жанров, в которых интенсивнее и полнее всего сказались демократические и реалистические тенденции. Эту сатирическую линию русской литературы XVIII века особо выделил А. М. Горький, справедливо видя в ней истоки расцвета реализма XIX века: «Фонвизиним, — писал Горький, — начата великолепнейшая и, может быть, наиболее социально-плодотворная линия русской литературы — линия обличительно-реалистическая... По пути, проложенному Фонвизиним, пойдут такие крупные люди, как Крылов, Грибоедов, Гоголь, Пушкин, Щедрин, Лермонтов, Писемский... до Чехова... последовательно и все с большим приближением к действительности...»²

На прогрессивное значение сатирических жанров и сатирического направления в литературе XVIII века указал еще Белинский, высоко оценивая сатирическую деятельность Кантемира, Фонвизина и др.: «С легкой руки Кантемира, сатира внедрилась, так сказать, в нравы русской литературы и имела благодетельное влияние на нравы русского общества. Сумароков вел ожесточенную войну против «крапивного семени» лихоимцев. Фонвизин казнил в своих комедиях дикое невежество старого поколения и грубый лоск поверхностного и внешнего европейского полуобразования новых поколений».³ Сатирические жанры подрывали отвлеченно-рационалистическую систему классицизма. Они, если можно так выразиться, несли демократическую идейную и стилевую «нагрузку», в них вызревали в недрах классицизма реалистические элементы.

В системе классицизма XVIII века басне отводилось место на одной из низших ступеней жанровой иерархии, наряду с комедией. Однако именно это обстоятельство способствовало тому, что басня

¹ В. Белинский. Собрание сочинений, т. II. М., 1948, стр. 44.

² М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 25.

³ В. Белинский. Собрание сочинений, т. III. М., 1948, стр. 191—192.

смогла сделаться своего рода проводником демократических и реалистических тенденций.

Уже переводчик басен Эзопа С. Волчков подчеркнул (в 1747 году) сатирическую природу басни: «Каковы бы люди в совести, в чести, в благопристойности, к стыду и к самой правде нечувствительны ни были, однако ж у всякого из нас еще такое место осталось, в которое так, как Ахиллеса, уязвить можно, а именно, в пяту, т. е. загадками или примером правду говорить. По сему прикладу ярящийся лев жестоких и немилосердых правителей увещает, чтобы они весьма того береглись, дабы силы и власти своей на зло не употреблять; при том же кажет, что тираны вместо бича в наказание роду человеческому от бога посылаются, а бедных людей к собственному стыду и падению так мучат». ¹

В русскую литературу басня вошла первоначально как «низкий», комический жанр, противостоявший высокой одической поэзии. Это объясняет ее тесную связь с другими сатирическими жанрами: комедией, ирои-комической поэмой, сатирической журналистикой. Басня включается в общий поток «низовой» литературы, черпает свои темы в быте простого люда, в сатирических журналах, в фольклоре. На эту тесную связь русской басни с народными и фольклорными истоками указывал еще Л. Майков: «Вообще наша басня и сказка... принадлежат к числу тех отраслей словесности, которые, в период классицизма, всего более сохраняли народный колорит...» ²

Можно отметить четыре основных этапа в развитии русской басни. Первый, относящийся к первой половине XVIII века, познакомил русского читателя с басенным жанром; он представлен баснями Кантемира, Ломоносова, Тредиаковского, Баркова. Второй, начинающийся с конца 50-х — начала 60-х годов, ознаменован бурным расцветом басни и связан с деятельностью Сумарокова и его учеников и последователей. Третий этап — 90-е годы XVIII века, когда басня вновь занимает видное место на страницах журналов и появляются такие баснописцы, как Хемницер и Дмитриев. Он как бы завершает «классицистический» период развития басни XVIII века и создает басню сентиментализма. Наконец, четвертый этап — это 1800—1830 годы XIX века; он знаменуется появлением басен Крылова и новым расцветом басенного жанра в творчестве его современ-

¹ Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Р. Летранжа в переводе С. Волčkова. СПб., 1747. Предисловие, стр. 9—10.

² Л. Н. Майков, Вступительная статья к сочинениям и переводам Василия Майкова. СПб., 1867, стр. IV.

ников. Хотя между этими этапами нет замкнутых границ, но они позволяют проследить основные изменения, которые претерпела русская басня в своем историческом развитии.

Не следует представлять себе, однако, развитие русской басни как постепенное нарастание изменений внутри самого жанра. Басня, как и любой другой вид литературы, изменялась в зависимости от смены и борьбы различных идейных и художественных принципов и стилей, отражая в своей эволюции те же процессы, которые свойственны были развитию литературы в целом.

Развитие басни, различие ее принципов выражало ту смену и борьбу литературных направлений, которая в свою очередь являлась результатом борьбы разных социальных сил и групп. Поэтому и самая басня и ее роль на разных этапах были различны. Если в XVIII веке басня в руках Сумарокова и его последователей являлась сатирическим жанром в дворянском классицизме и направлена была против бюрократического аппарата, «крапивного семени», как явления враждебного дворянству, то в начале XIX века у эпигонов классицизма, приверженцев охранительно-крепостнических взглядов шишковской «Беседы», басня служит моралистическим назиданием, а у представителей дворянского сентиментализма она становится лирическим стихотворением, утрачивает свое сатирическое значение. Лишь Крылов снова вернул басне ее сатирическую направленность и придал ей народный характер.

2

Первый этап развития русской басни связан с именами Кантемира, Ломоносова и Тредиаковского. Это период поисков, попыток освоения разнообразных жанров, которые впервые так широко входили в русскую литературу. Не случайно, что первым русским баснописцем оказался Антиох Кантемир. Это было естественным следствием его деятельности писателя-сатирика. Хотя басня и не занимает в его творчестве значительного места, но она уже воспринята им как жанр сатирический. Басни Кантемира являлись острой политической сатирой, направленной против «верховников». Кантемир защищал в них прогрессивные реформы Петровского времени и обличал корыстолюбивых верховников за их стремление разрушить дело Петра I. Именно у Кантемира басня впервые выступает в России и как стихотворный жанр, так как до этого известны были лишь прозаические пересказы басен Эзопа. Написанные силлабическим стихом басни Кантемира еще не имели и не могли иметь той гибкости и разговорности стиха, которые появляются лишь в баснях Сумарокова и его последователей.

Однако в них уже чувствуется стремление к реалистическому отображению жизни, в особенности в конкретности бытовых описаний:

Мох один около стен, на полу солома
Составляла весь убор хозяйке пристойный;
В лето собранный запас щель лишь ей знакома,
К умеренну корму ей тут же сокрывая,
Таровата для гостя крупы и горохи
И оглоданный кусок от окорка края...¹

Эти реальные подробности, черты быта постепенно входили в басню как один из важнейших ее стилевых компонентов. У Кантемира, Тредиаковского и Ломоносова они играют еще подсобную роль, лишь слегка расцветивая сухой и сдержанный стиль басни, у Сумарокова же они займут главенствующее место.

Впервые определение басни как жанра было дано великим Ломоносовым в его «Риторике» 1748 года, в которой Ломоносов различал «басню», т. е. миф,² фантастический рассказ, «краткий устный вымысл», служащий к «возбуждению веселия», и «притчу», т. е. нравоучение, басню в нашем понимании: «Притча есть также краткий вымысл, соединенный со нравоучением, которое из одного следует. Примеров довольно можно видеть в Эзопе. Такие притчи, как все вымыслы, разделяются на натуральные, ненатуральные и смешанные. Натуральные суть те, в которых ничего чрезвычайного не заключается, как притча о женщине и о лекаре. Ненатуральные, в которых бессловесным животным даются слово или действия человеческие, как притча о журавле и о лисице. Смешанные суть те, которые состоят из разговоров или действий натуральных и ненатуральных, например, как жаворонок с человеком разговаривают».³

В дальнейших параграфах своей «Риторики» (305, 306, 307, 308) Ломоносов ограничивает характеристику басенного жанра формальным принципом, — указанием на наличие в басне двух основных элементов ее построения: «повествования» и «приложения», т. е. морали.

¹ А. Кантемир. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867.

² Слово «басня», «баснь» в XVIII веке употреблялось также в значении «миф», «мифология» — «баснословие». В частности, В. Рубан в своих переводах «Метаморфоз» Овидия называет их баснями.

³ М. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. III. СПб., 1895, стр. 207—208.

В пояснение этих положений Ломоносов приводит в качестве примеров специально написанные им басни. Определение же басенного жанра, данное Ломоносовым, остается незабываемым на всем протяжении XVIII века (впрочем, оно не предreshало самого характера жанра).

Хотя Ломоносов и не рассматривал свои басни как полноценное творчество, давая в них лишь примеры на правила ретирики, тем не менее они имели и самостоятельное значение, как один из первых опытов басни, и неоднократно приводились в теоретических руководствах как образцы басенного жанра.¹ В своих баснях Ломоносов не стремится к изяществу и салонной легкости, а сжимает рассказ, излагая лишь самую суть события.

Если в притчах «Лишь только дневной шум замолк...» и «Послушайте, прошу, что старому случилось...» Ломоносов передавал сюжеты традиционные, то в третьей притче — «Жениться хорошо, да много и досады...» — Ломоносов обращается к народному анекдоту об упрямой жене, утонувшей в реке, муж которой идет искать ее не вниз по течению, а вверх, полагая, что, по своему упрямству, она должна и после смерти плыть против течения. Этот анекдот рассказан и у Курганова в его «Письмовнике».² Существенно, однако, не только самое обращение к полуфольклорному источнику, но и весь тот бытовой тон и колорит, которым отличается эта басня:

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что притом и кошелек неспор.

Здесь уже начало того басенного рассказа, непринужденной болтовни «фабулиста», которая делается в дальнейшем столь характерной для басенного жанра. Ломоносов еще не применяет для басни вольный разноstopный стих, который введен позже Сумароковым, а пользуется спокойно-повествовательным шестистопным или четырехstopным ямбом. Однако он первый почувствовал народный характер

¹ О том, что басни Ломоносова надолго запомнились, свидетельствует отзыв о них в 1816 г. Масловича, который в своей книжке о баснях отмечает: «Баснь его «Волк и Пастух» по изображению предмета, по приятному и легкому стихосложению, по непринужденному, краткому и кстати выведенному нравоучению, всегда будет почитаться образцом искусства баснописания» («О басне», стр. 98).

² См. Н. Курганов. Российская универсальная грамматика, или всеобщее письмословие. СПб., 1769.

жанра и вводит в басню «просторечие», подчеркивая ее повествовательную естественность: «парень», «малый» и др.

Почти одновременно с Ломоносовым обращается к басенному жанру и В. Тредиаковский. В предуведомлении («К читателю») 1752 г. Тредиаковский следующим образом характеризует свои «басенки», «выбранные из прозаических латинских камерариев и сочиненные для опытка некудреватыми стихами»: «Басенки Эзоповы, не знаю, что такое в себе приятное имеют, которое тотчас при первом взгляде мечется в глаза и, сердце услаждая, поражает, а еще они становятся приятнее, когда составлены стихами: кажется, что стих или уже простенький и гладенький стих для них токмо и сделан».¹

Тредиаковский подчеркивает именно простоту басни и ее стиля, а также ее поучительный, морализующий характер. Он уже не только утверждает басню как моралистический жанр, в котором животные подменяют людей, воплощая их пороки, но и дает перечень традиционной басенной символики, сохраняющейся веками: «И поистине творец, хотя (т. е. желая) научить зрелищем самого естества, дал животным различные склонности и свойства, дабы все они были вместо сокращенных изображений различным должностям, которые надлежит ему исполнять; и такие вложил в них добрые и худые качества, которых ему должно искать, или от них отбегать. Итак, изобразил он и чувствительное подобие тихости и простоты в Агнце; верности и дружбы во Псе; напротив того, наглости, хищения, жестокости в Волке, во Льве, в Тигре, и таким образом, в прочтих; да и восхотел учинить наставление и тайную укоризну человеку, ежели он нечувствителен в себе к таким качествам, которых ему невозможно не любить или не гнушаться ими в самых животных. Сей есть немой язык, который все народы разумеют».²

Ранние русские баснописцы мыслят басню не как рассказ, а как «притчу», нравоучение, аллегорию. Именно «простота», отсутствие «кудреватости» и вменяется в ее достоинство.

Это жанр серьезный, дидактический, чуждый в представлении Ломоносова и Тредиаковского как «площадной» грубости, так и салонной занимательности.

Однако на практике Тредиаковский допускал в своих переводах большую естественность, даже «грубость» речи, чем в других жан-

¹ В. Тредиаковский. Сочинения, т. 1. СПб., 1849, стр. XX—XXI.

² Там же.

рах. Так, например, в басне «Человек и Истукан» он написал про человека, рассордившегося на «Истукана»:

Вот осерчав, пред ним, что втуне лоб свой парил,
Згреб за ноги его и о-землю ударил...

Следует подчеркнуть, что Тредиаковский выбирает басенные темы, в которых сатирический момент представлен наиболее полно: «Волк и Ягненок», «Мир у Волка с Овцами», «Паук и Подагра». Но Тредиаковский не разрешает себе почти никаких бытовых или психологических подробностей, стремясь к максимальной лапидарности и «нагоде» басенного сюжета.

Тредиаковский в своих баснях уже дал те сюжеты, которые в дальнейшем сделаются особенно популярны: «Петух и Жемчужина», «Муха и Муравей», «Ворон и Лисица», «Волк и Ягненок», «Волк и Журавль», «Мир у Волков с Овцами», «Старик и Смерть», «Лисица и виноградная кисть» и др.

Рассматривая свои басни в значительной мере как своего рода поэтический эксперимент, Тредиаковский писал их поочередно, — одну александрийским стихом (например, «Петух и Жемчужина»), другую хорейским «гекзаметром», пытаясь найти более живой интонационный строй.

В 1764 году басни Фэдра «гекзаметром» переложил И. Барков. В его переводе был сделан дальнейший шаг по ознакомлению русского читателя с античной басенной традицией.

Однако как «гекзаметр» ямбический (александрийский стих), так и хорейский в качестве басенного стиха не привился на русской почве, и басни Сумарокова окончательно отменили его, сблизив басенный стих с народным раешником.

Следует отметить, что Барков в своих баснях по-своему передавал традиционные сюжеты, вкладывая во многие из них смысл, связанный с современностью. Особенно существен здесь тот сатирический акцент, который становится в дальнейшем столь характерным для русской басенной традиции. Так, например, в басне «Осел и старый пастух» Барков выступает против «временщиков», с горечью говоря об угнетенном положении народа:

Как применяется правление народно,
Одним временщикам то может быть выгодно:
А бедной черни все равно, кто б ни владел,
За тем, что всем терпеть тож должен, что терпел.

Однако в своем предисловии к басням И. Барков подчеркивал еще их моралистическую роль, понимая басню как нравоучение, преподне-

сеиное в форме аллегории: «О пользе басен пространно изъяснять за излишне признаю, потому что она почти всякому сама собой есть видима. Дети предлагаемыми в баснях простыми примерами поучаются способнее к добродетели, нежели философским нравоучением. Смешные разговоры, действия и различная натура животных показывают сходство деяний в обществе человеческом, поколику люди, так как и звери, бывают добрые и злые».

3

Самобытность и национальный характер русской басни особенно полно сказались в творчестве А. Сумарокова. Сумароков решительно восстал против басенной манеры Лафонтена и других западноевропейских баснописцев, обратившись к созданию басни на основе народной, фольклорной традиции. «Гротескность», натуралистичность басен Сумарокова являлись во многом полемическими по отношению к западноевропейской басне, опирались на лубочную и комическую русскую народную литературу и фольклор.

Сумароков с полным правом может считаться зачинателем русской басни, проделавшим огромную работу по ее «освоению» на русской почве. Басни Ломоносова, Кантемира, Тредиаковского были еще единичными опытами, пробой сил этих писателей в жанре, широко распространенном в международной традиции и прочно вошедшем в жанровую систему классического искусства. Сумароков же обратился к басне как к большому, самобытному искусству, превратив ее в жанр, наиболее близкий к народному творчеству. Он не ограничивался переводами и подражаниями, а ставил своей целью создание русской национальной, самобытной басни. Говоря о Сумарокове, Новиков писал:

«Притчи его почитаются сокровищем Российского Парнаса; и в сем роде стихотворений далеко превосходит он Федре и де ла Фонтена, славнейших в сем роде». ¹

Сумароков сознательно противопоставил «эзоповской» басне, ее простоте и скупости изложения «шутливую», «живописную» басню фольклорного характера; ² он отвергает «притчи» Эзопа, в которых тот «говорит», «шутя невкусно» (т. е. безвкусно).

¹ Н. Новиков. Опыт исторического словаря о русских писателях, 1772.

² Домашнев в статье «О стихотворстве» говорит о его баснях, что они «приятны» и «естественны». (Ефремов. Материалы для истории русской литературы. Стр. 191).

В своем «Наставлении хотящим быть писателями» Сумароков писал:

Склад басен Лафонтен со мною (т. е. Лафонтен и я)
показал:

Иль эдак Аполлон писати приказал.
Нет гаже ничего, и паче мер то гнусно,
Коль притчей говорит Эзоп, шутя невкусно.

«Вкусная шутка», живописность, сатирическая гротескность, балагурство, бытовые подробности, которые вводит Сумароков в свои басни, определяют его отрицательное отношение к античной притче-аллегории.

В посвящении своих «притч» в издании 1762 года Сумароков подчеркивал значение этого жанра как наиболее «полезного»: «Сколько притчи полезны, — писал он, — о том уже всему свету известно. А я только того хочу, чтобы мои притчи заслужили себе достоинство имени своего». Этот «полезный» характер «притч» в сущности означал их публицистичность, их практическую применимость в жизни, противопоставленную абстрактно-рационалистическому характеру поэтики классицизма.

Во «Второй эпистоле о стихотворстве» Сумароков сформулировал основные принципы басенного жанра в том виде, в каком он сам выступал его представителем и создателем:

Склад басен должен быть шутлив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден.

Для самого Сумарокова, однако, басня не являлась только шуточным, легким рассказом. Сумароков превратил притчу в сатиру, наполнил ее резким злободневным и политическим содержанием. Сумароков выдвинул на первое место в басне ее «низкий», демократический дух, ее «простой слог» и «шуточность», понятую им как сатирическая и юмористическая гротескность.

Басни Сумарокова во многом родственны его комедиям, их буффонной условности и в то же время ярким и резким чертам жизни и современного быта, в них запечатленным. Говоря о комедии, Сумароков отмечал: «Свойство комедии издевкой править нрав. Смешить и пользоваться прямой ее устав». Этот принцип «издевкой править нрав» определяет и сатирический характер его притч. Он выдвигает в них прежде всего сатирический, комический элемент, почти устрояя морализацию, второй, аллегорический план басни.

Для Сумарокова басня являлась публицистическим жанром, в котором он обращался не столько к общеморальным вопросам, сколько

к жгучим современным темам, недостаткам окружающей его действительности. Сатирическая направленность сумароковских басен во многом предreshала и особенности его художественной манеры, их резкую злободневность, перегруженность бытовыми деталями, словесную грубоватость.

Но при всей своей сатирической заостренности басни Сумарокова являлись дворянской самокритикой; по субъективным намерениям автора, они должны были искоренять пороки дворянского общества, не касаясь его основ. Идеолог передовых дворянских кругов, Сумароков разделял со многими представителями просветительства XVIII века веру в улучшение общества путем морального перевоспитания, посредством осмеяния пороков. Поэтому его сатира, его прогрессивные высказывания зачастую противоречивы и непоследовательны. Высмеивая деспотический гнет, произвол помещиков и чиновников, Сумароков в то же время считал, что только родовое дворянство способно управлять государством.

Однако сатира басен Сумарокова была шире и демократичнее его идеологической позиции, в ней нашли свое отражение передовые устремления эпохи, хотя это и не означало еще радикализма в политических взглядах писателя. Идея сословного разделения функций общественного организма — предел политических мечтаний Сумарокова, сторонника просвещенной монархии. Так, в басне «Осел и Хозяин» он говорит:

Всяк делай то, что с склонностию сходно,
Не то, что лишь угодно,
Но то, что сродно...
Тот кормит мужиков в харчевне щами,
Тот сеном и овсом в конюшне лошадей.
Что кстати, то и краше:
Потребец пиву хмель, а патока на мед...

С особенной резкостью Сумароков выступал против вельмож и чиновников-бюрократов, попустительствовавших ограблению и угнетению народа. В басне «Болван» Сумароков высмеивает некоего Болвана, выбранного в боги, которого в конце концов выбросили в воду за ненужность. Эта басня во многом уже намечает темы таких басен Крылова, как «Оракул», «Вельможа» и др. В басне «Калигулина Лошадь» Сумароков противопоставляет незаслуженной «славе» коня Калигулы ученого Ньютона, жившего «без барства».

Особенно часты у Сумарокова басни о неправедных судьях и подьячих. Здесь сказалась и народная традиция, и то, что с точки зрения Сумарокова основные отрицательные стороны общественного

стройка порождены неправильностями, извращениями государственной системы:

От лютого судьи не можно сберечься,
И тщетно бедному о том печись;
Не будет никогда конец ему успешен...

Так у Сумарокова социальная тема, тема несправедливости общественных отношений приобретает уже тот конкретный характер, который обусловил и реалистическую сторону его басенной поэтики.

Сумароков — сын века Просвещения, сторонник всевластия разума, осуждающий «неразумность» окружающей его действительности. В басне «Коловратность» он говорит об этом извечном социальном антагонизме, войне всех против всех: один хищник истребляет другого, чтобы затем быть уничтоженным третьим, более сильным; и баснописец приходит к печальному тому выводу, что... «все на свете коловратно».

Мир представляется Сумарокову хаотичным и несправедливым. Он противопоставляет этому суетному и беспокойному миру прошлое, легендарный «золотой век» человеческого счастья. Фортуна ныне ослепла, чины и звания заслонили перед ее взором человека:

Устав на свете нам во всем стал ныне нов;
О человеке

Не тако мыслили в златом и древнем веке.
Кто был велик, велик он был и без чинов:
Так и достоинства мечтанья не вперяли;
Не титлами людей достойных измеряли...

Ослепшая Фортуна ныне несправедливо раздает свои милости в этом хаосе, в этой суетливой «ярмарке тщеславия», — таков горестный итог размышлений Сумарокова. Сатира Сумарокова не только безжалостна, но и безнадежна. Высшее дворянское общество составляют невежды, глупцы и выскочки. Когда Минерва (в басне «Просьба Венеры и Минервы») просила Юпитера перебить всех невежд и дураков, он ей ответил:

Надежды должен сей я в век тебя лишить,
Когда не восхочу земли опустошить.

Сумароков ставит и вопрос о народе, о крестьянстве как одной из основных сил в государстве; впервые в басне он показал русского крестьянина, при этом не только в комически-гротескном изображении, но и с известным участием к его труду, к его обездоленной

судьбе. Так, в басне «Мужик с котомкой» крестьянин на насмешки над тем, что он с трудом несет котомку со свинцом, отвечает:

Труд мой кажется мал,
Только бог это весть,
Что в котомишке есть:
Да известно тому,
Кто несет котому.

В басне «Ось и Бык» Сумароков сравнивает изнеженную ось, воспитанную с негой, с дворянином «господчиком», а быка, везущего телегу, с мужиком:

Изображает ось господчика мне нежна,
Который держит худо счет:
По-русски мот;
А бык крестьянина прилежна.
Страдает от долгов обремененной мот,
И егова не вспомянет,
Что пахарь, изливая пот,
Трудится и тягло ему на карты тянет.

Черты быта, крепостнических отношений прочно входят в басню. Крестьянин приносит Юпитеру свой календарь («Новый календарь»), в котором подробно «расписал», «ко хлебородию для года что способно», и мечтает о вечной весне, о том, чтобы «и в век бы не пахали мы», чтобы «приказчик» не попрекал его в лени, чтобы рождались сами собой «с горохом пироги, печоны хлебы», чтобы он сам «на печи топленной потел»: это черты русского крестьянского быта, густо вплетенные Сумароковым в условную канву басенного сюжета. Эти насмешливые бытовые черты крестьянской жизни свидетельствуют о том, что Сумароков смотрел еще на крестьянина сверху вниз. Здесь нет еще подлинного внимания и сочувствия к трудной трудовой жизни народа. Мораль басни такова, что мужик, размечтавшись, не засеял пашни и ничего не собрал с нее осенью. Сумароков хотя и видит отрицательные стороны положения крестьянства, но рекомендует примирение с ними, не переходит на позиции протеста.

Басни Сумарокова натуралистичны по своему бытовому колориту. Поэтическое сознание Сумарокова представляет мир не в его обобщающих закономерностях, а в плане наивного реализма, в его чувственной, конкретней данности. Это начальная стадия реализма, которую можно было бы назвать наивным натурализмом, проистекающим из стремления передать внешнюю, бытовую сторону явления. Тот эмпиризм, который питал философскую мысль XVIII века, несомненно сказался в этом натуралистическом характере сумароковских басен (конечно, отличном от натурализма второй половины XIX века).

Этот эмпиризм во многом обосновывает творческий метод Сумарокова. Потому-то в целом ряде своих басен он детально передавал бытовую эпизод, рисуя жанровую натуралистическую картинку, будучи не в состоянии, да и не стремясь, создать тот обобщенный, типический образ, образ-аллегорию, который определяет самую сущность басни

Основная заслуга Сумарокова в том, что он впервые определил национальный характер русской басни, противопоставив ее западно-европейской и опираясь в своей реформе на народную традицию. Для него решительно неприемлемо салонное «изящество» Лафонтена, новеллистический характер его басен. Сумароков черпает сюжеты своих басен из русской жизни («Спорщица», «Игра в бабки», «Простреленная нога» и мн. др.), обращается к фольклорным формам комического повествования — рашенику, прибаутке, поговорке. Даже в тех баснях, сюжет которых у Сумарокова традиционен, он совершенно самостоятелен. Такова, например, басня «Пряхи». Уже самое начало басни у Сумарокова вводит в круг русских образов, русского быта:

Не до издевок
Беседушкам тех девок,
Которым должно много пряхть,
И коих, сверх того, поздненько спати класть,
И коим, сверх того, раненько просыпаться,
А льну никак нельзя всему перещипаться.

Ни у кого из русских предшественников Крылова эта социально-бытовая живопись не доходила до такой яркости и конкретности красок, как у Сумарокова. Басни Сумарокова буквально пестрят бытовыми подробностями русской жизни. Так, в басне «Война и бабки» рассказывается о двух мальчиках, подравшихся за игрой в бабки. Родители их не только высекли, но и разодрались сами. А в басне «Пени Адаму и Еве» говорится о мужике-крестьянине, ругавшем Адама, скушавшего запретный плод. Интересна здесь не мораль басни, имевшая в виду осмеять человеческое любопытство, а бытовая, жанровая сцена. Барин, услышав «брань» мужика, зовет его с женой к обеду, на котором и «бараний с кашей бок» и «с курицей пирог», «курдюк ордынский овцы», «щи, потрох и рубцы» и прочие яства в таком духе. Этот бытовой колорит у Сумарокова дан подчеркнуто, натуралистически сниженно.

Сумароков решительно пародирует высокий одический и эпический стиль. Так, например, басню «Спорщица» он начинает стихами, «перелицовывающими» традиционный зачин эпопеи:

Скажи, о муза, мне, какой злой гнев жену
Принудил объявить жестокою войну
Противу своего возлюбленного мужа...

Сумароков не стремится к «всеобщности» своих моральных максим. Их мораль непосредственно жизненная, конкретная; поэт отнюдь не пытается скрыть ее под аллегорическим иносказанием, а тут же сам в полемической запальчивости высказывает, показывая эту «мораль» не на абстрактно-аллегорических примерах, а на случаях, взятых из окружающей жизни. Потому-то в его басни, наряду с басенными львами и прочими условными персонажами, свободно входят мужики, сановники, приказные. Сумароков стремится преодолеть отвлеченность басенного повествования: его не столько интересует нравоучение, мораль, сколько самый рассказ, картина нравов, сатирические зарисовки быта.

Точно так же Сумароков показывает в своих баснях и мастерское владение рассказом, живой разговорной речью, в то же время он передает сказ, пародирующий судейско-канцелярский слог, который впоследствии с таким мастерством применил Крылов в басне «Крестьянин и Овца», «Щука» и мн. др. Этим русским народным колоритом отличаются у Сумарокова также и басни, действующими лицами в которых являются звери.

Для сумароковской басенной манеры и для всей его школы характерен гротескно-натуралистический строй басенных образов, немотивированность сравнений и аллегорий, постоянные переходы от отвлеченной аллегории к конкретным натуралистическим деталям. Это не рационалистически ясный и закономерный мир классицизма, а живой, грубовато-правдоподобный быт, гротеск, напоминающий народные присказки и прибаутки.

Сумароковский рассказчик басни — беззастенчивый говорун ярмарочных балаганов, любящий крепкое слово, грубую шутку, народную речь. Его язык не только разговорный, но и вульгарный, комически-прибауточный, на манер балаганного деда-раешника. В поэзию уже вторгается народный язык.

Здесь с одной стороны сказалась и поэтика классицизма с ее отношением к «низкой» действительности как к тому, что является достоянием лишь комической игры, и воздействие комедийной традиции русских комических «площадных» интермедий, в которых грубые, натуралистические черты преподносились в гиперболически шутилом плане.

Это тоже была «народность», но народность во вкусе XVIII века, народность, сводящаяся к обращению к фольклору и народной речи как к некоей экзотике, «низкому» литературному стилю. То, что сделано Сумароковым в сближении литературной басни с фольклором, являлось первым шагом в этом направлении, подготавливая даль-

нейшее развитие басенного жанра у Крылова. Нередко и самая басенная мораль у Сумарокова восходит к народным пословицам и поговоркам:

Умствовать полезнее тогда,
Доколе не пришла беда.

(„Старуха“)

Когда к воде идешь, отведай прежде броду,
Ворвешься без того по самы уши в воду.

(„Паук и муха“)

Эти примеры свидетельствуют об уже намечавшихся связях басни Сумарокова с народной речью, которые впоследствии определили народный характер басен Крылова.

Басенная поэтика Сумарокова выростала на основе его обращения к народным сатирическим «жанрам»: анекдотам, притчам, «челобитным», — той фольклорной сатирической литературе, которая обильно представлена в рукописных сборниках XVII — начала XVIII века, а затем и в лубочной литературе.

Грубоватое балагурство Сумарокова, его комический сказ ближе всего к народному театру, к сатирическому фольклору и лубку XVIII века. В этом отношении имеет огромное значение самый ритм басен Сумарокова, идущий от раешника и от народного стиха. Разно-стопный ритм с ударными выделениями в одну строку коротких слов подчеркнут у него рифмой, нередко неожиданной или калам-бурной.

На значение реформы басенного стиха, осуществленной Сумароковым, указал еще А. Шишков: «Приметим сперва вообще, что в таком стихотворении, каким пишутся притчи, басни и сказки, требующие простого, свободного и забавного слога, — одинаковой меры стихи не так удобны для игры и шуток, как стихи разной меры, то есть длинные перемешанные с короткими, часто из одного слова состоящими».¹

Басенный стих Сумарокова отличается принципиально от стиха его предшественников. Интонационное выделение отдельного слова или фразы обычно придает его стиху огромную интонационно-разговорную энергию, а самая манера народного балагурства определила известную «фольклорность» его басни.

В основе стиха у Сумарокова лежит интонационно выделенное слово, чередование односложных и многосложных стихов, подчеркнутое повторяющейся рифмой. В басне «Жуки и Пчелы» Сумароков отме-

¹ А. Шишков. Сочинения, т. XII, стр. 128.

чает, что свою басню он «складывает» на фольклорный лад, как «прибаску» и «сказку»:

Прибаску
Сложу,
И сказку
Скажу.
Невежи жуки
Вползли в науки
И стали патоку пчел делать обучать...

Каламбурная и повторяющаяся рифма еще больше подчеркивает это своеобразие басенного стиха Сумарокова, определившего развитие русского басенного стиха на все последующее время, вплоть до Крылова.

4

Расцвет русской басни начинается с середины XVIII века, когда выступают со сборниками басен А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков и др., не говоря уже о множестве басен, печатавшихся в журналах. В 1762 году выходят первые книги «Притч» Сумарокова, в 1764 году басни Василия Майкова, а за ними ряд оригинальных и переводных сборников басен. Это широкое распространение басни и интерес к басенному жанру связаны с развитием сатирической журналистики. Басня в журнале в известной мере являлась на ролях фельетона, откликаясь на злободневные общественные вопросы и литературную полемику.

В середине XVIII века басня занимает одно из ведущих мест в тогдашней журналистике. Редкий номер журнала выходит без басен; в «Ежемесячных Сочинениях» печатаются «притчи» Сумарокова и М. Хераскова (1755—1756). Сумароковские притчи помещаются затем в «Трудолюбивой Пчеле» (1759). В журнале М. Хераскова «Полезное Увеселение» (1760—1762) в изобилии печатаются притчи и басни самого Хераскова, Сумарокова, Ржевского, в «Свободных Часах» (1763) — Сумарокова, Хераскова, В. Майкова, А. Ржевского, в «Невинном Упражнении» (1763) — И. Богдановича и др.

Басня, как и сатира, вместе с тем знаменовала и обращение к реалистическим тенденциям развития русской литературы, так как именно в сатирических жанрах происходило созревание реалистических элементов, которые заняли главенствующее место в литературе следующего столетия. Именно сатира, сближая литературу с реальной действительностью, сталкивая ее с социальными вопросами, приводила к преодолению условных схем поэтики классицизма, насыщала литературу реальным жизненным содержанием.

Русские баснописцы видели в басне тот жанр, при помощи которого можно было более безопасно говорить об острых общественных вопросах, критиковать социальные порядки.

Сатира второй половины XVIII века, и в том числе басня, была в основном направлена против отдельных и частных недостатков современного общества, против развращенности нравов дворянской верхушки. Она нападала преимущественно на враждебные дворянству явления и редко выходила за пределы «дворянского горизонта». Добролюбов в своей характеристике сатирических журналов XVIII века подчеркивал ограниченность их критики дворянского общества и крепостнического режима, указывая, что «слабая сторона» этой сатиры «заключалась в том, что она не хотела видеть коренной dryности того механизма, который старалась исправить».¹

Неупорядоченность социальных отношений, вызывавшая напряженность в государственной жизни, и опасения крестьянского восстания толкали представителей дворянской интеллигенции на оппозиционное отношение к существующим в государстве порядкам, на резкую критику культурной отсталости и злоупотреблений. При этом объектом сатиры в XVIII веке были прежде всего «приказные», судьи, откупщики, т. е. те общественные круги, которые рассматривались дворянством как враждебные, залегающие в дворянский карман. По отношению же к крестьянину писатели дворянской фронды настроены относительно благосклонно, поскольку он является их материальной опорой. В то же время проводится идея подчинения крестьянина власти помещика, его покорности. Этим объясняются и преимущественно этнографический характер «народности» и ограниченность реалистических тенденций басни XVIII века.

Одним из ближайших последователей Сумарокова был А. А. Ржевский. Басни Ржевского, печатавшиеся в начале 60-х годов в журналах того времени, непосредственно продолжали басенные принципы Сумарокова — его грубоватый юмор, гротескность, натуралистический характер бытового колорита; но им не хватает ни сатирической широты басен Сумарокова, ни смелости его красок. Сохраняя принципы сумароковской басни, Ржевский не выдвигает, однако, на первый план ее сатирических элементов; он удовлетворяется общим комическим характером стиля. Зачастую басня превращается у него в грубоватую, но поверхностную шутку, возможно даже имеющую в виду какие-то личные обиды и конфликты.

В баснях А. Ржевского сказались и основные принципы сумароковского метода басни — разговорное балагурство, часто не имеющее

¹ Н. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. II, 1935, стр. 166.

даже прямой связн с басенным сюжетом, гротескность его сатирических уподоблений. Ржевский осмеивает преимущественно бытовые и моральные недостатки: зависть («Медведи и Пчельник»), барский эгоизм («Хозяин и Батрак»), бессердечие («Петух и Осел») и т. п. Вслед за Сумароковым он подчеркивал бытовой комизм и натурализм деталей, например в басне «Клоп», где грубоватая «низкая» бытовая лексика и весь строй образов выражают этот своеобразно понятый «натурализм» XVIII века. Ржевский охотно пользуется в своих баснях народными пословицами и притчами (например: «Пословица гласит: куда-де конь с ногой, туда и жаба со клешней»), что опять-таки сближает его с тем пониманием народного стиля, которое установлено было Сумароковым.

Продолжателем басенных принципов Сумарокова является также и один из наиболее ярких поэтов середины XVIII века, Василий Майков. «Нравоучительные басни Василия Майкова» появились через несколько лет после выхода «Притч» Сумарокова (I часть в 1766 году, II — в 1767); одна из басен («Собака на сене») помещена была уже в «Свободных Часах» в 1763 году (видимо, именно в эти три-четыре года — 1763—1767 — были написаны Майковым и остальные басни). Майков насыщает басню сатирическим содержанием, нападает не только на корыстолюбивых подъячих, но и на дворян, притесняющих народ. Он идет еще дальше Сумарокова по пути сближения басни с народным творчеством.

Басни занимают видное место в творчестве Майкова, но в то же время они тесно связаны со всей деятельностью его как сатирика, автора бурлескных «ирои-комических» поэм. «Ирои-комическая» поэма являлась не только жанром, пародировавшим высокий стиль классицизма. Она имела и свое реальное сатирическое содержание, выражением которого являлся «сниженный», «простонародный» колорит, составлявший основную особенность стиля майковской «ирои-комической» поэмы («Елисей»).

Элементы реализма роднят между собой ирои-комическую поэму и басни Майкова. В них есть тот общий народный элемент, та национальная основа, которая сближает «Елисея» и майковские басни с народными повестями и лубочными сборниками вроде «Семи мудрецов» и т. п.

В. Майков — типичный представитель просвещенного дворянского либерализма XVIII века. В его сознании крепостная монархия уживалась с просветительским рационализмом и стремлением к справедливости по отношению к демократическим низам. Основная мысль, которая проходит через басни Майкова, это «полезность», «гражданское равенство» всех сословий в государстве. Об этом он говорит в ряде басен, в особенности отчетливо в басне «Общество». В ней

портной, купец, сапожник и крестьянин («хлебопашества художник») спорят о достоинствах своих профессий. Всех их примиряет Виночерпий, говоря:

На свете положен порядок таковой:
Крестьянин, князь, солдат, купец, мастеровой —
Во звании своем для общества полезны,
А для монарха их, как дети, все любезны.

Убеждение в «полезности» всех сословий определяет и отрицательное отношение Майкова ко всем тем, кто нарушает такое общественное равновесие. Подобно Сумарокову, Майков выступает против произвола, насилия, несправедливости, которые творятся сильными мира сего, вельможами и богачами. В басне «Осел, пришедший на пир к Медведю во львиной коже», Майков настаивает на том, чтобы должности в государстве занимались по уму и истинным заслугам, а не по чину. В басне «Конь знатной породы» В. Майков осмеивает Коня, претендующего на знатную породу, но приносящего мало пользы своей работой.

Персонажи басен Майкова — прежде всего крестьяне и мастеровые. В его баснях людские персонажи часто заменяют традиционные «звериные маски». Он неоднократно высказывает в своих баснях демократические симпатии, осмеивая социальную несправедливость крепостнического общества. В басне «Господин с слугами в опасности жизни» Майков рассказывает, как «господин», «боярин», «при коем много слуг», попав на корабле в свирепую бурю, обещает своим слугам отпустить их на волю, если они спасут его от беды. В заключение автор иронически замечает:

В награде таковой немного барыша,
Когда она дается
В то время, как душа
Уж с телом расстается.

Однако Майков не видит возможностей изменить положение народа и приходит к пессимистическому выводу.

Демократическая тенденция в мировоззрении Майкова позволила ему создать ряд басен, во многом предвосхищавших живостью народных сцен и языка басни Крылова. Бытовая сценка, жанровая новелла — вот чем прежде всего является басня Майкова. В то же время аллегорический, морально-дидактический смысл ее часто крайне искусствен, не вытекает из сюжета басни, из ее образов и характеров ее персонажей.

Особенностью басенного творчества В. Майкова является обращение к фольклору, в первую очередь к народной сказке, из которой он нередко черпает свои сюжеты. Таковы басни «Крестьянин, Сорока и Слепень», «Повар и Портной», «Дуб и Мышь».

Среди басен XVIII века выделяется своей радикальной резкостью и остроумием басня Д. Фонвизина «Лисица-Кознодей». В ней Фонвизин дает необычайно едкую сатиру на придворные нравы, на лесть и пресмыкательство перед вельможами и царем и на самодержавие в целом. На потоки лести, расточаемой придворными по адресу скончавшегося звериного царя, Крот замечает Собаке:

О лесть подлейшая! — шепнул Собаке Крот. —
Я знал Льва коротко: он был пресущий скот.
И зол, и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти.

Басня-сатира Фонвизина больше всего напоминает крыловские басни, во многом предваряя и ясную выразительность крыловских образов и жизненную простоту языка.

После басен Сумарокова и Василия Майкова сатирический элемент, социальная заостренность басни постепенно понижается. Сохраняя общие жанровые принципы сумароковской басни, его продолжатели смягчают ее сатирическую заостренность, превращая ее в бытовой фельетон, в «быль», в поучительный рассказ о человеческих слабостях и недостатках. Басни Н. Леонтьева, М. Муравьева, В. Левшина и других баснописцев этой поры знаменуют не преодоление, а разложение сумароковской традиции, ее спад, устраняя наиболее смелые реалистические ее тенденции.

Среди современников Сумарокова и первых русских баснописцев следует назвать Николая Леонтьева, книга басен которого вышла в 1766 году. Новиков в «Опыте исторического словаря о русских писателях» (1772), говоря о Н. Леонтьеве, отмечает, что его «басни превеликую подают надежду видеть в нем хорошего стихотворца».

Хотя басни Леонтьева в основном можно рассматривать в русле сумароковской традиции, но они во многом уже отличны от нее. Леонтьев смягчает как сатирическую резкость содержания, так и натуралистичность красок Сумарокова. Правда, и у Леонтьева встречаются общие для сатиры XVIII века мотивы осуждения несправедливости, противоречия между бедностью и богатством. В басне «Павлин и Курица» он рассказывает о павлине, который отнимал корм у бедной курицы с цыплятами. Когда же она пошла жаловаться на него

хозяйину, ее «взашей из хором учтиво проводили», а другая курица в увещание сказала ей:

...мой друг, издревле свет таков,
Что страждут бедняки всегда от богачев,
А слабые от сильных...

Не менее явственны сатирические мотивы и в басне «Звери». В ней рассказывается о Медведе, «произведенном» в «большой чин»; его прибрала к рукам при помощи лесты хитрая лисица и убедила его заменить собак волками и лисицами:

Что ж вышло из сего?
Зверочки были все счастливы до сего,
Но только лишь во власть их новую вручили,
Исчезло счастье, как день в мученье были.
У множества овец отъемлен был живот.
Повсюду множество таскалося сирот.
Злодействие всяк час число их уменьшало.

Среди басен Леонтьева основное место занимают, однако, басни нравоучительно-философского характера, в которых выражена умиротворяющая тенденция, стремление к примирению социальных конфликтов, проповедуются смирение и самоусовершенствование. Леонтьев призывает к хозяйской рачительности, к заботе о нуждах народа, но вполне примиряется с самым общественным порядком. Поэтому его сатира приобретает общеморалистический, а не критический характер.

Ряд басен Леонтьева написан на отвлеченно-философские, даже естественно-научные темы («Металлы», «Слепые и зрячие»). Эта тематика придает басне дидактический характер, лишает ее реальных жизненных красок. Естественно, что басни Леонтьева во многом уступают басням Сумарокова и Майкова как в жизненности красок, так и в свободе и выразительности языка. Они написаны книжно, оторваны от живой народной речи и примыкают к той моралистической тенденции, которая сказалась особенно явственно в баснях Хераскова.

В западной литературе XVIII века философско-моралистическая басня занимала, пожалуй, главное место. Но в русской басенной традиции как раз дидактико-философская басня представлена относительно немногими авторами и никак не может быть сравниваема по своему значению с сатирической басенной струей.

«Моралистическая» басня знаменовала отказ от наиболее острых социальных проблем, от критики современного общества и тем самым

отходила от реалистических принципов, приобретала оталеченно-дидактический характер. Эта антиреалистическая тенденция сказалась и в самом языке, книжном и условном, лишенном ощущения живой речи, в отвлеченной аллегоричности образов и персонажей.

Морально-философское течение в стихотворной басне середины XVIII века было представлено в первую очередь одним из наиболее значительных поэтов, М. Херасковым. Его басни начали появляться в журнале «Полезное Увеселение» уже с 1760 года. Характерно, что в этих баснях Херасков не порывает еще с принципами сумароковской басни, но впоследствии он не включил их в свою книгу «Новые басни», вышедшую в 1764 году. Так, реальной сатирой является его басня про старушку-вдову, которая пыталась после смерти мужа найти защиту у судьбы, но была вконец разорена и кончила свои дни в тюрьме («Вдова в суде». — «Полезное Увеселение», 1760, июль). «Надежда в свете сем на правду какова?» — заключает автор свою басню:

Кто защищение и помощь потеряет,
Тот с справедливостью в гонении умирает.

Однако Херасков не пытается протестовать против этой несправедливости. В «Новых баснях» Херасков уже решительно выступает как антагонист социальной сатиры и «площадного» стиля Сумарокова, создавая особый басенный жанр философской и нравоучительной аллегории. Задачей баснописца становится уже не сатира, но высказывание истины под покровом аллегории, сочетание «полезного» с «приятным». В «Заключении» к «Новым басням» Херасков писал:

Свободный путь узнать,
Так должно слогом внятным
Полезное с приятным
В стихах соединять.

Однако и он ставит себе целью говорить «правду»:

Кто скажет, что она
Немного дерзновенна,
Знай — правда быть должна
Смела и откровенна.

Но сам Херасков предпочитает осуществлять первую половину своей формулы и проповедывать «полезное с приятным», т. е. нравственные начала. Вся идеологическая система Хераскова основана на приоритете этого нравственного принципа, этического начала, призванного перевоспитать общество. В этом отношении басня находится в общем русле его идейных и литературных принципов. Херасков проповедует

отвлеченно-моральные идеалы просвещения, бескорыстия и умеренности, добродетели и трудолюбия, сообразно этическому кодексу дворянского морализма. Программное значение имеет его басня «Фонтанна и Речка», в которой пышной и суетливой жизни вельможной знати противопоставляется скромная гражданская добродетель, чуждающаяся шумихи, обладающая той внутренней свободой, которую дает независимость. Основная мысль Хераскова — надо быть довольным тем, что имеешь, не следует выходить за пределы своей «сферы» («Отважная звезда»).

«Философический» дидактизм сказывается и в самом художественном строе басен Хераскова, в отсутствии в них эмоциональных черт и красок, бытовой живописи. Басня превращается в холодную аллегорию, становится иллюстрацией моральной максимы, философического положения. В основе этой философии лежат идеи нравственного самоусовершенствования, тесно связанные с поэтикой сентиментализма XVIII века.

Басня превращается в аллегорическое стихотворение, поскольку сатирический элемент отпадает. Такова, например, басня «Две любви», в которой противопоставлена истинная любовь, рожденная «красотой», ведущая к «чести и славе», и любовь «Купидон», рожденная «всеобщей слепотой», влекущая «к забаве». Не менее отвлеченный характер носит и басня «Перо, Кисть и Скрипка», в которой аллегорически раскрывается преимущество разных видов искусства: живописи, музыки и литературы.

Херасков стремился к стилистической гладкости, к очищению басни от просторечия, от бытовых жанровых картин и натуралистических подробностей. Басня у него перерождается в элегию, в стансы. В ней уже явственно ощутимо воздействие поэтики сентиментализма, «чувствительного» культа дружбы и отвлеченного «любомудрия». Любопытно, что даже размер, самый стих басни Хераскова зачастую отходит от басенной традиции и превращается в обычный лирический стих. Такова, например, басня «Отчаянный Пастух»:

Утолить свои печали
И успокоить томный дух
К берегам пришел пастух,
В конх воды не журчали,
Разливаясь по песку.
Кажется, они делили
Пастуха сего тоску,
И об нем они тужили,
А пастух чрез томный глас
Извещался так в сей час.

Херасков и поэты его круга были создателями нравоучительной «философской» лирики. Басня постепенно и становилась у них одной из разновидностей этого лирического жанра.

Баснописцев 70—80-х годов можно лишь условно относить к числу последователей школы Сумарокова. Воздействие на них морально-дидактической, херасковской басни сказалось весьма заметно. Однако, несмотря на это, их творчество в основном идет в русле жанровых принципов, намеченных Сумароковым, не порывая с сатирическими и бытоописательными тенденциями, хотя и значительно ослабленными.

Среди баснописцев 70—80-х годов XVIII века следует выделить В. Левшина, А. Аблесимова, М. Муравьева, выступивших с отдельными изданиями своих басен. Басни Михаила Муравьева¹ интересны тем, что он почти не обращается к традиционным сюжетным мотивам, придумывая их сам («Половица», «Мышь и Кошка», «Пес» и др.), пользуясь при этом бытовыми красками и сюжетами. Но самая сатира М. Муравьева не выходит за пределы моралистических советов о пользе умеренности и скромности. Басню о Половице, гордо задравшей свой «носок», Муравьев кончает:

Увидев, господин то, что досочка взялась,
Велел ее стесать: она с другой сравнялась.
Я, горделивец, баснь пишу тебе сию,
Подобно унизят кичливость и твою.

М. Муравьев, впоследствии один из зачинателей русского сентиментализма, в своих баснях (1773) выступал еще как последователь Сумарокова. Он также выбирает преимущественно бытовые сюжеты для своих басен и передает их как балагур-рассказчик, с шуточками и отступлениями от сюжета. Такова, например, басня «Миротворец», рассказывающая о супружеской ссоре, которую пытался разнять сосед. Однако супруги «съединились» и «понагнали» спину «разнимальщику». Вывод из этой довольно бесхитростной басни также весьма прост:

Где двое ссорятся, тут третий не мешайся,
И в ссоры, сверх того, супружни не ступайся.

Такие бытовые зарисовки и нехитрая житейская мораль мелких практических дел занимают большое место среди басен Муравьева.

В басне «Верхушка и Корень» Муравьев дает как бы формулу дворянской государственности, отношения «монарха» и народа, кото-

¹ Басни лейб-гвардии Измайловского полку фурьера Михайлы Муравьева, кн. 1. СПб., 1773.

рому не полагается роптать на свою зависимость от «верхушки» — правительства:

Правительство верхушка,
А корень то народ;
Как на верхушку корень, он часто негодует,
Мнит вредным, что оно ко благу предписует.

Не ответом ли на эту дворянско-монархическую «мораль» басни Муравьева явилась басня Крылова «Листы и Корни», провозгласившая первенство не «верхушки», а «корней», народа?

Существенно отметить важное значение басни на страницах новиковских журналов, главным образом в «Живописце» и «Трутне», где помещались (без подписи) басни Аблесимова, Попова, а возможно, и других авторов. Сатирически-нравоописательный характер журналов Новикова оказался близким басне, и она входила в них на равных правах с сатирическими заметками и фельетонами.

В новиковском «Трутне» 1769 года появился целый ряд «былей» А. Аблесимова, представлявших нечто среднее между басней и сатирической картинкой нравов, фельетоном. В этих баснях-былях нет басенного аллегоризма. В них нет и моралистического вывода-нравоучения, — это бытовая «нравоописательная» сценка. В то же время сохраняется басенный разностопный стих, грубоватость «просторечия» (в дальнейшем эти черты легко обнаружить в баснях А. Е. Измайлова).

Наряду с господствующей идеологией дворянских кругов, с середины XVIII века уже возникают отдельные проявления и тенденции разночинно-демократического мировоззрения, иное, более резкое и демократическое отношение к действительности, чем в творчестве представителей дворянства. Деятельность таких писателей-разночинцев, как Чулков, Попов, Аблесимов и др., еще не имела сколько-нибудь принципиального и последовательного характера, ограничиваясь преимущественно вопросами бытового порядка, но сатирический характер их произведений отличен уже во многом от либерально-дворянской «самокритики». Трезвая, положительная мораль, едкая осмеяние самых различных проявлений дворянского общества и нравственного облика его представителей характеризуют произведения этих писателей. Однако ограниченность их политического мышления сказалась в той «приземленности», в тех наивно-натуралистических чертах стиля, которые столь существенны для их произведений. Разночинные тенденции сказались и в басенном жанре, в баснях Чулкова, Аблесимова, Попова, превративших басню в нравоописательный фельетон.

М. И. Попов, автор «народной» комической оперы «Анюта», издававший совместно с М. Чулковым собрание русских народных песен

(1770—1774), выступает в своих баснях с обличением дворянства, с злой сатирой на вельмож и чиновников. В басне «Два вора» он поднимается до резкого социального обобщения:

Что есть на свете воры,
О том не входят в споры,
Но только, что они покроем не одним:
Иные в золоте и титлами надуты,
Другие в серяках и с именем простым:
Одни политики, другие просто плуты...

Попов рассказывает «басенку» о том, как вор, ходивший пешком «в серяке» и «собиравший доходы» на проезжей дороге, и другой, знатный вор, который:

Чиновный был и тьмы имел он в сундуке
Червонцев и рублей,
Которые собирал с невинного народа... —

попались в руки правосудия. Однако судьи оправдали «большого» вора. Таким образом, для Попова несправедливость социальных порядков выступает в своей вопиющей форме. Характерно, что эта басня была помещена Поповым в «Трутне» Новикова (1769), а впоследствии послужила основой аналогичного эпизода в «Почте Духов» Крылова.

Для басен Аблесимова характерно презрительно-недоверчивое отношение разночинца-«плебей» к дворянскому обществу. Он с ядовитой иронией рассказывает о промотавшихся и проворовавшихся дворянчиках, о жадности, корыстолюбии и моральной неразборчивости представителей господствующих верхов. В то же время он с подлинным сочувствием относится к простому человеку.

В басне «Бережливость», помещенной в журнале «И то и се» и видимо принадлежащей М. Чулкову, говорится с одобрением о крестьянине, «трудом добывающем копейку»; в басне «Гудок и Скрыпка» («Полезное с приятным», 1769) автор (вероятно, И. Тейльс) рассказывает о преимуществах народного Гудка, развлекающего крестьянина, перед Скрыпкой, до которой «охочи» «бояры».

К числу баснописцев сумароковской школы следует отнести и В. Левшина, издавшего свои «нравоучительные басни» в 1787 году. В. Левшин, наряду с переводными аллегорическими баснями (в частности, из Геллерта), написал и ряд басен, в которых нашла свое отражение русская действительность. Подобно Сумарокову, Левшин брал сюжеты для басен из «низкой» действительности, передавая ее в гротескно-натуралистических красках (например, басня «Пьяница и Лекарь»).

Демократические тенденции басен Левшина, его обличение дворянства, купечества, чиновников включают их в общее русло сатиры

второй половины XVIII века. Он едко издевается над дворянином, прельстившимся богатством («Разные пути к богатству»), рассказывая целую историю о том, как этот дворянин «детей нажил», жил в новых хоромах, но все тужил о том, что «мало с деревень идет ему доходу». Решив разбогатеть, этот дворянин стал судьей и «взятки брал», однако начальник, узнав об этом, выгнал его со службы. Выручает этого разорившегося плута-дворянина его жена. Она стала торговать своей дочерью-невестой:

Невеста у нее тогда случилась дочь.
И в первую способну ночь
Пожертвовала ей Венерину кумиру
И начала оброк сбирати с миру,
По-русски дочкою за деньги торговать,
Товарец продавать...
И стала сваха
Торгова птаха.
Товарец с рук идет скорее ветчины,
И деньги завелись, и муж попал в чины.

Так бесчестный плут-дворянин дошел до знатности и богатства, цинически заявляя:

На что дворянска честь!
Мне денежки забава,
По-моему, без них плоха на свете слава.

Так постепенно басня из «притчи» переходит в сатирическую публицистику, в нравоописательный фельетон.

5

Новым этапом в развитии русской басни после Сумарокова явились басни Хемницера. Недаром Белинский высоко оценил их, отметив, что «Хемницер, Богданович, Капнист... принадлежат уже ко второму периоду русской литературы: их язык чище, и книжный риторический педантизм заметен у них менее, чем у писателей ломоносовской школы. Хемницер важнее остальных двух в истории русской литературы: он был первым баснописцем русским...»¹ Белинский отметил основное значение Хемницера как зачинателя нового этапа в русской басне, хотя роль его и не исчерпывалась лишь улучшением и очищением языка. Хемницер противопоставил гротескно-сатирической басне Сумарокова басню, отличающуюся естественностью и простотой стиля и своими демократическими тенденциями.

¹ В. Белинский. Собрание сочинений, т. III. М., 1948, стр. 192.

Басни Сумарокова и его последователей являлись «низким» жанром в системе дворянского классицизма. В самой их натуралистической грубости и просторечии сказывалось отношение к басне как к «плебейскому», демократическому жанру, в котором дозволялось то, что было непозволительным и невозможным в других жанрах. Самые картины народного быта, и прежде всего образы крестьян, в баснях представителей дворянской классической литературы чаще всего показаны как комически-забавные, грубоватые. Поэтому «демократизм» басен Сумарокова и его школы не имеет ничего общего с подлинным демократизмом, с выражением и защитой интересов народа.

В баснях Хемницера сказалось уже иное, новое мироощущение — третьесловных, разночинных слоев тогдашнего общества, представителей мелкого служилого дворянства и разночинной интеллигенции. Правда, и Хемницер не покушается на решительное, а тем более насильственное изменение социальных условий. Он также остается в пределах просветительской концепции морального самоусовершенствования, улучшения нравов путем сатиры и поучения. Эта политическая умеренность, примиряющая тенденции чувствуются во всем его творчестве. Но в то же время басни Хемницера выражают иное отношение к действительности. Он воспринимает ее не в плане дворянской самокритики общественного неурядства, не со снисходительным, пренебрежительным отношением к социальным «низам». Для него неприемлемо самое привилегированное положение дворянской знати, он смотрит на жизнь глазами простого человека, выдвигая свои моральные нормы и правила умеренности, добродетели, сложившиеся под воздействием буржуазных тенденций. Поэтому и самое восприятие действительности у него трезвее, демократичнее, а поэтическая система его басен лишена той комической гротескности, тех натуралистических черт, которые так характерны для басни сумароковской школы.

Гротескно-натуралистической манере сумароковской басни Хемницер противопоставил естественность и простоту, моралистическую поучительность. Примыкая отчасти к моралистической традиции, идущей от Хераскова, Хемницер в то же время сохраняет сатирический характер басни, являясь выразителем прогрессивной мысли конца XVIII века.

Это значение басен Хемницера отчетливо чувствовали уже современники. Так, по поводу первого издания его басен, вышедшего анонимно в 1779 году («Басни и сказки NN.»), в «С.-Петербургском Вестнике» была помещена заметка, высоко оценивающая басни Хемницера: «Хотя мы и имеем некоторые уже сего рода на нашем языке сочинения, но сколь иные из них, кроме Сумарокова, в сравнении с настоящими посредственны... сии, напротив того, кажется нам, изоби-

луют всем тем, что достоинство и приятность басен и сказок составляет». ¹

Через все творчество Хемницера проходит основное противопоставление богатства и бедности, хотя Хемницер и далек от радикальных взглядов, ограничиваясь лишь моральным осуждением социальной несправедливости. Его басни проникнуты антидворянскими настроениями, сатира направлена против сильных мира сего. Но вместе с тем протест Хемницера умерен, не выходит за пределы моралистического осуждения, выдвигая на первое место мораль честного труда и умеренности.

Хемницер создает и особый вид басни — басню-«сказку», назвав свой сборник 1779 года «Басни и сказки». Словом «сказка» Хемницер обозначает те свои басни, в которых изображены люди (а не аллегорические «звери») и которые приближаются к жанру нравоучительного стихотворного рассказа. Хемницер создал свой особый нравоучительно-сатирический тип бытового рассказа.

В этом сказалась прочная связь Хемницера с просветительством, чуждым легкомысленно-эротической традиции. Хемницер — ученик просветителей XVIII века. В его баснях и «сказках» на первом месте стоят проблемы морали, семьи, общественно-гражданского долга человека. Эти проблемы Хемницер, — в отличие от последователей традиционной басенной поэтики, — решал не в абстрактно-теоретическом плане, не в форме отвлеченной аллегории классицизма, а в конкретно-жизнейских бытовых картинах и сценах своих «сказок», открывая этим путь к реалистической крыловской басне.

Идеалы честности, нравственного долга, умеренности и благонамеренности, пропагандировавшиеся Хемницером, во многом восходят к этическому кодексу третьесословных идеологов. В этом отношении особенно характерна басня «Совет стариков», в которой на вопрос молодого человека, как «сделаться знатным», старик говорит о разных путях к высокому общественному положению и наиболее прямой путь видит в жизни того человека, который

... знанием глубоким,
Не родом знатным и высоким,
Себя на свете отличил:
В судах и при дворе велик и славен был.
А все то чрез труды и время получают.

Для Хемницера подлинная слава в знании и труде, противопоставляемым им тем общественным условиям, когда «знатный род» дает глупцу преимущества перед человеком знания и труда. Эту точку зре-

¹ «С.-Петербургский Вестник», 1780, сентябрь, стр. 223.

ния Хемницер высказывает неоднократно. Сатира Хемницера обращена против врагов просвещения, против богатых и знатных невежд и глупцов, которые преуспевают в жизни, тогда как честный, но бедный труженик остается в унижении и нищете. В басне «Богач и Бедняк» Хемницер пишет:

Сей свет таков, что кто богат,
Тот каждому и друг и брат,
Хоть не имей заслуг, ни чина,
 И будь скотина,
И кто бы ни был ты таков,
Хоть родом будь из конюхов,
Детина будешь как детина.
А бедный будь хоть из князей,
Хоть разум ангельский имей
И все достоинства достойнейших людей, —
Того почтения не дождется,
Какое богачу всегда уж воздается.

Басни Хемницера дают критику дворянско-бюрократического общества с позиций честного бедняка. Хемницер зло высмеивает бессовестное воровство вельмож в баснях «Слепой Лев» и «Побор Львиный», Лисица, Волк и всякий хищный зверь обманывают слепого Льва:

И кроме воровства и лжи не жди другого
От малого и до большого.

Он обличает корыстолюбивых чиновников, собирающих «львиный оброк» — масло, которое пристаёт к лапам сборщиков, пока доходит до Льва:

Где сборы,
Там и воры,
И дело это таково:
Чем больше сборщиков, тем больше воровство.

В басне «Паук и Мухи» Хемницер говорит о том положении, когда крупные воры и казнокрады, несмотря на все свои преступления, остаются безнаказанными, так как на их стороне сила. Попадают лишь мелкие жулики и воришки: маленькие мухи попадают в паутину, а крупные ее разрывают и остаются на свободе.

Всё это темы и образы, которые оживут затем в басенном творчестве Крылова. Но у Хемницера они не приобрели еще той типичности и вместе с тем жизненной правдивости, какой они наделены у Крылова.

Целый ряд его басен содержит смелую сатиру на современный порядок вещей, осмеивает несправедливость феодально-крепостнического

строю. В отличие от Сумарокова, Хемницер не прибегает к резким выпадам, но внутренне его демократизм и более последователен и более целен. Однако, чувствуя слабость и бессилие третьесословных элементов, Хемницер пришел к безотрадному выводу о тщетности протеста, невозможности изменить этот жестокий и несправедливый мир. В басне «Дурак и Тень», рассказывая о глупце, пытавшемся поймать свою тень, он заявляет:

Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняся за ним, его теряешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись своим желаньем
И будь доволен состояньем,
В котором ты живешь.

Такой же безотрадный, пессимистический вывод и в басне «Собака и Мухи»:

Лови, собака, то, что сыщешь под ногой,
Не то, что над твоей летает головой.

Мораль Хемницера — это мораль бедняка-одиночки, увидевшего свое бессилие, разуверившегося в возможности улучшить этот мир.

Хемницер отказался от сатирической гротескности «притч» Сумарокова; ему удалось преодолеть ту громоздкость и неуклюжесть языка, которая отличала басни поэтов XVIII века. Хемницер видел в басне не столько сатиру или бытовой жанр, сколько нравоучение. Но этот нравоучительный характер его басен уживался с реалистически-правдоподобным изображением действительности. «Естественность» басен Хемницера и в его реалистическом, практическом отношении к жизни и в простоте и конкретности его басенных образов.

Стих и язык басен Хемницера представляет большой шаг вперед по сравнению с Сумароковым, В. Майковым и другими баснописцами середины XVIII века. У него появляется та свобода интонаций и построения фразы, которой так не хватало Сумарокову. Он отказывается от гротескно-натуралистической манеры басенного образа, от злоупотребления бытовыми и натуралистическими деталями, столь характерными для Сумарокова и его школы. Однако этот «средний» стиль лишен у Хемницера живых языковых красок, той разговорной естественности и народной меткости, которая отличает басни Крылова. Это скорее книжный, чем разговорный язык. Не случайно поэтому Хемницеру предпочитает повествование от лица автора и описание разговорному диалогу.

Основным недостатком басен Хемницера является их схематизм. Моральное положение, лежащее в основе басни, полностью определяет

и развитие сюжета, и характер образов. В баснях Хемницера не чувствуется рассказчика, он избегает «болтливости», бытовых деталей, языкового «сказа». Поэтому самое действие басни, ее персонажи обычно не отнесены к какому-либо конкретному бытовому и социальному кругу, они вне времени и пространства. Однако в тех случаях, когда он пользуется бытовыми сатирическими чертами и красками, его басня приобретает реалистическую выразительность и языковую разговорность. Одним из таких шедевров является басня «Друзья», в которой передана и конкретность бытовой обстановки, и разговорность языка, и меткость народного юмора. В ней ощутимы уже «крыловские» краски, и неудивительно, что Крылов воспользовался ими в басне «Крестьянин в беде».

Конец XVIII века, 80—90-е годы, ознаменован новым подъемом басенного жанра. Появляются басни Хемницера, Богдановича, Княжнина, Дмитриева; выступает со своими первыми баснями молодой Крылов. Баснописцы к этому времени имеют уже большой и разнообразный опыт русской басенной традиции. Басня не укладывается в рамки каких-либо определенных жанровых правил. С одной стороны, происходят омертвление и распад уже сложившихся в эпоху классицизма жанровых принципов, с другой — под воздействием веяний сентиментализма басня приобретает новые, несвойственные ей ранее черты.

Из поэтов XVIII века, отдавших дань басне, следует выделить автора «Душеньки» И. Богдановича. Для него было характерно то дворянское идиллическое понимание народности, которое выразилось и в обращении к русскому фольклору, и в то же время в его сентиментальной эстетизации. В своих баснях Богданович, однако, еще близок к сумароковским «притчам». Его басня «Неумеренность» начинается с характерного для Сумарокова комически-нелепого зачина:

В Сибири-холодно, в Китае больше преют,
И люди то носить умеют...

И далее он рассказывает о мужике «пастушья ремесла», который «гонял на корм» скотину, и Осле, попавшем по своей глупости в трясины. Любопытно, что Богданович создает басню-пословицу, давая как бы иллюстрацию к русской пословице («Воля со мною твоя, а по правде усадьба моя»).

Ряд басен написал и автор «Вадима», Я. Княжнин. В таких баснях, как «Судья и Вор», «Рыбак», «Волосочесатель и Сочинитель», «Живописец в полону», он следует сумароковской традиции. Вслед за Су-

мароковым он прибегает к языковому комизму, достигаемому пагнетением смешных и нелепых подробностей:

По имени Андрей,
По прозвищу Тупей,¹
А ремеслом чесатель,
Ряхнулся на стихах и сделался писатель...

В начале 90-х годов в журнале «Чтения для вкуса, разума и чувствований» появляется статья «Замечания о баснях», в которой не только подводятся итоги и дается общая характеристика басенного жанра, но уже намечаются и новые пути его развития. Эта статья относится ко времени распада сумароковской традиции и зарождения сентиментализма, сказавшегося и в басенном жанре. Автор «Замечаний» отстаивает сатирический характер басни, отвергая иное ее применение. Спор идет скорее о художественных принципах, чем о существовании жанра. В этой статье, дающей обзор и характеристику различных направлений в басенном жанре, подчеркивалось, что басня под забавной формой скрывает общественную сатиру и своим «эзоповым языком» обязана самому происхождению этого жанра, родившегося в низших, подневольных кругах общества, не могущих прямо высказать свое мнение: «...Баснь родилась от некоторого сражения между свободой мыслить и опасением, чтоб не раздражать. Счастливые природные умы (благодаря полезным их эмблемам) избегают свирепости тиранства, усыпляют страсти вельмож, не подвергаясь их несправедливости; под забавным вымыслом укрывают огорчительные по себе наставления и восприимлют свое владычество, делая вид, будто его оставляют. Баснь, рассматриваемая под сим видом, есть покрывало, которое истина употребляет в пользу для приманки самолюбия и для доступа к тиранскому своенравию». Однако сентиментальная басня уже побеждала сатирическую. Через несколько лет А. Ф. Мерзляков необычайно удачно определит основные этапы развития докрыловской басни: «Мы очень богаты притчами, — Сумароков нашел их среди простого, низкого народа; Хемницер привел их в город, Дмитриев отворил им двери в просвещенное, образованное общество, отличающееся вкусом и языком». ² Правильно подчеркнув основную заслугу Сумарокова как баснописца, обратившегося к народу для создания своих «притч», Мерзляков указал и на дальнейшую эволюцию басенного жанра.

¹ Тупей — парик.

² Труды Общества любителей русской словесности при Московском университете, ч. 1. М., 1812, стр. 103.

На рубеже XVIII и XIX веков басня сделалась тем жанром, за который велась ожесточенная борьба разных литературных направлений. Консервативные дворянские круги, стремившиеся к сохранению неизменности крепостнических основ, сделавшие своим рупором «Беседу любителей русского слова» во главе с А. С. Шишковым, стали на защиту архаических традиций, тех устаревших принципов дворянского классицизма XVIII века, которые в начале XIX века выглядели уже безнадежно старомодными и косными. Участники «Беседы» особенно схотно пользовались басней, превратив ее в дидактическую безобидную аллегорю, вытравив ее сатирическую направленность.

С появлением басен Крылова басня занимает одно из центральных мест в поэзии начала XIX века. А. Измайлов писал в 1816 году И. Дмитриеву: «Кажется, у нас любят теперь читать басни! Никогда еще не раскупали здесь так хорошо ни одной книги, как раскупают ныне басни Крылова». ¹

Появляется множество новых баснописцев. Басни пишут поэты старшего поколения — Державин, Дмитриев. Отдают дань басне и такие поэты, как В. Жуковский, Д. Давыдов, Н. Гнедич, казалось бы, далеко отстоящие от басенного жанра. Можно назвать и ряд других представителей этого жанра, начинающих свою деятельность в качестве баснописцев в начале XIX века, — А. Измайлова, А. Бенитцкого, М. Суханова и др. Наряду с ними — великое множество баснописцев, чьи имена сразу же исчезали из литературы по появлении тощих книжечек с очередными басенными виршами.

Всю эту обильную басенную продукцию можно разделить на несколько основных групп. Это, прежде всего, басня сентиментального, карамзинского направления (Дмитриев, В. Л. Пушкин, Жуковский и др.), басни последователей и эпигонов басенной традиции XVIII века (Д. Хвостов, П. Карabanов, А. Бунина и др.), басни бытового, «натурального характера» — А. Измайлова и его последователей (вроде А. Зилова, К. Масальского и др.), басни с острой сатирической тенденцией (Д. Давыдов, А. Бенитцкий) и, наконец, басни Крылова и его последователей (М. Суханов и др.). Все эти течения, конечно, не разграничены сколько-нибудь устойчивыми барьерами, и зачастую в стихах второстепенных и третьестепенных баснописцев можно найти смешение самых различных тенденций.

Критика этих лет в первую очередь отмечала национальное богатство и своеобразие русских баснописцев, расцвет басенного жанра,

¹ «Русский Архив», 1871, столб. 0300.

дающий возможность русской поэзии не только не уступать западно-европейской, но и превзойти ее. «Русская поэзия весьма богата сочинениями басен или притчей: Хемницер, Дмитриев, Крылов и многие другие смело могут стать на ряду с лучшими баснописцами других земель», — писал критик «Сына Отечества». ¹

Теоретическое определение басенного жанра и его поэтических принципов отнюдь не сводилось к какой-либо одной формуле. Здесь сказалась та же борьба за литературные принципы, которая характеризовала в эти годы развитие всей литературы в целом. С одной стороны, мы имеем школьные руководства и реторики, определявшие басню еще исходя из тех эстетических принципов, которые сложились в классической поэтике XVIII века. В то же время выдвигается новая, сентименталистская поэтика басни (Жуковским, Измайловым, Остолоповым и др.). Наконец, появление басен Крылова, их своеобразие и самобытный характер давали возможность обоснования басни как национального, народного жанра, выражающего особенности русской литературы.

Чем являлась басня как жанр в глазах современников? Ответ на это дают многочисленные определения и характеристики басенного жанра в учебных руководствах и реториках начала XIX века. Обращаясь к ним, особенно наглядно можно представить себе и то новое, что внес Крылов в этот, казалось бы, уже сложившийся и традиционный жанр. Реторики конца XVIII — начала XIX веков определяли басню прежде всего как аллегорию, как жанр дидактический и нравоучительный: «Баснь есть краткая повесть, выдуманная в похвалу или хулу какого-нибудь поступка и предложенная в аллегории». Так определялась басня в популярном руководстве Подшивалова «Основания российской словесности», издававшемся несколько раз начиная с конца XVIII века. ²

В «Науке стихотворства» члена Российской академии И. Рижского басня характеризовалась следующим образом: «Баснь есть стихотворческое повествование о каком-нибудь вымышленном действии, приписуемом также вымышленному лицу, но чаще бессловесным животным и даже неодушевленным вещам, которые, изображая собою какой-нибудь наш порок, слабость или предрассудок, тем самым служат к нашему наставлению, кое, впрочем, предлагается явственно в пристойном месте басни». ³

¹ «Сын Отечества», 1817, т. 38, стр. 167.

² Основания российской словесности. СПб., 1807, стр. 147.

³ И. Р и ж с к и й. Наука стихотворства. СПб., 1811, стр. 107.

Таким образом, басня определялась как жанр моралистический, назидательный, отнюдь не предвещающий реалистического изображения или сатиры. В популярном руководстве Я. Толмачева говорится о басне как роде «иносказательном» и «нравственном»: «Способ повествования в баснях есть иносказательный. Истина или вообще нравственность бывает предметом оного. Посему должно стараться, чтобы завеса, скрывающая истину, была тонка, и можно было видеть о чем идет дело. Цель повествования есть нравоучение, которое или показывается ясными словами или умалчивается, если повесть бывает довольно ясна и истинную цель удобно видеть можно».¹

Школьная риторика начала XIX века и многочисленные статьи о баснях в журналах, по существу, не пошли далее утверждения общих принципов, сводившихся к признанию моралистической роли басни и ее иносказательной формы как средства преподносить истину и поучение в «приятном виде».

Одним из наиболее плодovitых и вместе с тем твердолобых представителей архаистически-консервативных позиций был Д. И. Хвостов, пользовавшийся репутацией бездарного графомана. Д. Хвостов, печатавший свои басни еще в 90-х годах XVIII века, издал в 1802 году сборник «Избранных притч» в четырех книгах, ставших предметом глумления со стороны карамзинистов. Большая часть басен Хвостова — переводы: из Эзопа, Федра, Лафонтена, Флориана и других баснописцев, главным образом французских. Хвостов не только литературный «архаист», но и выразитель консервативно-феодалных взглядов, неприемлемых для либерально настроенной дворянской интеллигенции. В своих баснях он проповедует неизбежность социальных отношений, патриархальное «попечение» дворянина-помещика над народом, смирение и подчинение обычаям и сложившимся порядкам. Даже известную лафонтеновскую басню о лягушках, просящих царя, Хвостов перерабатывает таким образом, что она заостряется против якобинцев, недовольных своим положением:

Лягушки не хотят как якобинцы жить:
Все верой, правдою хотят царям служить,
Толкуют, что негодно
Правление народно...

Однако и Хвостов не прочь усостить помещиков и предупредить их о мере ограбления народа, которая должна быть соблюдена во имя их же интересов. В басне «Курица слепая и зрячая» он сравнивает слепую курицу, разрывающую ревностно землю лапами, и зрячую

¹ Я. Толмачев. Русская поэзия. М., 1805, стр. 107.

куруцу, поедающую у нее из-под носа все, что она достает, — с крестьянином и грабящим его помещиком. В заключении басни он советует:

Когда случилось так, старайтесь, богачи,
Своих кормильцев вы смягчить судьбины,
Давайте им сухарь, едите калачи.
На что заgrabить все, где полно половины?

При всей цинической наивности этого совета есть самим калачи, а народу предоставить сухари (которые тоже от него отнимаются), Хвостов очень конкретно передал эту реакционную «мудрость» помещичьего класса, свое классовое понимание социальных отношений. Но и помимо этой реакционной прямолинейности, в начале XIX века, в обстановке изящной и легкой поэтической манеры сентименталистов, басни Хвостова казались особенно нелепыми и смешными. Этим объясняется обилие пародий на них, ставших гораздо известнее самих басен Хвостова.

Из представителей «классической» школы, группировавшихся вокруг реакционного центра «Беседы», писали басни: А. Шишков, Г. Державин, А. Бунина, П. Карabanов. Поэтесса «Беседы» Анна Бунина включила несколько басен в свою «Неопытную музу» (СПб., 1809), вышедшую в один год с крыловскими баснями. Ее басни очень рассудительны, но лишены жизненных красок, повторяя традиционные сатирические мотивы («Добрый человек и золото», «Чугунные и глиняные горшки» и др.) — о добродетели спокойного и мирного жития и тщете честолюбия.

Значительно интереснее басни Державина.¹ В них Державин во многом близок к Хемницеру, которого он особенно высоко ценил. В ряде своих басен Державин выступает с личными и конкретными намеками и выпадами, связанными с его служебной карьерой. Эта тесная связь державинских басен с реальной жизнью придает им бытовую конкретность. По сравнению с баснями своих предшественников, Державин ближе к жизни, но все же его образам не хватает типичности, его басни нередко впадают в «бытовизм».

В баснях «Выбор министра» и «Цвет и Паук» Державин, видимо, имел в виду ненавистного ему «семинариста» Сперанского. В этих баснях, относящихся к 1809—1810 годам, т. е. ко времени наибольшего влияния Сперанского на государственные дела, Державин дает

¹ Первые басни Державина, по свидетельству Я. Грота, написаны еще в 70-х годах XVIII века. Державин в последние годы жизни собрал свои басни в особую тетрадь (1810—1811), всего 22 басни. См. Г. Державин. Сочинения, т. III. СПб., 1870, стр. 425, 426.

на него злую карикатуру, изображая Сперанского пауком, притаившимся в тиши и двигающим всю государственную машину:

Вот, например, паук:
Хитр, молчалив, тих, скромн,
От всех уединен, тончайши сети вьет;
Но горд он, кажется, завистлив, к мести сроден...

Повторениями традиции XVIII века являются и басни П. Карабанова,¹ печатавшиеся еще в 90-х годах XVIII века, Анны Буниной и других участников «Беседы», далеких от понимания новых задач, стоявших перед литературой, проповедывавших консервативную мораль.

7

Борьба между «арханстами»-реакционерами и представителями сентиментализма была в значительной мере борьбой разных групп дворянства, борьбой внутри его течений консервативно-охранительного и либерального, сказавшегося в стремлении к сглаживанию социальных конфликтов. Участники «Беседы», во главе с Шишковым, стремились к сохранению патриархально-крепостнических начал. Они отстаивали неизбежность не только политических и социальных условий, но и неизбежность форм и стилей дворянской литературы, идущих от поэтики XVIII века.

Сентименталисты представляли другие, более либерально настроенные круги дворянской интеллигенции, считавшиеся с необходимостью пересмотреть уже отжившие и устаревшие формы феодально-крепостнической идеологии, стремившиеся их смягчить и модернизировать, набросить гуманистический покров на обострившиеся противоречия действительности. Культ «чувствительности» у сентименталистов, идеализация действительности являлись средством утверждения примирительных тенденций, ослабления социальных противоречий и конфликтов. Грубой прямолинейности арханстов, идеологов охранительно-реакционных кругов, сентименталисты противопоставили идеализацию крепостнической действительности, а отнюдь не борьбу с нею.

Воздействие сентиментализма сказалось на всей литературе конца XVIII — начала XIX века и, в том числе, на басне, превратившейся под пером поэтов сентиментального направления в изящный салонный жанр, в альбомную «мелочь», в чувствительную элегию.

В баснях Хераскова уже имелись элементы сентиментальной морализации, отказа от сатирического реализма, свойственного русской

¹ П. Карбанов. Стихотворения. СПб., 1801.

басне XVIII века. Эти тенденции получили свое дальнейшее развитие у поэтов карамзинского направления — И. И. Дмитриева, В. Л. Пушкина и др.

Сентиментализм противопоставил рационалистической отвлеченности классицизма поэтику чувства. Общему и абстрактному противостояло личное переживание, переходящее в «чувствительность», поскольку критерием действительности становилась не реальная жизнь, а ее субъективное, эстетизированное восприятие. Поэтика сентиментализма заставила решительно пересмотреть принципы сумароковской басни, сложившиеся на основе понимания басни как «низкого» жанра. Точно так же подверглась переоценке и философско-аллегорическая басня, отвергнутая за бедность вымысла и сухость изложения. Утверждалась, в согласии со всей поэтикой сентиментализма, «легкость» языка, индивидуальная рисовка персонажей, эмоциональная лиричность, особенно наглядно сказавшиеся в баснях И. И. Дмитриева, В. Жуковского, В. Л. Пушкина и их последователей.

Басне-аллегории и басне-сатире сентиментализм противопоставил басню как рассказ, как «наивную» житейскую сценку, изящную жанровую картинку. В поэзии сентиментализма трактовка басни как низкого, грубого жанра исчезает, и басня включается в число изящных, салонных жанров «легкой», дворянской поэзии.

Басня как нравоучение, как жанр, передающий отвлеченные «общечеловеческие» моральные максимы, — такова басня в теориях позднего классицизма. Сентименталисты решительно осуждали схоластическую отвлеченность басенной поэтики и боролись за сближение басни со всей лирической поэзией тех лет. Так, в рецензии на басни Н. Неведомского в «С.-Петербургском Вестнике» за 1812 год критик (подписавшийся буквою «И», — видимо, А. Е. Измайлов) выступает против Сумарокова и поддерживающих его принципы «беседчиков»: «Кажется, никто из сих наших писателей не имел понятия о том, какой слог и украшения приличны басне: нет у них той любезной простоты и откровенности, которые составляют главнейшее достоинство поэта-баснописца; нет тех натуральных красок и разительных черт, которые живо представляют воображению описываемый предмет; нет тех счастливых стихов, которые врезаются сами собой в память читателей и становятся пословицами; словом, нет почти ничего, кроме обыкновенных рифм, пустословия, плоских шуток, варварского языка, низких и часто неблагопристойных выражений».¹

Это требование живописности, расцвеченности басенного слога и «простодушия» рассказчика опиралось на басни И. И. Дмитриева. По-

¹ «Санкт-Петербургский Вестник», 1812, т. III, стр. 73—75.

нимание басни как жанра, первой отличительной чертой которого являлось бы искусство рассказа, неоднократно выдвигается в критике начала XIX века. При этом басни И. Дмитриева противопоставляются крыловским басням за «изящество» и «легкость» рассказа. Так, в статье в журнале «Цветник» 1810 года о баснях Дмитриева писалось: «Главное дарование баснописца уметь хорошо рассказывать, а сей талант имеет в превосходной степени г. Дмитриев... Глубокое и основательное знание языка соединяет он с простодушием и с любезною острою, которая у него как будто сама собою, без всяких приготовлений, откровенно выливается».¹ Такую же оценку басням Дмитриева дает и рецензент «Московского Меркурия»: «Разноцветная живопись, верное подражание натуре, гармония стихов, обилие в мыслях, строгий вкус, легкие приятности и благородная простота — составляют главные достоинства поэзии г. Дмитриева».²

Настаивая на требовании «простодушия», представители сентиментального направления в басне, в противовес образу рассказчика — скомороха, гаера, народного балагура, каким являлся образ рассказчика у Сумарокова, — выдвигали иной, новый облик рассказчика — «фабулиста», остролова, изящного собеседника и чувствительного поэта в одно и то же время. В сентиментальной поэтике басня отрывалась от ее фольклорной, народной основы, становилась постепенно изысканно-литературным жанром. Вместе с тем она лишалась и своего сатирического наполнения, своего демократического содержания.

Развитием поэтики сентиментализма в теории басенного жанра явилась статья В. Жуковского «О басне и баснях Крылова», написанная по случаю выхода первой книги крыловских басен в 1809 году.³ Свою статью Жуковский начинает с определения самого характера басни, определяя ее как «мораль в действии», как отвлеченную истину, переданную в образной форме: «Что в наше время называется баснею? Стихотворный рассказ происшествия, в котором действующими лицами обыкновенно бывают или животные, или твари неодушевленные. Цель сего рассказа — впечатление в уме какой-нибудь нравственной истины, заимствуемой из общежития и, следовательно, более или менее полезной. Отвлеченная истина, предлагаемая простым и вообще для редких приятным языком философа-моралиста, действуя на одни способности умственные, оставляет в душе человеческой один только

¹ «Цветник», 1810, т. VIII, стр. 117—118. Сочинения И. И. Дмитриева.

² «Московский Меркурий», 1809, т. III, стр. 57. Сочинения и переводы И. Дмитриева.

³ Первоначально была напечатана в «Вестнике Европы», 1809, ч. 45, № 9.

легкий и слишком скоро исчезающий след. Та же самая истина, представленная в действии и, следовательно, пробуждающая в нас и чувство и воображение, принимает в глазах наших образ вещественный, впечатлевается в рассудке сильнее и должна сохраниться в нем долее. Какое сравнение между сухим понятием, облеченным в простую одежду слов, и тем же понятием, одушевленным, украшенным приятностью вымысла, имеющим отличительную, заметную для воображения нашего форму? Таков главный предмет баснописца». ¹

Жуковский считает основным свойством басни «простодушие», «беззаботность» рассказчика-фабулиста: «Сие простодушие... уверяет нас, что все имеют одинакое с нами чувство и все способны принимать одинакое с нами участие в тех предметах, которые для нас одни привлекательны».

Далее Жуковский перечисляет эти поэтические «предметы», выступающие здесь как отличительные аксессуары сентиментального стиля: «Мы трогаемся судьбою увядающего цветка, разделяем заботливость ласточки, свивавшей для своих малюток свое гнездо...» и т. д. Жуковский переносит центр тяжести в басни с аллегории, с вымышленного действия на самый рассказ, на характер ощущения и восприятия поэтом мира.

Таким образом, в противоположность грубости и гротескности сумароковской басни, ее натуралистическому бурлеску, поэтика сентиментализма выдвигала требование «естественности» и «приятности».

В рассуждении А. Измайлова «О рассказе басни» специальные главы посвящены именно этим требованиям. Так, Измайлов отмечает, что «естественность» состоит «в выборе простых и приличных выражений». Особенно характерным для поэтики сентиментализма с ее эмоциональной поэтизацией действительности являлось требование «приятного», которое «состоит в том, когда сочинитель сколь возможно живее и лучше изображает те предметы, которые и в самой природе всегда нам нравятся». ²

В обстановке этих споров о басне значительный интерес представляет статья П. Вяземского, написавшего в 1823 году предисловие к книге стихотворений И. И. Дмитриева. В этой статье П. Вяземский дал общую характеристику русской басне и ставил ряд принципиальных вопросов о самом жанре. Хотя по основным своим симпа-

¹ В. Жуковский. Сочинения, 1847, т. V, стр. 82.

² «О рассказе басни». — В кн. А. Измайлова «Басни и сказки». СПб., 1826, стр. 57 и сл. Измайлов во многом близок к взглядам Жуковского в своих теоретических определениях басенного жанра и стиля.

тиям и взглядам П. Вяземский остается на карамзинских позициях и отдает предпочтение среди всех русских баснописцев И. И. Дмитриеву, он в то же время поставил вопрос о басне как о выражении русского национального характера, как о жанре, связанном с народной почвой. Возражая против мнения о том, что басни, якобы, в русской литературе представлены столь обильно, потому что они «легче другого пишутся», Вяземский видел причины популярности басни в том, что «басня, имея всегда общенародную занимательность, естественнее влечет к подражанию». «Заметим, что, при насмешливости ума русского, законы нашего общежития, подкрепленные, а может быть и порожденные законами государственными... обязывают его (т. е. баснописца) прибегать к уловкам лукавства, когда он хочет предаваться господствующей своей склонности. И после того легко согласиться, что басни должны были укорениться у нас и часто утаивать под своим покровом обнаружение истины или слишком смелой, или слишком язвительной. Обращая внимание на русские пословицы, сей отголосок ума народов, найдем еще новые доводы сродства нашего с баснями: сколько из них живописных и драматических, в коих герои Эзопа играют важные роли, и сколько из них могут служить основой басен». ¹

Таким образом, Вяземский указал на национальный и народный характер русской басни, отметив в то же время ее сатирический характер, ее оппозиционную роль в условиях крепостнического государства. Но выводы, которые он при этом сделал, далеко не во всем верны. Баснописцем, выявившим вершинные достижения русской басни, Вяземский ошибочно считал не Крылова, а Дмитриева.

В этом, как и во всей своей оценке русской басенной традиции, П. Вяземский в особенности проявляет свою групповую, «карамзинистскую» точку зрения. Именно с этих позиций оценивает он развитие русской басни в XVIII веке, с особым негодованием обрушиваясь на Сумарокова. Для него, сторонника эстетизированно-романтической поэтики, салонного изящества и остроумия, басни Сумарокова неприемлемы своей грубостью. По поводу этих басен он замечает, что «говорить не в шутку о карикатурных притчах Сумарокова смешно и безрассудно: обыкновенно простота его есть плоскость, игривость — шутовство, свобода — пустословие; живопись местами яркая, но по большей части грубое малярство».

Наиболее видным представителем нового сентиментального направления басни был И. И. Дмитриев. Первая книга его басен вышла еще

¹ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. 1. СПб., 1878, стр. 136—137.

в 1794 году,¹ но подлинная литературная известность (как баснописца и поэта) Дмитриева — это начало 1800-х годов. Басни Дмитриева наиболее полно и совершенно осуществляли принципы поэтики дворянского сентиментализма. В них выразились то тонкое поэтическое изящество, та легкость языка, которые так характерны для школы Карамзина.

Горячий поклонник Дмитриева, П. Вяземский писал: «Кажется неоспоримо, что он первый начал у нас писать басни с правильностью, красотой и поэзией в слоге».²

Басня Дмитриева знаменовала, однако, уход от больших социальных тем, от сатиры, от злободневности, сообразно со всей философией сентиментализма отгораживаясь от всего значительного и социально резкого. Ее сатира замыкается в кругу общечеловеческих моральных тем, но и моралистический момент в ней ослаблен. Оттого так часто она граничит с идиллией и элегией. Быт в нее входит лишь в поэтизированном виде, вся стилистическая система ее направлена на смягчение, идеализацию. Такова, например, одна из характернейших для Дмитриева басен «Чижик и Зяблица», в которой проповедуется тихий и мирный уют, философия смирения и осторожности. Чижик, свивший гнездо, слишком легкомысленно стал предаваться радости и воспевать свое благополучие:

Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет:
«Ах! скоро ль Солнышко взойдет
И с домиком меня застанет?
Ах, скоро ли оно проглянет.
Но вот уж и взошло! Как тихо и красно!
Какая в воздухе, в дыханьи, в жизни сладость...
Ах! я такого дня не видывал давно».

Но прошедшая внезапно гроза сносит гнездышко Чижика и научает его скромности и терпению. Такова мораль басни. Поэтика сентиментализма требовала интимности, обращения к маленьким, «домашним» чувствам, противоположным холодной отвлеченности поэзии классицизма. Вяземский писал об этой басне, что «по красоте в слог и живости в поэзии» ее можно было бы назвать «совершеннейшей», «если бы нравственное ее содержание было занимательнее, а предмет глубокомысленнее...»³

¹ Басни и сказки NN. M., 1794.

² Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева. И. И. Дмитриев. Сочинения. СПб., 1823, стр. XXIX.

³ Там же.

У Дмитриева басня все время переходит в идиллию, в пастораль. Так, например, окончание басни «Два Голубя» дано как элегия:

Я сам любил; тогда за луч уединенный,
Присутствием моей подруги озаренный,
Я не хотел бы взять ни мраморных палат,
Ни царства в небесах!.. Придете ль вы назад,
Минуты радости, минуты восхищений?..

В баснях Дмитриева сделан дальнейший шаг к «драматизации» басни, превращению ее в сценку, к разработке характеров персонажей, действующих в басне. Об этом писал Вяземский в своей характеристике басен И. Дмитриева: «В нашем поэте проскакивают несомнительные признаки комического дарования... прибавим, что разговорный язык поэта нашего, встречающийся в баснях и сказках его, удостоверяет нас, что он, верный в изображении лиц, умел бы сохранить ту верность и в языке, коим он заставил бы говорить на сцене».

Многие басни Дмитриева и являлись примером изящного светского разговора, непринужденной болтовни, открывавшей дорогу той струе литературно-разговорной речи, примеры которой даны и в его шуточных «сказках».

Сентиментальное направление в русской басне далеко не исчерпывалось баснями И. Дмитриева. Ю. Нелединский-Мелецкий, В. Л. Пушкин и другие дворянские поэты начала века продолжили и укрепили его традиции. Особенно близок к Дмитриеву В. Л. Пушкин, также обратившийся к басне как к «легкому», разговорному жанру.¹

В. Л. Пушкин выступил еще в 1798 году в «Аонидах» как представитель карамзинского направления, как писатель, отрицательно относившийся к традициям классицизма. Он сторонник «домашней», интимно-сентиментальной лирики, близкий к Дмитриеву и поэтам карамзинского круга. Поэтика сентиментализма, интимно-эмоциональная интонация, изящный словарь определили камерность басен Пушкина.

Характерна для поэтики сентиментализма басня В. Пушкина «Голубка и Бабочка», превратившаяся в чувствительную любовную элегию. От басни сохраняется здесь лишь аллегорическое уподобление голубя и бабочки «милой Элизе» и ее «доброму супругу». Вся стили-

¹ В «Русском Музеуме» (1815) помещена была статья В. Л. Пушкина «Мысли и характеры»; в ней автор признавался: «Я читаю басни Крылова с большим удовольствием, а желаю подражать Дмитриеву».

стическая манера подчинена этой сентиментальной аналогии, подчеркивает ее изящную салонную «чувствительность». Таким стилем, таким салонно-чувствительным языком написано множество басен, печатавшихся в журналах в начале XIX века и создавших устойчивую традицию сентиментальной басни.

Среди писателей дворянского сентиментализма особое место занимают басни Жуковского, написанные им в 1806—1807 годах, которые являются, наряду с баснями Дмитриева и В. Л. Пушкина, наиболее последовательным выражением сентиментализма в басенном жанре. Жуковский также подчеркивает «чувствительность», эмоциональный характер басни:

Один неопытный мышонок
У старого кота под лапою пищал,
И так его в слезах на жалость преклонял:
«Помилуй, дедушка! Ведь я еще ребенок,
Как можно крошечке такой, как я,
Твоим домашним быть в отягощенье».¹

Жуковский, однако, сохраняет басенную иронию и юмор. Его басни своей языковой свободой, разговорной естественностью диалога уже тяготеют к Крылову.

Дмитриев, Жуковский, В. Л. Пушкин придали басенному жанру ту разговорную легкость, естественность, изящество, которых не хватало баснописцам XVIII века. Басня перешла из «низкого» рода в разряд жанров, близких к лирическим, из «просторечия» возвысилась до поэзии. Пронграв в своей сатирической остроте, в яркости народной речи, она приобрела литературную и разговорную свободу и гибкость.

К началу 10-х годов басня карамзинского сентиментального направления уже вырождается, оттесняется мощным наплывом реалистических тенденций, вызванных баснями Крылова. Она еще существует первые полтора-два десятилетия XIX века наряду с баснями Крылова, но уже не играет значительной роли в литературе. Уже Белинский указал на неоригинальность салонных басен Дмитриева, на отклонение их от коренных традиций русской литературы: «Басни Дмитриева, — писал Белинский, — искусственные цветы в нашей литературе. Эти растения явно пересажены с родной почвы на чужую и взрощены в теплице. В них блистает салонный ум XVIII века...»²

Продолжателем Дмитриева выступал и Вяземский, поместивший в журналах 1810-х годов ряд басен. Колкие басни Вяземского во мно-

¹ «Старый кот и молодой мышонок».

² В. Б е л и н с к и й. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 262.

гом напоминают эпиграмму («Доведь», «Убогий и Камень», «Круговая порука»). Вяземский ограничивается иронической насмешкой над моральным несовершенством людей, над их тщеславием, недальновидностью. В то же время он сохраняет жанр изящного альбомного стихотворения, не заботясь о сатирической обобщенности басни, отказываясь от ее социальной значимости.

Примером измельчания басенного жанра, превращения его в типичный для поэтики сентиментализма жанр альбомных «мелочей» могут служить и «Апологические эпиграммы» Н. Остолопова, который сам в примечании к ним отмечает: «Мне кажется, что подобные четверостишия совестно называть баснями, ибо, по краткости своей, не могут они заключать в себе не только занимательного действия, даже удовлетворительного рассказа о действии, непременно требуемых правильной баснею».¹

Наряду с басней сентиментального толка, превратившейся в изящный салонный жанр, существовала и сатирическая басня. Такой политической сатирой, направленной против самодержавия, являлись басни Д. Давыдова: «Орлица, Турухтан и Тетерев», «Голова и Ноги» и «Река и Зеркало», написанные им в 1802—1803 годах. Первая являлась своего рода программным стихотворением дворянской фронды начала восьмисотых годов и направлена была против Павла I и Александра I, выражая обманутые надежды дворянских кругов на возвращение «золотого века» (для дворянства) Екатерины II — «Орлицы». Во второй рассказывается о споре ног с головой, угрожающих ей тем, что им может надоесть деспотическое «управление» головы. Эти басни пользовались широкой известностью и распространялись в рукописных списках.²

Политическую направленность придал своим басням и один из интереснейших баснописцев восьмисотых годов — А. Бенитцкий. Он выступал как острый и смелый сатирик, в частности дав в басне «Голубь-историк» злой памфлет на нравы дворянского общества. В баснях Бенитцкого явственна та сатирическая и демократическая тенденция, которая выделяет их на общем фоне сентиментальной басни тех лет.

Басни Дениса Давыдова и Бенитцкого свидетельствуют о том, что и в начале XIX века басня нередко становится средством политической полемики, касается острых общественных вопросов. Это тем важнее подчеркнуть, что на этом фоне становится отчетливее и злободневная направленность басен Крылова.

¹ «Благонамеренный», 1824, кн. III, стр. 211—212.

² Впервые напечатаны в «Русской Старине», 1872, т. V, стр. 625.

Среди баснописцев начала XIX века следует назвать харьковского поэта А. Нахимова, автора сатирической «Песни о луже» и ряда стихотворных сатир. Нахимов — продолжатель традиций XVIII века, сатирик, в стихах которого сатирический элемент сочетается с реалистической бытописью. В своих сатирах и баснях он чаще всего нападает на чиновничье-бюрократический мирок, на «подъячих», высмеянных еще Сумароковым. Для него характерна бытовая «документальность» сатиры, подчеркнутость канцелярского приказного языка, пародируемого им. В его баснях слышится плебейская горечь, жалоба на несправедливость социальных отношений, обрекающих труженика на унижение и нищету.

Антиподом Крылова был популярный в начале XIX века баснописец А. Е. Измайлов. Свои басни он печатал в журналах с 1805 года, но первая книжка его вышла в 1814 году, т. е. через пять лет после выхода первой книжки басен Крылова.

Измайлов хотя и испытал несомненное воздействие крыловской басни, но шел своим особым, самостоятельным путем. Его басня — это бытовая сатира, фельетон, отличающийся фактической конкретностью и злободневностью. Басни Измайлова натуралистичны, перегружены бытовыми подробностями, изображением «низкого» быта и людей, стоящих на самых последних ступенях общественной лестницы. Однако Измайлов далек от подлинной народности. Его «натурализм» имеет мещанский характер, лишенный политической осознанности, ограниченный эмпирической фиксацией «низкой природы». Измайлов не пытается типизировать и обобщать; наоборот, он стремится к максимальной конкретности, портретности своих басенных персонажей, избирая представителей самых разнообразных профессий, подчеркивая в них эти профессиональные и сословные черты. Весьма характерно также для басен Измайлова, что он редко избирает в качестве действующих лиц своих басен животных, предпочитая изображать в них людей, преимущественно представителей городских низов.

Следует отметить, что Измайлов как баснописец весьма далек от своих теоретических высказываний о басне. В теории он сторонник поэтики сентиментализма. В баснях же Измайлов — бытоописатель; басня превратилась у него из условно-аллегорического жанра в своеобразную бытовую сценку.

А. Измайлов в своем обращении к бытовым деталям, в натуралистической откровенности и грубоватости красок, в просторечьи языка во многом идет, казалось бы, «дальше» Крылова. Крылов никогда не прибегал к той натуралистической «живописности», к тому сгущению

подробностей, которыми пользуется Измайлов, словно смакуя низменный и тусклый быт мелкого чиновничества и мещанства. В басне «Пьяница и Судьба» Измайлов так описывает своего героя:

В ночь темную, зимой,
Подъячий пьяный шел через реку домой;
С прямой дороги сбился.
И где ж? У полыньи канала очутился,
Споткнулся и на край на самый повалился;
Заснул и думает, что он на съезжей спит;
На чистом воздухе как богатырь храпит.

«Каналья»-подъячий, храпящий на краю полыньи или на съезжей, — все это детали, краски, слова из сферы мещанского и чиновничьего мирка. Вот этой «локальности», ограниченности рамками специфической бытовой среды, этого натурализма стиля нет у Крылова.

У А. Е. Измайлова басня лишилась своего обобщающего сатирического значения, своей аллегоричности. Это — комические сцены и факты, это очерки нравов, бытовые смешные эпизоды. Измайлова интересуют мелкие, житейские дела и дрязги лавочников, чиновников, приказных. Он сам принимает близкое участие в них, прекрасно понимает и знает эти делишки, жадность, чванство, хитрость и лицемерие мелкого мещанского и приказного люда. Измайлов и не старается морализовать, а просто изображает эти житейские нравы, не становясь в позу учителя жизни. Наоборот, он скорее готов оправдать их, примириться с этими привычными пороками, считая их простительными человеческими «слабостями».

На примере творчества Измайлова особенно наглядно видна принципиальная разница между глубоким, обобщающим реализмом крыловской басни и натуралистическим изображением, «жанровой живописью». Вяземский называл Измайлова «подгулявшим Крыловым». Басни Измайлова — это не только измелъчание крыловского сатирического реализма, но и результат непонимания морального значения басни. Басня Измайлова плоскостна. Она имеет мещанский характер, в отличие от подлинно народного демократизма Крылова, от его идейной широты, от глубокого проникновения в жизнь.

Белинский, оценивая басни А. Измайлова выше басен карамзинистов, В. Л. Пушкина и В. Измайлова, писал: «Но выше их обоих Александр Измайлов, который заслуживает особенное внимание по своей оригинальности: тогда как первые подражали Хемницеру и Дмитриеву, он создал себе особый род басен, герои которых: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофенч, сивуха, пиво,

паюсная икра, лук, соленая севрюжина; место действия — изба, кабак и харчевня. Хотя многие из его басен возмущают эстетическое чувство своею тривияльностью, зато некоторые отличаются истинным талантом и пленяют какую-то мужиковатую оригинальностью».¹

Басни А. Измайлова не только имели широкий успех у читателей, отмеченный и целым рядом их переизданий, но и вызвали многочисленных последователей. Для «массовой» басни 20—30-х годов Измайлов — весьма влиятельная и существенная фигура. Его бытовые сценки, злободневность сатиры, мещанская доступность его житейской морали оказались по плечу многим мелким писателям того времени.

9

Своего наивысшего расцвета русская басня достигла в творчестве Крылова. По словам В. Белинского, «он создал национальную русскую басню и тем первый внес в литературу русскую элемент народности».²

Басни Крылова знаменовали уже начало русского художественного реализма. В отличие от натуралистической и дидактической басни XVIII века и салонной условности басен сентименталистов, Крылов создал новую басню, обладавшую жизненностью реалистических красок, народностью своего мироощущения.

Расцвет басенного творчества Крылова, знаменовавший начало перехода к реализму и народности русской литературы, связан с подъемом национального самосознания в годы, предшествовавшие Отечественной войне, и в самую войну 1812 года. Общепатриотический подъем послужил мощным толчком для развития национальной культуры, одним из проявлений которой и явились крыловские басни.

Для современников Крылов стал выразителем народного характера, национальной самобытности русской литературы. Так, один из современных ему критиков писал: «Ни один народ не имеет баснописца, который бы превyšшал сего писателя в новости рассказа и изобретения... Он с отменным искусством употребляет краски местные, и кисть его, прямо русская, показывает, как в зеркале, необыкновенное подобие народа, которое заемлет столько же от простоты праотеческого

¹ В. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 263.

² В. Белинский. Собрание сочинений, т. III. М., 1948, стр. 211.

образа своей жизни, сколько тонкости ума от положения своего в обществе человеческого».¹

Крылов был писателем демократических слоев, от имени народа он выступал в своих баснях. Его притчи являлись, по словам Гоголя, «книгой мудрости самого народа». Это народное начало определяло весь характер творчества Крылова, весь образный мир его басен. В них впервые в русской литературе ожили и заговорили все сословия, все профессии тогдашней России.

В пестрой и разнообразной галерее лиц, в своем сатирическом изображении человеческих нравов Крылов выступал как писатель-сатирик, смелый и беспощадный обличитель крепостнического общества. «Сатира есть поэзия басни», — писал по поводу басен Крылова Белинский. Такие басни, как «Рыбья пляска», «Мор зверей», «Пестрые овцы», «Волки и Овцы», направлены были против деспотизма вельмож и дворянских верхов и являлись смелым словом в защиту народа. В басне «Лев на ловле» осмеивается деспотизм царской власти, основанной на циничном праве сильного. В целом цикле басен — «Вороненок», «Волки и Овцы», «Слон на воеводстве», «Медведь у пчел», «Крестьянин и Овца» — Крылов осмеивает язвы бюрократического строя.

Народное бесправие, угнетение народа царскими чиновниками и крепостниками-помещиками — одна из основных тем Крылова. Он мыслью своей и чувством на стороне угнетаемых, на стороне народа. В басне «Волк и Ягненок» Крылов разоблачает циничное и наглое «право» сильного, основанное на волчьем законе тогдашнего общества: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

В басне «Вороненок» он показывает, как вслед за крупными и знатными хищниками, терзающими народ, тянутся мелкие грабители, правда — нередко попадающиеся с поличным:

Нередко у людей — тож самое бывает,

Коль мелкий плут

Большому плуту подражает.

Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют.

Оппозиционный характер басен Крылова, их сатирическую направленность, их значение для развития тогдашней общественной мысли высоко оценил Герцен, писавший: «До вступления на престол Николая I в литературной оппозиции было еще что-то недоговоренное, примирительное, смех был еще не совсем горьким. Мы находим это в уди-

¹ «Сын Отечества», 1825, ч. 102, стр. 67. Рецензия на «Предисловие г. Лемонте к изданию басен Крылова».

вительных баснях Крылова (оппозиционно значение которых не было никогда правильно оценено), в знаменитой комедии Грибоедова «Горе от ума». ¹ Герцен указывает здесь не только на оппозиционность басен Крылова, но и на особый «недоговоренный» и «примирительный» характер этой оппозиционности. Ведь Крылов отнюдь не делал тех смелых политических выводов, которые сделали декабристы; он остался на позициях моралиста-просветителя.

Развращенным, корыстолюбивым представителям верхушечных слоев крепостнического государства Крылов противопоставлял народ, как основу национальной и государственной жизни. Именно в народе Крылов видел те внутренние силы, тот источник, который дает жизнь государству. Эта вера в народ, в его основополагающую роль в государстве наиболее полно выражена Крыловым в басне «Листы и Корни», относящейся еще к 1811 году. Наглому и надменному хвастовству «Листов», бесполезной дворянской верхушке противопоставлен народ, как подлинная и вечная сила исторического процесса. Народ — «Корни» отвечают «Листам» с полным сознанием своей исторической правоты:

«Мы — те, —
Им снизу отвечали, —
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится;
А если корень иссушится —
Не станет дерева, ни вас».

Эта басня занимает центральное место в идеологической концепции Крылова, выражая его основные суждения о народе, подлинный демократизм его взглядов. В ряде других басен Крылов призывает к уважению к простым, маленьким людям, «сокрытым в низости», которые трудятся к «пользе общей»:

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придает,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой
Ни славою, ни почестями не льстится
И мыслью оживлен одной,
Что к пользе общей он трудится.

¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 95.

Именно об этом скромном, но полезном для всего народа труде говорит Крылов в своей басне «Орел и Пчела», противопоставляя его барскому, презрительному отношению к труду народа, которое высказывает Орел, парящий под облаками, к скромной работе Пчелы.

На вопрос об истинном патриотизме, о гражданском долге перед родиной и непримиримости к ее врагам ответили басни, посвященные событиям Отечественной войны 1812 года. В грозную годину Отечественной войны Крылов вместе со всем народом переживал все величие общенародного подвига, героическую решимость народа бороться за свою национальную независимость. В дни войны он пишет ряд басен — «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и Курица», «Щука и Кот», «Раздел», «Кот и Повар», — служивших поднятию патриотического духа и сыгравших большую роль в действенной пропаганде художественным словом решительного народного отпора врагу.

В баснях, посвященных Отечественной войне 1812 года, Крылов высмеивает недостаток истинного патриотического чувства у многих представителей дворянства. В басне «Ворона и Курица» — беспощадный памфлет на тех дворянских «ворон», которые думали «ужиться с гостями». В басне «Раздел» резко осуждаются корыстные и эгоистические интересы дворянства и купечества, проявившиеся в ряде случаев во время общего патриотического подъема при нашествии Наполеона.

При всей остроте своей сатиры, направленной против дворянско-бюрократических верхов, при всем демократическом характере своего мировоззрения, Крылов все же не видел возможности коренного изменения существующего строя.

Ленин, говоря о начале XIX века, писал: «Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа...» (т. XVI, стр. 575). Эти слова Ленина являются ключом к оценке эпохи, непосредственно предшествовавшей и следовавшей за восстанием декабристов.

«Неподвижность» народа объясняет осторожную умеренность в политических взглядах Крылова, которая высказана им в таких баснях, как «Конь и Всадник», «Колос», признание им хотя и несправедливости, но стабильности социальных отношений и политического устройства, которые им же беспощадно осмеиваются и разоблачаются в его басенной сатире.

Этим определялась ограниченность мировоззрения Крылова, его недоверие ко всяким новшествам, его враждебное отношение к идеям французской буржуазной революции, которое он высказал

в басне «Сочинитель и Разбойник». Осуждая Сочинителя (Вольтера) за то, что тот «рвался расторгнуть» «связи общества» и «величал безверье просвещением», Крылов отмежевывается здесь от той прогрессивной идеологии, которая свойственна была передовым кругам дворянства — декабристам, выражая ту боязнь перед революцией, которая ограничивала и сковывала его демократические устремления.

Значение и сила басенной сатиры Крылова, однако, не в политической осознанности баснописца, а в его критическом отношении к окружающей крепостнической действительности, сказавшемся в самых образах его басен, в резком разоблачении несправедливости социальных отношений.

Моралист и сатирик не могут быть разграничены в творчестве Крылова, так же как и в творческой деятельности Гоголя или Щедрина. В этом отношении Крылов типично русский писатель, высоко оценивающий учительную и воспитательную роль литературы.

Крыловская сатира, осмеивая и обличая пороки и недостатки крепостнического строя, тем самым несла в себе положительный моральный идеал. Но этот положительный идеал заключается не в какой-то четко формулированной программе. Позиция поэта-сатирика скрывается за тем негодованием или той насмешкой, которые пробуждаются его образами. Сатира Крылова сохранила свою остроту и действенность, потому что баснописец не ограничивался критикой злободневных, преходящих явлений. В баснях Крылова выражена мудрость народа, его глубокий и трезвый суд над основными сторонами общественного уклада и жизни.

«Его басни отнюдь не для детей, — писал Гоголь. — Тот ошибется грубо, кто назовет его баснописцем в таком смысле, в каком были баснописцы Лафонтен, Дмитриев, Хемницер и, наконец, Измайлов. Его притчи — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа».

Мораль Крылова — это трезвая практическая мораль народа, рассматривающая поведение человека сообразно с реальными жизненными условиями, с пользой его для общества. Такие басни, как «Кот и Повар», «Пруд и Река», «Мельник», ратуют за практически действенное отношение к жизни, враждебны пассивному созерцательству, нерадивости и лени.

Мораль Крылова — народная, трудовая мораль, направленная против праздности и тушеядства господствующих классов. Защищая интересы народа, Крылов передает в своих баснях уважение к труду, крестьянскую домовитость, хозяйственную рачительность. Не случайно многие сюжеты его басен взяты из крестьянской жизни.

Мораль Крылова, однако, ограничена практическим, житейским кругом вопросов. Недаром Белинский, говоря об отличии народности Крылова от многогранной народности Пушкина, писал: «Крылов выразил — и, надо сказать, выразил широко и полно — одну только сторону русского духа — его здравый, практический смысл, его опытную житейскую мудрость, его простодушную и злую иронию».¹

Но басни Крылова — не отвлеченные моральные поучения, а живые, реальные картины быта; в них изображены подлинно реальные характеры, типические образы современной действительности. В таких баснях, как «Демьянова уха», «Крестьянин в беде», «Хозяин и Мыши», «Три мужика», басня перерастает в реальную, жизненную картину русского быта, изображенную с необычайной точностью, богатством и верностью бытовых красок и характеров.

Крылов избрал в свои басни все ценное и положительное, что было создано русской басенной культурой XVIII века, и в то же время он явился подлинным новатором, создавшим басенный жанр на новых основах, открывшим совершенно неизвестные возможности басенного творчества.

Новаторство Крылова сказалось прежде всего в той реалистической, жизненной правдивости, которой он достиг в своих баснях, в естественности и свободе его поэтического языка. До Крылова, до его басен ни один из русских поэтов XVIII века, не исключая Державина, не достигал в своих стихах такой естественности, простоты и меткости языка, как Крылов. В этом отношении, уходя своими корнями в XVIII век, Крылов является одним из основоположников новой русской литературы и русского литературного языка.

Он смело нарушает общепринятые каноны, по-своему обращается не только с басенными сюжетами и мотивами, но и с самым басенным жанром, придавая ему те черты и особенности, которых басня до него не имела. Крылов отбрасывает дидактичность, приведшую к условности, схематизму и аллегоричности басни его предшественников — Хераскова, Майкова, Хемницера.

Крылов, не уничтожая моральной и сатирической значительности басни, в то же время делает мораль естественной, вытекающей из всего содержания, из всей ситуации басни, из ее образов. Особенно ярко это новаторство Крылова сказалось в реализме его басенных персонажей. Русская басенная традиция уже заключала элементы этого реализма, но они были еще слишком робки, недостаточны, не достигали жизненной яркости и простоты красок Крылова. В сумаро-

¹ В. Белинский. Собрание сочинений, т. II. М., 1948, стр. 711.

ковских баснях реалистический элемент принимал характер натуралистического гротеска, нарочитой грубости «низкого» стиля. В баснях Хемницера этот реалистический элемент жизненнее, но и здесь он представлен еще очень робко. Крылов расширил пределы басни, сделал ее сценкой, повестью, превратил ее в сатиру.

Образы и персонажи крыловских басен сочетают типическую обобщенность с реальными чертами и характеристиками социального и психологического порядка. Индивидуализация образа, наделение его конкретными, реальными психологическими и социальными чертами являлись важнейшей особенностью басен Крылова и в то же время делали его одним из основоположников реализма. В частности, этим объясняется и обилие в баснях Крылова человеческих персонажей, которых он в своих оригинальных по сюжету баснях предпочитает традиционным образам зверей.

В каждой басне Крылова разыгрывается как бы драматическая сценка. Комедийный талант Крылова сказался не только в самом изображении персонажей и построении басни, но и в той тщательности речевой, стилистической отделки, которая идет от драматургии и рассчитана на исполнение, на чтение вслух. Ни одной лишней черты, ни одной приблизительной краски.

Реализм стиля Крылова в удивительной конкретности, в предметной точности его описаний. Его «Тришкин кафтан» не условный аллегорический кафтан, а подлинный, поношенный, истертый кафтан, который вы как бы воочию видите. Его свинья отнюдь не условная аллегорическая фигура, а настоящая деревенская свинья, затесавшаяся на барский двор. Недаром ее появлением в поэзии был так шокирован и возмущен педант Каченовский.

Для Крылова не существует «непоэтических» тем и образов. Сама жизнь как бы входит в его поэзию, настолько она естественна и реалистична. В этом отношении Крылов прямой и непосредственный предшественник Пушкина и Гоголя, показавший им пример естественности стиля, предметности словоупотребления, точной живописи образа.

Гоголь писал о стиле Крылова: «Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль так ощутительною и выражаться так доступно всем, как Крылов. Поэт и мудрец слились в нем воедино. У него живописно все, начиная от изображения природы пленительной, грозной и даже грязной, до передачи малейших оттенков разговора, выдающих живьем душевные свойства. Все так сказано метко, так найдено верно и так усвоено крепко вещи, что даже и определить нельзя, в чем характер пера Крылова. У него не поймешь его слога. Предмет, как бы

не имея словесной оболочки, выступает сам собою, натурою перед гла-за». ¹ Это замечательное определение реалистического мастерства Крылова, живописной природы его стиля, необычайной естественности образов, словно сливающихся с жизнью и в то же время далеких от эмпирического натурализма, — лучше всего раскрывает сущность реализма Крылова. «Он придумывал рассказы столь естественные, — как бы исполняет это определение П. Плетнев, — столь простые и каждому понятные, столь несомненные и очевидные, столь согласные с нашей жизнью, обыкновениями и привычками, что в их составе не осталось и тени искусства (т. е. искусственности. Н. С.), сочинения или подготвления». ²

Басня рассматривалась Крыловым как жанр произносимый, «разговорный», обращенный к слушателю, к широкой и разнообразной аудитории. П. Вяземский писал о том, что «Дмитриев пишет свои басни, а Крылов их рассказывает». В этом устном, разговорном характере басен — весь Крылов. Его басни — торжество живой народной речи, ее богатства, разнообразия всех ее оттенков.

Поразительна скупость и точность стиля крыловских басен. Крылов в этом отношении шел путем противопоставления и враждебным Карамзину и сентиментализму, а позже романтизму. Он не признает никакой внешней украшенности слога, никакой внешней эффектности стиля. За басенными образами Крылова стоят народное сознание, коллективная мудрость, тот веками накопленный опыт народа, который выражает не индивидуальное мнение автора, не субъективное его отношение к миру, а как бы обобщенный, коллективный взгляд на вещи, свойственный народу. Это сказалось как в самом характере басенной морали, в той народной мудрости, которая лежит в основе крыловских басен, так и в их художественной структуре. Недаром Гоголь писал о Крылове, что это «тот самый ум, который сродни уму наших пословиц».

Поэтому понятно и постоянное обращение Крылова к пословице, глубокое внутреннее сродство с нею его художественного метода. Близость басни как жанра к пословице неоднократно отмечалась, но у Крылова это сродство особенно плодотворно и наглядно. Многие его басни вырастают как бы непосредственно из пословиц, другие близки к ним как по своей морали, своему отношению к явлениям действительности, так и по своей внутренней структуре.

Народная пословица учила Крылова и экономии красок, лаконической выразительности словесного построения, превращая фразу

¹ Н. Гоголь. Собрание сочинений, т. VI. М., 1937, стр. 448—449.

² П. Плетнев. Сочинения и письма. СПб., 1885, т. II, стр. 33.

в краткую, запоминающуюся формулу. Этим объясняется, что целые стихи и выражения крыловских басен в свою очередь становились пословицами и поговорками, вошли навеки в народный обиход.

Басни Крылова сохранили свою жизненную силу во всех последующих поколениях. Крылов стал не только одним из любимых русских национальных поэтов, но и оказал огромное воздействие на все последующее развитие русской литературы, «проложив, — говоря словами Белинского, — и другим русским поэтам дорогу к народности». ¹

Басни Крылова вызвали не только оживленный интерес к басне, но и появление ряда последователей и подражателей. Однако в ремесленных руках баснописцев 30-х годов басня теряет не только сатирическую направленность, социальную насыщенность, какой отличается крыловская басня, но и свою моралистическую роль, превращаясь в безобидный, развлекательный юмористический жанр, становясь как бы бытовым анекдотом. Несколько обособленное место занимают в литературе 20—30 годов басни крестьян-самоучек — Слепушкина, Алипанова, Суханова. Для них басня являлась особенно близкой по своей народности и простоте. В басенном жанре они легче могли выразить те настроения, тот жизненный опыт, который связан был у них с крестьянским бытом. Однако эти крестьянские поэты очень скоро утратили свою самостоятельность, став послушными выучениками своих дворянских покровителей, потеряв связи с крестьянской средой. Поэтому в их творчестве столь явственно звучат мотивы социального примирения и умеренности, наивная морализация подменяет собою социальную сатиру. Лишь изредка в их стихах и баснях чувствуется подлинное знание крестьянской жизни, меткость народного юмора.

Сатира переходит от басни к другим жанрам (комедии, прозе), а басня спускается в низовую и детскую литературу. Этот процесс, начавшийся еще при Крылове, в дальнейшем, в особенности начиная с 40-х годов, продолжается особенно интенсивно. Поэтому было бы неправильно говорить о продолжении басенной традиции Крылова в произведениях малоизвестных баснописцев. Эта традиция переходит в другие жанры, к таким писателям, как Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Островский.

Значение басни в литературе 40-х годов крайне снизилось. Она перестала занимать то видное место, которое занимала еще недавно. Развитие реалистических тенденций в литературе с появлением Пушкина и Гоголя перешло в другие жанры, и басня оказалась во многом устаревшим жанром. Об этом оскудении басенного жанра писал кри-

¹ В. Б е л и н с к и й. Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 426.

тик «Телескопа» в связи с выходом басен некоего Н. Бенецкого: «После Дмитриева и Крылова басня делается заповедным сокровищем нашей поэзии, до которого опасно дотрагиваться ненадежной посредственности». ¹

Постепенно басня превращается в прикладной жанр, в средство завуалированной полемики, в юмористическое стихотворение, в личный памфлет. На страницах журналов, с легкой руки А. Измайлова, сводившего в своих баснях нередко и личные счеты и вполне удовлетворявшегося сатирой «на лица», помещаются все чаще «басни», являющиеся, в сущности, полемическими выступлениями. Таковую басню «Дети и мыльные пузыри» помещает, например, «Московский Телеграф» в 1825 году, выступая на защиту Карамзина от нападок Каченовского и Арцыбашева. ²

Характерным свидетельством измельчания басенного жанра в 40—50-х годах являются пародии на басни, появляющиеся уже в 40-х годах, а затем у Козьмы Пруткова. С таким пародийным использованием басенного жанра выступил в 40-х годах И. Ваненко, выпустивший целую книжку: «Бричка, или обратный путь с Парнаса (басни иного манера и комедия на другую статью). Сочинения писателя, желающего остаться неизвестным, обнаружены читающей публике Иваном Ваненко» (М., 1846). Пародии Козьмы Пруткова, появившиеся в 50—60-х годах, зло высмеивали благонамеренность и художественную беспомощность эпигонов и подражателей не столько Крылова, сколько А. Е. Измайлова.

Однако басня как жанр не умирает и не прекращает своего существования, возникая и возрождаясь преимущественно тогда, когда она нужна была для выражения демократических, прогрессивных настроений в народных, широко доступных и понятных поэтических формах. Потому так охотно возрождают басню поэты-«искровцы», Дмитрий Минаев («Современная басня», «Добрый пес»), Петр Вейнберг («Тростник и Спина»), Владимир Щиглев и др.

Свой новый расцвет басня переживает в годы первой революции 1905 года и в период подготовки Великой Октябрьской революции. В эти годы обращается к сатирическим сказкам-аллегориям Максим Горький и на страницах большевистской печати занимают почетное место басни Демьяна Бедного. Басенное творчество Демьяна Бедного сыграло большую агитационную и политическую роль в деле воспитания народных масс. Демьян Бедный превратил басню в боевое революционное оружие, беспощадно высмеивал и разоблачал в своих баснях

¹ «Телескоп», 1831, ч. XIV, стр. 337.

² «Московский Телеграф», 1825, т. V, стр. 310.

врагов пролетарской революции. Народность басенного жанра и тут сослужила свою службу. Басня, принципы сатирического басенного аллегоризма имели большое значение и для творчества Маяковского. Уже в ранних стихах Маяковский обращался к басенным принципам, — таковы его «гимны» («Гимн судьбе», «Гимн ученому»), в годы же революции и гражданской войны он пишет, — преимущественно для ростинских плакатов, — ряд агитационных басен («Интернациональная басня», «Раки и Щуки», «Ларчик просто открывался» и др.). Басенный характер имеют и такие замечательные сатиры Маяковского, как «Прозаседавшиеся», отмеченные В. И. Лениным, и многие сатирические стихи Маяковского 20-х годов.

В советской литературе басня вновь занимает видное место. Басни ряда советских поэтов (Сергея Михалкова, Маршака и других) сыграли заметную роль в дни Великой Отечественной войны, являясь острым агитационным оружием в руках этих поэтов. Как жанру народному и широко популярному, басне обеспечено большое будущее в советской литературе.

Н. Степанов

Б А С Н И

ОГОНЬ И ВОСКОВОЙ БОЛВАН

Искусный в деле своем восколей, прилежно
Трудився, излил болван, все выразив нежно
В нем уды, части, власы, так что живо тело
Болванчика того быть всяк бы сказал смело.

Окончив все, не умно забыл отдалити
Болван от огня, где воск случилось топити.
Осягл жар пламени воск, расплозлося тело
Болванчика; пропал труд, пропало все дело.

Кто дело свое вершив, утвердить желает
В долги веки, должен все, что тому мешает,
Отдалять, и что вредит — искоренять скоро;
Без того дело его не может быть скоро.

ПЧЕЛЬНАЯ МАТКА И ЗМЕЯ

Змея, к пчельной на цветке подкравшись матке
И подражая льстецов прегнусной повадке,
Скучными стала возносить ее похвалами,
Славя в ней силу, красу над всеми пчелами,
Добрый чин, в ком подданный народ держать знает,
И пользу, что от трудов ее получает
Все племя пчел и весь свет. Потом же, склоняя
К цели своей хитру речь: «Заслуга такая
В веки б, де, могла твою утвердить державу,
Если б было чем тебе щитить свою славу

И власть против всякого, кто вред твой желает,
Но беззлобие твое злобных ободряет
Сердца, видя, что тебе бог, дав пчел корону,
Собственну против врагов не дал оборону.
Все скоты могут вредить и отмщать досады,
Ты безопасность свою от их ждешь пощады.
Взыди в небо к Иовишу испросить ти жала;
Никому так, как царю, лютость не пристала».
Простерши крыла, пчела от зверя лукавна
Отлетела, сказав: «Речь мне твоя не нравна.
От внешних врагов щитят меня мои дети;
Внутренних любовь к моим не даст мне имети.
Изрядно ж бог в образ мя царям хотел дати,
Чтоб, будучи добрыми, как злым быть, не знати».

Злы советы правящим под небом народы
Бегать должно и добрым, не злым, быть с природы.

ВЕРБЛЮД И ЛИСИЦА

Увидев верблюд козла, кой, окружен псами,
Храбро себя защищал против всех рогами,
Завистью тотчас вспылал. Смутен, беспокоен,
В себе ворчал, идучи: «Мне ли рок пристоен
Так бедный? Я ли, что царь скотов могу зваться,
Украсы рогов на лбу вытерплю лишаться?
Сколь теми бы возросла еще моя слава!»
В таких углубленному помыслах, лукава
Встрелась лисица и вдруг, остра, примечает
В нем печаль его, вину тому знать желает,
Всю возможную сулит ревностну услугу.
Верблюд подробно все ей изъяснил, как другу.
«Подлинно, — сказала та, — одними ты скуден
Рогами, да знаю в том способ я нетруден.
В ближнем, что видишь, лесу нору близ дороги
Найдешь; в нее голову всунув, тотчас роги
На лбу будут, малый страх претерпев без раны.
Там свои берут быки, козлы и бараны».
Лестный был ее совет; лев жил в норе хищный;
Да в голове, что рога ищет, ум нелишний.

Верблюд скоком побежал в лес, чтоб достать скору
Пользу, в нору голову всунул без разбору;
Рад добыче лев, тотчас в гостя уцепился,
С ушьями был тогда верблюд, в них ногтями вцепился.
Тянет лев, узнал верблюд прелесть, стало больно;
Дерет из щели главу, та идет не вольно.
Нужно было, голову чтоб вытянуть здраву,
И уши там потерять, не нажив рог славу.

Славолюбцы! вас поют, о вас басни дело:
Верблюжее нанял я для украсы тело.
Кто древо, как говорят, не по себе рубит,
Тот, большого не достав, малое погубит.

ЯСТРЕБ, ПАВЛИН И СОВА

Говорят, что некогда птичий воевода
Убит был, на его чин из воздушна рода
Трое у царя орла милости просили;
Ястреб, сова и павлин, и все приносили,
Чтоб правость просьбы явить, правильны доводы.
Ястреб храбрость представлял и многие годы,
В которых службы на ся военной нес бремя;
Сова сулила не спать век в ночное время;
Павлин хвастал перьями и хвостом пригожим.
Кто, мнишь, казался царю в воеводск чин гожим?
Сова; ястребу отказ, отказ и павлину.
Орел, своего суда изъяснив причину,
Сказал, что ястреб хоть храбр, хоть и многи леты
В военной службе служил, достойно приметы
Ничего не учинил; почему уж мало
И впредь плода ожидать; в ком бо славы жало
С младых лет не действует, седина бесплодна;
Что павлину перья так, как и гордость, сродна;
А сова нравом тиха, ссор она напрасно
Не ищет, знает себя защищать согласно
Своим силам, когда кто вредить ей желает;
Недремно та бодрствует, пока унывает
Прочее племя во сне. Таков воевода
Годен к безопасности целого народа.

ГОРОДСКАЯ И ПОЛЕВАЯ МЫШЬ

Издавна в дружбе к себе верною познанну,
Градскую некогда мышь полевая в гости
Зазвала в убогую нору непрюстранну,
Где без всякой пышности, от воздуха злости
Щитяся, вела век свой в тишине покойный.
Мох один около стен, на полу солома
Составляла весь убор, хозяйке пристойный;
В лето собранный запас щель, лишь ей знакома,
К умеренну корму ей тут же сокрывая.
Таровата для гостя крупы и горохи,
И оглоданный кусок от окорка края
И подносит черствые ему хлеба крохи,
Разнством яств приятнее обед учинити
Желая; но гордым той зубом, пожимаясь,
Того, другого куснет, и невкусно быти
Все находит; а бедна хозяйка, стараясь,
Гостю пищу лучшую себя угодити,
Ест сама вялый ячмень и гнилу мякину.
Напоследок он так к ней начал говорити:
«Никак я, дружок, дознать не могу причину,
Для чего ты на горах пустых меж лесами
Жить избрала, и людей обществу любезну,
И городов красоте, обильных сластями,
Так бедную предпочла жизнь и неполезну?
Оставь, поверь мне, твое жилище, так дико,
И мне следуй: всякому животну земному
Земной рок пал, и хотя мало, хоть велико,
Неизбежную смерть ждет, всякому знакому.
Для того, можно пока, отложив все бремя
И печалей и сует, живи, наслаждаясь
Мира вещьми, и помни, сколь коротко время
Жизни твоей, на всяк час к концу приближаясь».
Лестны дружины слова не трудно склонили
Мышь лесную, и тотчас из норы легонько
Высочив, в намеренный обе путь вступили,
В темный час в город войти имея тихонько.
Средину неба уж ночь самую обняла,
Когда обеим был вход в огромны палаты,
Златотканна где парча обильно блистала
На кроватях костяных; останки богаты

Где пышной вчерашняя ужина хранены
В многих зрелись кошницах. Тогда полевую
Гостью уложив на те парчи позлащенные,
Гражданка бежит, тащит то ту, то другую
И подносит лакому еству, прикушая
Сама прежде, как слуги все звыкли чинити.
Поселянка, на златых себя растягая
Коврах, радость всю в себе не может вместити
В счастья премене такой: пирует обильно,
Веселым другу себя гостем являть ищет.
Когда вдруг у дверей стук, поднявшийся сильно,
Обеих с ложа согнал. По комнате рыщет
Без ума, в дрожи, в поту, одна за другою;
Еще страх удвоился, когда зазвучали
Криком меделянских псов своды. Уж с душою
В зубах, лесная тогда другу, что с печали,
С стыда и страха поднять чуть голову может:
«Нет, такая, говорит, жизнь мне неужодна:
Пред тобой в лесу, в щели, хоть корку зуб гложет,
От наветов я живу в покое свободна».

Степень высока, богатство бывают
Без беды редко, всегда беспокойны.
Кои довольны в тишине быть знают
Малым, те зваться умными достойны.

ЧИЖ И СНИГИРЬ

Язык один и лицо к переменам удобно,
Человеку подобных себе уловляти
Посредство довольно есть; но тож не способно
Прочи животны ловит, коих засыплати
Не может сладкая речь, ни смешок притворный:
Тенета, и неводы, и верши, и сети,
И сило вымыслил ум, к вреду им проворный.

Чижу некогда туда с снигирем летети
Случилось, где пагубны волоски расставил
Ловец, наветы прикрыв свои коноплями.

Мимо тотчас чижики свой быстрый лет направил,
Кой, недавно убежав из клетки, бедами
Своими искус имел, что клевать опасно
Зерны те, и снигирю лететь за собою
Советовал, говоря: «Не звыкли напрасно
Люди кидать на поле чистою душою
Свое добро; в коноплях беды берегися.
Я недавно, лаком сам, увязил в них ноги
И чуть вольность не сгубил на веки. Учися
Моим страхом быть умен; лежат везде многи
Зерна, хоть вкусны не столь, да меньше опасны».
Улыбнувшись, снигирь сказал: «Мое брюхо
Не набито, как твое, и без действия красны
Проходят голодному из уха сквозь ухо
Твои речи, коих цель, чтоб тебе остался
Одному корм». Вымолвив, на зерна пустился
И, два клюнуть не успев, в сило запутался.
Напрасно ногу тащил и взлететь трудился:
Узел злобный вяжется, сколь тянут сильнее,
И ловец пришел, в клетки затворил, где бедный —
Жалостна детям игра — дни в два, не сытнее,
Чем в поле был, испустил с духом глас последний.

Баснь нас учит следовать искусных совету,
Если хотим избежать беды и навету.

Примечания

Следующие басни составлены в подражание Езоповым. Первые 4 писаны в Москве в начале 1731 г. Приличнее показалось такие сочинения назвать баснями, чем притчами, ибо по-гречески притчи *paroimiai*, а Езоповы басни *podoi* названы.

[Огонь и восковой болван]. *Восколей*. Воскового дела мастер; тот, сиречь, кто из воску образчики льет или лепит. *Излил болван*. То, что вылив образчик. *Осял жар*. Жар тут в именит. падеже, воск в винительном. *Распоизлося*. Растопилося.

[Пчелиная матка и змея]. *Все племя пчел и весь свет*. Племя пчел, чрез мудрое ее правление; весь свет — чрез мед, который в ульях собирается. *Дав пчел корону* — то есть, право или власть царскую над пчелами. Известно, что матка пчел в улье главного начальника должность исправляет, имея они меж собой

некакой образ гражданского правления, которое столь искусно описал Виргилий в своих «земледельных». *Не дал оборону*. Примечено, что матка пчел не имеет жала. *К Иовишу*. Иовиш или Юпитер, по баснословию древних, начальнейший бог. *Мои дети* — подданный мой народ, пчелы мои. *Под небом* — под богом.

[Верблюд и лисица]. *Сколь теми*. Сколько славы прибавилось бы мне, если б я еще и рогами был украшен. *Претерпел без раны*. Без всякого вреда. *Чтоб доставить скорую пользу*. Чтобы доставить себе желаемые рога.

[Ястреб, павлин и сова]. *Воевода*. Начальник войска, фельдмаршал. *Из воздушного рода*. Из птиц, сиречь, понеже воздух обитает. *Славы жало*. Славы любовь, склонность та, которая нас к трудам ободряет, в надежде получения чрез них себе славного имени. *Седина бесплодна*. Старость не лучший плод принесет. *Что павлину перья так, как и гордость, сродна*. Что перья павлину никакого достоинства не придают, понеже они дар природы, а не трудами своими добыты. К тому ж та без трудов от самой своей природы данная ему красота его гордым делает. Сим стихом стихотворец означает дворян спесивых, которые, кроме своего знатного имени, которая украса им от предков доставлена, никакого собственного достоинства не имеют. *Недремно та бодрствует, пока унывает*. Не туда совет клонится, чтоб народа начальникам ночь не спать, но чтоб бодрствовать о благосостоянии народном гораздо больше своих подчиненных.

[Городская и полевая мышь]. Сия басня переведена в Лондоне в 1738 г. из Горациевой в сат. VI, книги II, который ее занял у Эзопа, хотя в нынешнем собрании Эзоповых притч не находится. *От воздуха злости*. Как например, от дождя, от снега, града и прочих беспокойств, которым подлежат те, что живут не под крышкою. *И подносит черствые*. Порядочное расположение слов сие быть должно: и черствые крохи хлеба ему подносит. *Гордым зубом, пожимаясь, того, другого куснет*. *Tangenti male singula dente superbo*. Изрядно сим стихом изображена нежность и прихотливость городской мыши, которая, к лакомым яствам приобыкши, грубую пищу есть гнушается. *Земной рок пал*. Следующие речи толкуют, что рок тот есть общий, сиречь смертным быть. *Мира вещьми*. Забавами, сладкими сего света. *Средину неба уж ночь саму обняла*. Т. е., уже полночь была, понеже тогда ночь самую неба половину обнимает. *Как слуги все звякли чинити*. Обычайно слугам прикушивать все, что хозяевам на стол подают, лакомством побуждены. *В дрожи, в поту*. Часто случается в великом страхе потеть и дрожать от стужи. *Своды*. Значит весь дом, хотя в самом деле голос наипаче в сводах отдается. *Хоть корку зуб ложет*. Хоть я ем корку сухую. Те, что довольны, и пр. Порядок слов есть следующий: те, что знают быть довольны малым, те лишь достойны умными зваться.

[Чи ж и снигирь]. *Лицо к переменам удобно*. Лицо, которое притворяться умеет, отменяясь то в смех, то в печаль, по состоянию того, кого обмануть ищет, *Подобных тебе*. Сиречь, людей. *Засып-*

ляти. Лыстить, услаждать сильно. Ум, к вреду им проворный. Ум человеческий, который проворен, или искусен, к вреду животных. *Патубны волоски.* Сиречь, силки, которые обыкновенно из конских волос делаются. *Быстрый лет направил.* Полетел. *Что.* Вместо для того что. *Лаком сам.* Сам, так как ты, быв лаком те зерна клевать. *Коиц цель.* Коиц намерение. *Чтоб тебе остался одному корм.* Снигирь тут изъясняет чижу подозрение свое, давая знать, что для того сей ему советует не клевать те конопли, что про себя одного их беречь ищет. Обыкновенно мнение упрямых людей, которым все дружеские советы кажутся подозрительны. *Узел злобный.* Узел силка. *Затворил.* Разумеется — снигиря. *Жалостна детям игра.* Детям ловца того — снигирь жалостна быв игрушка. *Испустил с духом глас последний.* Умер, сиречь. *Следовать искусных совету.* Следовать советам искусных людей, кои, сиречь, дело, о котором советуют, лучше разумеют и чрез собственный искус все его следствия знают.

* * *

Лишь только дневной шум замолк,
Надел пастушье платье волк
И взял пастуший посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидел там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду.
Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчий вой.
Пастух свой сладкий сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедный волк приметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и в рукавах связался
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и шкуру снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

* * *

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что притом и кошелек неспор.
Всего несноснее противные советы,
Упрямые слова и спорные ответы.
Пример нам показал недавно мужичок,
Которого жену в воде постигнул рок.
Он, к берегу пришед, увидел там соседа,
Не усмотрел ли он, спросил, утопшей следа.
Сосед советовал вниз берегом итти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но он отвечивал: «Я, братец, признаваюсь,
Что век она жила со мною вопреки:
То истинно теперь о том не сомневаюсь,
Что, потонув, она плыла против реки».

* * *

Послушайте, прошу, что старому случилось,
Когда ему гулять за благо рассудилось.
Он ехал на осле, а следом парень шел;
И только лишь с горы они спустились в дол,
Прохожий осудил тотчас его на встрече:
«Ах, как ты малому даешь бресть толь далече?»
Старик сошел с осла и сына посадил;
И только лишь за ним десяток раз ступил,
То люди начали указывать перстами:
«Такими, вот, весь свет наполнен дураками:
Не можно ль на осле им ехать обоим?»
Старик к ребенку сел и едет вместе с ним.
Однако чуть минул местечка половину,
Весь рынок закричал: «Что мучишь так скотину?»
Тогда старик осла домой поворотил
И, скуки не стерпя, себе проговорил:
«Как стану я смотреть на все людские речи,
То будет и осла взвалить к себе на плечи».

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖИНА

Петух взбег на навоз, а рыть начав тот вскоре,
Жемчужины вот он дорылся в оном соре.
Увидевши ее: «Что нужды, — говорит, —
Мне в этом дорогом, что глаз теперь мой зрит?
Желал бы лучше я найти зерно пшеницы,
Которую клюем дворовые, мы, птицы:
К тому ж, мне на себе сей вещи не носить;
Да и не может та собой меня красить.
Итак, другим она пусть кажется любезна.
Но мне, хоть и блестит, нимало не полезна».

ПЕС ЧВАН

Лихому псу звонок на шею привязать
Велел хозяин сам, чрез то б всем показать,
Что пес тот лют добре; затем бы прочь бежали
Иль палку б на него в руках своих держали.
Но злой пес, мня, что то его мзда удалства,
Стал с спеси презирать всех лучшего сродства.
То видя, говорил товарищ стар годами:
«Собака! без ума ты чванишься пред нами;
Тебе ведь не в красу, но дан в признак звонок,
Что нравами ты зол, а разумом щенок».

ВОРОН И ЛИСИЦА

Негде ворону унестъ сыра часть случилось;
На дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного лисице захотелось вот поестъ;

Для того домочься б, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвет почтивши
И его вещьбу еще также похваливши,
Прямо, говорила, птицею почту тебя
Зевсовою впрѣдки, буде глас твой для себя
И услышу песнь доброт всех твоих достойну.
Ворон похвалой надмен, мня себе пристойну,
Начал, сколько можно громче, каркать и кричать,
Чтоб похвал последню получить себе печать;
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал на землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всем ты добр, мой ворон; только ты без сердца мех».

ГОРА, МУЧАЩАЯСЯ РОДАМИ

Напружившись, гора из глубины стонала,
Как будто час настал родить ей, тем казала.
Сей случай всех привел людей в прекрайний страх,
Боящихся, чтоб как не задавил их прах,
Но выскочила мышь из той внезапным спехом,
Итак людска боязнь скончилась общим смехом.

ПЕС И ПОВАР

Вбежав в поварню, пес (его не усмотрел
В то время повар там, имея много дел)
Лежаще на столе тут сердце от скотины
Схватил и побежал зараней от дубины.
Того, как говорят, тогда он проводил
Такою речью вслед, которою грозил:
«Изрядно, что теперь ты мог унести добычу!
Но даром то тебе не прѣдет стару хрычу:
Как можно, застигу тебя я где-нибудь
И палкою потщусь бока тебе все вздуть:
Не сердце у меня унесено тобою;
Но придано к тому, которое со мною».

СТАРУХА, БОЛЯЩАЯ ГЛАЗАМИ

Глазами как была старушечка больна,
То лекаря к себе в дом призвала она,
Чтоб вылечиться ей, и, несмотря на трату,
Довольную ему та обещала плату.
Стал пользоваться ее тот лекарь нанятой;
И мастью он глаза по всяк день мазал той;
А как вот оставлял ничком ту на постеле,
И в темноте всегда, по всем своем том деле,
То что-нибудь с собой у ней втай уносил
Из платья иль что тут из серебра схватил.
Грабление сие та чувствует больная.
Когда ж не стала быть уж больше невишная,
Увидела, что дом ее оставлен пуст,
Сколь ни был преж того обильностию густ.
Вот лекарь к ней пришел: сам просит за работу
И говорит, что та всю получила льготу:
А шлется он на всех сторонних в том людей,
Что вылечены уж совсем глаза у ней.
«Неправда, друг, твоя, — ему та говорила, —
Я без твоей цельбы глазами лучше зрила:
Я видела вещей довольно у себя.
А как взяла к себе я лекарем тебя,
То ничего отнюдь, сим словом не обижу,
В дому, по-твоему столь зрячая, не вижу».

ЛЕВ ЖЕНИХ

В девицу негде лев влюбился не смехом
И захотел ей быть он вправду женихом;
Затем к отцу ее пришел тогда нарочно,
Ту просит за себя отдать в замужство точно.
Отец льву отвечал: «Твоим ли я отдам
Ногтищам так кривым и острым толь зубам
Мою в замужство дочь, толь нежную всем телом?
И может ли сие быть неопасным делом?
Без тех бы, впрочем, мне ты был достойный зять,
И можно б дочь мою тебе женою взять».
Лев от любви своей почти ума лишился;
Чего для, как просил отец тот, не щитился,

И пазногти свои тому дал срезать он,
А зубы молотком все-на-все выбить вон.
Итак тот человек легко льва побеждает,
Потом, ударив в лоб долбнею, убивает.

ЛЕШИЙ И МУЖИК

Из леших некто чуть уж не замерз зимою,
За лютостию стуж, да и за наготою;
Увидевший мужик его взял в домик свой,
В избушку теплу ввел и местичко дал в той;
Сам руки приложил к устам своим, в них дует;
Дивился леший тот: и, мня, что он балует,
Причины у него тому дутью спросил.
Мужик ему на то, как гостю, доносил,
Что руки он свои озяблые тем греет.
Сказал, а сам на стол, в печи что ни имеет,
То совокупно все тогда вот начал несть,
И лешего с собой за стол зовет он есть.
Сел леший с ним тотчас. Мужик сперва из чаши
На ложку почерпнул себе горячей каши,
А ко рту своему принеши, дуть же стал.
Вот леший, пуще уж дивясь, еще спрашал:
Чего б он ради дул, и так то жарко было?
Мужик тут отвечал: «Чтоб жаркое остыло».
Вскочил из-за стола тогда тот леший вдруг
И говорил: «Прощай, прощай навек, мой друг.
Я не хочу пробыть здесь только и наскоком,
Не то, чтоб вовсе жить с таким мне человеком,
У коего из уст одних, да не одно,
А именно сказать: *тепло и студено*».

ВОЛЕ И ЯГНЕНОЕ

Из одного ручья для утоленья жажды
Ягненку с волком пить случилось однажды;
Ягненок ниже был, а выше волк стоял.
Тогда, разинув пасть, затеял здор нахал:
«Я пью; как смеешь ты мутить, бездельник, воду?»
Ягненок отвечал, бояся, сумасбродж
«Льзя ль статья оному, пожалуй рассуди?»
Ко мне бежит вода; а ты вить впереди».
Опешил грубиян, как правду тут увидел;
Потом рек: «Ты еще за полгода обидел». —
«Я в те поры, — сказал ягненок, — не рожден». —
«Да я отцом твоим злословно обнесен»,
Сказав, схватил его и растерзал напрасно.

·Всяк может разуметь, чрез оную баснь ясно,
Как приобькшие невинных подавлять
Умеют ложные причины составлять.

СПЕСИВАЯ ГАЛКА И ПАВЛИН

В тщеславии чужим, кроме стыда, нет чести,
И то не новые, а старые уж вести;
А лучше пробавлять жизнь всякому своим,
Как научает нас Эзоп примером сим.

Надменна Галка быв кичливостью безмерной,
Павлины перья скрав, свой скрасила вид черный.
С тех пор презрев она одноплеменный род,
Вмешалась с той красой в павлиний хоровод.

Те, перья выщипав, прогнали вон из стада.
Познав, бесстыдная, что ей худа награда,
В печали отходить к подругам начала,
Но не мила уже и им она была.
Тогда одна из тех, которых презирала,
Презренной, наконец, бесстыднице сказала:
«Когда б, как говорят, сверчок свой знал шесток,
И ты б природы дар не ставила в порок,
Но тем, чем снабдена, довольна б быть хотела,
То б надругательства такого не терпела
И бедствия б сего не ощущала, верь,
Какое, прогнанна, ты чувствуешь теперь».

ВРАЧ ИЗ САПОЖНИКА

Худой Сапожник был, к тому ж весьма убогой.
Кой инде хлеба стал искать другой дорогой.
И вздумал стать врачом, оставя ремесло;
За тем в незнаемо он перешел село,
И тамо, продая фельшивые лекарства,
Посредством оногo вошел он в знать коварства.
По случаю тех стран владетель захворал
И нового врача искусство знать желал.
Призвав его, велел подать сосуд проворно,
А сам с лекарством стал мешать в нем яд притворно.
И обещал врачу за то награду дать,
Когда отважится лекарство он принять.
Несмысленный глупец тут смерти убоаяся
И совестно царю в том случае признался,
Что лекарской вовек науки он не знал,
Но от людской молвы беспутной славен стал.
Услышав от него сие признание само
И о незнании его изведав прямо,
В то ж время созвал царь к себе градских вельмож
И нового врача открыл обман и ложь;
Сколь легкомысленны теперь вы обличились,
Что вверить жизнь свою тому не усумнились,
Которому никто сего не поручил,
Чтоб обувь на ноги такой безумец сшил.

К чему же сей пример касается, открою:
А как я право мню: то баснею такую
Тех заключается безумцев в свете род,
От коих глупости живет бесстыдным плод.

ВЛЮБИВШАЯСЯ СТАРУХА И ДЕВИЦА

Хоть любят щеголи, хоть щеголей красавы,
Но из кармана жать сок — жен обычны нравы.

Влюбилась женщина в детину средних лет,
Умевша старости не оказать примет,
За тем, что гладилась, ложилась, щеголяла;
Его ж красой своей и девушка пленяла.
Желали равных лет казаться обе с ним
И средством доказать старались то одним,
Начав из головы рвать волосы подруги.
Он, мня, что кудри вьют и холят для услуги,
Без черных и седых волос стал, как ладонь:
Те старая, сии ж рвала младая вон.

МУРАВЕЙ И МУХА

У Мухи с Муравьем случился спор и злоба,
Которая из них честнее есть особа,
Во-первых начала так Муха говорить:
«Ты можешь ли себя со мною в чем сравнить?»
Я наперед от жертв богов сама вкушаю,
На всё зрю, как в местах священных обитаю,
На царскую главу сажусь, когда хочу,
Жен знатнейших уста, лобзая, щекочу,
Довольна лучшим всем без всей заботы лежа.
Случалось ли тебе подобно что, невежда?» —
«Бесспорно обще жить с богами славно есть,
Но делает сие тому велику честь,
Кто званой благости бывает их прикосен,
А не такому, кто приходит им несносен.
Что ж вспоминаешь ты царей, лобзанье жен,
Тем хвастаешь, с чем стыд быть должен сопряжен
И что на языке держать учтивость судит;

Доступна к алтарям, но прочь лететь всяк нудит;
Хотя заботы нет, однак ты не бедна,
Да в нужном случае нища и голодна.
А я как на зиму по зернышку таскаю,
Кормящуюсь тебя вокруг стен дерьмом выдаю.
Лишь летом ты жужжишь, а как пришла зима,
То, с стужи околевав, бываешь вдруг нема.
Я ж, в теплой хижине покоясь, вижу панство.
Итак, зажми свой рот, пустое брося чванство».

Тщеславных похвальба и обычайна спесь,
А слава истинна всех честных зрится здесь.

ВОЛК И ЯГНЕНОК

В реке пил волк, ягненок пил,
Однако в низ реки гораздо отступил;
Так пил он ниже;
И следственно, что волк к тому был месту ближе,
Отколе токи вод стремление влечет;
Известно, что вода всегда на низ течет.
Голодный волк ягненка озирает;
От ужаса ягненок обмирает
И мнит: не буду я с ягнятками играть,
Не станет на руки меня пастушка брать,
Не буду голоса я слышати свирели,
И птички для меня впоследствии пропели,
Не на зеленом я скончаюся лугу,
Умру на сем песчаном берегу.
Волк почал говорить: «Бездельник, как ты смеешь
Питье мое мутить
И в воду чистую мне сору напустить?
Да ты ж такую мать имеешь,
Которая, ко мне учтивства не храня,
Вчера бляела на меня».
Ягненок отвечает,
Что мать его дней с тридцать умерла;
Так волка не она ко гневу привела;
А ток воды бежит на низ, он чаёт,
Так волк его опивок не встречает.
Волк третьею виной ягненка уличает:
«Не мни, что ты себя, бездельник, извинил.
Ошибся я, не мать, отец меня бранил».
Ягненок отвечал: «Тому уж две недели,
Что псы его заели», —

«Так дядя твой иль брат,
Иль может быть и сват,
Бранил меня вчера, я это знаю точно,
И говорю тебе я это не нарочно».

Ягненков был ответ:
«Вся моя родня на свете больше нет;
Лелеет лишь меня прекрасная пастушка». —
«А! а! вертушка,
Не отвертись ты; вчера твоя пастушка
Блеяла на меня: комолые рога
И длинный хвост у этого врага,
Густая шерсть, копыты не велики;
Довольно ли тебе, плутишка, сей улики?
Пастушке я твоей покорнейший слуга
За то, что на меня блеять она дерзает,
А ты за то умри». Ягненка волк терзает.

ОСЕЛ И ХОЗЯИН

Всяк делай то, что с склонностию сходно,
Не то, что лишь угодно,
Но то, что сродно.
Не плавает медведь в Бальтийской глубине,
Синица не несет в Неве яиц на дне,
Белуга никогда не посещает роши,
И на дубу себе гнезда не вьет олень;
Луна во время светит ночи,
А солнце в день;
Труды все разными вещами
И у людей:
Тот кормит мужиков в харчевне щами,
Тот сеном и овсом в конюшне лошадей;
Что кстаги, то и краше.
Потребен пиву хмель, а патока на мед,
Для бани жар, а в погреб лед,
Для чая сахар, масло каше.

Какой-то человек лелеял день и ночь
Собачку,
Любил ее, как дочь,
И сделал ей потачку,

Ее любя,
Лизать себя.

Осел то некогда увидел,
Работу тяжкую свою возненавидел

И говорил он так:
«Я долго был дурак,
И суетно трудился;
Вить я не подрядился,
И не подрядчик я;
Не терпит честь моя,
Чтоб я не рассердился,
И чтоб не возгордился,
И чтоб еще служил,
И в беспокойстве жил.

Я должности моей давно уже стыдился;
Отныне буду я собачке подражать,
Мешки, кульки на мне не станут разъезжать,
Не для бесчестия осел на свет родился».

Вскочил, хозяина ногами охватил
И, высунув язык, оскалив зубы,
Кладет помещику большой язык на губы,
А он его за то дубиной колотил.

СКУПОЙ

Ни шелега в мошне бедняжка не имел,
А воровати не хотел;

Занять нельзя; такие тут обряды,
Что надобны заклады

Да росты ради барыша.

А у него кафтан, рубашка да душа,
Закладов нет, он терпит голод
И холод.

«Мне лучше смерть», — бедняжка говорит
И хочет отравиться;

Но яд не скоро уморит;
Пошел давиться.

Был дом старинный развален,
Остатки только были стен:

Пошел туда бедняк, веревку вынимает,
К кирпичью гвоздь наладя, прижимает

И почал колотить:
Стена обрушилась, и выпало оттоле
Червонцев тысяча, иль может быть и боле;
Бедняжку лъзя всего теперь позолотить.
Бедняжка обомлел, в весельи тает,
Червонцы те хватает,
От радости дрожит
И, добычь ухватив, домой бежит.
Пришел хозяин дома,
Обрушена стена,
А деньги не солома,
Другая им цена:
Скупого сердце ноет.
Скупой кричит и воет:
«Сокровище мое! куда сокрылось ты?
Лишился я твоей навеки красоты.
Веселие мое и свет мой! я с тобою
Расстался самою лютейшею судьбою;
Погибни, жизнь моя.
Сокровище мое! с тобой умру и я,
Не отменю сего я слова».
Скупой!
Веревка тут готова;
Пожалуй, лишнего не пой;
Однако он и сам не много норовился
И удавился.
Доволен только тем ко смерти приступил,
Что он веревки не купил.

КОШКА

Привычку одолеть гораздо трудно,
Природу одолеть гораздо чудно.
Я нечто вам об этом предложу
И басенку скажу.
Я кошек не люблю и кошачья язька;
А больше мне всего противна их музька.
Но был какой-то господин,
Хозяйки не имел, и жил один,
И кошку не в издевку
Любил, как девуку;

Да кошка по его не знает говорить.
Просил богов, чтоб кошку претворить,
 Чтоб кошка человеком стала
И под алмазами, как барыня, блистала.
Исполнили они желание его.
У кошки кошачья нет больше ничего.
 На кошке фижбейная юбка
 Из китовых усов,
 Алмазы светятся из волосов,
 И ходит кошка, будто шляпка,
 Да только по сухом пути:
 Водой пешком нельзя итти;
У кошки не один костей на юбке ярус,
А юбка дуется в погоду, будто парус.
 Настал его желанья конец:
 Женился наш на кошке молодец
И до приятнейша дошел часà и места:
 Он лег, легла невеста;
Вдруг выбежала мышь. О рок! о случай злой!
Вскочила барыня за ней с одра долой,
Пресеклась барину потешиться дорожка,
Вскочила барыня и стала кошка.

яйцо

Когда снега не тают,
Робята из него шары катают,
 Сертят
И шар вертят;
Шар больше становится:
Шарочек их шарищем появится.
 Да кто ж
 На шар похож?
 Ложь.
 Что больше бродит,
То больше в цену входит;
Снежной шаришка будет шар,
А изо лжи товаришка товар.
«Ах! Ах! жена, меня околдовали, —
Кричит муж, лежачи, жене: —

Я снес яйцо». — «Никак ты видел то во сне;
Такие чудеса на свете не бывали». —
«Я снес яйцо, ах жонушка моя!
Уж я
Не муж твой, курица твоя,
Не молви этого с соседкой;
Ты знаешь, назовут меня еще наседкой». —
«Противно то уму,
Чтоб я сказала то кому».
Однако скажет;
Болтливой бабе чорт языка не привяжет.
Сказала ей,
А та соседушке своей.
Ложь ходит завсегда с прибавкой в мире:
Яйцо, два, три, четыре,
И стало под вечер пятьсот яиц.
Назавтре множество к уроду
Сбирается народу
И незнакомых лиц.
За чем валит народ? Валит купить яиц.

МЫШИЙ СУД

Не столько страшен зайцам псарь,
Медведь и волк щенятам,
Мертвец и чорт робятам,
Ни челобитчикам бездушный секретарь,
Как кошка некая в большом мышей содоме,
В каком-то доме,
Страшна мышам была.
Хотя она с мышей подарков не брала,
Да только худо то, что кожи с них драла,
И срезала их с кону.
Она решила все дела
Не по мышачьему, по кошачью закону.
Стараясь от таких спастися мыши бед,
Хотели воевать, да пушек нет;
Не притронулися без рукавиц к крапиве,
Лишь только сделали над кошкой суд,
Была у них мышь грамотная тут,
Делец и плут,

В приказе родилась и выросла в архиве.

Пошла к архиву красть;

Она с робячества любила эту сладсть,

Подъяческую страсть,

И должно от нее всё даде класть:

Тетрадей натаскала,

Статейку приискала

И предложила то;

А что?

Чтоб кошку изловить и навязать на шею

Ей колокол тотчас;

Чтоб им сохранными повесткою быть сею;

И говорит мышам: «Которая из вас

Исполнит мой приказ?»

Ответствовали все ей на это: «Не смею». —

«А я, — сказал делец, — хоть мужество имею,

Да только кошек я ловити не умею».

БЛОХА

Минерва, вестно всем, богиня не плоха:

Она боярыня, графиня, иль княгиня,

И вышла из главы Юпитера богиня:

Подобно из главы идет моей блоха.

О Каллиопа, пой блохи ты к вечной славе:

И возгласи ты мне

То, что пригрезилось сей твари не во сне,

Но въяве!

Читатели! блохой хочу потешить вас,

Внемлите сей мой глас

И уши протяните,

А тварь такую зря, меня вспомяните.

Была, жила блоха, не знаю как, она

Вскочила на слона.

Слона потом вели на улицах казаться

И на ногу с ноги сей куче подвизаться.

Вы знаете, что зайца больше слон,

И не взойдет он жареный на блюдо:

И ежели когда прохаживается он,

Сбегается народ смотреть на это чудо.

Блоха моя,
Народ увидя
И на слоне великолепно сидя,
Гордяся, говорит: «О коль почтенна я!
Весь мир ко мне бежит, мир вид мой разбирает
И с удивлением на образ мой взирает;
Судьба моя, довольна я тобой:
Я землю зрю далеко под собой,
И все животное я вижу под ногами!»
Блоха на небесах, блоха равна с богами.
И почала блоха от радости скакать,
Скача с слона упала,
Пропала,
И трудно новую богиню нам сыскать.

СПОРЩИЦА

Скажи, о Муза, мне, какой злой гнев жену
Принудил объявить жестокою войну
Противу своего возлюбленного мужа,
И глупость может ли жене злой быть чужа!
Муж будет побежден; сунбурщица, не трусь
И сделай нам над мужем шутку.
Поставили на стол большую утку.
Жена сказала: «Это гусь». —
«Не гусь, да утка то», — муж держит это твердо. —
«О сатана! —
Кричит жена, —
На то ли я с тобой сопряжена?
Вся злобой внутренна моя разожжена».
Кричит без памяти, пылит немилосердо:
«Коль ты ослеп, я шлюсь на вкус,
Иль я тебе такой дам туз,
Что ты задремлешь,
Коль гуся моего за утку ты приемлешь!»
Отведал муж: «Душа! сокровище! мой свет:
Гусинова и запаха тут нет». —
«Бездельник, это гусь, я знаю это прямо». —
«Пожалуй, жонушка, не спорь ты так упрямо.
Я шлюсь на всех людей, что утка то, не гусь,

И в этом не заёрсь».
Но чем окончилась шутка?
Жена ему дала туза
И плюнула в глаза.
Признался муж: на стол поставлен гусь, не утка.

ПИР У ЛЬВА

Коль истиной не можно отвечать,
Всего полезнее молчать.
С боярами как жить, потребно это ведать.
У Льва был пир,
Пришел весь мир
Обедать.
В покоях вонь у Льва:
Квартера такова.
А Львы живут не скудно;
Так это чудно.
Подобны в чистоте жилищ они чухнам
Или посадским мужикам,
Которые в торги умеренно вступили
И откупам нас еще не облупили
И вместо портупей имеют кушаки,
А кратче так: торговли мужики.
Пришла вонь волку к носу;
Волк это объявил в беседе без допросу,
Что запах худ.
Услышав, Лев кричит: «Бездельник ты и плут,
Худого запаха и не бывало тут:
И смеют ли в такие толки
Входить о львовом доме Волки?»
А чтобы бредить волк напередки не дерзал,
Немножечко он Волка потазал
И для поправки наказал,
А именно — на части растерзал.
Мартышка, видя страшны грозы,
Сказала: «Здесь нарциссы, розы
Цветут».
Лев ей ответствовал: «И ты такой же плут;
Нарциссов, роз и не бывало тут.

Напредки не сплетай ты лести;
А за такие вести
И за приятнь
Прими и ты достойну казню».
Преставился волчишка,
Преставилась мартышка.
«Скажи, Лисица, ты, — хозяин вопрошал, —
Какой бы запах нам дышал?
Я знаю, что твое гораздо чувство нежно;
Понюхай ты прилежно».
Лисица на этот вопрос
Сказала: «У меня залег севодни нос».

МЫШЬ И КОШКА. БОЯРИН И БОЯРЫНЯ

У мужика в чулане поставлены лукошки:
Забилася тут Мышь. «Не утрашуся кошки, —
Кричала Мышь, бодрясь, — подай ее сюда».
Отколе ни взялась, пришла она туда:
Насилу унесла героика в подпол ножки.
Коль эта притча не сладка,
Лишь только для того, что очень коротка:
Во вкус войти нельзя всего мне света.
Подоле эта:
Боярин был, боярыня была,
Она всю в доме власть вела;
Боярыня была немножечко упорна,
А попросту сказать, была гораздо вздорна:
Боярин ел, боярин пил, боярин спал;
А если от труда устал,
Для провождения он времени зевал;
Сунбурщица болвана колотила,
А иногда и молотила,
Пришла к нему незапно лень
Терпеть побои всякий день;
Слуге кричит: «Подай дубину, Ванька;
Жена мне вить не нянька;
Муж я, а не она,
А эта сатана
Не нянька мне, жена,

И видно, что у ней давно свербит спина».
А Ванька говорит: «Дубина здесь готова;
Да только, государь, держись боярскa слова.
Дубина вот: за ней итти не в лес».
Храбрует мой с дубиной Геркулес.
Супруга слышала супружню грозу,
И, взяв большую лозу,
Вошла к нему; супруг дрожит
И в сени от лозы с дубиною бежит.
А чтоб супружню спину
Полегче было несть,
И соблюсти боярску честь,
Он бросил и дубину.

МЫШЬ И СЛОН

Вели слона, и отовсюду
Сбегается народ.
Смеется мышь: бегут, как будто к чуду;
Чего смотреть, когда какой идет урод?
Не думает ли кто, и я дивиться буду?
А он и чванится, как будто барин он:
Не кланяться ль тогда, когда тащится слон?
Сама я спесь имею ту же
И знаю то, что я ни чем его не хуже.
Она бы речь вела
И боле;
Да кошка бросилась, не ведаю отколе,
И мыши карачун дала.
Хошь кошка ей ни слова не сказала,
А то, что мышь — не слон, ей ясно доказала.

ОВЦА

Был дождь; овечушка обмокла, как лягушка:
Дрожит у ней тельцо и душка,
И шуба вся на ней дрожит;
Сушиться надлежит;
Овца к огню бежит.

Ах! лучше б ты, овца, день целый продрожала
И от воды к огню, безумка, не бежала.
Спросила ль ты, куда дорога та лежала?
 Какую прибыль ты нашла?
 В поварню ты зашла.
То подлинно, что ты немного -осушилась;
 Да шубы ты лишилась.
 К чему, читатель, сей рассказ?
Я целю вить не в бровь, я целю в самый глаз:
 Зайди с челобитьем когда в приказ.

ЖУКИ И ПЧЕЛЫ

Прибаску
Сложу
И сказку
Скажу.
 Невежи жуки
 Вползли в науки
И стали патоку пчел делать обучать.
 Пчелам не век молчать,
 Что их дурачат;
 Великий шум во улье начат.
Спустился к ним с Парнаса Аполлон,
 И жуков он
 Всех выгнал вон,
Сказал: «Друзья мои, в навоз отсель подите;
Они работают, а вы их труд ядите,
Да вы же скаредством и патоку вредите».

БОЛОВРАТНОСТЬ

Собака кошку съела,
Собаку съел медведь,
Медведя зевом лев принудил умереть,
Сразити льва рука охотничья умела,
Охотника ужалила змея,
 Змею загрызла кошка.
Сия
Вкруг около дорожка.

А мысль моя,
И видно нам неоднократно,
Что все на свете коловратно.

БЕЗНОГИЙ СОЛДАТ

Солдат, которому в войне отшибли ноги,
Был отдан в монастырь, чтоб там кормить его.

А служки были строги
Для бедного сего.

Не мог там пищею несчастливый ласкаться
И жизни был не рад.

Оставил монастырь безногий сей солдат.
Ног нет; пополз, и стал он по миру таскаться.
Я дело самое преважное имел,
Желая, чтоб никто тогда не зашумел,
Весь мозг, колико я его имею в теле,

Был в этом деле,

И голова была пуста;

Солдат, ползя с пустым лукошком,

Ворчал перед окошком:

«Дай милостинку кто мне, для ради Христа;

Подайте ради бога:

Я целый день не ел, и наступает ночь».

Я злился и кричал: «Ползи, негодный, прочь,

Куда лежит тебе дорога;

Давно тебе пора, безногий, умирать,

Ползи и не мешай мне в шахматы играть».

Ворчал солдат еще, но уж не предо мною,

Перед купеческой ворчал солдат женою.

Я выглянул в окно,

Мне стало то смешно,

За что я сперва злился,

И на безногого я смотря веселился;

Итти ко всенощной была тогда пора;

Купецкая жена была уже стара

И очень богомольна;

Была вдова и деньгами довольна;

Она с покойником в подрядах клад нашла.

Молиться пеша шла;

Но не от бедности; да что koliko можно,
Жила она набожно:
Все дни ей пятница была и среда,
И мяса в десять лет не ела никогда;
Дни с три уже она не напивалась водки,
А сверх того всегда
Перебирала четки.
Солдат и ей о пище докучал
И то ж ворчал;
Защекотило ей его ворчанье в ухе.
И жалок был солдат набожной сей старухе,
Прося, чтоб бедному полушку подала:
Заплакала вдова и в церковь побрела.
Работник целый день копал из ряды
На огороде гряды
И, встретившись несчастному сему,
Что выработал он, все отдал то ему.
С ползущим воином работник сей свидетель,
В каком презрении прямая добродетель.

ПОДЬЯЧЕСКАЯ ДОЧЬ

Не ложно,
Что можно
Себя по виду обмануть
И тварью тварь почесть иною;
Случилось ныне то со мною:
Не на прямой попал я путь.
Кокетку видел я в подьяческой беседе,
У регистратора быв в праздник на обеде;
Я сам не ведаю, как я туда зашел,
А то еще чуднай, кокетку тут нашел:
Кокетствовать не в моде
Подьяческой породе.
И помнится нигде тово в указах нет,
Чтоб им носить корнет;
Льзя им чепец носить: треух, а по приволью,
И шапку иногда соболью:
К уборам едаким приказных женщин лоб;
И можно им носить кумачну телогрею,
От самых пят по шею;

А на этой корнет и флеровый салоп.
 По благородному она всю речь варила,
 Новоманерными словами говорила;
 Казалось, что в ней была господска кровь;
 То фрукты у нее, что в подлести морковь.
 Тут, сидя, не пила ни кислых щей, ни квасу
 И спрашивала, где промыслить ананасу.
 Коврижки сахарной кусочки клала в рот
 И знала то, что это цуккерброт.
 По моде нынешней некстати все болтала,
 Некстати хохотала.
 Играть хотела и в трисет,
 Да троек нет;
 Подьячие из карт те карты выбирают,
 Понеже ни в трисет, ни в ломбер не играют.
 Нахлюставшись, писцы о взятках стали врать,
 И что-де подлежит за труд и кожу драть,
 Не только брать;
 За то ругают нас, да это нам издевка.
 При сих словах вздохнула девка
 Во всю девичью мочь
 И отошла, зардевшись, прочь.
 Она подьяческая дочь;
 Блаженной памяти ее родитель грешен:
 За взятки он повешен;
 До взяток был охоч
 И грабил день и ночь.
 Живот его остался весь на рынке;
 Однако денъги все остались ей в скринке.

БОЛВАН

Был выбран некто в боги:
 Имел он голову, имел он руки, ноги,
 И стан,
 Лишь не было ума на полполушку,
 И деревянную имел он душку:
 Был идол, попросту болван.
 И зачали болвану все молиться,
 Слезами пред болваном литься
 И в перси бить;

Кричат: «Потщися нам, потщися пособить!»

Всяк помощи великой чаёт.

Болван того

Не примечает

И ничего

Не отвечает:

Не слушает болван речей ни от кого,

Не смотря, как жрецы мошны искусно слабят

Перед его пришедших олтари,

И деньги грабят

Таким подобием, каким секретари

В приказе

Под несмотрением несмысленных судей

Сбирают подати в карман себе с людей,

Не помня, что о том написано в указе.

Потратя множество и злата и сребра

И не видав себе молебщики добра,

Престали кланяться уроду

И бросили болвана в воду,

Сказав: «Не отвращал от нас ты зла,

Не мог ко счастью ты нам пути отверзти!

Не будет от тебя, как будто от козла,

Ни молока ни шерсти».

КОБЕЛЬ И СУКА

У кобеля взяла для нужды сука ларь.

Просила так: «Пожалуй, государь,

Пусти меня в него на время,

Поколь мое пройдет беремя,

А сам ты выйди вон».

Не грубиян был он:

Она брюхата;

К ее услугам хата.

Почтенье к дамам он имел,

И как на свете жить, он это разумел.

Благополучно тут на свет пошли щенятки,

И ползают робятки;

Пора квартиру покидать;

Да просит и она, и сыновья, и дочки

У кобеля отсрочки;

Учтивый кавалер отсрочку должен дать.
Еще, еще, и так давно прошло беремья:
Стоялице съезжать давно с квартиры время.
Вздурили, наконец, отсрочкою его.
«Ступайте, — говорит, — из дома моего».
А сука уж не так хозяина встречает
И напрямки ему: «Не выйду, — отвечает: —
 Поди ты прочь,
 А мне отсрочь,
И помни, позабыв пустые враки,
Что стали уж мои щенки теперь собаки».

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Не верь бесчестного ты миру никогда
И чти врагом себе злодея завсегда,
 С волками много лет в побранке овцы жили,
 С волками наконец
 Установлен мир вечный у овец.
А овцы им собак закладом положили.
Одной овце волк брат, той дядя, той отец;
Владычествует век у них Астреи в поле,
И сторожи овцам не надобны уж боле.
Переменился нрав и волчье естество.
 А волки, дав овцам отраду,
 Текут ко стаду
 На мирно торжество.
Не будет от волков овцам худых судьбинок,
 Хотя собак у стада нет;
 Однако римляне сабинок
 Уносят на подклет.
Грабительски сердца наполнилися жолчью;
Овечье стадо все пошло в поварню волчью.

ЗАЯЦ

Толкнул какой-то льва рогами зверь:
 За то скотине всей рогатой
 Несчастье теперь
 И ссылка платой.

В приказ
Пришел о том указ.
Готов осмотр, и высылка готова.
Ступай, не говори ни слова,
И понесите вон отсель тела,
Рога и души.
Великий зайцу страх та ссылка навела:
Рогами, мнит, почтут в приказе зайчьи уши.
До зайца тот указ ни в чем не надлежит;
Однако он, как те подобно, прочь бежит.
Страх зайца побеждает,
А заяц рассуждает:
Подьячий лют,
Подьячий плут;
Подьяческие души
Легко пожалуют в рога большие уши.
А ежели судьи и суд
Меня оправят,
Так справки, выписки одни меня задавят.

ПРОТОКОЛ

Украл подьячий протокол;
А я не лицемерю,
Что этому не верю.
Впадет ли в таковой раскол
Душа такого человека!
Подьячие того не делали в век века.
И может ли когда иметь подьячий страсть,
Чтоб стал он красть!
Нет, я не лицемерю,
Что этому не верю:
Подьяческа душа
Гораздо хороша.
Да правда говорит гораздо красноречно:
Уверила меня, что было то, конечно.
У правды мало врак;
Не спорю, было так.
Судья того приказа
Был добрый человек,

Да лишь во весь он век
Не выучил ни одного указа.
Однако осудил за протокол
Подьячего на кол.
Хоть это строго,
Да не гораздо много.
Мне жалко только то: подьячий мой
Оттоль не принесет полушечки домой.
Подьячий несколько в лице переменялся,
И изменялся,
На милосердие судью маня,
И говорил: «Попугал чорт меня».
Судья на то: «Так он теперь и оправдался.
Я, право, этого, мой друг, не дожидался.
За протокол
Его поймать и посадить на кол».
Однако ты, судья, хоть город весь изрыщешь,
Не скоро чорта сыщешь;
Пожалуй, справок ты не умножай
Да этого на кол сажай.

СУД

Жил был судья мартышка
И следственно имел мартышкин и умишка.
«Судья, дай толк, —
Сказал так волк: —
Лисица заорала,
Украда
Овцы кусок
Без сожаленья
Из волкова имения;
Так дай ей сок».
Лисица не молчала
И отвечала:
«Клянусь тебе, судья,
Что от роду нигде не крада мяса я».
Прогневалася вся судейская утроба,
Кричит судья: «Вы лжете оба,
Лишь тем утруждена судейская особа;

Я с вами более не говорю;
Подите к моему секретарю;
В землянке он живет во срубе,
Берлогу он пасет
И лапу в ней сосет,
И летом и зимой в медвежьей ходит шубе.

КИСЕЛЬНИК

Гороховый кисель мужик носил
И конопляно масло.
Кисель носить его желание погасло;
Так это ремесло кисельник подкосил;
Маленек от него доход; ему потребно
Другое, и другим он начал торговать,
А именно: он начал воровать:
Такое ремесло гораздо хлебно.
Замаранная маслом тварь
Зашла в олтарь.
Не повинуюся ни богу, ни закону,
Украл из олтаря кисельник мой икону,
И другу своему он это говорил;
А тот его журил:
«Кафтана твоего не может быть гаже;
Ты весь от масла будто в саже;
Пристойно ль в олтаре в такой одежде красть?
Не меньше я тебя имею эту страсть,
И платьице почище я имею,
Да я из олтаря украсть не смею».
Кисельник отвечал: «Не знаешь ты творца,
Отъемля у меня на Вышнего надежду.
Не смотрит бог на чистую одежду;
Взирает он на чистые сердца».

ДЕВКА

Вдруг девка, на реке мыв платье, зарыдала
И в тяжкой горести об этом рассуждала:
Как замужем родит иль сына или дочь,

И что носила во утробе,
Увидит то во гробе.
Вообрази себе ты, девка, первую ночь!
Повеселая девка стала
И вдруг захохотала.
Не плачь, не хохочи, дружочек мой;
Да платье мой!

ЧЕРЕПАХА

Болтаньем мы добра вовеки не найдем,
И часто только им мы в пагубу идем.

Намерилася черепаха
Из царства русского зевать:
В пути себе не видя страха,
В Париже хочет побывать.
Не говорит уже по-русски,
И врет и бредит по-французски.
С ней больше о Руси никто не говори
И только это ври:
Париж, Верзалья, Тюльери.
Ее всегдашние о Франции погудки
И путешествие уведали две утки
И говорят ей так: «В пути тебе потеть;
Не лучше ли в Париж, мадам, тебе лететь.
А мы тебе лететь поможем:
Ты знаешь, черепах конечно мы не гложем
И не для нашей ты родилася еды;
Так мы не сделаем, мадам, тебе беды,
А нам во Францию известны все следы».
Согласна с ними черепаха,
И стала птаха;
Да как она летит? а вот:
Ей утки дали палку в рот,
И понесли ту палку,
Подобно как порчез иль некую качалку,
И говорят: «Молчи, лети и дом неси».

Но пташечка не помолчала
И закричала:
«Превосходительство мое на небеси».
Но только лишь уста свои разверзла птаха,
Оторвалась она: летела кверху птаха,
А книзу черепаха.
Из спаленки своей шага не выходя,
Летела в облака, и небо находя;
Но от нескромности свои расшибла латы,
Нос, рыло и палаты.

ПОРЧА ЯЗЫКА

Послушай басенки, Мотонис, ты моей:
Смотри в подобии на истину ты в ней,
И отвращение имей
От тех людей,
Которые ругаются собою,
Чему смеюся я с Козицким и с тобою.

В дремучий вшодши лес,
В чужих краях был пес,
И, сограждан своих поставив за невежей,
Жил в волчьей он стране и во стране медвежьей.
Не лаял больше пес: медведем он ревел
И волчьи песни пел.

Пришед оттоль ко псам обратно,
Отеческий язык не кстати украшал:
Медвежий рев и вой он волчий в лай мешал,
И почал говорить собакам непонятно.

Собаки говорили:
«Не надобно твоих нам новеньких музЫк,
Ты портишь ими наш язык»
И стали грызть его и уморили.
А я надгробие читал у пса сего:
«Вовек отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него
Чужого ничего,
Но собственной своей красою украшайся».

ЛЕВ И КЛОП

Клоп дерзкий Льва кусал
И вместо яда вонь на Льва бросал.
Поиман Клоп: трепещет он от страха
И думает: не будет больше праха
На свете моего;
Однако Лев не раздавил его,
Сказав ему: «Клопы мной вечно не попрутся:
Ты ведай то, что Львы с Клопами не дерутся».

СТРЕКОЗА

В зимне время подаянья
Просит жалко стрекоза,
И заплаканны глаза
Тяжкого ее страданья
Представляют вид.
Муравейник посещает,
Люту горсть извещает,
Говорит:
«Стражду;
Сжался, сжался, муравей,
Ты над бедностью моей,
Утоли мой алч и жажду!
Разны муки я терплю:
Голод,
Холод;
День таскаюсь, ночь не сплю». —
«В чем трудилась ты в лето?» —
«Я скажу тебе и это:
Я всевала день и ночь». —
«Коль такое ваше племя,
Так лети отсель ты прочь:
Поплясати время».

САТИР И ГНУСНЫЕ ЛЮДИ

Сквозь темную пред оком тучу
Взгляни, читатель, ты
На светски суеты!

Увидишь общего дурачества ты кучу;
Однако для ради спокойства своего,
Пожалуй, никогда не шевели его:
Основана сия над страшным куча адом,
 Наполнена различным гадом,
 Покрыта ядом.
С великим пастухи в долине были стадом.
 Когда?
 Не думай, что тогда,
 Когда для человека
 Текли часы златого века,
Когда еще наук премудрость не ввела,
И в свете истина без школ еще цвела,
Как не был чин еще достоинства свидетель,
 Но добродетель;
И, словом, я скажу вот это на конец:
Реченны пастухи вчера пасли овец,
По всякий день у них была тревога всяка:
 Вздор, пьянство, шум и драка,
 И словом так:
Из паства сделали они себе кабак, —
 Во глотку,
 И в брюхо, и в бока,
 Наместо молока,
 Цедили водку,
И не жалел никто ни зуб, ни кулака,
Кабашный нектар сей имеючи лекарством,
А бешеную жизнь имел небесным царством.
 От водки голова болит;
 Но водка сердце веселит;
 Молошное питье не диво;
 Его хмельняй и пиво;
 Какое ж им питье и пить,
 Коль водки не купить!
А деньги для чего иного им копить?
В лесу над долом сим Сатир жил очень близко,
И тварию их он презренною считал,
Что низки так они, живут колико низко.
Всегда он видел их, всегда и хохотал,
Что нет ни чести тут, ни разума, ни мира,

Поймали пастухи Сатира
И бьют сего
Без милосердия невинна Демокрита.
Не видит помощи Сатир ни от кого.
Однако Пан пришел спасти Сатира бита:
Сатира отнял он, и говорил им Пан:
«За что поделали ему вы столько ран?
Напредки меньше пейте;
А что смеялся он, за то себя вы бейте.
А ты вперед, мой друг,
Ко наставлению не делай им услуг;
Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много».

КОТ И МЫШИ

Был кот и взятки брал:
С мышей он кожи драл,
Мышей гораздо мучил,
И столько им наскучил,
Чиня всегда содом,
Что жительство мышей, а именно тот дом,
Казался жителям сим каторгою лютой;
Свирепый тот
Мучитель-кот
Десятка по два их щелкал одной минутой.
Ненасытимый кот и день и ночь алкал
И целу армию мышей перещелкал.
Вся помочь им от ног; однако худы танцы,
В которых можно захромать,
А может быть, еще и ноги изломать;
Зарылись наконец они в подпольи в шанцы,
Чтоб кот не мог их более замать,
И ни одна оттоле не выходит;
Ни мышачья хвоста кот больше не находит
И тщетно разевает рот:
Постится кот;
Прошли котовы хватки;
Простите, взятки!
Подьячий! знаешь ты,

Как мучатся коты,
Которы ничего содрать не могут боле,
И сколько тяжело в такой страдати доле.
Сыскал мой кот себе подьяческий крючок:
Умыслил дать мышам он новенький щелчок,
И задними он гвоздь ногами охватил,
А голову спустил,
Как будто он за то, что грешен,
Повешен,
Являя, что мышам уже свободный путь:
И льстится мой мышей подьячий обмануть.
Не слышно более разбойникова шуму;
Так мыши сделали в подкопе думу,
Не отступил ли прочь герой,
И из коллегии все выступили в строй;
И чтя кота не за безделку,
Выглядывают только в щелку.
Увидели, что кот их жив
И лжив;
Ушли назад, крича: «Попрежнему кот бешен,
Попрежнему с нас кот стремится кожи драть
И взятки брать,
Хотя уж и повешен».

НОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Порядок естества умеет бог уставить
И в естестве себя великолепно славить.
К Юпитеру принес крестьянин календарь
И расписал подробно.
Ко хлебородию для года что способно:
Когда погребен дождь, сушь, холод, жар.
Он книжку ту подносит
И просит,
Чтоб было только то лишь ради нив его.
Юпитер отвечал: «Я сам того
Не сделаю, опричь тебя, ни для кого;
Я больше разума имею,
И сделать календарь получше я умею;
А ежели когда бывает он и худ,

То тайна естества и праведен мой суд».

Крестьянин этому не верит:
«Вот так-то, — мыслит он, — Юпитер лицемерит.
Когда бы в небесах между богов я жил,
Совсем бы естество не так расположил:
Всегда б была весна, всегда цвели бы розы,
И не было б зимы;

На что морозы?
И ввек бы не пахали мы;
Не молвил бы тогда прикащик: «Вы ленивы»,
И хлеб давали б нам несеянные нивы.

А это что за свет!
Весь год покою нет.
Рождались бы собой домашние потребности:

С горохом пироги, печоны хлеба;
А я бы на печи нетопленной потел,
И гусь бы жареный на стол ко мне летел».
Настало: кончилось его желанно лето.

А сделалось вот это:
Не возвратилися в деревню семена,
И с нив мужик пожал их только имена.

НАДУТЫЙ ГОРДОСТЬЮ ОСЕЛ

Осел вез дровни; в них стоит большой кумир;
Сбегается весь мир;
Безумные народы,

Противу разума и чувства природы,
Зовут его владыкой и отцом
И господом творцом;

На землю падая, во громогласном крике,
Творят моление вселенная владыке;

Никто и намекнуть того тогда не мог,
Что едет то не бог;

За это мудреца не палкой приударят:
Изжарят;

Кому захочется пропасть?
Мала у разума: у силы больше власть.
Кричат и мудрецы, не только протчи люди:
«О творче, милостив ко твари вечно буди!»

Присвоил тут Осел себе тот весь поклон,
И думает — бог он.
Кричит: «Я, я вселенной обладатель,
Земли и небеси создатель
И блага всякого податель».
Недолго был Осел в претяжкой сей вине,
Ударили его дубиной по спине,
И глупому Ослу то ясно показали
И доказали,
Сломив дубиной гордый рог,
Что он — Осел, не бог.

ДВЕ КРЫСЫ

Сошлись на кабаке две крысы
И почали орать:
Бурлацки песни петь и горло драть
Вокруг поставленной тут мисы,
В котору пиво льют
И из которья подчас и много пьют.
Осталось немного пива в мисе,
Досталось то пиво крысе:
Довольно нектару одной и мало двум;
Одна берет на ум:
«Лишуся этой я забавы,
Когда сестра моя пренебрежет уставы
И выпьет нектар весь она
Одна
До дна;
В приказах я бывала,
И у подьячих я живала;
Уставы знаю я».
И говорила ей: «Голубушка моя!
Ты кушай, радость, воду
И почитай во мне, дружок, воеводу;
Вить я его;
А про хозяина, сестрица, твоего
Не только слуха,
Да нет и духа».
И пиво выпила досуха,
А мерюю с два брюха.

Сестра ворчит и говорила так:
«Такой беседой впредь не буду я ласкаться
И на кабак
За воеводскими я крысами таскаться».

ВЫСОКОМЕРНАЯ МУХА

Лошак большое бремя нес,
А именно телегу вез,
Грузна была телега,
Хотя у лошака и не велика нега;
Однако он
Не слон,
И если взрючено пуд тридцать, так потянет,
Попрееет и устанет.
Муха на возу бренчит
И лошаку: «Ступай, — кричит, —
Ступай скоряй, ступай, иль я пустое мелю?
Не довезешь меня ты эдак и в неделю
Туда, куда я целю».
Как будто тот лошак для мухи подряжен
И для нее впряжен.
Ярится муха дюже,
Хотя она боярыня мелка,
И жестоко кричит на лошака
За то, что он везет телегу неуклюже.
Раздулась барыня; но есть и у людей
Такие господа, которые, и туже
Раздувшись, гоняют лошадей,
Которы возят их и коих сами хуже.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

По мрачной ноши,
Приятно воспевал на древе соловей;
Еще прекрасные тогда казались роши
От песни сей.
Робята у дерев тут ветви отнимали,
Деревья свежие ломали
И песни соловья ни мало не внимали.
Кукушка говорит: «Ты пой, или не пой,

Невнятен, соловей, прохожим голос твой;
Такая песенка приятна не бывала.
А если я открою рот,
Так пенье в рощах сих пойдет наоборот».
Закуковала
И вопит на суку.
Робята песню ту внимают
И прутья не ломают,
Да только лишь кричат за ней: «куку», «куку».
Кукушке подражать не трудно:
Она поет не чудно.
С пастушкой шел пастух,
И стали зажимать от хорной песни слух.
Потом и соловей запел; они внимают,
Увеселяя дух,
А те опять себе деревья тут ломают.
«Что? — спрашивал кукушку соловей, —
Не лучше ль песенка твоя моей?»
Достойной похвалы невежи не умалят,
А то не похвала, когда невежи хвалят.

ЧИНОЛЮБИВАЯ СВИНЬЯ

Известно то, что многим
Чины давно вошли в оброк четвероногим:
Калигулы коню великое давно
Достоинство дано;
Однако не одни лошадки
Имели таковы припадки,
Но многие скоты
Носили без плодов почетные цветы.
Взмурзилась и Свинья, чтоб ей повеличаться
И чином отличаться;
За чин-де более всего на свете чтут,
Так, точно главное достоинство все тут;
А без того была какая бы причина
Искать и добиваться чина?
Отказано свинье; в ней кровь кипит:
Свинья свиньей храпит,
Свинья змеей шипит
И от досады той не ест, не пьет, не спит.

О чем Свинья хлопочет!
Какой-то Философ то видит, и хохочет,
И говорит он ей: «Безумная Свинья!
Скажи, голубушка моя,
К чему названия Свинья пуста хочет?»
Она отвечает ему:
«К тому,
Чтоб было сказано когда о мне в банкете,
Как я войду в чины:
Превосходительной покушай ветчины».
Он ей отвечивал: «Коль нет меня на свете,
На что мне чин, душа?
Свинина же притом не чином хороша».

КАЛИГУЛИНА ЛОШАДЬ

Калигула, любовь к лошадушке храня,
Поставил консулом коня;
Безумну цесарю и смрадному маля,
Все чтут боярином сиятельна коня;
Превосходительством высоким титулуют;
Как папу в туфлю, все лошадушку целуют;
В Сенате от коня и ржание и вонь.
По преставлении Калигулы сей конь,
Хотя высокого указом был он роду,
Не кажется уже патрицием народу,
И возит Консул воду.
Невтон,
Не брав рецептами к почтению лекарства,
В почтеньи жил без барства,
В почтеньи умер он.

СТРЯПЧИЙ

Какой-то человек ко стряпичему бежит:
«Мне триста, — говорил, — рублей принадлежит,
Что делать надобно тяжбою, как он чаёт?»
А стряпчий отвечает:
«Совет мой тот:
Поди и отнеси дяку рублей пять сот».

ОСЬ И БЫК

В лесу воспитанная с негой,
Под тяжелой трется ось телегой
И, не подмазанна, кричит.
А бык, который то везет, везя — молчит.
Изображает ось господчика мне нежна,
Который держит худо счет,
По-русски — мот,
А бык — крестьянина прилежна.
Страдает от долгов обремененный мот,
А этого не вспомянет,
Что пахарь, изливая пот,
Трудится и тягло ему на карты тянет.

ХВАСТУН

Шел некто городом, но града не был житель;
Из дальних был он стран,
И лгать ему талант привычкою был дан.
За ним его служитель,
Слуга наемный был, и города сего,
Не из отечества его.
Вещает господин ему вещанья новы;
И говорит ему: «В моей земле коровы
Не менее слонов».
Слуга ему плетет и сам расказен ков:
«Я чаю, пуда в три такой коровы вымя;
Слонихой лучше бы ей было дати имя.
Я думаю, у ней один полпуда хвост;
А мы имеем мост,
К нему теперь подходим;
По всякой день на нем диковинку находим.
Когда взойдет на средину,
Кто в оной день солжет, мост тотчас разойдется,
Лишь только лжец найдется,
А лжец падет во глубину».
Приезжий говорит: «Коровы-то с верблюда,
А то бы очень был велик коровий хвост.
Слоновьева звена не взрютишь на три блюда;
А ты скажи еще, каков, бишь, ваш ат мост?» —

«А мост ат наш таков, как я сказал, конечно». —

«Такой имети мост,
Мой друг, бесчеловечно.
Коровы-то у нас
Поболе, как у вас:

А мост ат ваш каков?» — «Сказал уже я это;
У нас же и зимой рекам весна и лето:

Нам

Мосты всегда потребны по рекам». —

«Коровы-то и здесь такие ж как и там;
Мне только на-этот час ложно показалось,
И оттого-то все неловко и сказалось;

А мост ат ваш каков?» —

«Как я сказал, таков».

Проезжий говорил: «Коль это без обману,
Так я через реку у вас ходить не стану».

СОВА И ЗЕРКАЛО

Сова увидела во зеркале себя,

И, образ свой любя,

Она негодовала,

И говорит она: «И сроду не бывала

Толико я дурна,

Или твоя краса в сей только час погибла?»

Озлилася сова и зеркало расшибла.

ВОРОНА И ЛИСА

И птицы держатся людского ремесла:

Ворона сыру кус когда-то унесла

И на дуб села.

Села,

Да только лишь еще ни крошечки не ела.

Увидела Лиса во рту у ней кусок

И думает она: «Я дам Вороне сок.

Хотя туда не вспряну,

Кусочек этот я достану,

Дуб сколько ни высок.

«Здорово, — говорит лисица, —

Дружок, Воронушка, названная сестрица!

Прекрасная ты птица;
 Какие ноженьки, какой носок,
 И можно то сказать тебе без лицемерья,
 Что паче всех ты мер, мой светик, хороша;
 И Попугай ничто перед тобой, душа;
 Прекрасные сто крат твои павлиньих перья;
 Нелестны похвалы приятно нам терпеть.
 О если бы еще умела ты и петь!
 Так не было б тебе подобной птицы в мире».

Ворона горлушко разинула пошире,
 Чтоб быти соловьем,
 «А сыру, — думает, — и после я поем:
 В сию минуту мне здесь дело не о пире».

Разинула уста
 И дождалась поста:
 Чуть видит лишь конец лисицына хвоста.
 Хотела петь — не пела;
 Хотела есть — не ела;
 Причина та тому, что сыру больше нет:
 Сыр выпал из роту Лисице на обед.

МЫШЬ МЕДВЕДЕМ

Хранити разума всегда потребно зрелость,
 И состояния блюсти невредно целость:
 Имей умеренность, держи в узде ты смелость;
 Нас наглости во бедства мчат.

Пожалована мышь богами во медведи;
 Дивятся все тому — родня, друзья, соседи,
 И мнится, что о том и камни не молчат;
 Казалось, о том леса, луга кричат.

Крапива стала выше дуба;
 На голой мышши шуба,
 И из курячей слепоты
 Хороши вылились цветы.

Когда из низости высоко кто воспрянет,
 Конечно, он гордиться станет,
 Наполнен суеты,
 И мнит: «Как я еще тварь подлая бывала,
 И в те дни я в домах господских поживала,
 Хоть бегала дрожа,

А ныне я большая госпожа;
И будут там мои надежно целы кости;
На пир пойду к боярину я в гости.
Пришла на двор;
Собаки все кричат: «Вошел в ворота вор,
Разбойник, кровопийца,
Грабитель и убийца».
Трухнул медведь
И стал робеть.
Однако поздно.
Настало время грозно.
Хозяин говорит: «Попотчевать пора
Нам гостя дорогого;
Дождемся ли когда медведя мы другого?
Да лишь без пошрины не спустим со двора».
И тут рогатиной его пощекотили,
Дубинною поколотили
И кости у него, как рожь, измолотили.

МУЖИК С КОТОМКОЙ

Без разбору ты ври про чужие дела,
Та работа не так, как твоя, тяжела.
Нет: не дивно нимало и мне, как тебе,
Что милее на свете всего ты себе,
Да чужого труда ты не тщишь умалять,
И чего ты не знаешь, не тщишь похулять.
Если спросишь меня,
Я скажу, не маня,
Что честной человек
Этой гнусности сделать не может вовек.
Посмотри
И держи то в уме:
Нес мужик пуда три
На продажу свинцу, в небольшой котоме,
Нагибается он, да нельзя и не так:
Вишь, не грош на вино он несет на кабак.
Мир ругается, видя, что гнется мужик:
Свинценокосца не кажется труд им велик.
Им мужик отвечал:
«Труд мой кажется мал;

Только бог это весть,
Что в котомишке есть,
Да известно тому,
Кто несет котому.

ПАХАРЬ И ОБЕЗЬЯНА

Мужик своим трудом на свете жить родился,
Мужик пахал, потел, мужик трудился.

И от труда

Он ждет себе плода.

Прохожий похвалил работника с дороги.
То слыша, подняла и обезьяна ноги
И хочет похвалы трудами испросить,
От любочестия и в ней разжегся пламень.

Взяла великой камень

И стала камень сей переносить

На место с места.

А камень не пирог, и сделан не из теста;
Так ежели когда носить его хотеть,
Конечно, надлежит, нося его, потеть:

Потеет и трудится.

Другой прохожий шел,

В труде ее нашел

И говорит: «На что толикой труд годится?
Безумцы никогда покоя не хранят». —

«Вперед не заманят

К трудам меня», — она болтала,

Свой камень бросила, трудиться перестала

И жестоко роптала:

«За что хвала другим, за то меня бранят».

ДВА РАКА

Рак раку говорил: «Куда ты, рак,
Какой дурак!

Ты ни шага пройти порядком не умеешь.

Кто ходит так?

Иль ног ты не имеешь?»

Покажется, один из них был забияка,

Другой был трус,
А то бы стала драка.
Однако не хочу в трусах оставить рака:
И тот подымет ус.
«Походкою иною, —
Сказал ему, — пройди ты сам передо мною».

ТЯЖЕЛЫЙ КОМАР

Комар не глуп,
Увидел дуб,
Уселся тамо
И говорит он так: «Я знаю его прямо,
Что здесь меня стрелок,
Конечно, не достанет;
Мой дуб высок,
И дробь сюда не вспрынет;
В поварню он меня, ей-ей, не отнесет
И крови из меня никто не пососет;
Сей дуб меня спасет».
А в те часы восстала буря,
Озлился воздух весь, глаза, сердясь, нахмуря,
Весь лес трясет,
А дуба вишь никто конечно не нагнет.
Комар поет, а ветер ревет
И дуб сей рвет.
Высокий этот дуб от ветра повалился;
Уж дуба больше нет;
Пришла его кончина.
Комар сказал: «Ах! я тебя отяготил;
А то б тебе злой ветер беды не накутил,
И от меня, увы! пришла его кончина.
Ах! я твоей, ах! я напастей сей причина».

СВИНЬЯ И КОНЬ

Свинья сказала то коню:
«Дружочек, я тебя виню,
Что ты дурачеству даешь безумно дань.

Почто выходишь ты на брань,
Когда между собой в войне герои трутся,
А попросту дерутся
И в нужде сей тобой стремятся овладеть?
Не лучше ли тебе и дома посидеть?»
Ей конь ответствует: «Я знаю, ты свинья;
А я
Ущерба там себе нимало не встречаю,
Где я прославиться для пользы света чаю».

ПРОСЬБА МУХИ

Старуха
И горда муха
Насытить не могла себе довольно брюха,
И самого она была гордейша духа.
Дух гордый к наглости всегда готов.
Взлетела на Олимп и просит там богов;
Туда она взлетела с сыном,
Дабы переменить ее мушонка чином,
В котором бы ему побольше был доход.
Кот
В год
Прибытка верного не меньше воевод
Кладет себе на счет.
«Пожалуйте котом вы, боги, мне мышонка,
Чтоб полною всегда была его мошонка».
На смех
Прощением она богов тронула всех;
Пожалован: уже и зубы он готовит,
И стал коток
Жесток,
И вместо он мышей в дому стал кур ловить:
Хотел он видно весь курятник истребить
И кур перегубить;
Велели за это ката убить.
Смерть больше всякия на свете сем прорухи:
Не должны никогда котами быти мухи,
Ниже вовек
Каким начальником быть подлый человек.

КОРШУН В ПАВЛИНЬИХ ПЕРЬЯХ

Когда-то убрался в павлиньи коршун перья,
И признан ото всех без лицемерья,
 Что он павлин;
 Крестьянин стал великий господин
 И озирается гораздо строго,
Как будто важности в мозгу его премного.
Павлин мой чванится, и думает павлин,
 Что едакой великой господин
 На свете он один,
И туловище все, все гордостью жеребо,
Не только хвост его, и смотрит только в небо;
 В чести мужик гордится завсегда,
И ежели его с боярами сверстают,
Так он без гордости не взглянет никогда;
С чинами дуности душ подлых возрастают.
Рассмотрен наконец богатый господин:
Ощипан он и стал ни коршун, ни павлин.
Кто коршун — я лишен такой большой догадки,
 Павлиньи перья — взятки.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

 Лисица взлезть
 На виноград хотела:
Хотелось ягод ей поесть;
 Полезла, попотела;
 Хоть люб кусок,
 Да виноград высок,
И не к ее на нем плоды созрели доле,
Пришло оставить ей закуски поневоле.
 Как добычи Лисица не нашла,
 Пошла,
 Яряся злобно,
Что ягод было ей покушать неудобно:
«Какой, — ворчала, — то невкусной виноград,
До самых не созрел таких он поздних чисел;
 Хорош на взгляд,
 Да кисел.

Довольно таковых
Лисиц на свете
И гордости у них
Такой в ответе.

ПАРИСОВ СУД

У парников сидели три богини,
Чтоб их судил Парис, а сами ели дыни.
Российской то сказал нам древности толмач
И стихоткач,
Который сочинил какой-то глупый плач
Без склада
И без лада.
Богини были тут: Паллада,
Юнона
И мать Купидона.
Юнона подавилась,
Парису для того прекрасной не явилась;
Минерва
Напилась, как стерва;
Венера
Парису кажется прекрасна без примера,
Хотя и все прекрасны были:
Прекрасны таковы Любовь, Надежда, Вера.
А сидя обнажась, весь стыд они забыли.
Парис на суд хоть сел,
Однако был он глуп, как лосось иль осел.
Кокетку сей судья двум бабам предпочел,
И рассердил он их, как пчельник в улье пчел;
И Дию он прочел
Экстракт и протокол:
Дий за это его не взрютил чуть на кол.
Венера возгордилась,
Дочь мозгова зардилась,
Юнона рассердилась,
Приама за это остригла и обрила
И Трою разорила.

КОЗЕЛ И ЖЕМЧУЖНАЯ РАКОВИНА

Козел, шатаясь, увидел мать жемчужну, —
Так раковину все жемчужную зовут, —
И, почитая ту за вещь для всех ненужну,
Сказал с насмешкою: «Ты, лежа век свой тут,
Какую сделала, скажи ты мне, услугу
Земному кругу?»

А я всегда встаю с зарею по утрам,
Хожу пасти в луга и лажу по горам
День целый».

Ответ дала козлу и раковина смелый,
Сказавши так:
«Козел, дурак,

Когда ты по горам, тварь глупая, бродила,
В то время перло я жемчужное родила».

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ О ЦАРЕ

Лягушки некогда Юпитера просили,
Чтоб дал он им им царя;
А просьбу вот они какую приносили
Правителю небес, со плачем говоря:
«Живем мы своевольно;
Неправд у нас довольно:
У нас
На всякий час
Друг дружку ненавидят;
Бессильных сильные обидят;
А сильный сильного считает за врага,

И кто кого смогà,
 Так тот того в рога;
 И словом, все у нас наполнилось сим ядом;
 Мы стали фурии, болото стало адом».

Зевес
 Услышал просьбу их с небес
 И ко просящему народу
 Отрубок древа бросил в воду,
 Сказав: «Вот, бедна тварь,
 Вам дался царь».

Чурбан от высоты упал и сделал волны;
 Лягушки, радости и страха полны,
 С почтеньем на владыку зрят
 И тако говорят:
 «Теперь дадутся нам полезные законы,
 Восстановятся здесь правдивые суды,
 И не останутся вдовы без обороны;
 Все, словом, кончатся у нас теперь беды».

И, в ожидании сего повсеминутном,
 Лягушки много дней сидели в блате мутном,
 Не выходя на свет.
 Но все у них равно: царя как будто нет.
 Потом лягушек миллионы
 Восстали и царю все делали поклоны.
 Перед царем тварь бедная дрожит,
 А царь лежит,
 Поклонов их не примечает
 И ни словечушка на речь не отвечает,
 Которую ему лягушки говорят.
 Лягушки это зрят
 И думают, что их владетель горд безмерно;
 Однакож служат все царю нелицемерно;
 Притом
 Жалеют лишь о том,
 Угодна ли царю лягушечья услуга,
 И вопрошают все друг друга,
 Ко уху говоря:
 «Знать, царь не ведает лягушечья языка;
 Повеселим царя,
 У нас изрядная вокальная музыка».

Запели все: одна кричит,

Другая тут ворчит,
А третья хлещет,
Четвертая хохочет,
Иная дребезжит.

Но царь лежит,
Музыки их не внемлет

И головы, как мертвый, не подьмет.
Лягушки целый день кричали: «Крак, крак, крак!

Конечно, царь наш почивает».

А царь и не дышит, и не зевает.
Сказали наконец: «Владелец наш дурак

И ничего не знает;

К себе нас не зовет и прочь не отгоняет.

Приступим мы к нему —

Учить его уму».

Но что за чудеса! Лишь ближе подошли, —

Чурбан, а не царя, в царя своем нашли;

В противность всей природе,

Опять друг дружку бьют.

Восстал опять мятеж в лягушечьем народе,

Опять бессильные на небо вопиют:

«Усилосердися, Юпитер, над рабами!

Смягчися нашими мольбами!

Воззри на бедну тварь!

Какой тобою дан нам царь?

Он наших бед не ощущает,

Обидимых не защищает.

Пошли ты нам царя,

Который бы, на бедства наши зря,

И царство управлял, как кормщик правит судно».

Юпитеру не трудно

Спокоить тварь:

Послал айста к ним, и стал айст их царь.

Приняв престол, айст лягушек всех считает,

Обидчиков хватает

И их глотает.

Айсту царску честь

Дают бессильные лягушки,

Что им истреблены обидчиков всех души;

А царь их всякий день не может, чтоб не есть.

Так не осталось в болоте ни лягушки.

НАКАЗАНИЕ ВОРОЖЬЕ

Несется весть,
Что будто колдуньи, конечно, в свете есть,
И если должно верить,
Так должен я и сам сие за правду мерить;
А ежели за ложь приемлют весть сию,
Так я за что купил, за то и продаю.
Село стояло,
Велико или мало —
Того не знаю я,
Лишь знаю, что в селе жила ворожея,
Котора дьяволам на жертву приносила
Прокляты ворожбы,
И через то ей дьявольская сила
Покорна так была, как барыне рабы.
Она могла луну лишати света,
Деревья иссушать средь лета,
Через дьявольскую мочь
Из дня творила ночь,
А по зимам цветы произрастала
И ворожкой своей блистала.
В ее послушности был Стикс и Ахерон,
И сам Харон
По повелению ее людей из света
Перевозил во ад в цветущие их лета,
Погибнувших различными смертми;
И словом, баба эта
Была царица над чертьми.
У сей ворожеи пропала вещь бездельна —
Любимая ее собачка вдруг постельна.
Несносная печаль!
Собачки жаль.
С печали баба чуть зевает,
Наводит ночь,
Диаволов к себе из ада призывает
И им повелевает
Себе помочь
Через дьявольскую мочь.
Земные недры отворились,
И ветры в воздух устремились,
Нагнали грозны облака;

Льетса молния, как огненна река,
Пределы света попалить готова,
И только ждет колдуньяна лишь слова,
 Что скажет ей она.
Прибегли духи все и сам к ней сатана
 И в трепете сие вещает:
 «Вселенну гибель устрашает;
 Ты можешь все сожечь».
Ворожея не только внемлет речь,
Не делает и к сожаленью знака;
Ворчит: «Мне нужды нет,
Пускай погибнет свет,
Лишь только мне сыщись любезная собака».
 Но что потом?
Блеснула молния, и грянул гром,
Убил ворожею и сжег ее весь дом;
 Вселенна в целости осталась;
 Собака вечно не сыскалась.
Разбеглись дьяволы, как лестные друзья,
Погибла изо всех одна ворожея.
Читатель, волен ты, тебе и думать вольно,
 Что в свете есть довольно
 Сей
 Подобных ворожей,
Которые рачат о пользе не чужей,
 А только о своей.

ПОВАР И ПОРТНОЙ

Удобней повару и жарить, и варить,
Как о поваренном портному говорить.
Не знаю было где, в Литве ли, или в Польше,
Тот ведает про то, кто ведает побольше;
Я знаю только то, что ехал пан,
А ехать из гостей — так ехал пьян.
 Навстречу вдруг прохожей,
 И сшелся с паном — рожка с рожей.
 Пан спесью и вином надут.
Под паном двое слуг коня его ведут.
 Конь гордо выступает,

Пан в спеси утопает,
 Подобно как петух.
 За паном много едет слуг.
 А встретившийся с ним в одежде идет скудной.
 Пан спрашивал его, как человек рассудной:
 «Какое ремесло имеешь за собой?» —
 «Приспешник, государь, стоит перед тобой». —
 «Коль так, ответствуй мне, доколь не плюну в рожу:
 Когда приспешник ты, так знаешь ли ты вкус,
 Что считаешь ты за лучший кус?» —
 «У жареного поросенка кожу», —
 Ответствовал приспешник так. —
 «Ты — повар не дурак, —
 Пан говорил ему, — и дал ответ мне смело;
 Поэтому свое ты прямо знаешь дело». —
 И по словам его пан щедро наградил,
 Подобно как отец, хотя и не родил.
 Приспешник с радости мой, поднимая ноги,
 Помчался вдоль дороги.
 Навстречу повару дорогой шел одной —
 А кто? Портной.
 Знакомцы оба,
 Притом же и друзья, хотя и не до гроба,
 Однако же друзья.
 «Куда ты, брат Илья,
 Бежишь поспешно?»
 Другой отвечает: «Теперь уж я
 Скажу смеленько, брат, что мастерство приспешно
 Получше твоего;
 Не знаешь ничего
 Ты, пьяница Петрушка,
 Что будет у Ильи великая пирушка!
 Взгляни на мой карман.
 Довольны мы с женою оба,
 И не прожить нам с ней до гроба,
 Что дал нам пан,
 Который лишь теперь проехал пьян». —
 И вытянул мешок со златом он с лисенка. —
 «Вот что от пана я достал за поросенка!»
 И денежки в мешечке показал,
 Притом все бытие приятелю сказал.
 Портной, на деньги глядя, тает,

Из зависти он много их считает
И помышляет так:
«Конечно, пан — дурак,
Что дал за поросенка
Мешок он золота с лисенка;
И сам я побегу
И господина настигу;
И если мудрость вся лишь в коже поросячей,
Так я его обрею, как подьячий».
Сказав сии слова,
Пустилась в путь безумна голова.
Пан ехал тихо,
Портной бежал мой лихо
И в миг
Боярина настиг.
Кричит: «Постой, боярин!
Я не татарин,
И не срублю;
Я не имею сабли,
Не погублю.
Все члены у меня в бежании ослабли.
Приспешник я, не вор».
Пан слышал разговор
И, видя за спиною
Бегущего не вора с дубинюю,
Коня сдержал.
Портняжка прибежал,
Пыхтит и, как собака, рьяет
И чуть зевает,
Лишася бегом сил.
Тогда его боярин спросил:
«Зачем ты, скот, за мною
Без памяти бежал?
Лишь только ты меня, безумец, испужал;
Я думал, что бежит разбойник с дубинюю».
Портняжка говорит: «Не вор я, государь!»
А пан ему на то: «Какая же ты тварь?» —
«Я мастерство, — сказал, — приспешное имею
И хорошо варить и жарить я умею».
Пан тотчас спросил: «Что слаще у быка?»
Сказал безумец: «Кожа».
Тотчас раздулися у повара бока и рожа,

И брюхо, и спина
Плетьми ободрана.
Пошел портняжка прочь неспешно
И плачет неутешно —
Клянет боярина и мастерство приспешно.

КОНЬ ЗНАТНОЙ ПОРОДЫ

Два проданы коня,
Какие — лишь о том не спрашивай меня.
Один был в них хорош, другой похуже;
Так за худого дать невозможно цену ту же,
Какая за коня хорошего дана;
Коль хуже был собой, так меньше и цена.
Хорошего коня поставили на стойло,
Всегда довольный корм дают ему и пойло.
Конем любитесь всечасно господин.
Конь, будто дворянин,
Пьет, ест, гуляет в поле
И поднимает нос.
Другой — всегда в неволе,
Таскает на себе грязь, воду и навоз.
Коню то стало скучно,
Что он с трудами неразлучно;
Наскучила навозна вонь;
Хозяину пеняет конь:
«Конечно, моего не ведаешь ты роду,
Что возишь ты на мне навоз всегда и воду;
А если бы моих ты праотцев узнал,
Конечно б, пред конем ты первенство мне дал,
Которого купил со мною ты недавно;
Рождение мое, конечно, с ним не равно.
Меня
Такого у себя имеешь ты коня,
Которому Пегас и Буцефал родня;
Так может ли тот конь в равенстве быть со мною?»
Хозяин вдруг пресек речь конску дубиню;
Ударив по спине,
Сказал: «Нет нужды мне
До знатнейшего роду;
Цена твоя велит, чтоб ты таскал век воду».

ВОР И ПОДЪЯЧИЙ

Поиман вор в разбое,
Имел поличное, колечко золотое,
Которое пред тем с подьячего склевал
В ту ночь, как вор сего воришка разбивал;
Хотя подьячего так звать неосторожно,
Однако ж взятки их почесть разбоем можно;
Затем я назвал так.
Подьячий не дурак,
Да только что бездельник;
Он вора обличал,
Что точно у него кольцо свое узнал,
И с тем еще других пожитков он искал.
На то в ответ сказал подьячему мошенник:
«Когда меня за то достобит бить кнутом,
Так должно и тебя пытаться, подьячий, в том:
Когда родитель твой жил очень небогато,
Откуда ж у тебя сие взялося золото?
Разбойник я ночной,
А ты дневной;
Скажу я и без пытки,
Что я пожитки
У вора крал,
Который всех людей безвинных обирал.
С тобою мы равны, хоть на весах нас взвесить;
И если должно нас, так обоих повесить».

СЕУПОЙ

Живал-бывал старик, а в нем была душа,
Котора издержать жалела и гроша;
Через что скопил себе он денег много
И столько строго,
Как стоик, жил,
Ел хлеб и воду пил,
И только мой старик лишь денежки копил
И их любил,
Любил он страстно;
И держит их — ему казалось — напрасно;

Но пользы нет,

Хотя б во области имел он целый свет
И злата б множество в дому его лежало:
Скупому прибыли в богатстве нет нимало,

Он —

Как Молиеров Гарпагон,
Или каков у Федра есть дракон,
Который на своем богатстве почивает,
А Сумароков называет

Такого дураком
И стражем своего имения,
Которому в нем нет увеселенья.

Детина с стариком
Был свой или знаком —

За подлинно я вас не уверяю,
А только прежнее я слово повторяю:
Детина с стариком в едином доме жил
И спал с ним на одной постеле,
А пил и ел ту ж воду, тот же хлеб,
Чрез что душа едва держалась в теле;
Но взять детине где б
Послаще съесть кусок? Уж скучил той он пищей,
Скупой живет, как нищий;
Все деньги заключил

В неволе у себя, без прибыли народу,
Без пользы и себе, ест хлеб и пьет он воду.

Детина ту тюрьму хотел освободить
И бедных пленников на волю испустить,
Старается о том и денно он, и ночью,
Влюбился в денежки детина и заочно;

Желает страстно он мешки пересчитать,
— И стал он наконец любовник, а не тать,
Имея сердце нежно,
Старается прилежно.
Детина был удал;

Он, время улуча, желанье исполняет:
Взял деньги, а мешки песком все наполняет,
А деньгам волю дал;

Старик еще сего несчастья не знает,
Мешки свои с песком за деньги почитает.

Но некогда он класть проценты вскрыл сундук

Поворотя мешок, не тот услышал стук,
Кой прежде в нем бывал. Старик тут удивился,
Вскричал: «Ахти, пропал я, денежек лишился!»

В беспамятстве упал.

Опомнясь, и в тоске, у петли уж стоял:
Он с деньгами хотел и живота лишиться.
Детина тут сказал: «Доколь тебе крушиться?»

Невозвратно что,
Жалеть ю том почто?

Престань, одумайся, прерви рыданье слезно,
Ведь деньги у тебя лежали бесполезно.

Богатства для тебя довольно в сундуке,
И надобность одна — что в деньгах, что в песке».

ДЕТИНА И КОНЬ

Детина на коне, имея ум незрелый,

Скакал день целый

Во всю коневью мочь.

Приходит ночь,

Лошадушка устала,

Скакать потише стала

И шла шагòм.

Внезапно с стороны набегли воры.

Детина — трус сражаться со врагом;

Дает лошадке шпоры

И плетью бьет.

Лошадушка не йдет

И говорит детине:

«Моей уж мочи нет,

Хоть бей, хоть нет меня по спине;

Когда б ты давича умел меня беречь

И не давал мне муки,

Не отдала б теперь тебя ворам я в руки».

Читатель, примечай, к чему моя здесь речь:
Кто в юности свои пороки побеждает,
Тот в старости свой век покойно провождает.

СОРОКА, ГАЛКА И СОЯ

Сорока с галкою нашли кусок добра

Мешочек серебра,

И, сидючи, щекочут,

Друг другу уступить не хотят.

Так идет спор у обоих.

Летела соя мимо их,

Спустилася проворно.

«О чем, сестрицы, так вы спорите задорно?»

Сорока с галкою сказали ей в ответ:

«Сестрица, ты наш свет,

Дружочек,

Нашли мы сей мешочек,

И нам принадлежит он обоим,

А разделить мы не умеем —

Затем и спор имеем».

Сказала соя им:

«Голубушки сестрицы,

Разумные вы птицы,

Обеих вас люблю,

Позвольте мне, я вас обеих разделю;

Скажите правду мне и не утайте дела:

Которая сперва к мешочку прилетела?»

Тут обе говорят пред соей: «Я сперва

К находке прилетела». —

«Так мне не разобрать, сестры, меж вами дела.

Вспорхните ж вы отсель и сядьте на древа,

И коя прилетит при мне к находке прежде,

Той будет серебро». Вспорхнули в той надежде.

Но соя к серебру полакомее их,

Схватя мешок и сестр оставя обоих,

Внезапно улетела,

А дело их решить по времени хотела.

С того часа между людей несется речь,

Что должно серебро от этих птиц беречь,

Которые по всем домам теперь летают,

И если деньги где на окнах обретают,

Себе хватают,

За тем что их они своими почитают.

БОРАБЛЬ И ЛОДКА

Невдалеке

Корабль да лодочка стояли на реке,

И, вздернув нос,

Сей лодка кораблю соделала вопрос:

«Не думаешь ли ты, что я тебя поуже?

Хоть я тебя собой поменьше и поуже,

Но храбрость я в себе имею ту же,

Какую, великан, в себе имеешь ты:

Я также плаваю, как ты, в просторном море,

И ежели со мной ты хочешь стать в сем споре,

Пойдем, отведаем своих мы тамо сил,

И как бы ветер меня по п̄онту ни носил,

То верь, дружок мой, что я не ослабею

И пред величеством твоим не оробею».

Окончив разговор,

Пошли окончить спор

И вышли в море;

А на море восстала буря вскоре:

Ужасный ветер ревет,

И гладкий вод хребет

Переменился в горы,

Пловцов покрылись мраком взоры,

И парусы все буря рвет.

Трещит корабль, и рвутся все веревки,

Пришло не до издевки.

Но лодке с кораблем сил равных не дано,

И окончание их было не одно:

Корабль по буре цел, а лодочка — на дно.

Великая душа в напастях познается,

Какая от небес не всякому дается.

СУЕВЕРИЕ

Когда кокушечки кокуют,

То к худу и к добру толкуют.

Старухи говорят: «Кому вскричит сто раз,

Тому сто лет и жить на свете;

А если для кого однажды пустит глас,
Тому и умереть в том лете.
А к этому теперь я басенку сварю,
И вас, читатели, я ею подарю.
Ходила девка в лес, услышала кокушку,
И стала девушка о жизни ворожить:
«Скажи, кокушечка, долгонько ли мне жить?
Не выпущу ли я сего же лета душку?»
Кокушка после слов сих стала коковать,
А девушка моя, разиня рот, зевать.
Подкралася змия и девку укусила,
Подобно как цветок средь лета подкосила;
Хотя кокушка ей лет со сто наврала,
Но девка от змеи в то ж лето умерла.

СУД КАРТИНЕ

Один то так, другой то инако толкует,
И всякий по своей все мысли критикует.
Льву вздумалось себе Венеру написать,
А дело рассудил мартышке приказать.
Призвав ее к себе, и тако ей вещает:
«Мартышка, знаю я, что зверь искусный ты;
Примись и сделай мне богиню красоты,
Изобрази ее всех прелестей черты».
Мартышка дело все исполнить обещает,
Пошла домой исполнить львов приказ.
Ей дочь была своя красавица для глаз.
«Довольно, — говорит, — мне будет для примеру
Намалевать с нее прекрасную Венеру».
И написала в-точь
Свою мартышка дочь.
«Вот, — с радости кричит, — для удовольствия львова
Красавица готова!»
И тако своего мартышка ремесла
Картину принесла.
Лев, зря картину живу:
«Но только, — говорит, — прибавить должно гриву,
Которая б во всем подобилась моей;

Тогда-то должно честь отдать картине сей». Мартышка говорит: «То было бы безбожно, Когда Венерин лик похулить здесь возможно;

Она точь-в-точь

Похожа на мою большую дочь,
Которая, скажу, красавица, я прямо».

Но лев стоит упрямо.

«Пожалуй, — говорит, — сей мысли не порочь,
Которой никогда не думаю оставить;
Конечно, надобно, чтоб гриву к ней приставить».

И тако идет спор.

Но лев решити тем сей вздумал разговор:

Собрать зверей и всю скотину

Судить картину.

Мартышка идет в суд

И мнит, что честь ее картине отдадут;

Так думала мартышка.

Пришла всех прежде мышка.

«Прекрасно, — говорит, — лицо ее и рост,

Да только надлежит прибавить ей мой хвост,

Тогда совсем она красавица явится».

Пришел тут слон и, зря, дивится:

«Куда, — он говорит, — развратен ныне свет!

У сей красавицы и хобота уж нет».

Верблюд сказал: «Когда б моя спина и ноги,

То прямо бы она красавица была».

Оленю речь была верблюжья не мила:

«Когда бы, — говорит, — мои ей только роги;

Да можно ль, чтоб когда без рог могли быть боги?»

Тут бык сказал: «Тогда б хорошей лъзя назвать,

Когда бы роги ей мои прималевать».

И в том стоял упрямо.

Но вебрь заговорил: «Не знаете вы прямо

Прямого хорошства, и так вы дураки;

Ей надобно мои клыки».

Потом пришел осел к написанной картине:

Не полюбилася и сей она скотине;

Он прочих мнение опроверг,

И говорит: «Поверх

Сея прекрасной туши

Когда бы написать мои большие уши,

Тогда б сказал и я,

Что прямо хороша красавица сия».

Козел восстал против зверей и всей скотины,
 Когда пришла ему промолвить череда:
 «Ко украшению прекрасной сей картины,
 Конечно, надобна, — сказал он, — борода».

Крот выполз из норы, сказав: «Хоть я не вижу,
 Однако ж думаю, что я вас не обижу,
 Когда скажу теперь полезное для вас:
 По мненью моему, быть должно ей без глаз».

Противу сих речей тут все взнегодовали,
 Невежею крота и глупым называли;
 Однако же крота хотя всяк глупым звал,
 Но мненья своего никто не отставал.

Тогда мартышка льву и всем зверям пеняла,
 А мненья и она того не отменяла,
 Что точно ею львов исполнен был приказ
 И что она должна всем нравиться для глаз:

«А если вашего держаться мне примеру,
 Так должно написать прегнусную химеру,
 А не Венеру».

СОБАКА НА СЕНЕ

Ни самому не брать
 И людям не давать —
 У всех завистливых такие странны нравы,
 И те уставы
 У них затверждены;
 Такие нравы
 От злого сатаны

Сим ядом зависти живут повреждены,
 И если он себя не пользуется благим,
 Однако же отнюдь не хочет дать другим.

А к этому скажу старинную я сказку.
 Но где, о муза, где возьму такую краску,
 Дабы живее мог я зависть описать?

Один хозяин был, смирен иль забияка,
 Того нельзя сказать —
 Чего не знаю;
 Лишь то напоминаю:
 Хозяин был, а у него собака,

Которая свою жизнь счастливо вела,
 Один с ним ела кус, а на сене спала,
 Спала, его не ела,
 Да голько лишь того собака не терпела,
 Чтобы хозяйская скотина сено ела:
 Корова ли придет, иль лошадь сено есть,
 Собака все на них от зависти ворчала
 И тем скотине всей безмерно докучала;
 Хотя скотина вся просила сена в честь,
 Собака не внимала
 И к сену не пускала,
 А и сама не ест.
 Хозяин то приметил
 И делом сметил,
 Что в псе велика злость.
 Он, взявши трость,
 Которая была потолще и полена,
 А именно он, взявши пест,
 Погнал собаку с сена,
 Притом ей говорил: «Поди-ко, друг мой гость,
 Под лавку ляг и там гложи вчерашню кость,
 Которая тебе осталась от обеда,
 Коль честь тебе не в честь;
 Травы тебе не есть,
 А ешь-ко то, что ест собака у соседа,
 А это дай другим, кто может это есть...»
 Пошла собака с сена,
 Боль чувствуя в боку.
 О, чудная премена!
 Собаки той кровать досталась съесть быку.

ЛИСИЦА И БОБР

Лисица некогда к Юпитеру ходила
 И, идучи оттоль, сошлася со бобром.
 «Куда, — спросил лису бобр, — кумушка, бродила?» —
 «Ходила я туда, отколь к нам мещут гром,
 И множество с собой я весточек имею, —
 Лисица в гордости рассказывала так, —
 То ведает не всяк,
 Что ныне я, сошед с Олимпа, разумею.

Теперь

Не всякий по земли скитаться будет зверь:

Там вышло повеленье,

И так угодно небесам,

А то определенье

Скрепил Юпитер сам:

Волк с зайцем будут в поле,

Баран, конь, бык и пёс

Останутся в неволе;

Медведям, тиграм, львам дремучий отдан лес;

В степях отныне жить слонам дано великим;

Стремнины, горы, рвы — козам, баранам диким;

Болота отданы в дом вечно кабанам;

Бобрам в реках со выдрами вселиться,

А прочее во власть оставлено все нам». —

«Но человеку чем осталось веселиться?» —

Лисицу бобр спросил. —

«Сию Юпитер тварь всего того лишил

И не дал нашего проворства ей, ни сил;

Единое ему в утеху он оставил,

Чтоб больше нашего умом своим он правил,

И только, кум,

Для человека лишь один оставлен ум.

Какая для него оставлена безделка!»

Но бобр лисе в ответ:

«Ах, кумушка, мой свет,

Худая будет нам со человеком сделка,

И дар сей кончится, конечно, не добром.

Не осердись, что я слова промолвлю грубы:

Он будет лисьи шубы

Опущивать бобром».

Читатели, и вы, мною, скажете здесь то же,

Что качество души телесных сил дороже.

ОБЩЕСТВО

Не знаю, как

Сошлись четверо в кабаке:

Портной, кузнец, сапожник

Да хлебопашества художник;

И все за стойкою сидят,
Пьют пиво и вино, подовые едят.
Когда до пьяна напился,
Тогда они разовралися,
И ремесло хвалить тут начал всяк свое.
Портняжка прежде всех сказал других сие:
«Когда бы не было портных на белом свете,
Так вы бы в осени, в весне и жарком лете,
И зиму к ним еще прибавить барышом,
Ходили нагишом».
Сапожник при задоре
Не уступил портному в споре
И говорит: «Портняжка, врешь!
Ты только платье шьешь
И одеваешь тело:
Мое нужные дело;
Я в свете твоего поболее знаком;
А без меня вы, ходя б босиком
В толь дальние дороги,
Попортили бы ноги;
А вздень-ко сапоги,
Куда ты хочешь — побегу
И ног не береги,
Хоть были бы в пути камень и пороги».
Крестьянин им на то: «Все ваше ремесло
Давно б крапивою заросло,
Когда бы не пахал я пашенку святую». —
«Оставьте мысль пустую, —
Кузнец сказал им всем, —
Поболее нуждицы вам в ремесле моем,
Один на свете сем прямой лишь я художник;
Вы чем бы стали шить, портной, и ты, сапожник?
А ты б, крестьянин, чем стал пашенку пахать,
Когда бы перестал я молотом махать?»
Тут виночерпий им сказал, за стойкой сидя:
«Не можно спорить вам, друг друга не обидя;
На свете положен порядок таковой:
Крестьянин, князь, солдат, купец, мастеровой
Во звании своем для общества полезны,
А для монарха их, как дети, все любезны».

ГОСПОДИН С СЛУГАМИ В ОПАСНОСТИ ЖИЗНИ

Корабль, свирепыми носим волнами в море,
Лишася всех снастей, уж мнит погибнуть вскоре
В нем едет господин, при коем много слуг;
А этот господин имел великий дух,
Спросил бумаги в горе
И, взяв ее, слугам отпускную писал,
А написав ее, сказал:
«Рабы мои, прощайте,
Беды не ощущайте,
Оплакивайте вы лишь только смерть мою,
А вам я всем отпускную даю».
Один из них сказал боярину в ответ:
«Велик нам дар такой, да время грозно;
Пожаловал ты нам свободу, только поздно,
С которой в скорости мы все оставим свет».

В награде таковой не много барыша,
Когда она дается
В то время, как душа
Уж с телом расстается.

СЛУЧАЙ

Случилось одному прохожему в пути,
Который столь не мог в суме своей нести,
Чтоб мог пробавиться во всю дорогу пищей:
Запас весь кончился, прохожий стал как нищий;
Сума с припасами пуста;
Через пустые шел прохожий мой места,
А хлеба взял с собой весьма неосторожно;
Проголодался так, что бресть ему не можно,
Однакоже еще поел оставших крох.
Лег спать; во сне ему привиделся горох
В горшочке;
К несчастью, позабыл он ложечку в мешочке,
И нечем из горшка ему достать,
За тем он принужден опять голодный встать,
Взяв ложку в пазуху, и спать опять валится
«Авось-либо мне сон еще такой приснится;

Тогда не буду я дурак,
Не стану так,
Как встал, без ложки:
Я выем весь горох до крошки».
Безумец, хоть с собой сто ложек наклади,
Уже такого сна не будет впереди.

Толк басни этой в том: кто случай упускает,
Тот после никогда его не возвращает.

ОТЕЦ И ДЕТИ

Коснувшись жизни края,
Родитель сыновьям твердил так, умирая:
«Из света я гляжу
И к мертвым отхожу;
А вы, оставшись возлюбленные дети,
Когда не хотите вы спу́стя рук сидети,
Наставлю вас на лад:
Я в поле у себя зарыл великий клад,
Зарыл, не помню где, так поле вы вскопайте
И, ежели его вы сыщете, владайте».
Сих слов и жития последний был конец.
Преставился отец,
А дети, должное отдав почтенье телу,
Придвинулися к делу —
Искати клад,
Но дело их нейдет на лад.
Не зная подлинного места,
Взрывают поле мягче теста;
Но, зная, ребята, клад в сем поле не лежит;
Насеем жит.
Потом посеяли, и житы их родились;
Труды их им самим стодились:
Они снимают хлеб и продают;
Им цену за него хорошую дают.
Сторично семена к ним с поля возвратились,
И так, искавши клад, они обогатились.

Кто в хлебопашестве хороший знает лад,
Тот подлинно себе находит в поле клад.

КРЕСТЬЯНИН, МЕДВЕДЬ, СОРОКА И СЛЕПЕНЬ

Мужик пахал в лесу на пегом на коне;
Случился близко быть берлог на стороне.
В берлоге том медведь лежал в часы тогдашни,
Увидел мужика, трудящаяся вкруг пашни;
Покиня зверь берлог,
Хотя и не легок,
Да из берлога скок.
Мужик, зря зверя, стонет,
В поту от страха тонет,
А иногда его составы все дрожат;
Хотел бы тягу дать, да ноги не бежат;
Что делать, сам не знает,
И пашню, и коня с собою проклиняет.
Меж тем медведь на пашню шасть.
Пришла напасть;
Мужик хлопочет:
«Медведь, знать, скушать хочет
Меня
И моего коня;
Уж о коне ни слова,
Была бы лишь моя головушка здорова».
Ан — нет:
Медведь был сыт, ненадобен обед,
Медведю пежины крестьянские кобылы
Понравились и стали милы;
Медведь
Желает на себе такую ж шерсть иметь.
За тем крестьянину он делает поклоны
И говорит: «Мужик,
Не утрашись, услыша мой медвежий крик;
Не драться я иду, не делай обороны,
А я пришел просить,
Чтоб мог такую ж шерсть носить,
Какая у твоей кобылы;
Мне пятна черные по белой шерсти милы».
Крестьянин, слыша те слова,
Сказал: «Теперь цел конь, цела и голова,
Полезны эти вести,
Медведю нуждица пришла, знать, в пегой шерсти».
Вещает с радости: «Медведь,

● Коль хочешь на себе шерсть пегую иметь,
 Так должен ты теперь немножко потерпеть;
 Не будь лишь злобен,
 Связаться дай и стань коню подобен,
 А именно ты будешь пег, как конь».

Медведь связаться дал, мужик расклат огонь
 И, головеньку взяв, ей стал медведя жарить,
 Подобно как палач в застенке вора парить,
 И наконец, лишь головенькой где прижмет,
 Тут шерсти нет
 И пежина явилась.

Медведю пегая уж шерсть не полюбилась;
 Он, вырвавшись из рук мужичьих, побежал
 И, ринувшись в берлог, под деревом лежал,
 Лижа дымящи раны.

«Охти, — он говорил, — крестьяне все тираны
 И хуже всех людей,
 Когда они так жгут всех пегих лошадей;
 Когда б я знал то прежде,
 Не думал бы вовек о пегой я одежде».

 Лишь речь медведь скончал,
 Сороку бес к крестьянину примчал,
 А эти птицы
 Охочи до пшеницы,
 И только что она на пашню прыг,
 Поймал ее мужик,
 Поймал, как вора.

Худая с мужиком у бедной птицы ссора:
 Он скоро воровство сороке отомстил,
 Ей ноги изломав, на волю отпустил.
 Сорока полетела
 И кое-как на то же древо села,
 Подле которого медведь берлог имел.
 Потом ко мужику слепнишка прилетел
 И сел лошадушке на спину;
 Не стоит мужику для мух искать дубину,
 Рукой слепня поймал
 И ног уж не ломал,
 Но наказание другое обретаёт:
 В слепня соломинку втыкает
 И с нею он его на волю ж отпускает.

Слепень взвился и полетел,
С сорокой вместе сел.
Меж тем уж солнушко катилось не низко,
Обед был близко,
Конец был ремесла;
Хозяйка к мужичку обедать принесла,
Так оба сели
На травке да поели.
Тогда в крестьянине от сладкой пищи кровь
Почувствовала — что? К хозяйке любовь;
«Мы время, — говорит, — свободное имеем,
Мы ляжем почивать;
Трава для нас — кровать».
Тогда — и где взялись? — Амур со Гименеем
Летали вокруг,
Где отдыхал тогда с супругою супруг.
О нежна простота, о милые утехи!
Взирают из-за древ таясь игры и смехи,
И тшчатся нежные их речи все внимать.
Была тут и сама любви прекрасна мать,
Свидетель их утех, которые вкушали;
Зефиры сладкие тихохонько дышали
И слышать все слова богине не мешали...
Медведь под деревом в болезни злой лежал;
Увидя действие, от страха весь дрожал,
И говорит: «Мужик не даром так трудится:
Знать, баба пегою желает нарядиться».
Сорока вопиет:
«Нет,
Он ноги ей ломает».
Слепень с соломиной бурчит и им пеняет:
«Никто, — кричит, — из вас о деле сем не знает,
Я точно ведаю сей женщины беду:
Она, как я, умчит соломину в заду».

Читатель, баснь сия ту мысль тебе рождает,
Что всякий по себе о прочих рассуждает.

МУЖ И ЖЕНА

Муж некогда жену за то свою бранил,
Что дома не сидит, и всякий день гуляет.
Поступок женин был весьма ему не мил,
И для того вот так жену свою щуняет:

«Нет,
Мой свет,
Не ложно
То, что с тобой
И жить не можно,
Как с доброю женой.
С двора всегда ты ходишь;
Тебя по вся дни дома нет.
Не знаю, с кем приязнь ты водишь;
Нельзя ужиться нам с тобой, мой свет.
Гуляй, да только меру знать в том должно;
Похвально ль приходить на утренней заре!
По всякой день гулять тебе, жена, не можно;
Лишь то лезя похвалять, что есть в своей поре.
Ты худо делаешь, жена, не ложно,
А ходишь только, чтоб тебе гулять,
И дом пустой ты оставляешь.
Хожу и я, да торговать;
А ты всегда лыгаешь,
Как мне бы не ходить,
Где ж хлеб достати?
Тебе так жить
Не к стати,
Не всяк

Так

живет, как мы с тобою;

Иной не ссорится по смерти с своей женою.

Сем мужу своему, жена мнит, угрожу;

Что слушаюсь его, ему то докажу,

И буду поступать всегда по мужней воле;

С двора уж никуда ходить не стану боле.

Назавтрея, домой как с торгу муж пришел,

И дома он свою хозяйюшку нашел.

Жена, увидевши вдали, его встречает;

Муж очень рад: жена приказы наблюдает.

Придя, ей говорит: «Хозяйюшка, мой свет,

Пора обедать нам». — «У нас обеда нет, —

Жена ответствует. — Я есть ведь не варила». —

«Да для чего?» — спросил. «С двора я не ходила». —

«Да для чего?» — «Ты сам мне не велел ходить;

Сидела дома я; кому же есть купить?»

Нельзя, чтоб тот когда наукой пременился,

Не смыслен кто родился.

СМИРЕННАЯ ВДОВА

Что, видя мы в других, пересмехаем,

То ж сами делая, себя мы извиняем.

Пороков мы своих

Не видим, как чужих.

Кто глазом крив, того приметить всем удобно;

А кто душою крив, приметить неспособно.

Смеялась всем вдовам смиренная вдова,

Что идут за других, мужей своих лишася,

И говорила так: «Нет, я не такова,

С своим я мужем разлучася,

Вовеки не хочу второй принять брак».

То сама истина; да только лишь не так:

Не для того вступить она в брак не желала,

Чтоб верность к первому супругу сохраняла,

А для того, что был любовник уж у ней.

Но прежде, как в нее влюбился,

Он на другой женился;

И выйти за него не можно было ей.

МЕДВЕДИ И ПЧЕЛЬНИК

Случилось некогда медведям двум ходить
На добычу, чтобы к обеду что найти.

Не тщетно труд теряли,
Пчельник они сыскали.

Заживной где-то жил в деревне там мужик,
И ульев сотнях в двух мужичий был пчельник.

Ста два ульев сыскалось;
Довольно бы, казалось,

Медведям обоим на ужин и обед,
И долго б было им есть мед; однако ж нет,

Глаза их завидуши,
А лапы загребуши.

Обоим хочется, чтоб только был один
И без товарища над медом господин.

Никто не уступает,
Своим всяк мед считает.

Один, тут рассердясь, другому отвечал:
«Поди, чтоб я тебе костей не изломал».

Другой не уступает,
И в щеку оплетает.

А тот, схватя его, и смертно стал топтать;
Однако ж и другой его сам начал драть.

До смерти передрались,
И оба покончались.

Читатель, знаешь ли к чему сей приклад мой?
Он зависти пример людской.

ХОЗЯИН И БАТРАК

Мы часто по себе о прочих рассуждаем,
А в состояние отнюдь их не вникаем.

Жил негде некогда заживной мещанин,
Как будто господин.

И много у него работников служило,
За тем, что денег много было.

Случилось множество муки ему купить,
Велел он батраку муку переносить,

Хоть не хотелось тому с мукой возиться,
Но быть таскать, нельзя освободиться.

Когда он деньги взял,
На целый год уж стал
Служить ему обязан,
Как будто чем привязан.

Пошел — муку
Таскает,

Кули насилиу поднимает.

Не взмилились уже и деньги батраку,
Хотел бы он тогда от денег отступиться,
Чтобы муку носить освободиться, —

Да быть муку таскать,
Нельзя коль избежать.

Кряхтит он, гнется, а таскает,
И только лишь вздыхает.

Себя хоть надорвал,

Однако всю муку домой перетаскал.

Пришел домой и спать он повалился.

Да как же и не так?

Ведь он не слон, хоть и батрак!

И слон бы лег, когда так много утомился.

Хозяин был в гостях и ночь всю просидел,

С любовницей своей он забавлялся,

В забавах бывши, спать он не хотел.

И всякий бы с своей любезной не расстался,

Ведь это не муку носить.

Известно,

Что всякому прелестно

С своей любезной вместе быть, —

То знает всяк, кому случалось любить.

Он, ночь всю просидев с ней, к свету уж простился

И после как домой он возвратился,

Пришел,

И батрака он сонного нашел.

За то он рассердился,

Подобно как взбесился.

«Куда ленив! — кричит, — лишь только чтобы спать,
Диковинка ль ему меня бы подождать?»

Где твари этакі родятся?

Лишь спать, да есть бы им, да пьяным напиваться;

Я ночь не спал — да жив, могу еще не спать;

А он меня ленился подождать!»
Однако же иначе рассуждает
Баграк.
С веселием его он труд свой не равняет,
В забавах ночь не спать, мнит, и я могу, и всяк.

КЛОП

Я лег вчера спать.
Клоп ночью к сонному ко мне взлез на кровать
И стал меня кусать
И спать мешать;
Хотя не больно он кусает,
Да очень дурно он воняет.
Вонь часто больше нам и боли докучает,
У нас таких клопов довольно здесь бывает.

КОНЬ И МУЖИК

Хотя приятный взор меня твой и прельщает,
Хотя он тысячу утех мне обещает,
Но я боюсь в обман ему себя отдать,
Чтоб после не страдать.
Я к этому скажу здесь басню небольшую,
Вот слушайте, какую:
Конь по лесу ходил,
Конь вольный этот был;
А как то было, я не знаю,
И верить вам и нет я в этом позволяю.
Мужик дрова рубить пошел,
В лесу коня нашел.
Конь мил стал мужику, мужик коня ласкает,
«Дай, конь, себя поймать, — мужик коню вещает, —
Я стану всякий день овсом тебя кормить,
Под убраннным седлом ты будешь, конь, ходить».
Но конь тот думает: «Меня ты не обманешь;
Хоть буду убран я ходить,
Да буду я тебя, мужик, возить,

И для того меня ты убирати станешь.
А вольность милая приятнее всего —
Свободы лучше нет на свете ничего».
Но так любовники хотя и рассуждают,
Однако власть свою неволею теряют.
До тех лишь только пор свободу он хранит,
Покамест он свою возлюбленну не зрит.

КОЗЕЛ И ЛИСИЦА

Козла лисица полюбила,
И вместе завсегда с козлом она ходила.
Дивились, для чего она всегда с козлом:
Какой утечи быть разумной с дураком?
Однако дивом вы того не почитайте.
Я диво ваше развяжу,
Когда вам расскажу.
Послушайте и знайте:
За тем лисица любит быть с козлом,
Что весело шутить над дураком.
Я этаких козлов довольно в свете знаю;
А кто? читателю приметить оставляю.

СВЕРЧКИ И КЛЕВЕТНИКИ

Мешают часто мне сверчки писать:
Лишь я писать,
Они летать,
Кричать
И мне писать мешать.
Хоть все сие не больно;
Однако же от них досады мне довольно.
Хотя б, казалось, и жалко тварь губить,
Но скучно с ними жить.
Так все клеветники сверчкам сим подражают
И весело нам жить мешают.
Так, как сверчков нельзя не бить,
И их нельзя щадить.

ВОЛК ОТКУПЩИК

Волк денег накопил
И шерсть у пастуха овечью откупил,
Дороже пастуху за шерсть он заплатил:
Лишь только б по своей он мог овец стричь воле —

При откупе он в договоре положил.
Пастух тот думает, чего ж желати боле?

Считает откуп сей за клад,

И волк не меньше рад.

Пастух обманутым продажей волка числит;
«А волк обманут мной», — пастух, конечно, мыслит.

Как ты себя, пастух, ни нудь,
Волк сам вить у себя, его не обмануть.

Он дело все уж смыслит
И лучше твоего свои прибытки счислит:

Я бьюся об заклад,

Что ты напрасно рад;

Где деньги волк заплатит,

Тут вдвое поворотит.

Волк сам лишь не дурак:

Когда он откупает,

Знать в откупе прибытка чаёт.

Конечно, это так,

И деньги он свои хотя тебе заплатит,

С тебя ж их поворотит.

Послушайте, что было на конец:

Волк летом откупных два раза стриг овец,

Его то не смущает,

Что тем овец он сокрушает;

Карман лишь смотрит свой.

О пользе общества совсем он не трудится,
Лишь был бы он богат, весь свет хоть разорится;

Он пользу общества чтит пользой не своей.

Настали лютые морозы,

Все овцы померли: одни остались козы;

А с коз вить шерсти нет,

О том известен свет.

Пастух откупщику в обмане упрекает;

А откупщик ему вот тако отвечает:

«Мой друг, я шерсть на то и откупал,

Чтоб я разбогател, а ты бы беден стал.

Я ту-то откупом и пользу получаю,
Что сам я богачусь, а прочих разоряю.
Не будешь шерсти ты теперь уж продавать,
Так я уж впятеро за шерсть-то буду брать.

КОЗА И ЛЬВИЦА

Коза козляток родила
И лучше всех детей чужих их почитала:
«Вот то-то родила я деток!» — всем болтала.
Как некогда в поля гулять их повела,
Навстречу ей попалась львица;
А львица не козе сестрица:
Получше, кажется, козы она была
И львенка за собой вела;
А львенок красотой козляток превышает.
Увидевши коза тут львенка, рассуждает
И так от зависти болтает:
«Куда годится он?
И гадок и смешон;
Когда бы я таких родила,
Я всех детей своих бы била.
Хоть он моих детей и перерос,
Однакож он курнос.
К тому же он без рог, и шерсть на нем клочками;
Козляточки мои и гладки и с рожками;
Да он же и дурак».
Престань ты с зависти, коза, болтати так.
Козлятам век твоим льва лучше не бывать.
Все львом льва, а козла козлом век будут звать.

ВОЛК ПЕВЕЦ

Невежа захотел письмом разбогатеть;
Однако надобно немного попотеть,
Не только чтоб хотеть
Письмом разбогатеть;
Когда ж не хочет кто, трудясь, попотеть,
Бесплодно без труда хотеть
Письмом разбогатеть,

А как отведаешь, учая, попотеть,
 Не будешь ты хотеть
 Письмом разбогатеть.
 Случилось волку захотеть,
 Чтоб нежно голосом запеть
 И этой лестью к стаду подлететь,
 Чтоб волчьей добычью чрез то разбогатеть;
 Но чуть разинул пасть, чтоб сладостно запеть,
 Да не запел, а стал по-волчьему реветь.
 Узнал пастух, что волк овечку стибрить ладит,
 Дубиной волка гладит.
 Отнюдь не надобно хотеть
 Искусством не своим разбогатеть.
 Коль не отведал ты, учая, попотеть:
 Брегись и ты хотеть
 Письмом разбогатеть,
 Чтоб и тебе, как волку, не запеть.

ОСЕЛ И БОГАТОЕ СЕДЛО

По виду одному о всем не можно мыслить,
 Нас видом иногда и лютый змей прельстит,
 А сердцем злобен он и всякого язвит;
 Хоть кто лицом хорош, однако можно ль числить,
 Что он во всем хорош,
 И на лицо свое душою он похож.
 Не все полезно то, что нежный вид являет;
 Яд вред нам причиняет,
 Хотя из золота его кто выпивает.
 Иной языком льстит, а в сердце злость скрывает:
 Лстец более всегда старается ласкать.
 По виду ни о чем не можно рассуждать.
 Что вид нас облыгает,
 Пример случился сей с ослом:
 Осел богатым убран был седлом.
 Седло, все золотом покрытое, блистает,
 Осел на то глядит, осла то утешает,
 И мыслит тот осел:
 «Я счастье нашел;
 Конечно, мой меня хозяин обожает,
 Что этак наряжает».

Несмысленный, не ври, то все не для тебя,
Хозяин рядит так тебя
Твой для себя.

Устав под седоком, осел не то уж мыслит,
Богатый он убор погибелию числит.
Узнал, что весь убор и он для седока,
Когда седок избил за лень ему бока.
Безумно сей осел нарядом веселился,
Наряд его ему напастью обратился.

ЛИСИЦА И ЗАЯЦ

Пословица идет: с богатым не тягайся,
А с сильным не сражайся
И дружбы не своди с собой неравных мер.
О зайце басенку скажу к сему в пример.
Лисица с зайцем подружилась
И в век в согласии с ним жить договорилась.
Не нужен был им дом,
Как жили летом.
Не думали об этом,
Что как зимою жить.
Как лето миновало
И холодно уж стало,
Стал заяц помышлять, как им в морозы быть.
«Построим мы домок», — лисице он вещает.
Лисица отвечает,
Поднявши ус:
«Ну как ты не стыдишься,
Куда какой ты трус,
Что стужи ты боишься.
Ненадобен мне дом,
Я греюсь хвостом».
Инь быть так, — зайюшка один пошел трудиться,
Однако не забыл он с ней уговориться,
Чтоб не ходить зимой к нему.
Пришла зима: лисица озябает,
И хвост не согревает;
Лисица помышляет:
«Пойду я к другу моему,
Неужто он меня пустить к себе откажет,

И ласки другу не покажет».
 Пришла и просится. Как друга не пустить,
 И в нужде как не пособить?
 Пускает он на час лисицу обогреться;
 Дом нравится лисе, в ней злое в мысли трется,
 И мыслит: «Сём-ка дом к себе поприберу;
 А если спорить он посмеет,
 Так я с него тогда и кожу обдеру:
 Ведь силы меньше он меня имеет».
 Гостит лисица час, гостит уж и другой.
 Ну, не пора ль теперь уж, лисанька, домой?
 Лисица говорит: «Ну, зайushка, домой
 Ступай; а это дом ведь мой».
 Он, чтобы как ее; ан зайushку и в шейку,
 Толчка ему, и вон.
 Пошел, заплакал он.
 И дом свой потерял ни за копейку.

ХВАСТЛИВЫЙ ГРАЧ

Всяк хочет, живучи на свете, величаться;
 Но славой редкому случается промчаться:
 Кто хочет похвалу от света заслужить,
 Тот должен наперед учиться в людях жить,
 И должен он свои пороки отложить.
 Но мы в пороках утопаем;
 А похвалу себе не тем мы покупаем:
 Через хвастовство свое, обманы, подлу лезть
 Стараемся себя к великим мы причьсть.
 Хотя нас презирают,
 Хотя нас все ругают,
 Мы сказываем всем: мы в свете почтены.
 Однако редкого обманешь,
 Как живую читать историю ни станешь;
 Но к посмеянию лжи будут прочтены.
 Грач славу приобрести когда-то захотел,
 По славу из лесу в деревню полетел.
 Поймали простака ребята волосками,
 Или, по их сказать, пойман был силками.
 Поймав, ему беды большие натрясли,
 В боярские его хоромы отнесли.

Боярский был дитя грачу так рад, как рою.
Поиманный дурак ребячей стал игрою.
Ребенок, с радости, грача, играя, мнет,
 В игре грача он обнимает
 И перья в нем ломает.
Уже грачу терпеть и силы больше нет,
 От муки жизнь грачева тает,
Он между мертвыми почти себя считает
И, помощи прося, по-своему кричит.
Нет помощи ему, всяк, слыша то, молчит.
Ребенок, внемля крик, тем криком веселится
И больше мнет его; а жизнь грачева тлится.
Потом и всем смешон глупец уж становится.
 Однако, наконец, не знаю как,
С сей славой вырвался на волю сей дурак,
И, полетев домой, иное помышляет,
 Обманы соплетает;
А прилетев, он сел в лесу и закричал,
Рассказывать всем другим грачам помчал:
 «Куда как все меня в деревне похваляли
 И, видячи меня, себя все удивляли,
 В деревне обо мне везде носился слух,
 Не раз дивился мне там и пастух,
 И если бы возмог тому я научиться,
Чтобы без горести с детьми мне разлучиться,
 То век бы я в деревне жил
И, славу там нося, вовек бы не тужил,
Ни для чего бы я с деревней не расстался».
Однако грач один немного догадался
 И так сказал ему:
«Не сказывай сего, пожалуй, никому,
 Чтобы не полетел другой там полюбиться
 И славы от людей, как ты, себе добиться».
 Остерегитесь, то слыша, хвастуны:
 Не все вить глупыми на свет нарожжены,
В храм славы хвастовство ваш образ не поставит,
 Коль по делам
 Сам
Сей свет вас не прославит.

СОРОКА В ЧУЖИХ ПЕРЬЯХ

Сорока в перья птиц прекрасных убралась,
Как будто вновь она в то время родилась.
Но можно ли одной убором любоваться?
Сестрицам надобно в наряде показаться.
Отменной выступью пошла
И стадо птиц нашла,
Взгордяся перьями чужими,
Ворочалась пред ними,
То подымает нос, то выставляет грудь,
Чтоб лучше тем птиц прочих обмануть.
Но величалась тем сорока очень мало,
Природной простоты убранство то не скрало,
Могли тот час обман все птицы угадать.
За то чтоб наказать,
По перышку из ней все начали щипать.
Вся тайна оказалась, —
Сорока бедная сорокою осталась.

ВОРОНА И ЛИЩИЦА

Ворона негде сыр украла
И с ним везде летала;
Искала места где б пристойнее ей сесть,
Чтобы добычу съесть.
Но на деревьѣ лишь села
И есть хотела,
Лисица мимо шла;

Увидя то, к вороне подошла,
А сыру всей душой отведасть захотела.
Что ж делать ей теперь?
Лисица — зверь,
Коль можно было бы, то б на дерьво взлетела.
«Что делать, — думает, — хоть не могу летать,
Сыр надобно достать».
Вороне поклонясь, вскричала так лисица:
«Куда какая птица!
Хоть пройди весь свет,
Тебе подобной нет,
Я б целый день с тобой, голубка, просидела,
Когда бы ты запела,
Изволь-ка песенку какую ты начать,
А я пойду плясать».
Ворона впрямь, взгордясь, свой голод позабыла
И, песню затянув, сыр наземь упустила.
Лисица, сыр схватя, не думала плясать,
Но стала хохотать,
Потом сказала ей: «Вперед ты будь умняе
И знай, что твоего нет голоса гнусняе».

ВДОВА В СУДЕ

Убит муж на войне: жена вдова осталась,
И в горести своей стенала и терзалась.
«Кому вдовство мое, — вещает, — защитить?
И как остаток мне пожитку сохранить?»
Грустила год о том и с грусти умирала,
А умираючи, деревни потеряла.
Бессовестной душе обиду такую
Не жалко произвести, чтоб разорить вдову.
Чтоб выздороветь ей — таков устав был неба,
Устав грабителей ей был — сидеть без хлеба,
Таскаться по миру и прицепить суму.
Тягаться с ябедой не женскому уму.
Слезами облившись, под окна потащилась,
И божьим именем несчастная кормилась.
Подав полушку ей, дал некто сей совет:
«В суде побей челом о деревнях, мой свет,

Не век тебе с сумой и в рубищах таскаться». Она отвечает: «С чем в суд мне показаться? Кто что мне ни подаст, я только тем кормлюсь: Подьячие берут, так с чем я поделюсь?» — «Есть люди добрые, — ей говорят, — и тамо: О деле говорить поди к судьям ты прямо». Она, то выслушав, надежду что дают, К судье приходит в дом, ан всеюцну поют. Она хотя тот день почти куска не ела, Но богомольщика дожидаться захотела. Авось и он что даст. Как всеюцну отпел: «Увидеть лъзя ль судью?» — «Нет! Спать судья пошел». Слуги столкать с двора голодну осудили. Вдова та просит, чтоб в подклеть ее пустили. «Нам тесно и без вас», — ответствовали ей И дали тут толчок на ужин из дверей. Заплакав, заклялась в друторь к душам быть адским, Пошел, попалася на улице десятским, Без фонаря она, ей то в вину причли, В полицию ее назавтра повели, Посажена в тюрьму, пришла ее кончина, Чем выкупиться ей? у ней нет ни алтына. Напрасно бедная твердила та жена, Что до конца во всем разорена она; Суперники ее подьячих подкупили И бедную вдову в остроге уморили. Пример нам подает несчастная вдова: Надежда в свете сем на правду какова. Кто защищения и помощь потеряет, Тот с справедливостью в гоненьи умирает.

БАБОЧКА И ПЧЕЛА

Покрыта бабочка узорными крылами
В беседу некогда вступила со пчелами
И тако говорит: «Дивлюся, пчелы, вам,
 Что вы, легая по цветам,
Подобно, как и мы, с листочков росу пьете
И соки сладкие из оных достаете;

С цветочка на цветок
Всечасно я летаю,
Но век не обретаю,
Где спрятан сладкий сок.
Не меньше вашего проворства я имею,
Но меда сладкого достати не умею». —
«Напрасно ты хвалить проворство начала, —
Одна сказала ей пчела, —
Полезного искать, так нужды нет в убранстве,
В проворстве ничего, а нужда в постоянстве.
С листочка на листок
Ты век перелегаешь:
Как легкий ветерок,
Коснешься до цветка и тотчас покидаешь;
А мы собираем с них полезные плоды
За многие труды.
Лишь только оросит всходящая Аврора
Слезами те сады,
В которых обитает Флора,
Рассыпаны в полях увидим красоты;
Дают нам сладкий мед и ветви и цветы.
С цветочка на цветок когда бы мы скакали,
Как ныне скачешь ты, то меда б не сыскали».

Ко двум читателям я басенку причел,
В единых — бабочек, в других я вижу пчел.
Одни у книг своих листы перебирают
И, будто бабочки, их смысл и сок теряют;
Другие, в чтение проникнувши умом,
Обогащаются наукой и плодом.

ИСТОЧНИК И РУЧЕЙ

Источник некогда с вершины гор стремился,
Шумящим в быстрине течением гордился,
И в пышности своей ручей дн презирал,
Который светлый ток в долины простираал.
На все его слова сказал он с тишиною:
«Источник! можешь ли за то гнушаться мною,

Что я в теченьи тих,
А ты опасен, вреден, лих?
Твоим достоинством я сердца не прельщаю,
Хотя передо мной имеешь громкий глас.
Ты землю пустошишь, а я обогащаю,
Так кто ж полезнее для общества из нас?»

ДВЕ СОБАКИ

Не знаю у кого служили две собаки,
Но были участи у них не одинаки.
Одна дворовая была
И ночью от воров двор целый берегла;
Хозяева ее при ней спокойно жили;
А в награждение услуги таковой
Пост вечный на сию служанку наложили;
Держи ты караул, дружок мой,
От скуки песни вой.
С поварни иногда за жадною нахалкой
Гонялся повар с палкой,
А паче ежели незваный этот гость
Спроворит смачну кость.
Другая не в таком была собачка теле:
С боярином она валялася в постели,
С хозяйкой чай пила
И будто дочь любимая у них жила.
Вкруг шеи ленты ей вязали,
Ласкали, лобызали.
А бедный сторож тот,
Который исхудал, как непроворный кот,
От голоду сего и от ударов таял
И больше уж не лаял.
Случилось, что вор,
Не слыша лаянья, вломился в этот двор
И псу голодному кусок бросает хлеба.
Пес думал, что к нему то ангел послан с неба
От голоду спасти, — хватает, не ворчит,
Вор шарит и тащит, а часовой молчит.

Хозяин тот себя несчастьем подвергает,
Когда он тех пренебрегает,
Кто честь его и дом и жизнь остерегает,
И с теми надвое щедроты не делит,
Кто служит в пользу нам и кто нас веселит.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Злодеев истребляем,
Злодеев не любя;
Влюбляясь в себя,
Мы честность уязвляем;
Нам горькие плоды
Нередко помогают.
И малые беды
В больших остерегают.
Нередко для людей
Полезен и злодей;
Хоть зла и ненавидим,
Но часто чрез него
Беспутства своего
Мы ясный образ видим.
Друзья что утаят,
Злодеи говорят
Друг другу без обмана.
В сей басне обезьяна
Ярится, будто лев,
Портрет свой в зеркале узрев.
Ей зеркало открыло
Притиснутое рыло
И самый долгий рот;
Она кричит: «Урод, —
Кричит, в стекло толкая,
Стекло сие кляня, —
И харя у меня
Бывала ли такая?»
А зеркало, дивясь,
Мартышке то сказало:
«Что я тебе казало,
Ничуть не пременясь.

Природе подражаю
Я в этом существе
И в точном естестве
Тебя изображаю.
Досады позабудь,
Пригожее ты будь;
Тогда во мне увидишь
Красавицей себя.
Во мне что ненавидишь,
То будет славою казаться для тебя».

Сатира такова: Сатиру ненавидит,
Кто в ней себя увидит;
Но кто порочен чем,
Винна ль Сатира тем,
Что развращенные сердца пороком колет.
Сердись на свой портрет, сердиться кто изволит.
Читатель, зеркало имеешь в баснях сих,
Досадуй на себя, досадуя на них.

ФОНТАННА И РЕЧКА

В середине цветника фонтанна кверху била
И громко о своих достоинствах трубила,
А близ ее текла
Река по камешкам: прозрачнее стекла.
Фонтанна гордая, шумя под облаками,
Сказала так реке:
«Куда придвинулась ты, лужица, боками;
Не лучше ли б ползла, бедняжка, вдалеке
И поле дикое в своем теченьи мыла;
Пожалуй-ка построй себе подале дом,
Ты видишь, какова моя велика сила,
И там, всходя, реву, где молния и гром;
А ты в моем соседстве
О подлости своей не мыслишь, ни о бедстве».
Такою гордостью река огорчена
Фонтанне говорит: «Я ввек не уповала,
Чтобы, в железные трубы заключена,
Бедняжкой ты меня и подлой называла.

Причиной храбрости твоей и высоты,
Что вся, по самые уста, в неволе ты,
А я, последуя в течении природе,
Не знаю пышности, но я теку в свободе».

На подлинник я сей пример оборочу;
Представля тихие с шумящими водами,
Сравнять хочу граждан с большими господами
И ясно докажу... однако не хочу.

ДЕВИЦА И РОЗА

Прекрасной розе так Ифиза говорила:
«О! ты, которую природа сотворила
Царицею цветов,
Румянностью тебя Аврора озарила,
Зефир любит красой твоих листов;
Позволь, чтоб я тебе сомнение открыла:
На что толики красоты,
Когда всех жалишь ты,
Кто прелестям твоим дерзнет коснуться.
Всяк может красотой притворной обмануться.
Будь столько ты склонна, колико ты мила,
И сколь румяна, будь толико мало зла».
Смущенная таким советом,
Сказала роза сим ответом:
«Ифиза, мне моя упорность дорога,
Колико я колка, толико будь строга;
Без осторожности была бы я несчастна,
Без строгия души краса есть вещь опасна».

МАГНИТ И ЖЕЛЕЗО

В который было век, не ведаю про то,
Железо некогда поссорилось с магнитом,
Так часто в дружестве, довольно крепко сшитом,
Случается разрыв, и часто ни за что.
«Что думает магнит? —

Железо говорит, —
Что следую за ним, куда магнит ни ходит
И так меня, как за нос, водит.
 Не челобитчик я,
 А он ведь не судья.
И можно говорить с магнитом вольным складом,
Притом ходить обоим рядом». —
Но скоро окончал магнит с железом бой,
Придвинулся, — влечет, как прежде, за собой.
Возможно ли тому, кто мил, не угодать,
И склонности свои возможно ль побеждать?

ПЕРО, КИСТЬ И СКРИПКА

Случилась некогда ошибка,
Иль, попросту сказать, случился то раздор:
О преимуществах своих вступили в спор
 Перо, да кисть, да скрипка
И спору своего не могут окончать;
 Плетут пустые сказки,
И скрипка начала аккорд свой величать,
Перо искусный слог, а кисть черты и краски.
Минерва, таковой услыша разговор,
Спустилася с небес, решить меж ними спор.
И тако говорит: «Музыка, живопись и слог
В едину метят цель чрез разные дороги;
 Все трое дети божества
И подражатели прекрасна естества.
Я славою своей их всех троих беру.
Но преимущества из вас даю перу.
 Дела вещает громки
 И славные оно,
И что прошло давно,
 Чтут поздняя потомки,
 Иль в прозе, иль в стихах.
Вещает, сверх того, о прочих двух сестрах.
Но честь единого другого не умалит,
И дарованье то земля и небо хвалит,
Коль совершеннее оно кому дано
И пользе общества притом посвящено».

РЫБЫ

Лучше в жизни веселиться,
Чем всегда слезами литься
И в несносной скуке жить;
Подражати Демокриту
Лучше, нежели Гераклиту,
Худо плакать и тужить.

Все пройдет бесповоротно,
Мы о смерти неохотно
Навыкаем рассуждать.
Век и так довольно краток,
Так почтимся дней остаток
Мы в весельи провождать.

В речке рыба пребывала
И советы подавала
Многим рыбам молодым:
«Мы не слепы и не глухи,
Для чего же, как старухи,
Мы на дне реки сидим?»

Не по правилам ученых,
Не пустынноиками жить,
Или свойством рыб печеных
Нам себя не ворошить.
Станем жить и веселиться,
Вдвое наша жизнь продлится».

Что вещала эта рыба,
Все исполнители хотят,
За совет ее спасибо,
И сетки за ней летят;
Все летят за ней с отвагой,
Как упившиеся брагой
Иль буяны в драку с шпагой,
Воду чистую мутят,
Бьются, резвятся, шумят.

Дерзновенный предводитель,
Будто войска повелитель,

Первый вздумал полететь;
Полководец-то со шпагой,
Но со всей своей ватагой
Он попал в рыбацью сеть.

Близко будучи кастрюли,
Рыбы от печали снули
И фельдмаршалу рекли:
«Разлучил ты нас со светом».
Он отрекся сим ответом:
«Вы меня в напасть влекли.

О! когда бы поступали
Вы по правилам ума,
Вы бы в сети не попали,
Не попала бы сама.
Храбрости мои чрезмерны,
Вы чрезмерно легковёрны».

Тако люди молодые,
Речи слушая худые,
Им последовать хотят;
О! снетки, поберегитесь,
Рыбаку не попадитесь.
Вас обманут и сварят.

Силу басни поясняе
Я намерен развязать;
Детям я хочу сказать:
Слушайте, кто вас умяе.

Презирайте завсегда, что вещают дураки,
Или вам окончить век, как окончили снетки.
Коль в несчастье мы входим,
В те часы причины взводим
На советы ближних мы;
Но бежати от напасти,
Не лепиться к мерзкой страсти, —
Нам даны на то умы.

БАРИНА И РАМЫ

Не знаю, кто купил маранье древних лет,
Повесил на стене и в рамах золоченых;
Не редко отдают в богатый переплет
Негодные труды людей полуученых.
 Висящая картинка на стене,
 Чего не зрела и во сне,
 Так это ныне видит;
Такая тварь других скорей всегда обидит.
Примеров на это найдется миллион.
 Та, скинув балахон,
И в силу общего посадских жен устава,
В роброндах парчевых гордится, будто пава,
 И кверху нос дерет,
Увидя в зеркале богатый свой портрет.
 Картина так моя, как будто эти дамы,
 Гордилась, впялясь в золоченые рамы,
 И, наущеньем сатаны,
 Себе не ставит и цены.
Такая смертных часть, кто к подлости поближе,
 Других умом пониже,
Те мыслят о себе гораздо выше мер.
 Картинка в том пример.
 Но сколько ни гордится,
А спесь безумная когда-нибудь отмстится —
 Лишилася картина рам.
 Теперь скажи ты нам,
Где прелести твои, где прежнее убранство?
За рамами ушли все пышности и чванство;
Прости сияние, прости и красота,
Картинка ты еще, но, ах, совсем не та.

Так часто рок людей в их свойствах обнажает,
Когда отнимется то, что их окружает.

МАРТЫШКА ВО ДВОРЯНАХ

С полфунта накопя умишка,
Разумной сделалась мартышка
 И стала сильно врать;

А этим возгордясь, и морду кверху драть.
Но разве для глухого
Казалась речь умна оратора такого.
Оратор этот врал,
А сверх того и крал.
И так он сделался из зверя дворянином,
Пожалован был чином.
В дворяне, господа, мартышку занесло,
Так, следственно, у ней и спеси приросло.
Поймала счастье в руки,
На что уж ей науки?
Мартышка дворянин, как ты ее ни весь,
Обыкновенный герб таких героев спесь.
Но, благородным став из подлости, детина
Сквозь благородие всем кажется скотина.

ДРОВОСЕК

Не много на свое искусство уповай
И воли быстрому желанью не давай,
Держись, при том держись, что сделать разумеешь,
За все хватаясь, напрасно лишь потеешь.
Крестьянин негде был,
Дрова рубил,
Для этакой науки
К профессору не лезь,
Имей топор да руки,
Так мастер тут и весь.
А мой крестьянин был дрова рубить охотник,
И вздумалось ему, что он столяр и плотник;
Такими думами себя он веселил
И сосну с корня претолстую свалил.
Колоду вырубя, мужик колоду гладит,
Из ней корыто ладит.
Долбил,
Рубил,
Колода вся изрыта,
Однако не было и виду в ней корыта,
Не так пошел топор.
А плотник на упор
Еще колоду роит,

Да не корыто уж, теперь он ковшик строит.
Сказал: «Не возвращусь домой без барыша,
Добьюсь ковша».
Спешит, потеет,
А ковш не спеет,
Топор и долото
Работают не то:

Долбушка сделалась да некакие рожки.
Не вышел ковш, так выдут ложки.
Стал мастер ложки выдолбать,
Считает в ужине обновкой щи хлебать.
«Скажи, Минерва, мне, художеств мастерица,
Чем кончил наш мудрец?
Что вышло из его работы наконец?» —
«Спица».

ЛИСИЦА-КОЗНОДЕЙ

В Ливийской стороне правдивый слух промчался,
Что Лев, звериный царь, в большом лесу скончался.
Стекались туда скоты со всех сторон
Свидетелями быть огромных похорон.
Лисица-Кознодей, при мрачном сем обряде,
С смиренной харею, в монашеском наряде,
Взмостясь на кафедру, с восторгом вопиет:
«О рок! лютейший рок! кого лишился свет!
Кончиной кроткого владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай зверей собор почтенный!
Се царь, премудрейший из всех лесных царей,
Достойный вечных слез, достойный алтарей,
Своим рабам отец, своим врагам ужасен,
Пред нами распростерт, бесчувствен и безгласен!
Чей ум постигнуть мог число его доброт,
Пучину благодати, величие щедрот?
В его правление невинность не страдала,
И правда на суде бесстрашно председаала;
Он скотолобие в душе своей питал,
В нем трона своего подпору почитал;
Был в области своей порядка насадитель,
Художеств и наук был друг и покровитель...»
«О лесьть подлейшая! — шепнул Собаке Крот. —
Я Льва коротко знал: он был пресущий скот,
И зол, и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти:
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;

И, словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смога, так тот того в рога.
Благоразумный Слон из леса в степь сокрылся,
Домостроитель Бобр от пошлин разорился,
И пифик слабоум, писатель зверских лиц,
Служивший у двора честнее всех лисиц,
Который, посвятя работе дни и ночи,
Искусной кистию прельщая зверски очи,
Портретов написал с царя зверей лесных
Пятнадцать в целый рост и двадцать поясных,
Да сверх того еще, по новому манеру,
Альфреско расписал монаршую пещеру:
За то, что в жизнь свою трудился сколько мог,
С тоски и с голоду третьего дни издох.
Вот мудрого царя правление похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты?
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда ж и то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастью бредет презренными путями:
Так, видно, никогда ты не жил меж людьми».

ПЧЕЛЫ

Один мужик завесь старался в доме пчел,
От коих наконец большой доход имел:
Трудом их всякий год мужик обогащался.
Сначала сам смотреть за ними он старался;
Но после более сего не исполнял
За тем, что дом его богат гораздо стал,
И было у него других забот не мало;
Да сверх сего число ульев велико стало.

И так он наконец
Себе во облегченье

Всех пчел своих вручил работникам в смотреенье,
Из коих каждый был грабитель и плутец.
Известно, что у пчел весь мед не отнимают,
Но в зиму столько им на пищу оставляют,
Чтоб в ульях до весны могли они прожить
И прибыль бы потом опять возобновить.
Работники не так с пчелами поступили,
Жилищи их совсем они опустошили:
Всю пищу зимнюю разграбили у них.
Не ждали пчелушки напастей таковых:
К хозяину лететь со жалобой желали;
Но тщетно помощи себе они искали.
Работники, их чтясь к сему не допустить,
Старались выходы ульев заколотить.
К спасенью всю они надежду потеряли
И с голоду потом, стеная, умирали.
Хозяин бедненький не знает ничего,
И мнит, что в доме все здорово у него.
Уж солнечны лучи весну предвозвещают,
Все пташечки ее со песнями встречают,

С листочками зефир играет уж в лесах.
Прилежный земледел трудится во полях.
Пчела себе с цветов мед сладкий собирает.
Хозяин в том себя надеждой утешает,
Что будет он от пчел опять доход иметь,
Пошел работу их хозяин посмотреть;
Но вдруг в великое пришел он удивленье,
Когда в ульях всех пчел
Умершими нашел.
Узнал, да поздно, он работников грабленью;
Он сбил их со двора,
Но жаль, что лучшая прошла сему пора;
Хозяин на себя досадовал, бесился,
Что столь хороших слуг навеки он лишился
И что работников своих не рассмотрел:
Через то в большой урон весь дом его пришел.

Читатель, по трудам, без всякого сомненья,
Пчелами можно нам назвати мужиков,
Из коих многие, от хищников, воров,
Доходят иногда совсем до разоренья.
На сих во обществах опасных злых людей
Работники весьма похожи басни сей,
О вредных следствиях они не рассуждают;
О том не помышляют, —
Когда разграбишь то, чем всякий день живешь,
Так с детками потом сам по миру пойдешь.

БРУДАСТЫЕ И ХОРТЫЕ КОБЕЛИ

Меж множеством зверей
Имел во власти лев различных кобелей.
Брудастые из них всех прочих презирали,
Отменно ж хортые их гордость ощущали;
Презрению сему была причина та,
Что шерсть их выросла кудрява и густа
И роду знатного в собаках почитались:
Отцами, дедами ужасно величались.
Но надобно знать то,
Что не был между них умен почти никто.
Хоть льву брудастые, казалось, служили,

Но пользы службою ему не приносили;
Всяк в праздности из них всю младость проводил,
Достоинство свое лишь в предках находил.
Коль кто воспитан так, то нечему дивиться,

Что будет он гордиться:

Известно, что всегда гордится иль дурак,
Иль тот, что подлости души являет знак.
Брудастых кобелей другие оплевали;
Однакоже того из жалости желали,
Чтоб мысли лучшие в глупцов сих вкоренить!
Искали случая, где б вместе с ними быть,
Увидясь, делали сие им наставленья:
«Почто вы к хортым, нам, имеете презренье?
Собаки вы и мы, различия в нас нет.
Шерсть всякую одна натура нам дает:
Густа ль иль не густа, причины нет гордиться,
И предками никак нельзя превозноситься.
Коль хотите, чтоб все могли вас почитать,
Достоинства к тому старайтесь снискать.
Разумных предков честь глупцов не украшает,
Но более на них плевать лишь заставляет.
А мы хоть хортые, да праздно не живем:

Известно то вам всем,

Что в разных нашу жизнь трудах мы провождаем,
Услуги каждый день и льву и всем являем:
Кровавый пот должны не редко проливать.
Невежи! можно ли вам нами презирать?»

Оставьте заблужденье.

Кто горд, тот ненависть имеет и презренье
Всегда к себе от всех».

Не знаю, сей совет имел ли свой успех.
Но им брудастые сие лишь отвечали:
«Мы гордость никогда пороком не считали,
За тем, что звери те, что нас разумней всех,
Гордиться, презирать отнюдь не ставят в грех.
Из них хоть никуда иные не годятся,
Но родом, пышностью, именованием гордятся.
Мы мнили, если им сие дозволено,
Так нам и более простительно оно,
За тем, что шерстью нас натура одарила;
Из них же множество нечаянность снабдила
Дарами, что они так чтятся уважать:

Дар случая нельзя с естественным равнять;
Иных грабеж отцов и лезть обогатили,
Другие ж счастья дары все получили
Делами добрыми их дедов и отцов». —
«Не должно никогда в пример брать дураков». —
С усмешкой хортые брудастым отвечали.
И вот что наконец им хортые сказали:
«Коль правда то, в чем вы уверить читесь нас,
Так знайте, что они еще глупее вас».

МАСКАРАД

Молоденький сынок бывал чрезмерно рад,
Когда отец его с собой брал в маскарад.
Меж множеством забав он тем тут веселился,
Что очень научился
Под масками людей знакомых узнавать:
Он всякого умел свободно отгадать
По стану, по походке,
Иного ж по большой к плясанию охотке.
Сынок хвалился сам уменьем пред отцем.
«Мой друг, пора тебе хвалиться уж не тем, —
Сказал ему отец. — Другие маскарады
Есть, свет мой, для тебя,
Вот в них-то оказать старайся ты себя.
Совсем другие там увидишь ты наряды».
Сынок весьма просил,
Чтоб в новый маскарад отец его свозил
И сделал бы чрез то ему он утешенье.
Знать надобно: сынок имел уж рассужденье.
Не помню, где-то был огромный пир и бал:
Отец его туда с собою вместе взял.
Различные сей пир особы составляли;
Из них тут многие друг друга обнимали,
Трепали по рукам.
«Вот новый маскарад, мой сын, твоим глазам, —
Сказал отец. — Каких ты видишь пред собою
На бале здесь людей?
Мудрен ли кажется вопрос тебе мой сей?» —
«Им надобно большим друзьям быть меж собою», —
Отцу он отвечал.

Отец захохотал

И сыну говорил: «Ты мыслишь очень ложно,
Пора учиться знать людей тебе, мой свет.
Хоть масок на людях здесь, кажется, и нет,
Но маски те, что зреть глазами невозможно,
На них, конечно, есть.
Притворство, ложь и лесть
Те маски составляют;

Их люди на одни сердца лишь надевают.
Вот в сем-то знании ты должен успевать:
Уметь под масками сердца распознавать,
За тем, что счастлив тот всегда почти бывает,
Который узнавать сердца людские знает;
А тот, кто знанию сему не обучен,
В погибели впадать, в обманы принужден;
И ежели хочешь знать, как должно просвещати
В искусстве сам себя,
Вот первый путь к тому для всех и для тебя.
С вниманьем надобно истории читати:
Мы в них открытые сердца людские зрим.
Напрасно иногда с тобою мы грустим
О том, что маскарад не часто посещаем.
Весь свет есть маскарад, мы в нем всегда гуляем.

ПАВЛИН И КУРИЦА

Павлин, величию гордясь и красотою,
С презрением всегда на курицу взирал;
Несносно всякий день ее он обижал.
Не знала никогда себе она покою.
К несчастью, она, цыплят своих любя,
Имела, бедная, их много у себя;
Кормить их надлежало,
Но корму и себе у ней не доставало.
Весь корм, что господин давать повелевал,
Павлин у ней всегда насильно отнимал.
Пришло с цыплятами ей по миру шататься.
Однакоже она могла еще ласкаться
Удар сей отвратить:
К хозяину пошла защит себе просить;
Но, бедную, ее к тому не допустили

И взащей от хором учтиво проводили.
Что делать? по миру от бедности пошла.
Яиц хозяйину уж больше не несла,
Усердые потеряла.
Другая курочка ее увещевала,
Сказала ей: «Мой друг, издревле свет таков,
Что страждут бедняки всегда от богачев,
А слабые от сильных».
На свете много есть таких чудес предивных.

МЕТАЛЛЫ

Проезжий на пути нечаянно нашел
Металлы разные; из них он взять велел
Железо, медь с собою;
А золота кусок негодною дресвою
Проезжий называл,
За тем, что сей кусок невыделан лежал.
Проезжему совсем безделкой он казался.
Проезжий ошибался.
Железо же и медь полезными он считал
За тем, что каждый был
Из сих металлов двух изрядно переплавлен.
Кусок был золота и брошен и оставлен.
Читатель, иногда презренными от всех
Людей мы видим тех,
Что важные в себе доброты заключают,
Которых разные примесы сокрывают.
Когда б примесы те от них лишь отделить
И воспитанием дары их изострить,
Тогда бы, без сомненья,
Не делали мы тем пред ними предпочтенья,
Из коих лишь на медь добротой всяк похож,
Но выделкой пригож
И кажется к делам различным быть пригоден,
Без выделки ж другой, хоть золото, негоден.
Для общества весьма есть нужное добро,
Чтоб знать, кто злато в нем, железо, медь, серебро;
К сему хорошее потребно воспитанье,
Без коего сие не может быть познанье.

СЕРЕБРЯНЫЙ СТАКАН И ХРУСТАЛЬНЫЙ

Разумный простаку на выбор отдавал,
Чтоб он любой себе из двух стаканов взял.
Был красен день, лучи в стаканы ударяли,
Хрустальному они отменный вид давали,
За тем, что он весьма искусно сделан был.
Сиянием простака хрустальный ослепил.
Различные в нем зря цветы, он удивлялся
И в выборе своем совсем не колебался.
«Нет нужды, — он сказал, — тут много рассуждать:
Хрустальный всяк себе скорей захочет взять.
Единым видом он весьма меня прельщает, —
Другой пред ним ничто: совсем он не сияет,
Не зрю я в нем добра».

Простак совсем не знал доброты серебра.
Одетый хорошо глупец живет в почтеньи;
А бедный с разумом под вретисшем в презренье.
Но отчего же сей, читатель, свет таков?
Разумных мало в нем, а много простаков.
Доброты разума совсем они не знают:
Каменьев блеск драгих и титлы их прельщают.
Так было, так и есть; и вот еще беда:
Обычай, кажется, сей будет навсегда.

ДВЕ СОБАКИ

Одна из двух собак пресчастлива была,
Приятну жизнь вела
И нужды не терпела,
Без всякого труда с излишком все имела,
Не знала горевать,
За тем, что никогда в напастях ей бывать,
В бедах не приключалось.
В весельях время все собакой провождалось.
Другая ж старостью лишилась сил своих,
Бедна была и средств не знала никаких
Сыскать ко прокормленью;
И к пущему себе собака огорченью
Вспомнила, что век не праздно провела,
А в старости своей оставлена была;

Искать ей пить и есть, конечно, надлежало,
Сверх воли для нее уж время то настало,
Чтоб по миру бродить;
Ко счастливой пошла собака есть просить.
Всю бедность ей свою собака изъяснила
И помощи просила;
Однакож от другой весьма был худ ответ,
Сказала ей: «Мой свет!
Не стыдно ли тебе, что по миру ты бродишь,
Как будто дома есть взаправду не находишь.
Ты старостью своей меня не убеждай.
Коль хочешь есть, поди, прилежно работай».
Собака бедная богатой отвечала:
«Вся мочь от дряхлости моя уже пропала.
Избито тело все, едва могу ходить». —
«Так зачем тебе на свете больше жить», —
Счастливая сказала.
Собака старая чрез случай сей узнала,
Что те, которые во счастья век живут,
Участия в бедах-напастях не берут;
Их бедное других не тронет состоянье,
И жалости к себе подобным ощущанье
Во грубых их сердцах не видно никогда, —
Не знают, что напасть, что горесть, что беда.

ЛИСИЦА, ЗАЯЦ И ВОЛК

Лисица зайцу покою не давала,
В лесах, в полях всегда его атаквала.
Чего ж хотелось ей? Легок на то ответ:
Хотелось сделать ей из зайчика обед.
Всяк знает, что лиса в мошенничьем законе,
В обманах, в воровстве, в атаке, в обороне
Хитра и удала,
Так страх она большой на зайца навела.
Всяк час он ждал, что к ней в зубочки попадетя;
Итак, чтоб от нее, злодейки, отвертеться
О доброй он себе защите помышлял:
«Постой-ка, — он сказал, —
Есть зверь, что от нее навек меня избавит,
Конечно за меня лисицу он управит:

Теперь же побегу я бить челом к нему,
Он сделает конец мученью моему».
Не много в бедненьком зайчишке было толку:
К кому он побежал? Ко злomu зверю — волку.
Он жалобу принес; но волк ему сказал:
«Изрядно, мой дружок, лисицу я управлю,
Но прежде я себя тобою позабавлю».
Сказав сие, тотчас он зайца растерзал.
Ах! зайчик, долее б ты жизнью наслаждался,
Когда бы с челобитием ты к волку не таскался.

СОРОКА

Сорока некогда в пустом лесу сидела,
И на небо она, задумавшись, глядела,
Небесны красоты исчислити хотела.
Откуда ж ей зачать, того не разумела.
По случаю тогда скворец к ней прилетел,
И думу он ее разведати хотел.

И только лишь узнал,
То, глядя на нее, смеялся, хохотал,

И так он ей сказал:

«Когда бы все глупцы побольше рассуждали,
Поменьше бы они, как думаю я, врали.
И что несведомо, того б не разбирали».
Сорока, рассердясь, вельми зацекотала

И так ему сказала:

«Ты чести у меня, мой друг, не отымай,
Я русский попугай.

По перышкам моим прекрасная я птица,
Заморским птицам всем родная я сестрица.
Да я ж еще и петь велика мастерица.
Слетаются ко мне все жители лесов
И слушают моих различных голосов;
Не так прелестна здесь пастушечья свирель,
Какая у меня при окончаньи трель.

Сижу ли я или стою,
Бесперестанно я все арии пою.

Ни днем, ни ночью я, мой друг, не умолкаю,
Всех в лесе заглушаю

И пением моим всю братью услаждаю».
Потом разинула сорока свой роток,
И песенку ему воспеть она хотела;

А тот ей дал щелчок,
Что с дерева она на землю полетела,
Ногами задрягала
И так зацекотала,
Что птицы все ее смотрети прилетели
И жалости над ней ни мало не имели.
Щелкали все ее и в голову и в рожу,
Измяли перышки и повредили кожу.
Однако цекотать она не перестала,
Хотя и лапочку на брани потеряла.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Из области Смоленской
Мужик иль житель деревенской,
Как серп поля их вытер,
Пришел к нам в Питер,
Не города смотреть, не с дамами водиться,
Не летнею порой на шлюпке веселиться,
Не в оперы ходить, не в рощах здесь гулять:
Пришел он работатъ.
И мыслит с кем-нибудь помесечно рядиться;
Нашел хозяина, работает, трудится;
Хозяин рад,
Что бог дал клад;
Крестьянин лени и отдыху не знает,
И точно, как осел, с усердьем работает.
Скончался год, работник деньги взял,
И новый он кафтан купити предприял,
Понеже тот худенек,
А платья не дают в Санктпитере без денег,
Так должно с деньгами для платья расставаться;
Пошел он торговаться,
Смотрел и сторговал;
Но денег не давал,
Расстался с продавцом такими он словами:
«Я завтра, брат, приду с моими земляками,
Которые его доброту поглядят».
Пришли и земляки, ценят и говорят:
«Кафтан, парнюга, гожд
И очень он пригожд».

Однако денег наш работник не дает
И тако говорит: «Я завтра, брат, чем свет,
Приду к тебе опять,
Еще знакомых с пять
И вся моя родня посмотрят все кафтана,
Боюсь я обмана,
А деньги я, мой друг, трудами достаю,
Так оных никогда на ветер не даю».
Родные видели, смотрели земляки,
И с легкой их руки
В полмесяца кафтан и куплен, и надет.
Мужик по городу в кафтане сем идет
И всем напоминает,
Что денежки беречь прилежно подобает,
Кто потом и трудом копейку добывает.

ДВА ВОРА

Что есть во свете воры,
О том не входят в споры;
Но только что они покромом не одним:
Иные в золоте и титлами надуты,
Другие с серяках и с именем простым;
Одни политики, другие просто плуты.
О двух таких ворах я басенку скажу,
И перво в них мое искусство покажу.
 Был вор простой
И хаживал всегда пешком и в серяке;
Доходы он сбирал не в городе, не в съезжей,
 А на дороге на проезжей.
 Другой
Чиновный был, и тьмы имел он в сундуке
 Червонцев и рублей,
Которые сбирал с невинного народа;
Поверье эдако, или такая мода
Есть у бессовестных подьячих и судей.
 Но наконец попались оба
 В приказ:
 Обоим строг указ;
 Обоим кнут грозит отверсти двери гроба.
Судьи калякают: «Не столько лих большой»,
 И оправляют вора;
Подьячьи говорят: «Не столько лих меньшей»,
 И оправляют вора;
 Обеим сторонам указы правота.
Читатель, будь хоть ты решителем их спора,
Скажи нам, кто из них достойнее кнута?

СОЛОВЕЙ

Свистал на кустике когда-то соловей
Всей силою своей:

Урчал, дробил, визжал, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косно вдруг, вдруг томно, нежно, звонко,
Стенал, хрипел, щелкал, скрипел, тянул, вилял
И разностью такой людей и птиц пленял.

Когда ж он все пропел
Толь громко и нарядно,

То жавронок к нему с поклоном подлетел
И говорил: «Куда как ты поешь изрядно,
Не могут птички все наслушаться тебя;
И только лишь одним бесчестишь ты себя,
Что не во весь ты год, дружок мой, воспевашь». —
«Желая поборнить меня, ты выхваляешь, —

Сказал на то певец, —
Пою в году я мало,
Но славно и удаю;
А ты глупец!

Не сопротивлюся ни мало я природе:
Когда она велит, тогда я и пою,
Коль скоро воспретит, тотчас перестаю.
А противляться ей у дураков лишь в моде!

Им это сродно,
Чтоб мучиться бесплодно
И против ней итти, когда ей негодно».

Парнасские певцы,
Постерегитесь быть такие же глупцы:
Не предавайтесь стремленью рифмовать,
До тех лишь пойте пор, пока в вас будет сила;
Не дожидайтесь, чтоб она простыла,
Когда бессмертие страшитесь потерять.

КОНЬ

Был конь — добра лошадка,
И статен, и пригож собой,
Но та в коне была повадка,
Что он махал лишь головой.
Поотучить коня хотелось господину;
Конюшему своему мой барин приказал,
 Чтоб от того коня он отучал.
Мой конюх бьет, сечет и рубит лишь скотину,
 Да в голову — не в спину;
А конь головушкой поболе стал махать;
 А конюх боле драть;
 Из силы конь избился;
А конюх говорит: «Вот конь и отучился
 И уж махать не стал».
То правда, что махать головкой перестал
 И пал.
 Головушка разбита.
 Лошадушка зарыта.
О конюхи, но не коней,
 А конюхи людей:
Примером сим в свою вы пользу научитесь
И осторожнее вы поступать потщитесь.

ЛИСИЦА И КОЗЕЛ

Я басенкой хочу читателей почтить,
Да и немножечко их в ней попроучить;
 Вы уши протяните,
Поведасть предпринял я вам то, как козел

На дно колодезя глубокого сошел;
К себе сей случай примените.
И тшитесь, в пользу то себе употребите.
Он некогда с своею шел кумою,
Прехитрою на вымыслы лисою;
Чему дивиться, вдруг им захотелось пить:
«Послушай, кум, а кум, — лиса ему сказала, —
Послушай, куманек, какая мысль мне вспала:
Колодезь в стороне здесь недалеко есть,
Чтоб жажду утолить, в него мы можем влезть.
В бадью взмоstimся мы, ей должно опуститься;
Спустившись, из нее мы выйдем там напиться;
Туда лишь бы нам влезть, нетрудно вылезть вон».
Наш рогоносец согласился.
Вскарабкались в бадью, и вместе поместился
С своею кумушкою он;
Сошли и по ее словам в нем напились,
Но не всегда им пить,
И не в колодезе им жить;
Не зная, как вон лезть, они за ум взялись;
Лиса на вымыслы прытка,
В лисе мысль глубока.
Увидев, что бадья ушла вверх из колодца,
Бадья упрямею новгородца,
Лисе с ней не сбороться,
Да и нельзя повыше встать,
Чтобы ее достать.
Но как же быть! а вылезть надлежало,
И так уже они промедлили не мало.
Лиса, подумавши, сказала наконец:
«Куда как жаль, козлом не сделал мя творец,
Внемли, что я реку: уприся, кум, рогами
И цапкими ногами,
И по тебе мне вылезть дай;
Когда же выйду я за край,
Тебя в колодце не оставлю
И так себя с тобой избавлю».
Лиса разумный зверь;
И не теперь
В разумные он вбился;
Совет бородачу лисицын полюбился.

Он стал,
Лисице вылезть дал;
Лиса изволила убраться.
Козел блеял,
Козел кричал,
На помощь звал,
Но уж лисицы не видал;
И поздно клялся он в обманы не вдаваться,
Однако принужден в колодце оставаться.
Но что плодить нам слов?
Мы множество всегда везде узрим козлов;
Так иногда-то Красс в пески Парфянски вкрался
И вечно там остался.

КУЧЕР И ЛОШАДИ

Не ведаю того, в каком то было лете,
И точно, коего то месяца и дня;
Лишь ехал господин по улице в карете,
То только знаю я.
На козлах кучер был с предолгими усами
И тамо управлял упрямыми конями.
Не так на небесах гордился Фаэтон
Иль Ахиллесов вождь коней Автомедон
В то время, как то он без правил и закона
Скакал к стенам прегорда Илиона,
Как козел с высоты, жезл кучерский в руках,
Подобно, как Индейский Шах,
Гордился кучер мой и так превозносился:
«Какая часть моя!
Где я?
В какой высокий чин на свет я сей родился?
Се подданны мои, на них мне власть дана,
Тварь бедна, для меня лишь ты сотворена».
Но в час, плачевный час, как хвастал он надменно,
Неслыханное зло в то время совершенно:
Конь в брюхо брык,
Упал мужик.
Кто прежде в высоте вверху был над конями,
Тот стал под коньими ногами.

О вы, великие и сильны на земли!
Толь странну истину из уст моих внимая,
Брегитесь, чтобы не могли
Вы гордостью дойти погигбели до края.
И вы, владык земных подобие и вид,
Правители! я к вам днесь глас мой обращаю,
Простите мне, коль я воспоминать дерзаю:
Любить, не презирать нас долг ваш вам велит.

МИРОТВОРЕЦ

Был жил мужик
Зуб о зуб со своей женою,
Старинна леса кочергою;
Долгонек был у ней немножечко язык,
У муженька ее еще он был подоле.
В драчливый кой-то день рассорились дотоле,
Что за святые им пришло хватать власы.
Сомкнулися их лбы, сперлися их носы,
Взнесенны руки их главу превосходили,
И персты впущены в власы их зацепили.
Подобно так, или и меньше горячо,
Евстафий с кораблем сцепились неверным;
Подобно так они с усилием безмерным
Друг другу голову склонили на плечо.
Не знаю, для чего за волосы схватились,
Не волосы бы им, наказывать язык;
Но видно, что сперва они не сговорились,
И говорят притом, мужик был так, как бык,
По-русски бык упрям. Поболе мы упрямы:
Мы часто не хотим и выходить из ямы,
В котору ввергло нас упрямство лишь одно;
Послушать не хотя, мы падаем на дно.
На крик, на вопль, на шум сосед один склонился;
На место мигом он сражения явился.
Три раза кашлянул и плюнул три раза
В глаза
Обоих сих героев,
Что уж по множеству начатых снова боев
Держали вырватых по клоку волосов.

Старинушки мои, его не слушав слов,
Друг с другом съединились
И, ссору позабыв, на друга вооружились.
Тут разнимальщик мой насилу дверь нашел
И, спину понагрев, домой скорей ушел.
Где двое ссорятся, тут третий не мешайся
И в ссоры, сверх того, супружни не вступайся.

ПОЛОВИЦА

Когда-то половица
Изволила поднять носок
И вздвинуть свой бочок
Так, что другая уж сестрица,
Высокородие ея,
Была подножием сестрицы ног сея.
«Поди, — она ей говорила, —
И с нами не якшись;
Поди и побегу во всю досочью рысь,
Поколе будет сила».
Увидев господин то, что досочка взялась,
Велел ее стесать: она с другой сравнялась.
Я, горделивец, баснь пишу тебе сию, —
Подобно унизят кичливость и твою.

ИНДЕЙ И СОКОЛ

Курятничья хлева был некто гражданин,
А звание его и чин —
Петух Индейской;
По нужде некогда житейской
Он позван был пред суд,
Который очагом в Руси у нас зовут.
Все люди петуха старались приманить;
А он, и крылья подбирая,
И ноги подымая,
Домашних от богов спешил скорей уйтить;
Иначе взрютили Индея бы на блюдо:
Индеям не впервой, и им уж то не чудо.
И невелика честь,

Чтобы на блюдо влезть;
Да в том-то штука есть,
Индею бы с двора скорей как лъзя убресть.
На дереве сокол, зря оно похождение,
Смеялся в заходы: «Колико глуп Индей! —
Сокол мой рассуждал в головушке своей, —
Какое твари сей со мною есть сравненье?
Когда зовут его, бежит из всех он сил;
А я, когда полет направлю скорых крыл
И быстрым бегом край воздушный пролетаю,
И горлиц пред собой испуганных гоняю,
Едва охотничий лишь токмо внемлю глас,

В тот час

Парю и на руку охотничью спускаюсь,
Господских ни на миг я слов не ослушаюсь».
Сокол! когда б ты зрел толико соколов,
Как есть на вертеле индейских петухов,
Не стал бы ты тогда Индея порицати,
Не должно по себе об инных рассуждати.

МУЖ И ЖЕНА

БЫЛЬ

Охотник в карты муж играть:
Над картами потеет,
От карт не богатеет, —
Скудеет.

Охотница жена с любви дань собирать:
Сбирая дань, потеет,
Трудом сим не скудеет,
Трудом сим богатеет.

Супругу муж свою подозревал,
Увещевал
Сие отринуть дело.

Жена ему на то сказала смело:
«Теперь я зрю сама,
Что нет в тебе ума.

Когда б не я пеклась о нашей денег трате,
Так был бы уж давно ты, муж мой, в магистрате».

* * *

БЫЛЬ

Имея девушка с природы чувство нежно,
Стараяся прилежно
Природу раздражать,
Кокеткам подражать:

Их правила держаться,
 По моде наряжаться.
 Собою же она удобнее пужать,
 А нежель заражать.
 Продолговатый лик, на коем цвет смугленек,
 Немножко лик рябенек,
 Немножко рот кривенек,
 Немножко ум слабенек;
 А вообще сказать прямым словом,
 Чресчур дурна лицом.
 И это не привязка,
 Незнавшему ее,
 Увидя в первый раз, подумать лъзя сие,
 Что то на ней надета маска;
 А девушка себе такую дурноту
 Считает в красоту,
 Но рок, колико можно,
 Дал ей о том узнать, сколь мнение это ложно.
 И вот то было как: тут гость, или жених,
 Когда бывал у них,
 Слуга, которому за оным ездить должно,
 Когда узреть ее случай ни находил,
 Он глаз своих с нее в то время не сводил;
 И как она его взор всякий час встречала,
 То не иное в том, как склонность, заключала
 И на сие молчала.
 Не стало сил ее в незнаньи пребывать,
 Ей должно было то молчание прервать.
 Вернейшей нянюшке всю тайну открывает,
 Что сведать от слуги она желает
 Причину взглядов всех его,
 И для ради сего
 Велела
 Усердной сей рабе
 Привести его к себе
 Под видом дела.
 И та минута ей казалася долга,
 Котора подождать слугу ей оставалась:
 Она в задумчивость вдавалася,
 Услужника ль найдет себе или врага?
 Предстал пред ней слуга.

Какое вображенье!
Ее стал полон ум
Приятных дум.
Вдруг сердце у нее пришло в движенье;
Не знала, что начать,
А время коротко, нельзя молчать;
И как против себя она ни воружалась,
Но радость на лице у ней изображалась,
Смущало дух ее присутствие его:
Волненье таково
Она имела,
В ней кровь кипела;
Она робела,
Она хрипела
И обладать собой в то время не умела;
В смятении к слуге простерла речь сию:
«Я позволение, мой друг, тебе даю
Открыть мне мысль свою;
А я тебе божуся,
Что я не рассержуся:
Какую в этом ты утеху находил,
Что часто на меня глаза свои взводил?
Неужто я тебе приятно кажуся?
Ах! я стыжуся! . . .
Возможно ль, чтоб тебя пленил мой зрак?»
Слуга сей был хотя и не дурак,
Да правды он держался,
К тому же испужался,
А больше, что в делах амурных был простак,
Ответствовал ей так:
«Сударыня! нельзя пред вами мне таиться,
Я искренне готов открыться,
Исполню ваш приказ:
Что против вашего лица я становился,
Причина та тому: что я всегда дивился,
Сколь в знатных и простых домах, где ни бывал,
Я сколь каких из женщин ни знавал,
Верховых девушек, боярышен, крестьянок,
Грузинок, персианок,
Но с роду не видал, по самый этот раз,
Нигде дурные вас»,

КОНЬ И МЕШОК

Сорвавшись конь со стойла
И бегал по пути;
На воле думал он найти
Довольней, нежели в узде, сенца и пойла.
А как тогда была
Земля покрыта снегом,
Коню хоть вольность и мила,
Но в усталь приходил, искавши корму бегом.
От усталы голодный конь лежал,
От стужи он дрожал,
От голоду конь ржал
Дни три или и боле.
По счастью коня, проезжий ехал в поле.
Увидя конь его, за ним бежал. . .
Проезжий в этот раз от сильного мороза,
Закутав, ехал, нос,
Дабы не повредил его мороз,
И потерял мешок, набитый сеном, с воза.
Конь бросил мужика,
За ним ему бежать дорога далека,
Переменил походку
И поскакал туда, где зрел сию находку.
Заботы больше нет,
Нашел себе обед. . .
Конек перед мешком почтенье изъявляет,
Ласкательства ему великие творит
И, как с любовницей, умильно говорит;
Придвинувшись к сенцу, свой голод утоляет.
Сенцо он убавляет
И в чрево голодом, немедля, отправляет.
Потом, когда мешок он весь опустошил
И тучности его лишил,
На произвол судьбы на месте оставляет,
Сказав ему: «Прощай, товарищ мой,
А мне пора домой,
Лежи ты здесь теперь в тиши;
А ежели станешь ты опять благополучен,
Травкою будешь тучен,
К нам грамотки пиши! . . .»

Почасту то бывает:
При нужде мужика всяк другом называет,
А надобность пройдет,
То дружбы и следов услужник не найдет.

ПРИКАЗНАЯ УЛОВКА

Читал печатное, не помню, где-то я,
А повесть вот сия:
Когда б подьячих мы не сами баловали
И повод им к тому не сами подавали,
Они б не плутовали,
Они б не воровали,
И в век свой в сем грехе они бы не бывали...
А я скажу на то:
Вы спросите... а что?
Не пременю я слова,
Рассказка вот готова:
Как в свете жив, нельзя порока избежать,
Или болтливому рот накрепко зажать,
Или ленивому к наукам прилежать,
Так точно всякого подьячего от взяток
Не можно вовсе удержать...
Прибыток сей им сладок,
А путь к нему им гладок;
Хоть с первых дней указ подьячих испужал,
Да брать им за труды никак не удержал!
Приказный выдумал тотчас такие хватки:
Как брать тайком им взятки,
Дабы просильщикам о том не докучать,
А прибыль получать.
Подьячески головки
Легко изобретут надежные уловки,
И вот что вымыслил писец: его возьми
В свою просильщик норку,
Напой и накорми;
Потом в нехитрую игорку,
Что вычислил писец с просильщика содрать,
То должно тут ему, конечно, проиграть...

И в этом:
Что взяток не берут, клянутся белым светом.
Я здесь про них сказал лишь только что верхки;
А в их казну рублей скопляются мешки.

ДВОРЯНКА В КУПЧИХАХ

Чиновного отца дочь, девка-сирота,
По бедности купцом в супружество взята:
Купецкой став молодкой,
Другую начала ходить походкой!
Во девушках она
Не кушала вина
И презирала водку,
Одну имела лишь охотку:
Почаству кушать чай!
Читатель, примечай:
Придвинувшись к купчищу,
Придвинулась к винищу
И к крепкому пивыщу,
Пустилась в чарку нос частехонько втыкать,
Привыкла куликать. . .
И ныне уже пьет она с охоткой
Поутру тот же чай;
Но пьет его уж с водкой. . .
Читатель, примечай:
Плотненько ежель кто вокруг кого потрется
Иль с кем дружненько поведется,
Ума и разума того и наберется.

КУПЧИХА В ДВОРЯНКАХ

Купеческая дочка,
На возрасте девочка,
Смазливенька лицом,
В замужестве быть никак не мнила за купцом. . .
Отец ее имел достаточек свободный;
Так ей желалось быть, конечно, благородной!
Не стало дело в том, —

Старуха шасть к ним в дом!
 Невесте роспись в руки,
 И ей за женихов сама бралась в поруки. . .
 Старик свое дитя,
 Утешить захотя,
 Не размышляя боле,
 Желая следовать во всем дочерней воле:
 Заметил женишка в сей росписи с чинком,
 Которого отец ему бывал знаком. . .
 Откладывая сего вдаль дела не хотели,
 Условились: жених, на смотр явясь,
 Невесте полюбясь,
 Ударив по рукам. . . подружки песни пели;
 Потом и свадебку немедленно свертели.
 Причина скорости такой сия была:
 Невесте честь мила. . .
 Жених же выгоды свои, напротив, числил;
 Он состояние свое поправить мыслил:
 Деревню чтоб купя, иметь с нее доход. . .
 Но сказан вдруг ему нечаянный поход!
 Пришло супружнику с супругой расставаться;
 Однакож не забыл он к денешкам прибраться
 И, нагружая всем, сел на воз как-нибудь,
 Да и отправился в свой путь. . .
 Осталась молодая,
 Об муже потужа
 И всю по том печаль на радость преложа. . .
 Затеяливостей тех своих не покидая,
 Какие в девушках приятны были ей,
 На воле став своей,
 Приданое она довольное имея,
 Но как себя вести, того не разумея, —
 Не в зрелом возрасте она еще была, —
 По-новомодному во всем себя вела:
 Уборы и наряды
 Брала всегда без ряды.
 Сначала чистые платила рубельки;
 А после начала давать и вексельки,
 Лишь только чтобы ей со вкусом нарядиться. . .
 Не слушалась ни в чем родимого отца,
 Не знала, как себе уставить и лица!

И вздумала гордиться
Перед купчихами, их стала презирать,
Пустилась картами исправно козырять! . .
Убит в походе муж, супружница осталась! . .
Родня ей новая немедленно сыскалась:
 Кто кум, кто сват, кто брат. . .
 Недолго ж это длилось.
Повсюду вексельков довольно расплодилось;
Голубушку сию стащили в магистрат.

Отец хоть выкупил ее из сей неволи,
Но уж восстановить не мог ей прежней доли.
Купец при свадьбе щедрёнько поступил:
За дочерью он всё именье укрепил,
 Сам чистым чист остался,
И после только чуть не по миру скитался.

ДЕРЕВО

Стояло дерево в долине
И, на судьбу свою пеняя, говорит:
Зачем оно не на вершине
Какой-нибудь горы стоит,
И то ж да то же все Зевесу докучает.
Зевес, который всем на свете управляет,
Неудовольствие от дерева внимает
И говорит ему:
«Добро, перемену твое я состоянье,
Ко угожденью твоему».
И дал Вулкану приказанье
Долину в гору пременить.
Итак, под деревом горою место стало.
Довольным дерево тогда казалось быть,
Что на горе стояло.

Вдруг на леса Зевес за что-то гневен стал
И в гневе приказал
Всем ветрам на леса пуститься.
Уж действует свирепых ветров власть,
Колеблются леса, листья столпом крутятся,
Деревья ломаются, валяются,
Все чувствует свою погибель и напасть;
И дерево теперь, стоявши на вершине,
Трепещет о своей судьбине:
«Счастливы, — говорит, —

Деревья те, которые в долине!
Их буря столько не вредит»: —
И только это лишь сказало,
Из корня вырвано упало.

Мне кажется легко из басни сей понять,
Что страшно иногда на высоте стоять.

ОБОЗ

Шел некогда обоз;
А в том обозе был такой престрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами.
Не возик и не воз, возище то валит.

Но чем сей барин-воз набит?
Пузырями.

ДВА СОСЕДА

Худой мир лучше доброй ссоры, —
Пословица старинна говорит.
И каждый день нам то ж примерами твердит:
Как можно не вплетаться в споры;
А если и дойдет нечаянно до них,
Не допуская вдаль, прервать с начала их;
И лучше до суда, хотя ни с чем, мириться,
Как дело выиграть и вовсе просудиться,
Иль, споря о гроше, всем домом разориться.

На двор чужой свинья к соседу забрела,
А со двора потом и в сад его зашла.
И там бед пропасть накутила:
Гряды изрыла.

Встревожился весь дом,
И в доме беганье, содом.
«Собак, собак сюда!» — домашние кричали.
Из изб все люди побежали
И свинью ну травить:

Швырять в нее, гонять и бить;
Со всех сторон на свинью напустили;
Поленьями ее, метлами, кочергой;
Тот шапкою швырком, другой ее ногой
(Обычай на Руси такой).
Тут лай собак, и визг свиной,
И крик людей, и стук побой
Такую кашу заварили,
Что б и хозяин сам бежал с двора долой.
И люди травлю тем решили,
Что свинью наконец убили.
(Охотники те люди были.)

Соседы в тяжбу меж собой;
Непримиримая между соседей злоба;
Огнем друг на друга соседы дышат оба:
Тот просит на того за сад изрытый свой;
Другой — что свинью затравили.
И первый говорил:
«Я жив быть не хочу, чтоб ты не заплатил,
Что у меня ты сад изрыл».
Другой же говорил:
«Я жив быть не хочу, чтоб ты не заплатил,
Что свинью у меня мою ты затравил».
Хоть виноваты оба были,
Но к стати ль, чтоб они друг другу уступили?
Нет, мысль их не туда:
Во что б ни стало им, хотят искать суда.
И подлинно суда искали,
Пока все животы к судьям перетаскали.

Не стало ни кола у истцов, ни двора;
Тогда судьи им говорили:
«Мы дело ваше уж решили:
Для пользы вашей и добра
Мириться вам пора».

ХОЗЯИН И МЫШИ

Две Мыши на один какой-то двор попались,
И вместе на одном дворе они живут;
Но каждой жительство различные достались,
А потому они и разну жизнь ведут:
 Одна Мышь в житницу попала,
 Другая Мышь в анбар пустой.
 Одна в довольстве обитала,
 Не видя нужды никакой.
Другая ж в бедности живет и все горюет
 И на судьбину негодует,
С богатой видится и с нею говорит;
Но в житницу ее попасть никак не может,
И только тем одним сыта, что рухлядь гложет.
Клянет свою судьбу, хозяина бранит;
И наконец к нему Мышь бедна приступила,
Сравнить ее с своей подругою просила.
 Хозяин дело так решил
 И Мыши говорил,
Котора с жалобой своею приходила:
«Вы обе случаем сюда на двор зашли
И тем же случаем и разну жизнь нашли.
Хозяину мышам не сделать уравниенье.
 И я скажу тебе:
 Анбар и житницу построил я себе
 На разное употребленье;
 А до мышей мне нужды нет,
 Котора где и как живет».

МЕДВЕДЬ ПЛЯСУН

Плясать Медведя научили
И долго на цепи водили;
Однако как-то он ушел
И в родину назад пришел.
Медведи земляка лишь только что узнали,
Всем по лесу об нем, что тут он, промычали;

БАСНИ и СКАЗКИ

И. И. Хемницера,

Въ трехъ частяхъ.

Саме: | 6: М: | антиг:

Въ природѣ, въ простотѣ оны истинну искалъ:
Какъ видѣлъ, таь ея списалъ.

Печатано въ Императорской Типографіи.

Въ Санктпетербургѣ, 1799.

Съ дозволенія Ценсуры.

И лес лишь тем наполнен был,
Что всяк друг другу говорил:
«Ведь Мишка к нам опять явился».
Откуда кто пустился,
И к Мишке без души медведи все бегут.
Друг перед другом Мишку тут
Встречают,
Поздравляют,
Целуют, обнимают;
Не знают с радости, что с Мишкою начать,
Чем угостить и как принять.
Где! разве торжество такое,
Какое
Ни рассказать,
Ни описать!
И Мишку все кругом обстали.
Потом просить все Мишку стали,
Чтоб похождение он свое им рассказал.
Тут все, что только Мишка знал,
Рассказывать им стал
И, между прочим, показал,
Как на цепи, бывало, он плясал.
Медведи плясуна искусство все хвалили,
Которы зрителями были,
И каждый силы все свои употреблял,
Чтоб так же проплясать, как и плясун плясал.
Однако все они хоть сколько ни старались,
И сколько все ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,
Не только чтоб плясать,
Насилу так, как он, могли на лапы встать.
Иной так со всех ног тут о землю хватился,
Когда плясать было пустился;
А Мишка, видя то,
И вдвое тут
И зрителей своих поставил всех в ничто.
Тогда на Мишку напустили,
И ненависть и злость искусство все затмили.
На Мишку окрик все: «Прочь, прочь отсель сейчас!
Скотина эдака умней быть хочет нас?»

И все на Мишку нападали,
Нигде проходу не давали;
И столько Мишку стали гнать,
Что Мишка принужден бежать.

ЛЕВ, УЧРЕДИВШИЙ СОВЕТ

Лев учредил Совет какой-то, — неизвестно;
И, посадя в него сочленами Слонов,
Большую часть прибавил к ним Ослов.
Хотя Слонам сидеть с Ослами и невместно,
Но Лев не мог того числа Слонов набрать,
Какому надлежало
В Совете этом заседать.
Ну что ж? пускай числа всего бы недостало,
Ведь это б не мешало
Дела производить.
Нет, как же? а устав ужли переступить?
Хоть будь глупцы судьи, лишь счетом бы их стало.
А сверх того, как Лев Совет сей учреждал,
Он вот как полагал
И льстился:
Ужли и впрямь, что ум Слонов
На ум не наведет Ослов?

Однако, как Совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
Ослы Слонов с ума свели.

КОНЬ ВЕРХОВЫЙ

Верховый гордый Конь, увидя Клячу в поле,
В работе под сохой,
И в неге не такой,
И не в уборе и не в холе,
Какую гордый Конь у барина имел,
С пренебрежением на Клячу посмотрел,
Пред Клячею крестьянскою бодрился
И хвастал, чванился, и тем и сем хвалился.

«Что, — говорит он Кляче той, —
Бывал ли на тебе убор когда такой,
Каков убор ты видишь мой?
И знаешь ли, меня как всякий почитает?
Всяк, кто мне встретится, дорогу уступает;
Всяк обо мне твердит, и всякий похвалит.
Тебя же кто на свете знает?»
Несносна Кляче спесь Коня;
«Пошел, хвостун! — ему на это отвечает. —
Оставь с покоем ты меня.
Тебе ль со мной считаться?
И мною насмехаться?
Не так бы хвастать ты умел,
Когда бы ты овса моих трудов не ел».

БОГАЧ И БЕДНЯК

Сей свет таков, что кто богат,
Тот каждому и друг и брат,
Хоть не имей заслуг, ни чина
И будь скотина;
И кто бы ни был ты таков,
Хоть родом будь из конюхов,
Детина будешь как детина;
А бедный, будь хоть из князей,
Хоть разум ангельский имей
И все достоинства достойнейших людей, —
Того почтения не дождется,
Какое богачу всегда уж воздается.

Бедняк в какой-то дом пришел,
Который ум и чин с заслугами имел,
Но бедняка никто не только что не встретил,
Ниже никто и не приметил,
Иль, может быть, никто приметить не хотел.
Бедняк наш то к тому, то к этому подходит,
Со всеми разговор и так и сяк заводит;
Но каждый бедняку в ответ
Короткое иль да, иль нет.
Приветствия ни в ком бедняк наш не находит;
С учтивством подойдет, а с горестью отходит.

Потом
За бедняком
Богач приехал в тот же дом,
И не имел богач сей ни заслуг, ни чина,
И был прямая он скотина.
Чтож? богачу — сказать нельзя, какой прием!
Все встали перед богачом;
Всяк богача с почтением встречает;
Всяк стул и место уступает,
И под руки его берут;
То тут, то там его сажают;
Поклоны чуть ему земные не кладут
И меры нет как величают.

Бедняк, людей увидя лесть,
К богатому неправу честь,
К себе неправое презренье,
Вступил о том с своим соседом в рассужденье.
«Возможно ль, — говорит ему, —
Что так людей богатство ослепляет,
Достоинства того, кто беден, помрачает,
А кто богат, того пороки прикрывает?
Куды как это огорчает!» —
«Дивишься ты к чему? —
Другой на это отвечает. —
Достоинств ведь взаимы не ищут никогда,
А денег завсегда».

ДВОРНАЯ СОБАКА

Жила у барина собака на дворе
В таком довольстве и добре,
В каком, бывало, жил чернец в монастыре.
Всего же боле:
Что жить могла на воле.

Сосед, который в дом к боярину ходил,
Собаку эту полюбил,
Да как достать ее, не знает:
Просить боярина об ней он не хотел;
Украсть ее бездельством счел.

«Нет, надобно, — он рассуждает, —
Скромнее поступить
И тонким образом собаку ту сманить».
Бездельство тонкое бездельством не считает.
И всякий раз, когда, бывало, ни придет,
Речь о собаке заведет:
При ней самой ее как можно выхваляет.
А барину пеняť начнет,
Что содержание ей у него худое:
«Нет, у меня житье ей было б не такое;
Инова я куска и сам бы есть не стал,
Да этой бы собаке дал;
Всегда бы спать с собою клал.
А у тебя она лишь кости подбирает
И как случится спит!»

Все, что сосед ни говорит,
Собака правдою считает;
И думает: «Что? может быть, и впрямь
Еще мне лучше будет там;
Хоть хорошо и здесь... отведать бы пуститься;
А худо, и назад ведь можно воротиться».
Подумала, да и с двора долой,
К соседу прямо прибежала.
Живет дней несколько, и месяц, и другой.
Не только что куска того не получала,
Которого, сосед сказал,
Не съел бы сам, а ей бы дал;
И костью с нуждою случится
Собаке в праздник поживиться.
Спать? хуже прежнего спала;
А сверх того еще привязана была.

И поделом! зачем сбежала?
Вперед, собака, знай, когда еще не знала,
Что многие умеют мягко стлать,
Да жестко спать.

Собаки добрые с двора на двор не рыщут
И от добра добра не ищут.

ВОЛЧЬЕ РАССУЖДЕНИЕ

Увидя Волк, что шерсть Пастух с овец стрижет,
«Мне мудрено, — сказал, — и я не понимаю,
Зачем Пастух совсем с них кожу не дерет?
Я, например, так я всю кожу с них сдираю
И тож в иных дворах господских примечаю.
Зачем бы и ему не так же поступать?»

Слон, Волчье слыша рассуждение,
«Я должен, — говорит, — тебе на то сказать:
Ты судишь так, как Волк; а Пастухово мнение —

Овец своих не убивать.

С тебя, да и с господ иных примеры брать —
Не будет, наконец, с кого и шерсть снимать».

ЖЕЛАНИЕ КАЩЕЯ

«Вот эту 6 тысячу мне только докопить,
А там уж стану я довольствуясь жить». —
Сказал Кашей, давно уж тысячи имея.

Сбылось желание Кашея,
Что тысячу он докопил.

Однакоже Кашей все недоволен был:
«Нет, тысячу еще; а ту когда достану,
Я, право, более желать уже не стану».
Увидим. Тысячу и эту он достал;
Однако слова не сдержал
И тысячу еще желает;

Но уж последнюю, в том точно уверяет.

Теперь он правду говорил:
Сегодня тысячу и эту докопил,
А завтра умер он; и все сго именье
Досталось по нем другим на расточенье.

Когда 6 Кашей иной,
Доход приумножая свой,
Еще сегодня догадался
И пользоваться им старался!

ПАУК И МУХИ

«Постой, — Паук сказал, —
Я чаю, что нашел причину,
Зачем еще большой я мухи не поймал,
А попадается все мелочь: дай раскину
Пошире паутину;
Авось либо тогда поймаю и больших». —
Раскинув, наживает их:
Все мелочь попадает;
Большая муха налетит,
Прорвется и сама и паутину мчит!

А это и с людьми бывает,
Что маленьким, куда
Ни обернись, беда:
Вор, например, большой хоть в краже попадетсЯ,
Выходит прав из-под суда;
А маленький наказан остается!

СТРОИТЕЛЬ

Тот, кто дела свои вперед все отлагает,
Тому строителю себя уподобляет,
Который захотел строение начать,
Стал для него припасы собирать
И собирает их по всякий день немало.
Построить долго ли? Лишь было бы начало.
Проходит день за днем, за годом год идет,
А все строенья нет:
Все до другого дня строитель отлагает.
Вдруг смерть пришла — строитель умирает,
Припасы лишь одни, не зданье оставляет.

СОЛОВЕН И ВОРОНЫ

Кто как ни говори, что будто нет страстей
В животных и других, какие меж людей,
А зависть в них бывает
И, может быть, людской еще не уступает.
Свист соловья каков, известно без того,

Чтобы хвалить его.
Чтож? вздумай на него воронья чернь озлиться
Из зависти, что он, когда бы петъ ни стал,
Всех голосом своим прельщал.
«Нам должно, — говорят друг другу, — согласиться,
Чтоб соловью не дать уж больше отличиться,
Всем вместе с ним запеть: когда он петъ начнет,
То голос весь его за нашим пропадет;
А если он и тут над нами верх возьмет,
Так будем сказывать, что дурно он поет,
Всем тем, которые ни стали б им прельщаться.
Что? долго ли ему и впрямь торжествовать,
А нам с стыдом пред ним, воронам, оставаться?»
И только соловей свистать,
Воронье стадо — ну кричать!
Но голос соловья не только не терялся,
Приятнее еще по роще раздавался.
Другой бы голос, может быть. . .
Да голос соловья хотели заглушить!

Теперь хотел бы я спросить:
Кого с воронами поставить здесь в сравненье?
Мое бы мнение:
К ним сочинителей негодных применить,
Которые на стать воронью поступают,
Когда на авторов хороших нападают.
И клеветой хотят их славу помрачить.

ДРУЗЬЯ

Давно я знал, и вновь опять я научился,
Чтоб другом никого, не испытал, не звать.
Случилось мужику чрез лед переезжать,
И воз его сквозь лед, к несчастью, провалился.
Мужик метаться и кричать:
«Ой, батюшки! тону, тону! ой, помогите!» —
«Ребята! что же вы стоите?
Поможемте!» — один другому говорил,
Кто вместе с мужиком в одном обозе был.
«Поможем», — каждый подтвердил.

Но к возу, между тем, никто не подходил;
А должно знать, что все одной деревни были,
Друзьями меж собою слыли,
Не раз за братское здоровье вместе пили;
А сверх того между собой,
Для утверждения их дружбы круговой,
Крестами даже поменялись.
Друг друга братом всяк зовет;
А братний воз ко дну идет!
По счастью мужика, сторонние сбежались
И вытащили воз на лед.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ БОНЬ

Был конь у барина, каких бывает мало:
Не конь, а клад,
Как говорят.

Скупого барина такого не бывало,
И только одного коня он и держал,
Который в доме всю работу исправлял,
Какую бы и трем исправить в пору было.

Конь сколько мог служил; но время наступило,
Что больше уж невмочь пришло ему служить,

И по прямому б надлежало
Из благодарности коня по смерть кормить;
Но чувства в барине такого не бывало:
Конь в тягость стал ему; он шлет его продать.
Но дряхлого коня кто станет покупать?
Ведут его назад. «Ну, не хочу я боле, —
Хозяин, осердясь, стал людям говорить, —
Беспрокого коня кормить:

Сгоните в поле;
Пускай за службу сам он кормится на воле».
И бедного коня велел с двора согнать.

Такое ли коню за службу воздаянье
Возможно было ожидать?
В наш век хозяин пропитанье
Стыдился бы коню не дать.

ЗЕЛЕНЬЙ ОСЕЛ

Какой-то с умысла дурак,
Взяв одного осла, его раскрасил так,
Что стан зеленый дал, а ноги голубые.
Повел осла казать по улицам дурак;
И старики и молодые,
И малый и большой,
Где ни взялись, кричат: «Ахти! осел какой!
Сам зелен весь, как чиж, а ноги голубые!
О чем слыхом доселе не слышать.
Нет (город весь кричит), нет, чудеса такие
Достойно вечности предать,
Чтоб даже внуки наши знали,
Какие редкости в наш славный век бывали».
По улицам смотреть зеленого осла
Кипит народу без числа;
А по домам окошки откупают,
На кровли вылезают,
Леса, подмости подставляют.
Всем видеть хочется осла, когда пойдет;
А всем итти с ослом дороги столько нет, —
И давка круг осла сказать нельзя какая:
Друг друга всяк толкает, жмет,
С боков и спереди и сзади забегая.

Что ж? — два дни первые гонялся за ослом
Без памяти народ в каретах и пешком.
Больные про болезнь свою позабывали,
Когда зеленого осла им вспоминали;
И няньки с мамками, ребят чтоб укачать,
Кота уж полно припевать:
Осла зеленого ребятам припевали.
На третий день осла по улицам ведут:
Смотреть осла уже и с места не встают,
И сколько все об нем сперва ни говорили,
Теперь совсем об нем забыли.

Какую глупость ни затей,
Как скоро лишь нова, чернь без ума от ней.
Напрасно стал бы кто стараться
Глупцов на разум наводить:

Ему же будут насмехаться.
А лучше времени глупцов препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умеет их учить.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖ

Был дом,
Где под окном
И чиж и соловей висели
И пели.
Лишь только соловей, бывало, запоет,
Сын маленький отцу проходу не дает:
Все птичку показать к нему он приступает,
Которая так хорошо поет.
Отец, обеих сняв, мальчишке подает.
«Ну, — говорит; — узнай, мой свет,
Которая тебя так много забавляет».
Тотчас на чижику мальчишка указал:
«Вот, батюшка, она! — сказал,
И всячески чижа мальчишка выхваляет:
«Какие перышки! куда как он пригож!
Затем ведь у него и голос так хорош».

Вот как мальчишка рассуждает.
Да полно и в житействе тож
О людях многие по виду заключают:
Кто наряжен богато и пригож,
Того и умным почитают.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛ

Добро, которое мы делаем другим,
Добром же служит нам самим,
И в нүжде надобно друг другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади в дороге быть с ослѡм,
И лошадь шла порожняком,

А на осле поклажи столько было,
Что бедного совсем под нею задавило.
«Нет мочи, — говорит, — я, право, упаду,
До места не дойду».
И просит лошадь он, чтоб сделать одолженье,
Хоть часть поклажи снять с него.
«Тебе не стоит ничего,
А мне б ты сделала большое облегченье», —
Он лошади сказал.
«Вот, чтоб я с ношею ослиною таскалась!» —
Сказала лошадь, отказалась.
Осел потуда шел, пока под ношей пал.
И лошадь тут узнала,
Что ношу разделить напрасно отказала,
Когда ее одна
С ослиной кожей несть была принуждена.

СТЯПЧИЙ И ВОРЫ

Какой-то стряпчий был всем стряпчим образец,
Такой делец,
Что стряпческими он ухватками своими,
Пред всеми стряпчими другими
Взяв первенство, к себе всех йстцев приманил;
И словом, так проворен был,
Что часто им и тот оправдан оставался,
Который сам суду в вине своей признался
И суд которого на казнь уж осудил.

В покраже двух воров поймали,
И должно по суду воров за то казнить;
А это воры знали.
Однако как они о стряпчем тож слышали,
Что если за кого возьмется он ходить,
Бояться нечего, то стряпчего сыскали:
Сулят ему что за душой
Из краденых и денег и вещей,
Лишь только б их оправить,
А пуще бы всего от смерти их избавить:
Ведь тяжело умирать, как есть кому чем жить!
Надеясь от воров подарки получить,

Стал стряпчий за воров ходить
И выходил, что их на волю отпустили,
Всех вообще судей заставя разуметь,
Что их напрасно обвинили:
Вот каково старателя иметь!
Как скоро их освободили,
В дом стряпчего снесли они что посулили;
Благодарят,
И впредь дарить его сулят.

Как это все происходило,
Что стряпчий от воров подарки принимал
И с ними в радости на счет их пировал,
Уж на дворе не рано было,
И стал гостей он унимать
Остаться переночевать;
А гости будто бы сперва не соглашались,
Однако ночевать остались.
Лишь только в доме улеглись,
За промысл гости принялись:
Не только что свои подарки воротили,
Еще и стряпчего пожитки расщечили;
Потом до сонного дошли и самого
И в барышах ему бока отколотили,
Оставя чуть живым его.

Кто плутнями живет и плутням потакает,
От них и погибает.

ДВА БОГАЧА

Два были богача, и оба в тяжбе были;
Причины же прямой я не могу сказать:
Кто может все подробно знать?
К тому же толк иным делам приказным дать
Не так-то чтоб легко. Иные говорили,
Что спор их из куска земли;
Другие,
Что будто бы долги какие
Прапрадедов своих друг на друга начли.

Таким-то и тягаться,
Которым кошелек поможет оправдаться
И у судей закон и совесть откупить;
А недостаточные знают:
Без денег, как на торг, в суд незачем ходить:
Приказной формою дела их в суд вступают,
И каждой стороне их стряпчие ласкают,
Что в пользу дело окончают.
Проходит год, другой, и близ десятка лет,
Конца, однако, делу нет.
Ужли судьи их сговорились
Так долго дело не решить?
Вот тотчас клеветать и на судей взносить,
И думать, что они из взятков согласились. . .
Как будто бы нельзя другим причинам быть,
Что дело тихо шло? Ну, как тут поспешить?
С год, говорят, по нем в одних архивах рылись.

В том самом городе, где спор происходил,
Какой-то живописец был,
Который написал на богачей картину,
Так что нагими их он в ней изобразил,
И выставил в народ. Все спрашивать причину;
Весь город толковать и говорить об них,
И только что речей о богачах нагих.
Дошло о том до богачей самих.
Пошли смотреть картину,
И видят дело так. Тронуло это их:
Неудивительно. Готовы уж прошение
На живописца подавать,
Чтобы бесчестие взыскать
И, в тяжбе будучи, другую начинать.
«Как, — говорят, — снести такое поношение?»
Пошли его спросить, однако, наперед.
«Пожалуй, — говорят, — скажи: что за причина,
Что в поруганье нам написана картина
И выставлена в свет?
Что, разве ты, мой друг, сочел нас дураками,
Чтоб насмехаться так над нами?» —
«Нет, — живописец им сказал, —
Не с тем картину я писал,
Чтоб мне над вами насмехаться;

А только вам хотел картиною сказать,
Чего вам должно ожидать,
Когда еще вы станете тягаться».

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ

Волк, долго не имел поживы никакой,
 Был тощ, худой
 Такой,
 Что кости лишь одни да кожа.
 И волку этому случись
 С собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
 Жирна,
 Дородна и сильна.
Волк рад бы всей душой с собакою схватиться
 И ею поживиться,
 Да полно, для того не смел,
 Что не по нем была собака
 И не по нем была бы драка.
Итак со стороны учтивой подошел,
 Лисой к ней начал подбиваться,
 Ее дородству удивляться
 И всячески ее хвалить.
«Не стоит ничего тебе таким же быть, —
Собака говорит, — как скоро согласишься
 Итти со мною в город жить,
Ты будешь весь иной и так переродишься,
 Что сам себе не удивишься.
Что ваша жизнь и впрямь? Скитайся все, рыщи
И с горем пополам поест чего ищи;
А даром и куском не думай поживиться:
 Все с бою должно взять!
 А это на какую стать?
 Куда такая жизнь годится?
Ведь посмотреть, так в чем душа-то, право, в вас?
Не евши целы дни, вы все как испытые,
 Поджарые, худые.
Нет, то-то жизнь-то, как у нас!
Ешь, — не хочу, — всего, чего душа желает:
 После гостей

Костей, костей,
Остатков от стола, так столько их бывает,
Что некуда девать!
А ласки от господ — уж подлинно сказать!»

Растаял волк, услыша весть такую,
И даже слезы на глазах
От размышления о будущих пирах.
«А должность отправлять за это мне какую?» —
Спросил собаку волк. «Что? должность? ничего!

Вот только лишь всего:
Чтоб не пускать на двор чужого никого,
К хозяину ласкаться
И около людей домашних увиваться!»
Волк, слыша это всё, не шел бы, а летел;

И лес ему так омерзел,
Что про него уж он и думать не хотел,
И всех волков себя счастливее считает;
Вдруг на собаке он дорогой примечает,
Что с шеи шерсть у ней сошла.

«А это что такое,
Что шея у тебя гола?» —
«Так, это ничего, пустое». —
«Однако нет, скажи». — «Так, право ничего.

Я чаю,
Это от того,
Когда я иногда на привязи бываю». —
«На привязи? — тут волк вскричал, —
Так ты не все живешь на воле?» —
«Не все, да полно, что в том нужды?» — пес сказал.
«А нужды столько в том, что не хочу я боле
Ни за что всех пиров твоих:
Нет, воля мне дороже их;
А к ней на привязи, я знаю, нет дороги!» —
Сказал — и к лесу дай бог ноги.

СТРЕЛКА ЧАСОВАЯ

Когда-то стрелка часовая
На башне городской,
Свои достоинства счисляя,
Расхвасталась собой

И, прочим часовым частям в пренебреженьѣ,
«Не должно ль, — говорит, — иметь ко мне почтенье?»
Всему я городу служу как бы в закон;
Всё, что ни делают, по мне располагают:
По мне работают, по мне и отдыхают;
По мне съезжаются в суды и выезжают;
По мне чрез колокольный звон
К молитве даже созывают;
И словом, только час я нужный покажу,
Так точно будто прикажу.
Да я ж стою домов всех выше,
Так что весь город подо мной;
Всем видима, и все я вижу под собой.
А вы что значите? кто видит вас?» — «Постой;
Нельзя ли как-нибудь потише,
И слово дать
И нам сказать?» —

Другие части отвечали. —
Знай, если бы не мы тобою управляли,
Тебя бы собственно ни во что не считали.
Ты хвастаешь собой,
Как часто хвастает и человек иной,
Который за себя работать заставляет,
А там себя других трудами величает».

ОСЕЛ В УБОРЕ

Одень невежду
В богатую одежду, —
Не сладишь; и ослы тогда
Считают, что они большие господа.
Не помню прямо я, по случаю какому
Отправил лев осла,
Но, разумеется, не в качестве посла,
К соседу своему и другу, льву другому,
Какие-то никак ему подарки снести.
Посольство отправлять у льва лисица есть.
Но хоть подарки снести осла употребили,
Однако всё его богато нарядили,
Хотя б турецкого султана ослепить
И на войну его или на мир склонить.
Не вспомнился осел в уборе, взбеленился:

Лягается и всех толкает, давит, бьет;
Дороги ни встречным, ни поперечным нет;
Ни откупщик еще так много не гордился,
Сам лев с зверьми не так сурово обходился.

Ослов поступок сей

Против достойнейших зверей

Стал наконец им не в терпенье:

Пришли и на осла льву подали прошение,
Все грубости ему ослы рассказав.
Лев, просьбу каждого подробно разобрав,
Не так, как львы с зверьми иные поступают,
Что их и на глаза к себе не допускают,
А суд и дело их любимцы отправляют;
И так как лев зверей обиду всю узнал
И, видя, отчего осел так поступает,

Осла призвав, ему сказал,

Чтоб о себе, что он осел, не забывал:

«Твое достоинство и чин определяет

Один убор твой

Золотой,

Других достоинство умы их отличает».
И наказать осла, лев снять убор велел;
А как осел других достоинств не имел,
То без убора стал опять простой осел.

ЛЕВ СВАТ

Лев, сказывали мне, любовницу имел
(Ведь занимаются любовными делами
Не только меж людьми, но также меж скотами),
И жар к любовнице его охолодел.
А для того он тож (как люди поступают,
Что за другого с рук любовницу сживают,
Когда соскучится им все одну любить)
Хотел красавицу, но не бесчестно, сжить:
Он барса пестрого хотел на ней женить.

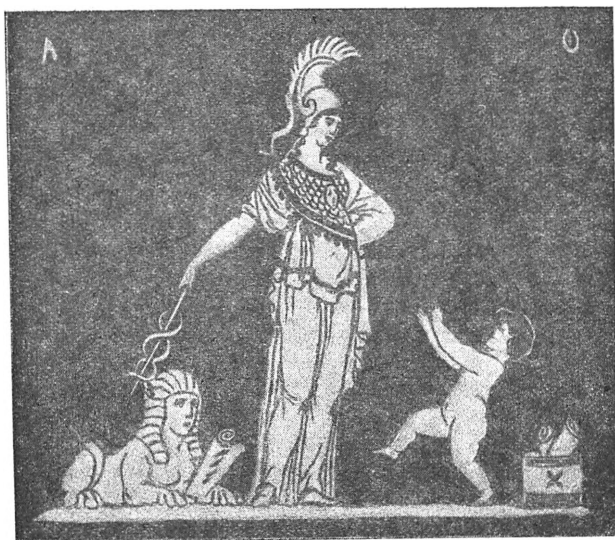
Но как он ни старался,

Жених замеченный никак не поддавался.

Да лев бы только приказал:

Любить указ ведь не дается;

А в случаях таких политика ведется

БАСНИ и СКАЗКИ.

I.

ДЕРЕВО.

Спогло дерево въ долинь,
И на судьбу свою пеняя, говоритъ:
 За чѣмъ оно не на вершинѣ
 Какой нибудь горы стоитъ,
И пожѣ да то же все Зевесу докучаетъ.

Первая страница книги И. Хемнидера
„Басни и сказки“, 1799 г.

И у зверей,
Как у людей,
К тому же дело щекотливо
Любовницу себе в жены такую взять,
Котору ищет сам любовник с рук отдать.
А потому ничуть не диво,
Что жениха не мог невесте он сыскать.
Но свадьбы не хотел уж больше отлагать;
Без всех чинов осла он прямо избирает.
«Послушай, — говорит, — назначил я тебя
Любовницы моей супругом.
Возьми ее ты за себя,
А я за то тебя
Пожалую в чины, и будешь ты мне другом».
Осла, не как других, раздумье не берет:
Осел в бесчестьи не зазорен,
На предложенье льва осел тотчас сговорен,
Сказав: «Хоть чести мне в женитьбе этой нет,
Как говорит и судит свет,
Да милость львиную она мне обещает;
К тому и меж людьми то ж самое бывает».

ПОБОР ЛЬВИНЫЙ

В числе поборов тех, других,
Не помню право я, за множеством, каких,
Определенных льву с звериного народа
(Так, как бы, например, крестьянский наш народ
Дает оброки на господ),
И масло также шло для львина обихода.
А этот также сбор, как всякий и другой,
Имел приказ особый свой,
Особых и зверей, которых выбирали,
Чтоб должность сборщиков при сборе отправляли.
Велик ли сбор тот был, не удалось узнать,
А сборщиков не мало было.
Да речь и не о том; мне хочется сказать
То, что при сборе том и как происходило:
Большая часть из них, его передавая,
Катала в лапах наперед,
А масло ведь к сухому льнет:

Так следственно его не мало.
К звериным лапам приставало;
И, царским пользуясь добром,
Огромный масла ком стал маленьким комком.
Однако как промеж скотами,
Как и людскими тож душами,
Не все бездельники, а знающие честь
И совестные души есть,
То эти в лапах ком не только не катали,
Но сверх того еще и в воду опускали,
Чтоб масло передать по совести своей.
Ну, если бы честных зверей
При сборе этом не сыскалось,
То сколько б масла льву досталось?

Не знаю, так ли я на вкус людей судил;
Я льву, на жалобу об этом, говорил:
«Где сборы,
Там и воры;
И дело это таково:
Чем больше сборщиков, тем больше воровство».

ПРИВИЛЕГИЯ

Какой-то вздумал лев указ публиковать,
Что звери могут все вперед, без опасенья,
Кто только смог кого, душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тех, которые дерут и без того?
Об этом чтоб указе знали,
Его два раза не читали.
Уж то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь мог с кого,
Похваливают, знай, указ, да обдирают.
Душ, душ погибло тут,
Что их считают — не сочтут!
Лисице мудрено, однако, показалось,
Что позволение такое состоялось:
Зверям указом волю дать
Привольно меж собой друг с друга кожи драть! —
Весьма сомнительным лисица находила

И в рассуждении самой, и всех скотов.
«Повыведать бы льва!» — лисица говорила,
И львиное его величество спросила,
Не так чтоб прямо, нет, — как спрашивают львов,
По-лисы, на весы кладя значенье слов,
 Все хитростью, обиняками,
 Все гладкими придворными словами:
«Не будет ли его величеству во вред,
 Что звери власть такую получили?»
Но сколько хитрости ее ни тонки были,
Лев ей, однакоже, на то ни да, ни нет.
 Когда ж по львову расчисленью
Указ уж действие свое довольно взял,
По высочайшему тогда соизволенью
Лев всем зверям к себе явиться указал.
Тут те, которые жирнее всех казались,
 Назад уже не возвращались.
«Вот я чего хотел, — лисице лев сказал, —
Когда о вольности указ такой я дал:
Чем жир мне по клочкам собирать с зверей трудиться,
 Я лучше дам ему скопиться.
 Султан ведь также позволяет
 Пашам с народа частно драть,
А сам уж кучами потом с пашей сдирает:
Так я и рассудил пример с султана взять».
Хотела было тут лисица в возраженье
 Сказать свое об этом мненье
И изъясниться льву о следствии худом,
Да вобразила то, что говорит со львом. . . .

 А мне хотелось бы, признаться,
Здесь об откупщиках словцо одно сказать,
Что также и они в число пашей годятся;
Да также думаю по-лисы промолчать.

МЕТАФИЗИК

 Отец один слышал,
Что за море детей учиться посылают
И что, вообще, того, кто за морем бывал,
От небывалого отменно почитают

За тем, что с знанием таких людей считают;
И, смотря на других, он сына тож послать
Учиться за море решился:

Он от людей любил не отставать
За тем, что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупее возвратился.
Попался на руки он школьным тем вралям,
Которые с ума не раз людей сводили,
Неистолкуемый давая толк вещам;
И малого не научили,
А навек дураком пустили.

Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разуместь и умные не стали;
Дом, город и весь свет враньем его сучал.

В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:

Сыскать начало всех начал,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.

Отец, который с ним случился,
Скорее бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;

А думный, между тем, детина,
В той яме сидя, рассуждал:
«Какая быть могла падения причина?»
Что оступился я, — ученый заключал, —
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое стремленье

Могло произвести воздушное давленье,
С землей и с ямою семи планет сношенье. . .»

Отец с веревкой прибежал.
«Вот, — говорит, — тебе веревка: ухватися.
Я потащу тебя; смотри, не оборвися». —
«Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»

Отец хоть был и не учен,
Да от природы был умен.

Вопрос дурацкий оставляя,
«Веревка вещь, — сказал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет». —
«На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое». —
«Да время надобно», — отец ему на то. —
А это, благо, уж готово». —
«А время что?» —
«А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять.
Сиди, — сказал отец, — пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальных собрать,
И в яму к этому в товарищи послать? . .
Да яма надобна большая!

СОБАКА И МУХИ

Собака ловит мух, однако не поймает
И, глупая, не рассуждает,
Что муха ведь летает
И что поймать ее пустое затевает.
Лови, собака, то, что сыщешь под ногой,
Не то, что над твоей летает головой.

ДУРАК И ТЕНЬ

Я видел дурака такого одного,
Который все гнался за тению своюю,
Чтобы поймать ее, да как? бегом за нею.
За тению он, — тень от него.
Из жалости к нему, что столько он трудится,
Прохожий дураку велел остановиться:
«Ты хочешь, — говорит ему он, — тень поймать;
Да ты над ней стоишь, а чтоб ее достать,
Лишь только стоит наклониться».
Так некто в счастья да счастья ж искал,
И так же этому не знаю кто сказал:
«Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняся за ним, его теряешь».

Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись своим желаньем
И будь доволен состояньем,
В котором ты живешь».

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЬВА

Один какой-то лев когда-то рассудил
Все осмотреть свое владенье,
Чтоб видеть свой народ, и как они живут.
Лев этот, должно знать, был лучше многих львов, —
Не тем, чтоб он щадил скотов
И кожи с них не драл; нет, кто бы ни попался,
Тож спуску не было. Но добрым он считался
За тем, что со зверей хоть сам он кожи драл,
Да обдирать промеж собой не допускал:
Всяк доступ до него имел и защищался.
И впрямь, пусть лев один уж будет кожи драть,
Когда беды такой не можно миновать.
Природа, говорят, уж будто так хотела
И со зверей других льву кожи драть велела.
Итак, лев этот объявил,
Чтоб с ним и двор его готов к походу был.
Исполнено веленье,
И весь придворный штат
Для шествия со львом был взят, —
Штат, разумеется, какой при льве бывает,
А не какой султана провожает:
Придворный штат людских царей совсем другой,
Да только и при льве был штат большой.
Что знают при дворе, то знают и в народе:
Лишь только сказано придворным о походе,
Ну весть они скорее рассылат,
Кум к куму, к свату сват курьеров отправлять:
«Лев будет к вам, смотрите,
Себя и нас поберегите».
Придворным иногда
С уездными одна беда:
Ведь связи разные между людьми бывают.
Тот, кто со стороны тревоги все видал,
Когда прибытия царя где ожидают,

Их знает. Да и я не раз при том бывал,
Как, например, в тюрьму обиженных сажали,
Чтоб, сидя там, своей обиды не сказали;
Иному, — чтобы промолчал, —
Против того, чего из взяток получили,
Вдвойне и втрое возвратили,
И тысячи таких и хуже этих дел:
Всяк вид всему давал такой, какой хотел,
Бездельства все свои бездельством прикрывали.
Со львом, ни дать ни взять,
Все это делали, да на зверину стать,
И все так гладко показали,
Как будто ничего. Куда он ни пойдет,
Везде и все как водится найдет.
Считая, что он все в исправности нашел,
Доволен лев домой с походу возвратился. . .

И льву старому, своему отцу, ну рассказывать свое путеше-
ствие с превеликим удовольствием. Старый лев все слушал.
«Ну, — говорит ему потом, — так ты считаешь,
Что все, что видел, ты в исправности нашел?
Однако ты себя напрасно утешаешь.
И я, бывало, так, как ты теперь, считал
(Когда еще не столько знал),
Что в настоящем мне все виде показали.
Да рассуди ты сам: приход узнавши львов,
Кто будет прост таков,
Чтоб шалости не скрыть, как их тебе скрывали?
Желая прямо все и видеть и узнать,
Большого штата лев с собой не должен брать».

ТАНЦОВЩИК И СТИХОТВОРЕЦ

В Мадриде, иль в Париже,
А может статься, и поближе,
На несколько, положим, миль,
Танцовщику с Пиитом в споре
Нечаянно случилось горе.
Поверьте, право, это было.
 У знатного соседа
 (А было то после обеда)
Французских, английских, немецких
И итальянских, польских, шведских
Сыграл Танцовщик наш ногами ролей сто, —
И это для него безделица, ничто:
Разумны персты ног и пяты не отбиты,
 Так не были забыты
В сем важном подвиге манерный казачок
 И легонький бычок.
Хоть право, иль не право,
Повсюду слышно: bravo! bravo!
Танцовщик, восхищен, еще три сделав па,
К Пиите подскочил
И гордо говорил:
«Вертится ль у тебя так Рифма и Стопа!
Что Дактили твои, что Ямбы и Хореи?
Головоломны лишь затеи,
Доходу с них тебе шесть тысяч лишь полушек.
Вот сколько ты убог!
Мне мало этого для мелочных игрушек,
Не только для прикрас моих ученых ног.
Я со всего народу
Сбираю в год доходу

Шесть тысяч с небольшим рублей.
Еще бы надобно хоть триста, для кудрей, —
Вот сколько я во всем твоих талантов выше!»

Пиит детина был не плох;
Хоть пойман он врасплох,
Сказал товарищу: — «Потише;
Доходами отнюдь талантов ты не мерь

И верь,

Манежны лошади с тобой в искусстве сходны,
И куклы, сколько ты, умны и благородны:

Они одеты так, как ты,

Они подобие во всем твоей тщеты.
Благодари, что мог отец твой догадаться,
Где данного тебе рассудка доискаться,
В головушке твоей сперва его искал,

Но там на мель попал;

Искал его в руках,

И наконец

Догадливый отец

Нашел его в твоих ногах.

Хорошие стихи по смерти будут славны,
А ноги умные по смерти не забавны. . .» —
Насмешки колкия Танцовщик не постиг,

Считая все себе хвалою,

А не насмешкой и хулою;

И вмиг

От радости хотел ногами сделать стих,

По их названью — антраша;

Удача в том ему была нехороша:

Переломил он праву ногу,

Повергнулся, бедняк, в ужасную тревогу;

И говорят, что он купил себе костыль

И сделался хромою бобыль.

Пословица сбывлась: хоть то же да не то же —

Одно другого подороже.

ПОЖАР

Шла туча, грянул гром,
И молнией зажгло не знаю чей-то дом.
Над громом нам управы
Обычья не просить?
Одни на то уставы —
Пожар скорей гасить.
К соседям закричал мужик: «Друзья сердечны!
Не будьте так беспечны!
Помилуйте, друзья,
Горит мой дом, и гибну я;
Пожалуйте мне помогите
Пожар водой плескать
И вон добро таскать.
Ох, батюшки, бегите!»
Соседи же на то: «Теперь ты нас узнал,
Друзьями всех назвал,
Когда ты погибаешь;
А в прочем завсегда обидишь и ругаешь».
Полезно языку нам воли не давать
И в ссоре хоть словцо для миру оставлять.

ЛГУН

Нас странствия в страны чужие наставляют;
Однакоже нигде людей не учат лгать.
Хоть странствующие умеют прибавлять,
Но ныне истину от бредней различают
И могут счесть,
Что трижды по два — шесть.
Ложь слушать не обидно,
И только лишь лжецу от лжи бывает стыдно.

В беседе лгун сидел
И много вздору пел.
Со вздору пошлыны в беседах не собирают,
И носа кулаком лжецам не утирают.
Таким порядком лжец, покойно сидя, врал,
И вот что он сказал:
«Я в Индии видал
Такой листы капусты,
Что, полк одним накрыв, в краях места есть пусты,
И можно роты две еще там уместить». —
«Легко то может быть, —
Один ему в ответ, сидящий на беседе, —
В Японии я зрел,
Случившись на обеде,
Котел,
В котором тысячу слонов сварить вдруг можно». —
«Ах, братец, это ложно! —
Смеясь, оный лгун ему стал говорить. —
К чему б такой большой котел кому сковати?»
Ответствуют ему: «Случилось дело кстати!
На то, чтобы твою капусту в нем сварить».
Сие сидящих всех подвигло к громку смеху,
Который для лжеца не слишком был в утеху.

ИЗ СЛУЖБЫ ОТСТАВЛЕННЫЙ БЫК

«Нет в свете правды сем, — сказал чиновный бык. —
В приказе с десять лет я заседал судьбою,
И так я там привык,
Что легче бы не с ним расстался, а с душою.
Со прочими в ряду всегда мой голос шел;
Чтоб знатым угодить, мои я песни пел,
И что лишь только вел,
То прямо разумел;
В том жизнь моя и длилась.
Но вот одна случилась
Беды моей вина.
Немножко я себе хотел прибавить чести,
Других чтоб выше сести,
Просил о том слона.
Но слон приосердился

И просьбу опорочил
За тем, что он козлу давно то место прочил.
«Возможно ль,—он сказал,—чтоб бык к тому годился?»
Козла я предпочесть себе не захотел;
С досады я сказал: «Ты, что бы, слон, ни пел,
Не будет, чтоб козел меня повыше сел,
К тому я путь открою
И сам себя пристрою,
Пойду просить льва».
Слону дошла молва,
Просить хочу что льва.
Я места не нашел, а старого лишился;
Однако бы о том ни мало не крушился,
Что стал изгнан от дел:
Да жаль лишь, что козел
На место то засел».

ОСЕМ ВОЕВОДА

Над городом осла поставили судьей.
Какое ж в этом чудо!
Не знает управлять он должностию сей.
Гораздо это худо!
И должность за осла борзой несет кобель:
Известно, у собак к чему нагнута цель!
Прошли об этом слухи,
Что будто бы ему
Судить мешают уши:
Поверить как сему!
В число глупцов втереть не можно воеводу:
Он знатного был роду.
Неужли во семье не можно быть уроду?
Однак за то осел
Судить-рядити сел.

БОГАТСТВО

Купец весь во трудах, в заботах вел свой век
И стал чрез то весьма богатый человек.
Но смертному ни в чем довольну быть не можно,
Желанью меры нет, хотя оно и ложно;

Желанье превозмочь
На свете нам невмочь.

С богатством сей купец волнам себя вверяет,
Во Индию плывет, множайшу прибыль чает.
Разбойник на пути богатство то отнял;
Он, к прибыли спешив, все с жизнью потерял.
Разъездны корабли разбойника поймали,
Повесили его, богатство отобрали.
На сыщиков судья нашел тотчас закон,
И добычи всей стал один хозяин он.
Недолго ж в сундуках его рубли лежали;
Залезли воры в ночь, судью сего покрали,
На лодку плуты сев, поехали с добром,
Но ветер их обернул и с лодкою вверх дном.
И вещь, которая столь многих подстрекала,
На дне морском пропала.
К богатству нас влечет, однак оно мечта.
Заботы наши все пустая суета.
В богатство нам дано душевное спокойство;
Нам казнь лишь без него и гор златых довольство.

РАЗНЫЕ ПУТИ К БОГАТСТВУ

Текла река,
А как реку назвать, не знаю,
Пусть Волга будет то, пусть будет хоть Ока,
Без имени реки я притчу сработаю;
И нужды также нет, была ли та река
Мелка иль глубока:
Читатели мои чрез реку не поедут
За тем, что та река
От книги далека;
А будут там, — паром наедут.
Итак, река текла; за ней дворянский дом
Стоял на горке,
А в нем жил дворянин и был ни слеп, ни хром.
И жил не на задворке,
В хоромах новых жил,
Детей нажил,
А всё тужил,
Что мало с деревень идет к нему доходу.

К тому же он держал расход не по приходу
И стал в большом долгу;
Я истинно не лгу,
Он был в долгу,
И были кошельки его в большой чахотке.
От долгу у него в дворянской сохло глотке;
Не знает он, как быть.
Иттить служить
Со шпагой,
С пером ли и бумагой?
Со шпагою служить —
Так долгу не изжить,
А разве поприбавить;
Со шпагой за труды обычья нету править,
И ждати должно тут,
Что в очередь дадут.
А взятки брать изрядно,
Судить,
Рядить
И деньги за ничто с просителей всех брить —
То можно походить
Нарядно
И кошелек набить
Изрядно.
Да есть загвоздка тут:
Мздоимцев ведь зовут —
Бездельник, плут;
А пуще и всего что сделан добрый кнут,
Которым всех плутов секут.
Однако дворянин того не испугался,
За перье взялся,
Судьею стал
И взятки драл.
Начальник сведал то, над ним не издевался!
Из места вон погнал,
Хотя он и совался,
В местах переменялся,
Однако принужден
Со взятками проститься
И в дом свой удалиться
Ничем не награжден.
И так худой был путь дворянского походу,

Лишился он доходу
И долг не заплатил.
Сидит он у себя, сидит весьма уныл;
По счастью, у него была жена проворна,
На выдумки остра,
Как чортова сестра,
И столько же ко злу была она задорна,
И чорт
Был сам четверт:
Не мог то угадати,
Сестрица что его изволит сработати.
Невеста у нее тогда случилась дочь,
И в первую способну ночь
Пожертвовала ей Венерину кумиру
И начала оброк сбирати с миру,
По-русски — дочкою за деньги торговать,
Товарец продавать,
И стала сваха
Торгова птаха.
Товарец с рук идет скорее ветчины,
И деньги завелись, и муж попал в чины.
Добившись сей знати,
Стал он всех задирати,
Соседей стал замати,
Его жена их жен ругати,
За то, что ремесла ее не мнят хвалить;
Поела б их она, да сил нет с ног свалить.
Соседи этот дом по имени вскликают,
Бесовским называют;
Хозяину твердят: с женой ты равно плут
И заслужил ременный жгут.
Хозяин перестал скучати сей молвою;
Доволен он собою
И тако говорит: «В мошне коль деньги есть,
На что дворянска честь!
Мне денежки забава,
По-моему, без них плоха на свете слава».

Чрез притчу эту я хотел изобразить,
Что с совестью нажить
Богатство — труд великий, и прежде всяк устанет,

Заслугой оное поколь найдет, достанет.
Троякий я слышал к тому дворянам путь:
Пожалует монарх; достанется наследство;
Или женитьбою в богатый дом вольнуть.
Однак иные честь вменяют в сумасшедство!
По-моему, без ней
Себе всяк лиходей.

ПЕТУХ И ЖАВРОНОК

Пошел весной петух из жила прогуляться,
И вздумал он свою, гулявши, песню спеть;
А жавронок ему, услышав, стал ругаться.
«Тебе ли, простаку, — сказал он, — петь уметь!
Где голосом моим я воздух наполняю,
Где пеньем сладостным я смертных всех пленяю,
Тебе ли можно там, глупец, разинуть рот?
Притом же ты урод:
Ты пару крыл имеешь,
Но вверх отнюдь не смеешь
Подобно взлететь, как я, под облака;
Природа из тебя слепила дурака:
Крылатому родясь, бродить возможно ль пешу!
Я пением всех тешу;
А ты лишь все ревешь.
К тому же и поры не знаючи поешь,
Подобно как бурлак с кружала шед с полночи».
Ему петух в ответ: «Во мне уже нет мочи
Тебя внимати, самохвал.
Хоть выше облаков я сроду не бывал,
Но я не так, как ты, пою не — *лири, лери!*
Которых не слышать, как выйдешь вон за двери;
Я голосом моим работников бужу,
И это им не вред, я этим им служу.
И голос слышен мой чрез вёрсту или боле;
А ты поешь что в поле,
Отнюдь в том пользы нет.
Весной лишь жавронок, петух весь год поет».

Кто сам себе хвалу насильно привлекает,
Вовеки от людей ее не получает.

ЛИСИЦА И ПЕТУХ

Кто льстит и лицемерит,
Тому никто не верит.
А что не ложно то, я басней докажу,
Про Петуха с Лисицею скажу.

Гуляла некогда Лисица подле леса
И Петуха узрела на суку,
Который пел кокереку.
Лисица не повеса
И знает, как подлезть,
Когда курятины задумает поесть.
«Здорово, куманек!» — А кум на то: «Здорово!» --
«Ах как высоко я зрю кума дорогова!
Но это не беда: кум тотчас для меня
Сойдет пониже, —
Примолвила Лиса, подшедши к куму ближе. —
Послушай, куманек! почтение храня,
Я радостную весть пришла тебе доставить,
А именно — пришла тебя, сударь, поздравить:
По милости своей
Лев мирный заключил трактат между зверей;
О сем в приказе
Читала я сама в указе.
Сойди ж меня обнять, оставя прежний страх:
Лиса тебе уже не враг».
Петух, приметя лесть, сойти к куме не хочет,
А кумушка хлопочет
И балы куму точит:
«Сойди, прекрасный петушок!
Сойди, любезный куманек!» —
«Изволь, — но что я вижу?

Собаки к нам бегут, конечно — поздравлять
И кумушку обнять».

Лисица, оробев, наостривает лыжу.
«Куда же ты? — кричит Петух Лисице взад, —
Или не заключен между зверьми трактат?» —
«Собаки редко, кум, бывают во приказе,
Так, может быть, они не знают о указе».

ЖЕНИТЬБА ЛЬВОВА

Известно мне,
Известно в каждой стороне,
Что страсти властвуют не только над людьми,
Но и над самыми свирепыми зверями.
Имеет страсти всяка тварь —
Пискарь и воробей, осел и секретарь.
Плоть наша немощна: так можно укрепиться,
Чтоб не жениться?
Возлюбленной своей прельстяся красотой,
Жениться вздумал Лев на Львице молодой.
Лев долго ждать не любит,
Коль страсть к женитьбе нудит.
Послал тотчас курьера по гостей,
По знатных всех зверей.
Рассеялись везде о свадьбе львиной толки,
Идут ко Льву на пир медведи, тигры, волки
И прочи знатны господа.
Идет Осел туда,
И в фижмах и чепце разряжена лисица.
Лисицу приняли и Лев младой и Львица
И тотчас дали стул для гостыи дорогой,
Хотел войти Осел туда же за кумой;
Но кума одержали,
И: «Просим милости назад, — Ослу сказали, —
На пиришество Ослов пускать Лев не велел,
Там все в убранстве и наряде,
А вы идете не в параде». —
«Изрядно! — подхватил Осел, —
Коль дело стало за нарядом,
Так скоро и осел со львом засядет рядом».

Сказал — и полетел домой.
И сел за туалет, как щеголь столповой.
Стал убираться
И наряжаться,
Всчесал большой тупей,
Наставил множество пуклей,
Натерся всякими мастями,
Опрыскался духами
И взял со швением высоколифный фрак.
В убранстве таком пред зеркалом гордится
И говорит: «Теперь Осел уж не дурак,
И Лев к себе Ослу пустить не устыдится».
Сказал
И вдруг на свадьбу побежал.
Тотчас с музыкою Ослу дверь отворили
И в креслы с знатными гостями посадили.

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Пустынник жил в лесу, себе построив келью,
Где голая земля была ему постелью;
Хотя кормил его и малый огород
Его же и трудами,
Довольствовался он и малыми плодами,
Лишь только не хотел, чтоб знал его народ.
Близ хижины его
Пустынничал медведь, с берлогой приютился,
Соседа своего
Пустынник полюбил и тотчас с ним сдружился;
И оба, не любя живущих на земли,
Имея сходны нравы,
Знакомство тесное свели,
Так оба в том и правы.
Союз не дивен сей,
Коль страсть у них едина, —
Любови меж друзей
Обыкновенная причина.
В один какой-то летний день,
Как знойный солнца жар терпеть не стало мочи,
Пустынник лег уснуть под тень
И не дождавшись ночи.
Тут вдруг
Подсел к нему его и друг,
Усердный здравия его оберегатель.
Пустынник спит,
Храпит,
Как ночью почивает;
Медведь сидит,
Молчит
И пристально зевает.

Не шевельнет хвостом, прилежно стережет, —
Ведь друга своего и всяк побережет
И спать не помешает,
Медведь и более того оберегает, —
Он больше делает услуг.
Медведь ото всего его обороняет.
Обмахивает мух,
Сгоняет и покоит
И лишь того глядит;
Но только муху сгонит —
Другая налетит,
Смахнет лишь со щеки, так на лоб та же сядет,
А там и вдруг пяток туда же к ней пригрянет;
Тех сгонит, то на место их
Еще увидит восьмерых;
А мухи, всякому известно, сколько милы.
Махал, махал медведь, от устали вспотел,
Измучился совсем, не стало больше силы,
Но другу перестать служить не захотел,
Он от усердия все напрягает жилы.
Как быть?
Как пособить,
Когда согнать не может?
С досады он и то давно уж лапу гложет.
Что ж делать тут ему? Изволь мне всяк сказать.
Всех мух вить до одной не можно растерзать,
И лапа не уловит.
Нет, нет, не то им друг пустынного готовит.
Медведь,
Чтоб подрадеть
Приятелю и куму,
Задумал крепку думу.
Не хочет с мухами вступать он в разговор,
И тотчас пишет им он строгий приговор;
Чтобы приятеля скорей от них избавить,
Не хочет ни одной в живых из них оставить.
И ревом он своим
Из всей медвежьей пасти
Вещает тако им,
В жару гневливой страсти:
«От тварей таковых не буду я сносить
Себе такой насмешки;

Могущая моя их лапа поразит
 Как будто для потешки.
 Узнают власть мою
И силу мощную десницы медвежиной,
 Как гнев на них пролью,
И не оставлю их из сотни ни единой».
 Он рек и прочь отсел,
 Встал, поднялся, ушел.
Недолго тут один пустынный оставался:
Медведь опять в виду в минуту показался.
 Медведь обратно шел,
И во очах его пылал еще тот пламень,
С запенившимся ртом к нему он подошел,
 Держа великий камень.
«Теперь, — он говорил, — теперь-то отомщу
Сим тварям, коль они скучают мне без страху,
 Я камень в них пущу! . . .»
 И вдруг
 Тут в мух
Он на пустынного пустил его с размаху.
Правдив глагол медведей был, —
Он муху точно ту убил.
 Но, убивая муху,
Расквасил камнем так пустынному он лоб,
 Что в нем не стало духу,
И вместе с мухой он пошел тогда ж во гроб.

Услуги дураков равно быть могут вредны,
Когда они к тому с излишеством усердны.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Был зверь, и на людей он много походил:
То есть, как человек, на двух ногах ходил,
Лишь только был в шерсти, да рожа не румяна.
А попросту сказать, он звался Обезьяна.
В нем не было ума, да в том и нужды нет:
Голов подобных сей вмещает много свет.
Итак, его равнять с людьми нам можно смело,
Лишь только жаль, что все его мохнато тело;
Он много дуростей людских в себе вмещал,
Себя умнее всех и лучше почитал,
Но паче красотой желал превозноситься
И мыслил, что его лицу весь свет дивится,
Хоть много напротив старались говорить;
Но то могло его лишь только рассердить.
Не ведаю когда, в день пасмурный иль ясный,
Увидел в зеркале он образ свой прекрасный.
Красавец мой, взбесясь, вдруг камень подхватил
И, как из праща, им он в зеркало пустил.
В несчетные куски стекло сие разбилось;
Но как его тогда в нем сердце возмутилось,
Что, мысль истребить вид скаредный один,
Увидел с тысячу сих мерзких образин.
Сердился, но потом, опомнясь, воздохнул.
Сказал: «Знать, скверным слыть есть вечный мой
титул».
Читатель, знаешь ли, о чем вещает лира?
Сей гнусный зверь — порок, а зеркало — сатира.

СКУПОЙ

Какую пользу тот в сокровищах имеет,
Кто в землю прячет их и ими не владеет?
Живет в провинции скупяк
И хочет вечно жить, дурак,
За тем, что предки жили так.
По дедовскому он примеру
И по старинному манеру
Имеет к деньгам веру,
Не бреет никогда усов,
Не курчит волосов:
У прадеда его они бывали прямы,
Который прятывал всегда богатства в ямы.
Таков был дедушка, отец, и сын таков.
Когда он при конце, впоследствии, рот разинул,
Едва успел сказать жене,
Что деньги он в земле покинул,
В саду, в такой-то стороне,
Но чтоб не трогать их, — он умер с тем заветом.
Жена, не тронув их, простилась после с светом.
Вступил в наследство внук,
Но деньги те еще людских не знают рук, —
По завещанью, он зарыл их в землю ниже,
Как будто для того, чтоб были к чорту ближе.

ПЧЕЛЫ И ШМЕЛЬ

Пчелино общество, с тех пор как создан свет,
Житейских должностей всегда примером было,
Всегда союз любило,
Всегда носило мед.

Вблизи каких-то Пчел, пчелиный подражатель,
 Знакомец иль приятель,
Устроивши в земле конурку и постель,
 Работал также Шмель.
Куда летит Пчела, туда и Шмель летает,
 И также мед таскает.
Хорош такой сосед,
 Который носит мед;
И Пчелы, чтоб завести с соседом хлебосольство,
Судили нарядить нарочное посольство,
 Шмеля просить,
 Чтоб вместе жить
 И вместе мед носить.
К Шмелю от матки Пчел явились депутаты.
«Послушай, — говорят, — поди ты к нам в дупло,
 У нас просторно и тепло.
Мы будем навсегда друзья твои и братья,
И возьмем всех Шмелей к себе из-под земель». —
 «Я род пчелиный почитаю
 И вашу добродетель знаю, —
 Ответствовал им Шмель. —
Но в вашем обществе живут нередко Трутни,
Которые творят и шалости и плутни.
 Их плутни разбирать —
 Так время потерять.
Я знаю цену службы
 И всей пчелиной дружбы.
Хотя же у себя тружуся я один,
Но в доме я моем свободный господин».

ЛЕВ И РЕБЯТА

Ребята на лугу играли,
 Шары себе катали.
Пришел к игрушкам Лев,
Пришел и, тут же сев,
Здорова им, как братьям,
Он, лапу приподняв,
Вещает так Ребятам:
«Давай катать шары; кто выиграет, тот прав».

Ребята Льву в ответ: «Мы свой храним устав,
Мы лапу львиную высоко почитаем,
Но родом, из веков, со Львами не играем».

ЖУРАВЛИ И КОМАР

В пути под облаками
Летели Журавли;
Внизу, вблизи земли,
Своим путём летит Комар над муравами.
«Комар, Комар летит,
Комар, Комар жужжит,
Как будто равен с нами!» —
Вскричали Журавли.
Но что Комар в ответ жужжит над муравами?
«Мой путь вблизи земли,
Ваш путь под небесами;
Летаю и жужжу не для досады вам.
Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарий нос не вреден Журавлям».

РЫБАК

Жил-был охотник рыбу удить,
Кто рыбу удил иногда,
Тот всяк легко рассудит,
Какого стоит то труда,
Какого беспокойства,
Охота рыбная негодна никуда;
Не моего охота эта свойства.
Однако же у всякого свой вкус.
Рыбак мой был не трус,
Сидит он у пруда, у озера, у речки,
Бросает уду днем, бросает и при свечке;
Но рыба не клюет.
Ловец напрасно рыбки ждет:
Сидит вся рыба дома,
Бойтся рыбака, как чорт бойтся грома, —
Казалось, что в водах нет больше рыб.
Иной бы, не привыкший к скукам,
Охоту всю свою отшиб
К форелям, к судакам и щукам.
Я плюнул бы на мокрых сих бояр:
Пускай их чванятся и не хотят казаться,
А я для этого уж слишком стар,
Чтобы немых в передней дожидаться.
Однакоже надежда рыбака
Толкает под бока
И много рыб ему сулит на уду.
«Вот так, —
Мой думает рыбак: —
Сегодня счастливей я буду,

Сегодня много наловлю,
И насушу, и насолю,
Ухою голод утолю,
Сухоядение вчерашнее забуду. . .»
С такой надеждою ранехонько встает
И рыб опять обманывать идет.
Уж под вечер, как он отчаивался,
И вправду карп ему попался.
Отяжелел на уде крюк,
И уда задрожала.
Весельем в рыбаке душа вострепетала.
Карп вытащен из влаги вдруг:
Карп этот был дороден, плотен, —
Какая радость, кто есть рыб охотен!
«Здорово, карп, здорово ты, мой друг! —
Рыбак мой восклицает. —
Уже давно тебя очаг мой ожидает;
На ужин милости прошу к себе;
Я голоден, ты жирен,
Я в ужине себя дам знать тебе».
Но карп мой дик, не смирен,
Он людям незнаком:
За ужиною с рыбаком
Быть не намерен и не хочет,
Вертится на крюку, хлопочет;
Не долго поскакав
И уду оторвав,
К безмолвному народу,
Как воздух бьет стрела насквозь,
Так поплыл он сквозь воду
И сделал рыбака хоть брось.

Мы все, сему подобно,
За случаем гонясь,
По времени вертясь
И время наконец сыскав удобно,
Хватаемся с восторгом за случай;
Но счастье незначай
Себя переменяет
И своего истца,
Как рыб сего ловца,
С насмешкой оставляет.

СУДЬЯ И ВОР

С К А З К А

Подлез, подкрался вор...
В ворота или на забор, —
Нет нужды в этом;
Когда — зимой иль летом...
И в этом нужды нет.
О, как же любопытен свет!
Начни что сказывать, со спросами приступят,
И ум рассказчика, хоть что, тотчас притупят.
 Подробно им скажи о том, о сем,
 Каков лицом?
 Каков кудрями?
 Каков бровями?
 Велик ли рост?
И даже и о том, у вора есть ли хвост?
 Довольно вам. Его поймали,
 Его связали
 И привели к судьи.
Судья кричит: «Ах, батюшки мои!..
Так это он, старинный мой знакомец!
 Стреляй, мой прежний сопитомец.
 И с ним учился вместе я.
 Он вор, а я судья!..
Скажи: товарищи залетны наши птицы
 Где ныне? как живут? и чем? и кто?
Какие в обществе играют лица?
 Судьи ль они? или иное что?
 С тех пор, как с ними я расстался,
 О них не слышу ничего...»
На дружеский вопрос плечами вор пожался,
Сказав: «Повесили их всех до одного;
Лишь только я да ты остался».

ВОЛОСОЧЕСАТЕЛЬ-СОЧИНТЕЛЬ

С К А З К А

По имени Андрей,
По прозвищу тупей,
А ремеслом чесатель
Рехнулся на стихах и сделался писатель.

Недолго работал
И драму,
Как даму,
В два мига причесал.
Чорт самолюбия великий нам ласкатель;
Над нами множество он делает проказ.
Помадами душистый наш писатель
Принес Вольтеру напоказ,
На удивленье
Свое творенье.
Вольтеру: — о, смельчак!
Вольтер, окончив чтение,
Снимает свой колпак;
Потом, вручая сочиненье,
С улыбкою сказал парнасский сей старик:
«Поди, творец, и сделай мне парик».

РОЗА

На злачном берегу сребриста ручейка
Прекрасна Роза процветала,
Лоза сего цветка
Листочки к ручейку так низко наклоняла,
Что Розу иногда
Та чистая вода
По воле ветерков собою орошала;
Как словно в зеркале, зря каждый день себя
И красоту свою та Роза любя,
Сама собой прельстилась,
Собою возгордилась,
И вот ее слова:
«Ах! как я счастлива, я всех цветков свежее
И, без сомнения, всех розанов нежнее,
Всем розанам глава,
Дыханием меня зефиры оживляют,
Мои листочки лобызают
И резвятся со мной;
Различны мотыльки, все на меня садятся,
Все около меня вертятся,
Летят ко мне одной.
И если б мать любви, прелестная Венера,
На сем берегу была,
Пред всеми розами меня бы предпочла;
Меня прекрасней нет, мила я без примера,
Я рождена богинь бессмертных украшать».
Едва успела то сказать,
Как сильный ветер вдруг повеял
И листья Розы той по ручейку рассеял;

Тут мотылечки все прочь стали улетать,
А ручеек
На крыльях волн унес листочки все с собою.

Анега, не гордись своею красотою,
Теченью времени в пример ручья поток.
Кокетку Роза здесь тебя изображает,
А красота, равно как Роза, увядает.

БАСНЯ

Болван-молокосос из силы вон кричал:
«Ах! ах! прекрасную я басню написал;
А басню назвал ту Оратором-Болваном».
Болвана слушали болваны, изумясь,
И, грамоте едва-едва учась,
Почтили рифмача парнасским капитаном.
Как вдруг Пиита в дверь,
На коего болван своею баснью метил.
Болвана страх осетил,
Болван — трусливый зверь.
Но делать нечего, Пиите пожелалось
Все ведать, что об нем в той басне намаралось.
Болван дрожит, но басню чтет;
Прочел. Пииты был ответ:
«Не трусь! от сердца я вещаю,
Что я тебе прощаю;
Ты списывал меня, а вышел твой портрет».

БАСНЯ

Где в доме попугай,
Там скромнень будь, пустого не болтай.
У барыни одной такого роду птичка
Болтливее была, чем барыня сама;
У барыни ж была привычка,
Привычка, чтоб скорей сойти с ума,
До всех безделиц добираться,
Какие б ни были в дому;
Она любила шум, любила и подраться,

Ей было сорок лет, так чем же заниматься

Боярскому уму?

Бездельник попугай, что слышит, то и мелет;

Боярыня по-свойски целит:

За виноватого невинному тузы,

Иного батожьем, иную в три лозы.

Служители, свою погибель видя

И/попугая все, как чорта, ненавидя,

Почасту не дают ни пить ему, ни есть

И думают еще, чтоб им его известь,

Чтоб дать ему отраву.

Напротив, белочку, боярскую забаву

(Боярыня живет ли без забав?),

Как душу любят все; ей сахар, ей орехи;

Но, словом, дни ее не дни, — утехи;

Ее лобзания, ее веселый нрав

Всем голову вскружил, и белка разжирела,

На ней уж фунтов с пять прибавилось тела:

Она дородна, хороша,

А попугай сидит едва-едва дыша. . .

«Что это за причина? —

Так некогда спросил у белки попугай. —

Мы, кажется, равны: я птица, ты скотина,

Но ты живешь в раю, а мне здесь ад, не рай;

Мне жизнь становится от гладу нестерпима;

Пожалуйста, скажи, кума,

За что ты так любима? . . .» —

«За то, что я нема».

ЖУРАВЛИ

Осень листы ощипала с дерев,
Иней седой на траву упал,
Стадо тогда журавлей собралось,
Чтоб прелететь в теплу дальну страну,
За море жить. Один бедный журавль,
Нем и уныл, пригорюнясь сидел:
Ногу стрелой перешиб ему ловчий
Радостный крик журавлей он не множит;
Бодрые братья смеялись над ним.
«Я не виновен, что я охромел;
Нашему царству, как вы, помогал.
Вам надо мной хохотать бы не должно,
Ни презирать, видя бедство мое.
Как мне лететь? Отымает возможность,
Мужество, силу претяжка| болезнь.
Волны несчастному будут мне гробом!
Ах, для чего не пресек моей жизни
Ярый ловец?» Между тем веет ветер,
Стадо взвилось и скорым полетом
За море вмиг прелететь поспешает.
Бедный больной назади остается;
Часто на листьях, пловущих в водах,
Он отдыхает, горюет и стонет;
Грусть и болезнь в нем все сердце снедают.
Мешкав он много, летя помаленьку,
Землю узрел, вожденну душою,
Ясное небо и тихую пристань.
Тут всемогущий болезнь излечил,
Дал жить в блаженстве в награду трудов;
Многи ж насмешники в воду упали,

О вы, стелющие под тяжелой рукою
Злосчастия и бед!
Исполнены тоскою,
Клянете жизнь и свет;
Любители добра, ужель надежды нет?
Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
Сей краткой жизни путь. На он-пол поспешайте:
Там лучшая страна, там мир вовек живет,
Там юность вечная, блаженство там вас ждет.

СОБАКА И СТАРУХА

Украла мяса часть собака у старушки
Из клетушки
И ну бежать с добычей прочь
Во всю собачью мочь,
По опытам то знав, что стары бабы строги,
За сорванны куски ломают ноги
Ухватами, клюками у собак.

Итак,
Подалей Лыска убиралась,
Чтобы в глаза старухе не попалась;
А наконец, когда к источнику пришла, —
На берегу его легла
И стала наполнять голодно брюхо мясом,
Украденным запасом.
Но глядь в поток —
Увидела: другой кусок
Такой же, как она, такая ж Лыска ела;
Тотчас и тот подцапать захотела,
Разверзла пасть, —
Упала изо рту украденная часть.

Ах! сколько в свете мы примеров тех видали,
Что, быв несытыми накраденным добром,
Еще в чужом
Пустую тень хватали.

ЛЕВ И ВОЛЕ

Волк Льву пенял, что он не сделан кавалером,
Что Пифик с лентою и с лентою Осел,
А он сей почести еще не приобрел

И стал его к себе немилости примером,
Когда их носит шут, да и слуга простой,
А он не получил доньине никакой.
Лев дал ответ: «Ведь ты не токмо не служил,
Но даже никогда умно и не шутил».

ЛИСИЦА И ЗАЙЦЫ

Лисица с зайцами в одном лесу жила,
И зайцам хоть она не госпожа была,
Но как проворный ум имела,
То робких сих скотов вертела
Как хотела,
И, словом, лисий глас
Для зайцев был указ.
Но как пределов нет властолюбивой страсти,
То и она на них хотела царской власти.
Нашла вину
И объявила им за то войну,
Зачем они несходны с прочими зверями, —
С неравными против других ногами
И с долгими притом ушами.
Восстал на зайцев гром, простерлася гроза,
Бегут из куста в куст, распяливши глаза:
Немного похрабрились,
Пришли и покорились.
Узнав победу, волк, да и медведь,
В завоеваньи часть задумали иметь.
«Здорово, — говорят, — сестрица;
Жирен такой кусок одной тебе, Лисица!
Пожалуй, кумушка, по часточке и нам,
А ежели не так, большим быть хлопотам».
Напрасно роет ров бессильным мы соседям:
Дурнее будет жить нам с волком и с медведем.

ФОНАРИ

Случилось в паре
Быть Фонарям в анбаре;
Кулибинскому и простому,
Такому,

Как ночью в мрачну тень
С собою носит чернь,
Кулибинский сказал: «Как смеешь, старичишка,
Бумажный Фонаришка,
Ты местничать со мной?
Я барин, я начальник твой.
Ты видишь, на столбах ночью как порою
Я светлой полосою
В каретах, в улицах и в шляпках на реке
Блистаю вдалеке.
Я весь дворец собою освещаю,
Как полная небес луна». —
«Так подлинно, и я то знаю, —
Ответствовал простой Фонарь. —
Моя перед твоей ничто величина:
Сиянием вдали ты царь,
Лучами яркими ты барин;
Но только разве тем со мной неравен,
Что — вблизи и с стороны покажемся кому, —
Во мне увидят свет, в тебе увидят тьму,
И ты окружных стекл лишь светишь лоскутками».

Иной и господин умен секретарями.

КОРАБЛЬ И ИГЛА

Корабль на полных парусах
Летел, как птица на крылах
(За ним не успевало око),
И думал о себе вельми высоко:
«Как? — говорил, — чтоб смел со мною кто равняться
В отваге, быстроте, величии, красе, —
Не может статься:
Ничто передо мною все!» —
«Так точно, государь! ты можешь величаться, —
Сказала на корме магнитная игла. —
Ты царь морей! я твой министр, я прах земли
И в мыслях равной быть с тобою я страшуся;
Но смею доложить: я сколько ни мала,
А лишь попорчусь, пошатнуся, —
Ты сядешь на мели».

ЖМУРКИ

Хозяин молодой единожды, из шутки,
 Был прошен от детей,
 Своих друзей,
Чтоб с ними поиграть немножко в жмурки.
Он, согласясь на то, позволил им повязку,
 Как водится, иль темну маску
 Надеть на свой прекрасный эрак,
И стал ему чрез то в его чертогах мрак.
Друзья-ребяточки вокруг его обстали,
 А он в круту у них
 С жгутом.
 Потом
Играть они, как должно, стали.
Известно, что сперва всяк в уголку притих,
Тулился, прятался, а он им вслед гонялся,
 Ударить тех, ловить других старался.
Кто мышкой где вдали тихонько заскребет,
Мяукнет кошкой там, тут петухом вспоет.
Они ж, чтоб поострить шаги его пытливы,
Манили пуще всяк к себе чрез гласы лживы;
 А он упрямылся, повязки не скидал,
То о печь, то о дверь, то лбом, то носом попадал.
Ребята слепотой его смелее стали:
 Со всех сторон они его щипали
И громко вкруг его над ним же хохотали,
Что он руками врозь ходил, а их не поимал
И стулья и столы лишь только повалял,
 А наконец уж так устал,
 Что, закружась, запнулся,
 Упал и растянулся
 И тем во всем дому
 Таковую поднял кутерьму,
Что описать ее не можно никому.

Не надо допускать класть на себя повязку
И вслед друзей своих, будто слепцу, ходить
Или глядеть на них тихонько из-под маски,
 А инак — голову сломить.

ЦВЕТ И ПАУК

Какой-то Цвет в саду блистал
Прекрасный, благовонный
И взоры на себя всеобщии обращал
По доброте своей природной.

Всяк ждал,

Что под пространным светлым небом
Растение сие великим будет дровом
И сад, в коем росло, весь обратит в эдем.
Почти и было так: уж пчелы вокруг роились,

Над ним жужжали и толпились,

А птички в пении своем

Под сению его блаженство предвещали
И взор и слух и ум к нему всех обращали.

Но где не водворится зло?

Хоть добрые бывают где засева,

В какой не возрастут златой пшенице плевры?

Дай волю только им. — Закралось, подползло

И к этому Цветку какое-то животное,

Иль попросту Паук: вдруг свет весь застения,

Так паутиною к нему прильнул, прижался плотно,

Что трудно их развлечь без стали, без огня.

Листы благоухать престали,

Птиц гласы замолчали,

С дня на день блекнул Цвет;

Того и жди, что сад репьем весь зарастет.

Сей басни смысл понять — ходить не надо

в школы:

Под сетью Пауков валяются и престолы.

АИСТ

Орал Аист, как чорт, в болоте.

Лягушки вокруг его, улитки и зуйки

И маленьки нырки

В ужасной были все тревоге и заботе:

Узря, что он одних глотает,

Других же криком устрашает,

Не знали, что зачать.

А мне бы, например, пристойно что сказать,

Айсту вопреки,
Когда б о том меня спросили старики.
И великаны тем только всегда бывают, —
Сказал бы я, — страшны и велики,
Когда их карлы окружают.

СТРЕКОЗА

Лето целое жужжала
Стрекоза, не зная забот;
А зима когда настала,
Так и нечего взять в рот.
Нет в запасе, нет ни крошки;
Нет ни червячка, ни мошки.
Что ж? К соседу муравью
Вздумала идти с прошением.
Рассказав напасть свою
Так, как должно, с умилением
Просит, чтоб займы ей дал
Чем до лета прокормиться.
Совестью притом божится,
Что и рост и капитал
Возвратит она не дале,
Как лишь августа в начале.
Туго муравей ссужал:
Скупость в нем порок природный.
«А как в поле хлеб стоял,
Что ж ты делала?» — сказал
Он заемщице голодной. —
«Днем и ночью, без души,
Пела все я целое лето». —
«Пела! весело и это.
Ну поди ж теперь, пляши».

ДОМ СОКРАТА

Сократ себе застроил дом.

Все в доме сем пороки находили:
Иные внутренний порядок в нем хулили,
Другие внешний вид. О том и о другом

Различно хоть судили,

Однакож все согласно заключили,
Что слишком в доме сем покои малы были.

«Сократу ли, — кричат, — такой приличен дом!
В нем не повернешься». Подобными речами
Сократа довели, что он сказал: «Дай бог,
Чтоб дом мой, пусть хоть мал, но быть наполнен мог
Мне верными друзьями».

Он дельно говорил, и правду познаем
Мы из его наветки.

Друзей названием мы множество найдем;
Но дружбы истинной примеры в свете редки.

ЗАЯЦ И ЛЯГУШКИ

В норе своей раз заяц размышлял:
Нора хоть бы кого так размышлять научит!
Томяся скукою, мой заяц тосковал;
Ведь родом грустен он, и страх его все мучит.

Он думает: «Куда тот несчастлив,
Кто родился труслив;

Ведь в прок себе куска бедняжка не съедает;
Отрады нет ему; отсюда лишь гроза!
А так-то я живу: проклятый страх мешает
И спать мне иначе, как растворя глаза.

Перемоги себя, мудрец сказать мне может!

Ну вот! кто трусость переможет?
По правде, чай и у людей
Не меньше трусости моей».

Так заяц изъяслял догадку,

Довором обходя вокруг жила своего;
От тени, от мечты, ну словом — от всего

Его бросало в лихорадку.

Задумчивый зверек,

Так в мыслях рассуждая,

Вдали услышал шум, и тотчас наутек
Пустился, как стрела, к норе он поспешая.
Случись ему бежать близ самого пруда.
Вдруг видит, что его лягушки испугались;
Лягушки вспрыгались и в воду побросались.
«Ба! ба! — он думает, — такая же беда
И от меня другим! я не один робею!
Откуда удалство такое я имею,
Что в ужас привожу собой?
Так, зная, прегрозный я герой?»
Нет! видно на земле трусливца нет такого,
Трусливее себя чтоб не нашел другого!

ДУБ И ТРОСТЬ

Когда-то дуб с тростинкой речь завел:
«Как ты обижена, — сказал он, — от природы!
Ведь для тебя и чижик уж тяжел;
Малейший ветерок чуть-чуть лишь тронет воды,
Чуть мелкая струя покажется на них,
Уж ты и гнешься в миг;
А я, равняясь Кавказу высотой,
Чело взнеся до самых туч,
И солнца пресекаю луч,
И против бурь стою недвижною ногою.
Тебе все аквилон; зефир все предо мною.
Хотя б уж ты вблизи при мне росла;
Под сению моей укрыта,
Не столько б ты тревожена была,
И я б тебе от бури был защита.
Но жребий твой большою частью рость
По топким берегам вод области бурливой;
Жестокое гонит рок тебя несправедливый!» —
«Ты очень жалостлив, — ответствовала трость, —
И похвалы за то достоин;
Однако будь о мне спокоен:
Мне мене, чем тебе, опасна ветров злость.
Я гнусь, и все цела. Поньше ты держался
Против жестоких бурь и от порывов их
Еще не наклонялся:
Но подождем конца». При разговорах сих

От дальних неба стран вдруг с яростью примчался
Ишедший севера из недр
Лютейший самый ветер.
Трость пала — дуб не уступает.
Но вихрь стремленье удвоет
И, ринувшись, вверх корнем повергает
Того, кто, небесам касаяся головой,
Зрел царство мертвых под пятой.

ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры:
«Жалею, — Дуб сказал, склоня к ней важные взоры, —
Жалею, Тросточка, об участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжел и воробей;
Легчайший ветерок, едва струящий воду,
Ужасен для тебя, как буря в непогоду,
И гнет тебя к земли;

Тогда как я — высок, осанист и вдали
Не только Фебовы лучи пересекаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою и слышу вокруг спокойно треск и стон;
Все для меня Зефир, тебе ж все Аквилон.
Блаженна б ты была, когда б росла со мною:

Под тению моей густою
Ты б не страшилась бурь; но рок тебе судил
Расти, namесто злачна дола,
На топких берегах владычества Эола.
По чести, и в меня твой жребий грусть вселил». —
«Ты очень жалостлив, — Трость Дубу отвечала, —
Но, право, о себе еще я не вздыхала,

Да не о чем и воздыхать:
Мне ветры менее, чем для тебя, опасны,

Хотя порывы их ужасны
И не могли тебя досель поколебать,
Но подождем конца». С сим словом вдруг завывала
От севера гроза и небо помрачила;
Ударил грозный ветер — все рушит и валит,
Летит, кружится лист; Трость гнется — Дуб стоит.

Ветр, пуше вооружась, из всей ударил мочи,
И тот, на коего с трудом взирали очи,
Кто ада и небес едва не досягал, —
Упал!

ПЕТУХ, КОТ И МЫШОНОК

О дети, дети! как опасны ваши лета!
Мышонок, не видавший света,
Попал было в беду, и вот как он об ней
Рассказывал в семье своей.
«Оставляя нашу нору
И перебравшись чрез гору,
Границу наших стран, пустился я бежать,
Как молодой Мышонок,
Который хочет показать,
Что он уж не ребенок.
Вдруг с рёзмаху на двух животных набежал:
Какие звери, сам не знал;
Один так смирен, добр, так плавно выступал,
Так миловиден был собою!
Другой нахал, крикун; теперь лишь будто с бою;
Весь в перьях; у него косматый крючком хвост;
Над самым лбом дрожит нарост
Какой-то огненного цвета,
И будто две руки служащи для полета;
Он ими так махал
И так ужасно горло драл,
Что я-таки не трус, а подавай бог ноги —
Скорее от него с дороги.
Как больно! без него я верно бы в другом
Нашел наставника и друга!
В глазах его была написана услуга;
Как тихо шевелил пушистым он хвостом!
С каким усердием бросал ко мне он взоры,
Смиренны, кроткие, но полные огня!
Шерсть гладкая на нем, почти как у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, как у нас, и я по ним сужу,
Что у него должна быть симпатия с нами,
Высокородными Мышцами». —

«А я тебе на то скажу, —
Мышонка мать остановила, —
 Что этот доброхот,
Которого тебя наружность так прельстила,
 Смиренник этот . . . Кот!
Под видом кротости, он враг наш, злой губитель;
Другой же был Петух, миролюбивый житель.
Не только от него не видим мы вреда
 Иль огорченья,
Но сам он пищей нам бывает иногда.
Вперед по виду ты не делай заключенья».

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТ СВЕТА

Восточны жители, в преданиях своих,
Рассказывают нам, что некогда у них
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
 Слепоего счастья игрою,
Оставила сей шумный мир
И скрылась от него в глубокую пещеру:
 В голландский сыр.
Там святостью одной свою питая веру,
К спасению души трудиться начала:
 Ногами
 И зубами
Голландский сыр скребла, скребла
И выскребла досужным часом
Изрядну келейку с достаточным запасом.
Чего же более? В таких-то Мышь трудах
Разъелась так, что страх!
Короче — на пороге рая!
Сам бог блюдет того,
Работать миру кто отречся для него.
Однажды пред нее явилось, воздыхая,
Посольство от ее любезных земляков;
Оно идет просить защиты от дворов
 Противу Кошечья народа,
Который вдруг на их республику напал
И Крысополис их в осаде уж держал.
«Всеобща бедность и невзгода, —
Посольство говорит, — причиною, что мы

Несем пустые лишь сумы;
Что было с нами, все проели,
А путь еще далек! и для того посмели
Зайти к тебе и бить челом
Снабдить нас в крайности посильным подаяньем». —
Затворница на то, с душевным состраданьем
И лапки положила на грудь свою крестом:
«Возлюбленны мои! — смиренно отвечала, —
Я от житейского давно уже отстала;
Чем, грешная, могу помочь?
Да ниспошлет вам Бог! а я и день и ночь
Молить его за вас готова.
Поклон им, заперлась — и более ни слова.

Кто, спрашиваю вас, похож на эту Мышь?
Монах? Избави Бог и думать! . . Нет, Дервиш.

ЧИЖИК И ЗЯБЛИЦА

Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет:
«Ах! скоро ль солнышко взойдет
И с домиком меня застанет?
Ах! скоро ли оно проглянет?
Но вот уж и взошло! как тихо и красно!
Какая в воздухе, в дыханьи, в жизни сладость:
Ах! я такого дня не видывал давно».
Но без товарища и радость нам не в радость:
Желаешь для себя, а ищешь разделить!
«Любезна Зяблица! — кричит мой Чиж соседке,
Смиренно прикорнувшей к ветке, —
Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри, как солнышко. . .» Но солнце вдруг сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Все птицы спрятались, кто в гнезды, кто в реку,
Лишь галки стаями гуляют по песку
И криком бурю вызывают;
Да ласточки еще над озером летают;
Бык, шею вытянув, под плугом заревел;
А конь, поднявши хвост и разметавши гриву,
Ржет, пышит и летит через ниву.
И вдруг ужасный вихрь со свистом восшумел,

Со треском грянул гром, ударил дождь со градом,
И пали пастухи со стадом.
Потом прошла гроза и солнце расцвело,
Все стало ярче и светлее,
Цветы душистее, деревья зеленее,
Лишь домик у Чижа куда-то занесло.
О бедненький мой Чиж! Он, мокрыми крылами
Насилу шевелия, к соседушке летит
И ей со вздохом и слезами,
Носок повеся, говорит:
«Ах! всяк своей бедой ума себе прикупит:
Впредь утро похваляю, как вечер уж наступит».

ЛИСА ПРОПОВЕДНИЦА

Разбитая параличом
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всем телом дряхлая, но бодрая умом,
И в логике своей из первых мастерица,
Лисица
Уединилася от света и от зла
И проповедывать в пустыню перешла.
Там кроткие свои беседы растворяла
Хвалою воздержности, смиренью, правоте;
То плакала, то воздыхала
О братин, в мирской утопшей суете;
А братий и всего на проповедь сбиралось
Пять-шесть, наперечет;
А иногда случалось
И менее того, и то Сурок, да Крот,
Да две-три набожные Лани,
Зверишки бедные, без связей, без подпор;
Какой же ожидать от них Лисице дани?
Ну Лисий дальновиден взор;
Она переменяла струны:
Взяла суровый вид и бросила перуны
На кровожаждущих Медведей и Волков,
На Тигров, даже и на Львов!
Что ж? слушателей тьма стеклася,

И слава о ее витийстве донеслася
До самого Царя зверей,
Который, несмотря что он породы львиной,
Без шума управлял подвластною скотиной
И в благочестие вдался под старость дней.
«Послушаем Лису! — Лев молвил. — Что за диво?»
За словом вслед указ;
И в сутки, ежели не лживо
Историк уверяет нас,
Лиса привезена и проповедь сказала.
Какую ж проповедь? Из кожи лезла вон!
В тиранов гром она бросала,
А в страждущих от них дух бодрости вливала
И упование на время и закон.
Придворные оцепенели:
Как можно при дворе так дерзко говорить!
Друг на друга глядят, но говорить не смели,
Смекнув, что царь Лису изволил похвалить.
Как новость иногда, и правда нам по нраву!
Короче вам: Лиса вошла и в честь и славу;
Царь Лев, дав лапу ей, приветливо сказал:
«Тобой я истину познал
И боле прежнего гнушаться стал пороков;
Чего ж ты требуешь во мзду твоих уроков?
Скажи без всякого зазренья и стыда;
Я твой должник». Лиса глядь-глядь туда-сюда,
Как будто совести почувствуя улику:
«Всещедрый царь-отец! —
Ответствовала Льву с запинкой наконец. —
Индеек. . . малую толику».

ЧАСОВАЯ СТРЕЛКА

«Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель,
И сторож, и министр, и олтарей служитель,
И доктор, и больной, и самый государь —
Все чувствуют, что я важней, чем календарь!
Я каждому из них минуты означаю;
Деся и день и ночь, я время измеряю!» —
Так, видя на нее зевающий народ,
Хвалилась стрелка часовая,

Меж тем как бедная пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала Стрелке ход!

Пружина Секретарь; а Стрелка, между нами. . .
Но вы умны: смекайте сами.

ДВА ГОЛУБЯ

Два Голубя друзьями были,
Издавна вместе жили
И кушали и пили.
Соскучился один все видеть тож да тож;
Задумал погулять и другу в том открылся.
Тому весть эта острый нож;
Он вздрогнул, прослезился
И к другу возопил:
«Помилуй, братец, чем меня ты поразил?
Легко ль в разлуке быть? . . тебе легко, жестокой!
Я знаю; ах! а мне. . . я, с горести глубокой,
И дня не проживу. . . к тому же рассуди,
Такая ли пора, чтоб в странствие пускаться?
Хоть до Зефиров ты, Голубчик, погоди!
К чему спешить? еще успеем мы расстаться!
Теперь лишь Ворон прокричал,
И без сомнения — страшуся я безмерно! —
Какой-нибудь из птиц напасть он предвещал,
А сердце в горести и пуще имоверно!
Когда расстанусь я с тобой,
То будет каждый день мне угрожать бедой;
То Ястребом лихим, то лютыми стрелками,
То Коршунками, то силками —
Все злое сердце мне на память приведешь.
Ахти мне! я скажу, вздохнувши, — дождь идет!
Здоров ли-то мой друг? Не терпит ли он холод?
Не чувствует ли голод?
И мало ли чего не вздумаю тогда!»
Безумцам умна речь, как в ручейке вода:
Журчит и мимо протекает.
Затейник слушает, вздыхает,
А все-таки лететь желает.

«Нет, братец, так и быть, — сказал он, — полечу!
Но верь, что я тебя крушить не захочу;
Не плачь; пройдет дни три, и буду я с тобою

Клевать

И ворковать

Опять под кровлею одною;
Начну рассказывать тебе по вечерам, —
Ведь все одно да то ж приговорится нам, —
Что видел я, где был, где хорошо, где худо;
Скажу: я там-то был, такое видел чудо,
А там случилось то со мной —
А ты, дружочек мой,
Наслушавшись меня, так сведущ будешь к лету,
Как будто бы и сам гулял по белу свету.
Прости ж!» — При сих словах
Не место всех увы! и ах!
Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и расстались.

Один носок повеся сел;

Другой вспорхнул, взвился, летит, летит стрелою
И верно б сгоряча край света залетел;

Но вдруг покрылось небо мглою,

И прямо страннику в глаза

Из тучи ливный дождь, град, вихрь, сказать вам
словом,

Со всею свитою, как водится, гроза!
При случае таком, опасном, хоть не новом,
Голубчик поскорей садится на сучок
И рад еще тому, что только лишь измок.
Гроза утихнула, Голубчик обсушился

И в путь опять пустился.

Летит и видит с высока, —

Рассыпано пшено, а возле — Голубка;

Садится и в минуту

Запутался в сети; но сеть была худа,
Так он против нее носком вооружился;
То им, то ножкою тянув, тянув, прибился

Из сети без вреда,

С утратой перьев лишь. Но это ли беда?

К усугубленью страха,

Явился вдруг Сокол и, со всего размаха,

Напал на бедняка,

Который, как злодей, опутан кандалами,
Ташил с собой снурок с обрывками силка.
Но, к счастью, тут Орел с широкими крылами
Для встречи Сокола спустился с облаков;
И так, благодаря стечению воров,
Наш путник Соколу в добычу не достался,
Однако все еще с бедой не развязался:
В испуге потеряв и ум и зоркость глаз,
Задел за кровлю он как раз
И вывихнул крыло; потом в него мальчишка —
Знать голубиный был и в том еще умишка —
Для шутки камешек лукнул
И так его зашиб, что чуть он отдохнул;
Потом. . . потом, прокляв себя, судьбу, дорогу,
Решился бресть назад, полмертвый, полхромой;
И прибыл наконец калекою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которых бог любви соединил,
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нил
И дале ближнего ручья не разлучайтесь.
Чем любоваться вам? друг другом восхищайтесь!
Пускай один в другом находит каждый час
Прекрасный, новый мир, всегда разнообразный!
Бывает ли в любви хоть миг для сердца праздный?
Любовь, поверьте мне, все заменит для вас.
Я сам любил: тогда за луг уединенный,
Присутствием моей подруги озаренный,
Я не хотел бы взять ни мраморных палат,
Ни царства в небесах! . . . Придете ль вы назад,
Минуты радостей, минуты восхищений?
Иль буду я одним воспоминаньем жить?
Ужель прошла пора столь милых обольщений
И полно мне любить?

МОЛЧАНЬЕ СОЛОВЬЯ

Умолк Соловушка! Конечно, бедный, болен
Или подружкой недоволен,
А может, и несчастлив в ней!
«Мне жалок он!» — сказал печально Воробей. —

«Он жалок? — Зяблица к словам его пристала: —
Как мало в сердце ты читал!
Я лучше отгадала:
Любил он, так и пел; стал счастлив — замолчал».

ПРОХОЖИЙ

Прохожий, в монастырь зашедши на пути,
Просил у братий позволенья
На колокольню их взойти.
Взошел и стал хвалить различные явления,
Которые ему открыла высота.
«Какие, — он вскричал, — волшебные места!
Вдруг вижу горы, лес, озера и долины!
Великолепные картины!
Не правда ли?» — вопрос он сделал одному
Из братий, с ним стоящих. —
«Да! — труженик, вздохнув, отвечивал ему, —
Для проходящих».

ДРЯХЛАЯ СТАРОСТЬ

«Возможно ли, как в тридцать лет
Переменилось все! . . . Ей-ей, другой стал свет! —
подагрик размышлял, на креслах нянча ногу. —
Бывало в наши дни, и помолиться богу,
И погулять — всему был час;
А ныне . . . что у нас?
Повсюду скука да заботы,
Ни пляшут, ни поют — нет ни к чему охоты!
Такая ль в старину бывала и весна?
Где ныне красны дни? где слышно птичек пенье?
Охти мне! знать, пришли последни времена;
Предвижу я твое, природа, разрушенье!»
При этом слове вдруг, с восторгом на лице,
Племянница к нему вбежала!
«Простите, дядюшка, нас матушка послала
С мадамой в Летний сад. Все, все уж на крыльце;
Какой же красный день!» И в миг ее не стало.

«Какая ветреность! Вот модные умы! —
Мудрец наш заворчал. — Таковыми ли, бывало,
Воспитывали нас? Мой бог, все хуже стало».

Читатели! Подагрик... мы.

ДОН-КИШОТ

Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться,

Решился лучше их пасти

И жизнь невинную в Аркадии вести.

Проворным долго ль снаряжаться?

Обломок дротика пошел за посошок,

Котомкой с табаком мешок,

Фуфайка спальная пастушечьим камзолом;

А шляпу, в знак его союза с нежным полом,

У клюшницы своей соломенную взяла

И лентой розового цвета

Под бледны щеки подвязал

Узлами в образе букета.

Спустил на волю кобеля,

Который к хлебному прикован был анбару;

Послал в мясном ряду купить баранов пару,

И стадо он свое рассыпал на поля

По первому морозу;

И начал воспевать зимой весеннюю розу.

Но в этом худа нет: веселому все в лад,

И пусть играет всяк любимую гремушкой;

А вот что невпопад:

Идет коровница, — почтя ее пастушкой,

Согнул наш пастушок колена перед ней

И, размахнув руками,

Отборными словами,

Пустился петь эклогу ей.

«Аглая! — говорит, — прелестная Аглая!

Предмет и тайных мук и радостей моих!

Всегда ли будешь ты, мой пламень презирая,

Лелеять и любить овец лишь своих?

Послушай, милая! там, позади кусточков,

На дереве гнездо нашел я голубчиков:

Прими в подарок их от сердца моего:

Я рад бы подарить любезную полсветом:
Увы! мне, кроме их, бог не дал ничего!
Они белы, как снег, равны с тобою цветом,
Но сердце не твое у них!»
Меж тем как толстая коровница Аглая,
Кудрявых слов таких
Седого пастушка совсем не понимая,
Стоит, разинув рот и выпуча глаза,
Ревнивый муж ее, подслушав Селадона,
Такого дал ему туза,
Что он невольно лбом отвесил три поклона;
Однакож головы и тут не потерял.
«Пастух-невежда! — он вскричал: —
Не смей ты нарушать закона!
Начнем пастуший бой;
Пусть победителя Аглая увенчает:
Не бей меня, но пой!»
Муж грубый кулаком вторичным отвечает
И, к счастью, в глаз, а не в висок.
Тут нежный, верный пастушок,
Смекнув, что это въявь увечье, не проказа,
Чрез поле рысаком во весь пустился дух
И с этой стал поры ни витязь, ни пастух,
Но просто: дворянин без глаза.

Ах! часто и в себе я это замечал,
Что, глупости бежа, в другую попадал.

МУХА

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? Мы пахали!»

От басни навсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
«Мы сбили! мы решили!»

СОЧИНЕНІЯ

Авана Дмитріева

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1803

БОБЕТТА И ПЧЕЛА

Прелестная Лизета
Лишь только что успела встать
С постели роскоши, дойти до туалета
И дружеской совет начать
С поверенным всех чувств, желаний,
Отрад, веселья и страданий,
С уборным зеркалом, — вдруг страшная Пчела
Вокруг Лизеты зажуужала.

Лизета обмерла,
Вскочила, закричала:
«Ах, ах! Мисс Женни, поскорей!
Параша! Дунюшка!» — Весь дом сбежался к ней;
Но поздно! Ни любовь, ни дружество, ни золото,
Ничто не отвратит неумолимый рок!

Чудовище крылато
Успело уже сесть на розовый роток,
И Лиза в обморок упала.

«Не дам торжествовать тебе над госпожой!» —
Вскричала Дунюшка и смелою рукой

В минуту Пчелку поймала;
А пленница, в слезах, в отчаяньи жуужала:
«Клянуся Флорою! Хотела ли я зла?
Я аленькой роток за розу приняла».
Столь жалостная речь Лизету воскресила!
«Дуняша! — говорит Лизета, — жаль Пчелы;
Пусти ее: она почти не уязвила».

Как сильно действует и крошечка хвалы!

ПОЛЕВОЙ ЦВЕТОК И ГВОЗДИКА

Простой цветочек, дикой,
Не знаю как попал в один пучок с гвоздикой,
И что же? От нее душистым стал и сам!
Хорошее всегда знакомство в прибыль нам.

ВЕРБЛЮД И НОСОРОГ

Верблюду говорил однажды Носорог:
«Вовек я приложить ума к тому не мог,
За что пред нами вы в такой счастливой доле?
Вас держит человек всегда в чести и холе,
И кормит вдоволь, и поит,
И ваше разводиться старается он племя.
Согласен, что на вас нередко вьючат бремя,
От коего ваш брат довольно и кряхтит;
Что кротки вы, легки, притом неутомимы:
Но те же самые способности и в нас,
Да по рогу еще для случая в запас, —
А все мы презрены, гонимы!» —
«Дружок! — отвечивал Верблюд. —
Покорность иногда достоинства замена;
Чтоб людям угодить, один ли нужен труд?
Умей и подгибать колена».

ВОСПИТАНИЕ ЛЬВА

У Льва родился сын. В столице, в городах,
Во всех его странах
Потешные огни, веселья, жертвы, оды.
Мохнатые певцы все в запуски кричат:
«Скачи, земля! взиграйте, воды!
У Льва родился сын!» И вправду, кто не рад?
Меж тем, когда всяк зверь восторгом упивался,
Царь-Лев, как умный зверь, заботам предавался,
Кому бы на руки дитя свое отдать:
Наставник должен быть умен, учен, незлобен!
Кто б из зверей к тому был более способен?
Не шутка скоро отгадать.
Царь, в нерешимости, велел совет собрать;
В благоволении своем его уверя,
Препоручил избрать ему,
По чистой совести, по долгу своему,
Для сына в менторы достойнейшего зверя.
Встал Тигр и говорит:

«Война, война царей великими творит;
Твой сын, о государь, быть должен страхом света;
Итак, образовать его младые лета

Лишь тот способен из зверей,
Который всех по Льве ужасней и страшней».
И, осторожнее, Медведь к тому прибавил:

«Чтоб он младого Льва наставил
Уметь и храбростью своею управлять».
Противу мненья двух Лисе итти не можно;
Однакож, так и сяк начав она вилить,

Заметила, что дядьке должно
Знать и политику, быть хитрого ума,
Короче: какова сама.

За нею тот и тот свой голос подавали,
И все они, хотя себя не называли,
Но ясно намекали,

Что в дядьки лучше их уж некого избрать:
Советы и везде почти на эту стать.
«Позволено ль и мне сказать четыре слова? —
Собака наконец свой голос подала. —
Политики, войны нет следствия другова,

Как много шума, много зла.
Но славен добрый царь коварством ли и кровью?
Как подданных своих составит счастье он?
Как будет их отцом? Чем утвердит свой трон?
Любовью.

Вот таинство, вот ключ к высокой и святой
Науке доброго правленья!

Кто ж принцу лучшие подаст в ней наставленья?
Никто, как сам отец». Тигр смотрит как шальной,
Медведь, другие то ж; а Лев, от умиленья
Заплакав, бросился Собаку обнимать.
«Почто, — сказал, — давно не мог тебя я знать?

О добрый зверь! тебе вручаю
Я счастье мое и подданных моих;
Будь сыну моему наставником! Я знаю,
Сколь пагубны льстецы: укрой его от них,
Укрой и от меня, — в твоей он полной воле».
Собака от царя идет с дитятей в поле,
Лелеет, пестует и учит между тем.

Урок был первый тот, что он щенок, не Львенок,
И в дальнем с ним родстве. Проходит день за днем,
Уже питомец не ребенок,
Уже наставник с ним обходит все страны,
Которые в удел отцу его даны;
И Львенок в первый раз узнал насильство власти,
Народов нищету, зверей худые страсти:
Лиса ест Кроликов, а Волк душил Овец,
Оленя давит Барс; повсюду, наконец,
Могущие богаты,
Бессильные от них кряхтят,
Быки работают без платы,
А Обезьяну золотят.

Лев молодой дрожит от гнева.

«Наставник, — он сказал, — подобные дела
Доходят ли когда до сведенья царева?»

Ах, сколько бедствий, сколько зла!» —
«Как могут доходить? — Собака отвечает. —
Его одна толпа счастливцев окружает,
А им не до того; а те, кого съедят,

Не говорят».

Итак, наш Львенок, без дальних размышлений

О том, в чем доброту и мудрость ставит свет,

И добр стал и умен; но в этом дива нет:

Пример и опытность полезней наставлений.

Он, в доброй школе той возрастая, получил

Рассудок, мудрость, крепость тела;

Однакож все еще не ведал, кто он был;

Но вот как случай сам о том ему открыл.

Однажды на пути Собака захотела

Взять отдых и легла под тению дерев.

Вдруг выскочил злой Тигр, разинул страшный зев —

И прямо к ней. Но лев,

Закрыв ее собою,

Взмахнул хвостом, затряс косматой головою,

Взревел — и Тигр уже растерзанный лежит!

Потом он в радости к наставнику бежит

И вопит: «Победил! Благодарю судьбину!

Но я ль то был иль нет? . . . Поверишь ли, отец,

Что в этот миг, когда твой близок был конец,

Я вдруг почувствовал и жар и силу львину;

Я точно... был как Лев!» — «Не ложно, Лев и есть, —
Наставник отвечал, облившись слезами. —
Готовься важную услышать, сын мой, весть:
Отныне... кончилось равенство между нами:
Ты царь мой! поспешим возвратом ко двору.
Я все употребил, что мог, тебе к добру;
Но ты... и радости и грусти мне причина!
Прости, о государь, невольню слезы лью...
Отечеству отца даю,
А сам... теряю сына!»

ДВЕ ЛИСЫ

Вчера, подслушал я, две разных свойств Лисицы
Такой имели разговор:
«Ты ль это кумушка! давно ли из столицы?» —
«Давно ль оставила я двор?»
С неделю». — «Как же ты разъелась, подобрела!
Знать, при дворе у Льва привольное житье?» —
«И очень! Досыта всего пила и ела». —
«А в чем там ремесло главнейшее твое?» —
«Безделица! С утра до вечера таскаться,
Где такнуть, где польстить, пред сильным унижаться,
И больше ничего». — «Какое ремесло!» —
«Однакож мне оно довольно принесло:
Чин, место». — «Горький плод! Чины не возвышают,
Когда их подлости ценою покупают».

ОТЕЦ С СЫНОМ

«Скажите, батюшка, как счастья добиться?» —
Сын спрашивал отца. А тот ему в ответ:
«Дороги лучшей нет,
Как телом и умом трудиться,
Служа отечеству, согражданам своим,
И чаще быть с пером и книгой,
Когда быть дельными хотим». —
«Ах, это тяжело! Как легче бы?» — «Интригой;

Втираться жабой и ужом
К тому, кто при дворе фортуной вознесется». —
«А это низко!» — «Ну, так просто... быть глупцом;
И этак многим удается».

ПУСТЫННИК И ФОРТУНА

Какой-то добрый человек,
Не чувствуя к чинам охоты,
Не зная страха, ни заботы,
Без скуки провожал свой век
С Плутархом, с лирой
И Пленирой,
Не знаю точно где, а только не у нас.
Однажды под вечер, как солнца луч погас
И мать качать дитя уже переставала,
Нечаянно к нему Фортуна в дом попала
И в двери ну стучать!
«Кто там?» — Пустынник окликает. —
«Я! Я!» — «Да кто, могу ли знать?» —
«Я та, которая тебе повелевает
Скорее отпереть». — «Пустое!» — он сказал
И замолчал.
«Отóпрешь ли? — еще Фортуна закричала. —
Я ввек ни от кого отказа не слыхала;
Пусти Фортуны ты со свитою к себе,
С Богатством, Знатью и Чинами...
Теперь известна я тебе?» —
«По слуху... Но куда мне с вами?
Поди в другой ты дом,
А мне не поместить, ей-ей! такой содом». —
«Невежа! да пусти меня хоть с половиной,
Хоть с третью, слышишь ли? . . . Ах, сжался над
судьбиной
Великолепия... Оно уж чуть дышит,
Над гордой Знатностью, которая дрожит
И, стоя у порога, мерзнет! . . .
Тронись хоть Славою, мой миленький дружок!
Еще минута — все исчезнет! . . .
Упрямый! дай хотя Желанью уголок». —
«Да отвяжись ты, лихая пустомеля!» —

Пустынный ей сказал, — ну, право, не могу.

Смотри, одна и есть постеля,
И ту я для себя с Пленирой берегу».

ПЧЕЛА И МУХА

«Здорово, душенька! — влетя в окно, Пчела

Так Мухе говорила. —

Сказать ли весточку? Какой я сот слепила!

Мой мед прозрачнее стекла;

И как душист! как сладок, вкусен!» —

«Поверю, — Муха ей отвечает, — ваш род

Природно в том искусен;

А я хотела б знать, каков-то будет плод,

Продлятся ли жары?» — «Да! что-то будет с медом?» —

«Ах! этот мед да мед, твоим всегдашним бредом!» —

«Да для того, что мед. . .» — «Опять? нет сил терпеть,

Какое малодушье!

Я, право, получу от слов твоих удушье». —

«Удушье? ничего! съешь меду да вспотеть,

И все пройдет; мой мед. . .» — «Чтоб быть тебе без жала! —

С досады Муха ей сказала. —

Сокройся в улей свой, вралиха! иль молчи!»

О, эгоисты-рифмачи!

РЫСЬ И КРОТ

Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота,

Из жалости ему по-свойски говорила:

«Увы! мой бедный Крот, несчастье — слепота!

И рошица и луг с цветами — все места

Тебе как темная могила!

Какая жизнь твоя!

С утра до вечера ты спишь или зеваешь

И ни о чем не рассуждаешь.

А я,

Теперь же, будто на ладони,

Все вижу на версту вокруг,

И все пересказать готова. Слушай, друг:

Вот ястреб в облаках за коршуном в погоне;
Здесь ласточка своих птенцов
Питает мухами, добычей пауковой;
Там хитрая лиса цыпленку строит ков;
Там кролика постиг ружья удар громовый;
Здесь кошка давит мышь; а там
Змея впиалась в корову;
А далее, медведь, разинув пасть багрову,
Ревет и гонится за серной по скалам;
А вот и лютый волк ягненокча терзает. . .» —
«Ах, полно, полно! — Крот болтуню прерывает. —
Утешно ль зрячим быть для ужасов таких?
Довольно и того, что слышал я об них».

СМЕРТЬ И УМИРАЮЩИЙ

Один охотник жить, не старее ста лет,
Пред Смертию дрожит и вопит,
Зачем она его торопит
Врасплох оставить свет,
Не дав ему свершить, как водится, духовной,
Не предвара его хоть за год наперед,
Что он умрет.
«Увы! — он говорит, — а я лишь в подмосковной
Палаты заложил; хотя бы их докласть;
Дай винокуренный завод мой мне поправить;
И правнуков женить! а там. . . твоя уж власть!
Готов, перекрестясь, я белый свет оставить». —
«Неблагодарный! — Смерть отвечает ему. —
Пускай другие мрут в весеннем жизни цвете,
Тебе бы одному
Не умирать на свете!
Найдешь ли двух в Москве, — десятка даже нет
Во всей Империи, доживших до ста лет.
Ты думаешь, что я должна бы приготовить
Заранее тебя к свиданию со мной:
Тогда бы ты успел красивый дом построить,
Духовную свершить, завод поправить свой
И правнуков женить; а разве мало было
Наветок от меня? Не ты ли поседел?
Не ты ли стал ходить, глядеть и слышать худо?»

Потом пропал твой вкус, желудок ослабел,
Увянул цвет ума и память притупилась;
 Год от году хладела кровь,
В день ясный средь цветов душа твоя томилась
И ты оплакивал и дружбу и любовь.
С которых лет уже отсюда поражает
Тебя печальна весть: тот сверстник умирает,
 Тот умер, этот занемог
 И на одре мученья?
Какого ж более хотел ты извещенья!
Короче: я уже ступила на порог,
 Забудь и горе и веселье,
 Исполни мой устав!» —
Сказала, и Старик, не думав, не гадав
И не достроя дом, попал на новоселье!

Смерть права: во сто лет отсрочки поздно ждать;
Да как бы в старости страшиться умирать?
Дожив до поздних дней, мне кажется, из мира
Так должно выходить, как гость отходит с пира,
Отдав за хлеб и соль хозяину поклон.
Пути не миновать, к чему ж послужит стон?
Ты сетуешь, старик! Взгляни на ратно поле:
Взгляни на юношей, на этот милый цвет,
Которые летят на смерть по доброй воле,
На смерть прекрасную, сомнения в том нет,
На смерть похвальную, везде перевозносиму,
Но часто тяжкую, притом неизбежиму! . .
Да что! я для глухих обедню вздумал петь:
Полмертвый пуще всех боится умереть!

ЖАВОРОНОК С ДЕТЬМИ И ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Пословица у нас: *на ближних уповай,
 А сам ты не плошай!*
И правда: вот пример. В прекрасные дни года,
В которые цветет и нежится природа,
Когда всё любитя, — медведь в лесу густом,
 Киты на дне морском,
 А жаворонки в поле, —
Не ведаю того, по воле иль неволе,

Но самочка одна,
 Из племя жавронков, летала да гуляла
 И о влиянии весны не помышляла.
 А уж давно весна!
 Сдалася наконец природе и она
 И матерью еще назваться захотела,
 У птичек много ли затей?
 Свила во ржи гнездо, снесла яицек, села
 И вывела детей,
 Рожь выросла, созрела,
 А птенчики еще не в силах ни порхать,
 Ни корма доставать;
 Всё матушка ищи. «Ну, детушки, прощайте!
 Я за припасом полечу, —
 Сказала им она, — а вы здесь примечайте,
 Не соберутся ль жать, и тотчас голос дайте;
 Так я другое вам пристанище сыщу».
 Она лишь из гнезда — пришел хозяин в поле
 И сыну говорит: «Ведь рожь и жать пора:
 Смотри, как матера!
 Ступай же ты не медля боле
 И попроси друзей на помощь к нам притти». —
 «Ах, матушка, лети! скорее к нам лети!» —
 Малютки в страхе запищали. —
 «Что, что вам сделалось?» — «Ахти! мы все пропали:
 Хозяин был, он хочет жать;
 Уж сыну и друзей велел на помощь звать». —
 «А боле ничего?» — ответствовала мать, —
 Так не к чему спешить: *день ночи мудренее*.
 Вот, детушки, вам корм: покушайте скорее,
 Да ляжем с богом спать!» — Они того, сего
 Клевнули,
 Прижались под крыло к родимой и уснули.
 Уж день, а из друзей нет в поле никого.
 Пичужечка опять пустилась за припасом,
 А селянин на рожь
 И мыслит: «На родню сторонний не похож!
 Поди-ка, сын мой, добрым часом
 Ты к дяде своему да свату поклонись!»
 Малютки пуще взволновались
 И матери вослед все в голос раскричались:
 «Ах! милая, скорей! родима, воротись!!

Уж за родней пошли!» — «Молчите, не пугайтесь! —
Ответствовала мать, — и с богом оставайтесь».
Еще проходит день; хозяин в третий раз
Приходит на поле. «Изрядно учат нас, —
Он сыну говорит, — и дельно! впредь не станем
С надеждою зевать, а поскорей вспоманем,
Что всякий сам себе вернейший друг и брат;

Ступай же ты назад

И матери скажи с сестрами,
Чтоб на поле пришли с серпами».
А птичка, слыша то, сказала детям так:
«Ну, детки! вот теперь к походу верный знак».
И дети в тот же миг скорей-скорей сбираться;
Расправя крылья, в первый раз
За маткой кое-как вверх-вверх приподниматься
И скрылися от глаз.

ИСТУКАН И ЛИСА

Осел, как скот простой,
Глядит на Истукан пустой
И лижет позолоту;
А хитрая Лиса, взглянувши на работу
Прилежно раза два,
Пошла и говорит: «Прекрасна голова!
Да жаль, что мозгу нет!» — Безмозглые вельможи!
Не правда ли, что вы с сим Истуканом схожи?

ЖЕЛАНИЕ

Сердися Лафонтен, иль нет,
А я с ним не могу расстаться.
Что делать? виноват, свое на ум нейдет,
Так за чужое приниматься.
Слыхали ль вы когда от нянек об духах,
Которых запросто зовем мы Домовыми?
Как не слышать! детей всегда страшат ими;
Они во всех странах
Живут между людей, неся различны службы —
Без всякой платы, лишь из дружбы:

Кто правит кухнею, кто холит лошадей;
Иные берегут людей
От злого глаза и уроков,
И все имеют дар пророков.
Один из тех Духов
Был в Индии у мещанина
Хранителем его садов.
Он госпожу и господина
Любил не меньше, чем родных:
Всегда, бывало, их
Своим усердьем утешает
И в упражненьи всякой час
То мирточки садит, то лучший ананас
К столу хозяев выбирает.
Хозяям клад был гость такой!
Но доброе всегда непрочно!
Не знаю точно,
Что было этому виной —
Политика или товарищей коварство, —
Вдруг от начальника приказ ему лихой
Лететь в другое государство;
Куда ж? сказать ли вам,
Сердца чувствительны и нежны?
Из мест, где счета нет цветам,
Из вечного тепла, в сугробы, в горы снежны,
На край Норвегии! Вдруг из Индейца будь
Лапланец! Так и быть, слезами не поправить,
А только лишь насадишь грудь.
«Прощайте, господа! мне должно вас оставить! —
Со вздохом добрый Дух хозяйвам говорил. —
Я здесь уж отслужил;
Наш князь указ насрал, предписывает строго
Лететь на Север мне. Хоть грустно, но лететь!
Не долго, милые, уже на вас глядеть:
С неделю, месяц много.
Что мне оставить вам за вашу хлеб и соль,
В знак моего признанья?
Скажите; я могу исполнить три желанья».
Известен человек: просить чего? изволь,
Сейчас готовы крылья.
«Ах! изобилья, изобилья!» —
Вскричали в голос муж с женой.

И изобилие рекой
На дом их полилось:
В шкатулы золотом, в анбары их пшеном,
А в выходы вином,
Верблюдов табуны — откуда что взялось!
Но сколько ж и забот прибавилось с тем!
Легко ли усмотреть за всем,
Все счастье, все записать? минуты нет покоя:
В день доброхотов угощай,
Тому в час добрый в долг, другому так давай,
А в ночь дрожи и жди разбоя.
«Нет, Дух! — они кричат. — Возьми свой дар назад:
С богатством не житье, а вживе сущий ад!
Приди, спокойствия подруга неизменна,
Наставница людей,
Посредственность бесценна!
Приди и возврати нам счастье прежних дней!»
Она пришла, и два желания свершились.
Осталось третье объявить:
Подумали они и наконец решились
Благоразумия просить,
Которое во всяко время
Нигде и никому не в бремя.

СВЕРЧКИ

Два обывателя столицы безымянной,
Между собою земляки,
А нацией Сверчки,
Избрали для себя квартирой постоянной
Судейский дом;
Один в передней жил, другой же в кабинете,
И каждый день они видались тайком.
«Нет лучше нашего хозяина на свете! —
Сказал товарищу Сверчок. —
Как гнется, даром что высок!
Какая кротость в нем! какая добродетель!
И как трудолюбив! я сам тому свидетель,
Какую кучу он записок отберет,
И что же? ни одной из них не издерет;

А все за ним тащат!» — «На произвол судьбины! —
Товарищ подхватил. —
Дружок! ты видно век в прихожих только жил
И вместо лиц привык рассматривать личины.
Не то бы ты сказал, узнавши кабинет!
В передней барин то, чем хочет он казаться;
А здесь — каким родился в свет:
Богатому служить, пред сильным пресмыкаться;
А до других и дела нет;
Вот нашего ханжи и все тут уложение!
Оставь же лишнее к нему ты уваженье,
И в обществе людском,
Где многое тебе покажется превратным,
Умей ты различать двух человек в одном:
Парадного с частным.

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ

Кто на своем веку Фортуны не искал?
Что, если б силою волшебною какою
Всевидающим я стал,
И вдруг открылись предо мною
Все те, которые и едут, и ползут,
И скачут, и плывут,
Из царства в царство рыщут
И дочери Судьбы отменной красоты
Иль убегающей мечты
Без отдыха столь жадно ищут?
Бедняжки! Жаль мне их: уж, кажется, в руках...
Уж сердце в восхищеньи бьется...
Вот только что схватить... хоть как, так увернется,
И в тысяче уже верстах!
«Возможно ль, — многие, я слышу, рассуждают: —
Давно ль такой-то в нас искал?
А ныне как он пышен стал!
Он в счастья растет, а нас за грязь кидают!
Чем хуже мы его?» — Пусть лучше во сто раз,
Но что ваш ум и все? Фортуна ведь без глаз.
А к этому прибавим:
Чин стоит ли того, что для него оставим
Покой, покой души, дар лучший всех даров,

Который в древности уделом был богов?
Фортуна — женщина: умерьте вашу ласку,
Не бегайте за ней, — сама смягчится к вам.
Так милый Лафонтен давал советы нам,
И сказывал в пример почти такую сказку.

В деревне ль, в городке,
Один с другим невдалеке,
Два друга жили;
Ни скудны, ни богаты были.
Один все счастье ставил в том,
Чтобы нажить огромный дом,
Деревни, знатный чин — то и во сне лишь видел;
Другой богатств не ненавидел,
Однакож их и не искал,
А каждую ночь покойно спал.

«Послушай, — друг ему однажды предлагает, —
На родине никто пророком не бывает;
Чего ж и нам здесь ждать? Со временем — сумы.

Поедем лучше мы
Искать себе добра; войти, сказать умеем;
Авось и мы найдем, авось разбогатеем». —

«Ступай, — сказал другой, —
А я остануся, — мне дорог мой покой, —
И буду спать, пока мой друг не возвратится». —

Тщеславный этому дивится
И едет. На пути встречает цепи гор,
Встречает много рек и напоследок встретил
Ту самую страну, куда издавна метил:
Любимый уголок Фортуны, то есть двор;
Не дожидаяся ни зову, ни наряду,

Пристал к нему, и по обряду
Всех жителей его он начал посещать:
Там стрелкою стоит, не смея и дышать,

Здесь такает из всей он мочи,
Тут шепчет на ушко; короче: дни и ночи
Наш витязь сам не свой;

Но все то было втуне!
«Что за диковинка! — он думает: — Стой, стой
Да слушай об одной Фортуне,

А сам все ничего!
Нет, нет! такая жизнь несноснее всего!

Слуга покорный вам, господчики, прощайте,
И впредь меня не ожидайте;
В Сурат, в Сурат лечу! я слышал в сказках, там
Фортуне с давних лет курится фимиам. . .»
Сказал, прыгнул в корабль, и волны забелели.
Но что же? Не прошло недели,
Как странствователь наш отправился в Сурат,
А часто, часто он поглядывал назад,
На родину свою: корабль то загорался,
То на мель попадал, то в хляби погружался;
Всечасно в трепете, от смерти на вершок,
Бедняк бесился, клял — известно, лютый рок,
Себя, и всем, и всем изрядна песня пета!
«Безумцы! — он судил. — На край приходим света
Мы смерть ловить, а к ней и дома три шага!»
Синеют, между тем, Индийски берега,
Попутный дунул ветер; по крайней мере кстати
Пришло мне так сказать, и он уже в Сурате!
«Фортуна здесь?» — его был первый всем вопрос.
«В Японии», — сказали.
«В Японии? — вскричал Герой, повеся нос. —
Быть так! плыву туда». И поплыл; но, к печали,
Разъехался и там с Фортуною слепой!
«Нет! полно, — говорит, — гоняться за мечтой».
И с первым кораблем в отчизну возвратился.
Завидя издали отеческих богов,
Родимый ручеек, домашний милый кров,
Наш мореходец прослезился
И, от души вздохнув, сказал:
«Ах! счастлив, счастлив тот, кто лишь по слуху знал
И двор, и океан, и о слепой богине!
Умеренность! с тобой раздолье и в пустыне».
Итак, с восторгом он и в сердце и в глазах
В отчизну наконец вступает;
Летит ко другу — что ж? как друга обретает?
Он спит, а у него Фортуна в головах!

ЛЕВ И ЕГО ЛЮБИМЕЦ

Собачку лев любил,
И все тогда ее ласкали:
Лисицы в гости звали,
Медведи кланялись, и тигры уважали;
Спесивый даже слон собачке другом был,
И хоботом своим огромным
То на спину сажал, то гладил он ее.
Надеяться нельзя на счастье свое!
Врагам угодно было злобным,
Чтоб царь зверей сослал любимца своего.
Любимец изгнанный не стоит ничего!
Все стали клеветать насчет собачки бедной,
Что ум она имеет вредной;
Лисица голос подала,
Что будто так собака зла,
Что гнусную на льва сатиру сочинила;
Медведь всех уверял,
Что две сатиры он читал
И что всю истину лисица говорила;
А заяц побежал
(В том зайцев вся и сила),
Не выслушав конца, рассказывать везде,
Что было, как и где.
И мы как звери поступаем:
Нередко зло ко злу нарочно прилагаем.

ГОЛУБКА И БАБОЧКА

Однажды Бабочка Голубке говорила:
«Ах, как ты счастлива! Твой голубок с тобой.
Какой он ласковый! Как он хорош собой!

А мне судьба определила
Совсем иначе жить: неверный мотылек
Все по лугам летает;
То незабудочку, то розу выбирает;
А я одна сижу». — «Послушай, мой дружок! —
Голубка отвечала, —
Напрасно, может быть, пеняешь ты ему:
Не ты ль причиною тому,
Что счастья не сыскала?
Я правду говорю: любимой нежно быть
Здесь средство лишь одно — умей сама любить!»
Элиза милая, пример перед тобою:
Люби. . . и будешь век довольна ты судьбою!
Супруг твой добр и мил. Он сердца твоего,
Конечно, цену знает;
Люби и почитай его!
Там счастье, где любовь: оно вас ожидает.

ПАСТУХ И СОЛОВЕЙ

«Певец лесов, что сделалось с тобой?
Скажи, где ты летаешь?
Бывало, в тишине ночной
Ты пенем слух мой улаждаешь,
А ныне замолчал, соловушко, мой друг!» —
Так говорил Пастух.
«Я здесь, — певец лесов уныло отвечает, —
Но крик лягушек петь в дубраве запрещает». —
«Тебе ль, — сказал Пастух, — бояться крика их?
Не слышу я его при песенках твоих!»
Пусть истинный поэт на лире воспевает:
Зоилова хула талант не помрачает.

СУРОК И ЩЕГЛЕНОК

Сурку Щегленок говорил:
«Как! Вечно спать? Какая скука!
И вечно быть в норе? Так жить, конечно, мука!

Сон — та же смерть. Чтоб я, лишенный сил,
В гнезде своем лежал, как ты, Сурок несчастной?
Нет, я хочу летать по рошам, по лугам,
По селам, городам,
Все слышать, видеть все. Свободою прекрасной
Я пользуюсь своей.
О бедненькой Сурок, об участи твоей
Я истинно жалею:
Ты знаешь, я любить умею!» —
«Что ж нового? Скажи скорей», —
Спросил Сурок рассказчика Щегленка.
«От старика и до ребенка
Все заняты умы в столичных городах:
Тот проживается, тот копит, богатится
И в страшных откупах;
Другой над картами трудится;
Заботы, происки о лентах, о чинах;
Никто не думает о ближних, о друзьях;
Жена пред мужем лицемерит,
А муж перед женой, — и до того дошло,
Что брату брат не верит». —
«Какой разврат, какое зло! —
Вскричал Сурок с презреньем. —
Не говори с таким, пожалуй, сожаленьем!
Чтоб ужасов таких не слышать и не знать,
По-моему, не лучше ль спать?»

ВОЛК И ЛИСИЦА

Волк хищный занемог. Раскалянье с недугом
Приходит часто и к зверям.
«Нет, — так он рассуждал с кумой своей и другом, —
Нет, полно рыскать мне по рошам и лугам!
Довольно подушил овечек я невинных;
Не лучше ль смирно жить, питаться мне травой?
Мы, кумушка, с тобой
Забудем о делах бесчинных!
Ты грешнику поверь: в прожорстве нет добра!
И нам опомниться пора!
Советую тебе оставить кур в покое;

Смиренье дело золотое.
Увидишь, я во всем с ягненком буду схож —
И если не лицом, обычаем хорош».

Лисица удивилась.
«Волк, — думала она, — недаром слезы льет
И злость свою клянет;
Он верно завтра же умрет».

С почтеньем, молча, поклонилась.
Но, к счастью, у волков
Не знают докторов:
Больной оправился. Курятница-лисица,
В политике, как всем известно, мастерица,
Пустилась Волка поздравлять:
Не худо иногда зубастым угождать!
Итак, угодница является в пещеру
К нравоучителю иль, лучше, лицемеру.
Что ж видит там она? Покойно Волк сидит
И кушает барана;
Овца несчастная полмертвая лежит,
Такой же участи ждет скоро от тирана.
«Прекрасно, куманек, — Лисица говорит, —
Ты каялся в грехах и плакал, как ребенок,
Но видно, что в тебе глас совести умолк!» —
«Так что ж? — вскричал злодей. — В болезни я ягненок;
Когда здоров, я — волк».

ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк вздумал добрым, смирным быть.
Злодеям мудрено любить —
Не спорю, но прошу послушать
С терпеньем мой рассказ.
Каким-то случаем, в какой-то добрый час,
Привыкший Волк овец, ягнят невинных кушать
Задумался и говорит:
«Кому не сделал я обид?»
Я общий враг; меня за дело проклиняют;
Все гибели моей желают:
Псари, собаки, пастухи.
Давно за тяжкие грехи

Изгнали нас из Альбиона.
Жизнь волчья — сущий ад. Не лучше ль, наконец,
Муравку мне щипать и не душить овец?
Утешно ль быть виной несчастья и стона?» —
Сказал смиренный наш и видит Пастухов,
Сидящих вокруг огня под взрослыми дубами.

Волк тихими шагами

Подходит. Ужин был готов.

Барашек жареный, растерзанный на части,
Приятной пищею хозяевам служил.

«И у людей такие ж страсти! —

Прожора закричал. — Напрасно я грустил,

Напрасно в постники хотел я записаться.

Стад караульщики изволят забавляться

Не хуже нас, Волков.

К чему мне быть смирней и лучше Пастухов?

Овечки милые, я с вами расставаться

Теперь, поверьте мне, не буду никогда;

Прошу пожаловать сюда!» —

Волк прав, и, несмотря на все людские толки,

Мы точно те же волки.

МЕДВЕДЬ И ЕГО ГОСТИ

Медведю вздумалось зверям дать угощение;

Толпою все бегут на зов,

И пир, конечно, был таков,

Что он гостей привел в восторг и удивленье.

Вельможа не жалел кармана своего;

Все было славно и богато.

Без спору, можно жить медведям таровато!

Лишь только на пиру веселья одного,

Не знаю, как-то не случилось.

В тот вечер, может быть,

Оно в сердечную беседу удалилось.

Мартышка резвая, охотница шутить,

Прожора не большая,

Зевала, морщилась, плечами пожимая,

И наконец, отдав хозяину поклон,

Сказала барсуку: «Веселье — мой закон:
У пышных богачей, я вижу, все прекрасно;
Но что-то говорить и трудно, и опасно!
Ты оставайся здесь, а я бегу туда,
Где рассмеяться не беда».

КОТ И МОСЬКА

Кот вздумал с Моською играть.
Собаки все добры. Курносая храпела,
В восторге хвостиком вертела
И всячески Кота старалась забавлять.
Но дружба не прочна с коварными сердцами!
Кот в Моську когти запустил
И даже стал кусать зубами!
«Что так ты морщишься? — бедняжку он спросил. —
С тобой я пошутил;
А я люблю шутить с друзьями.
Сердиться на меня не только что смешно,
Но, право, кажется, грешно». —
«Пожалуй, смейся надо мною, —
Сказала Моська, — но с тобою
Водиться не хочу. Нимало не сержусь,
А шуточек твоих боюсь
И вредное навек знакомство разрываю:
Ошиблась — так и быть — опомниться пора!»
Известных я врагов всегда предпочитаю
Друзьям, которые царапать мастера.

СТАРУШКА И БОГИНЯ ИСТИНА

Средь хижин мирных и смиренных
Старушка добрая жила;
Несчастных, огорченных
Она помощницей была
И их дарила, чем могла:
Простою пищею, советом иль слезою.
Вечернею порою
Богиня Истина пришла однажды к ней;

Стучится у дверей
И просит помощи, почти совсем нагая:
«От бури и дождя несчастной дай покров!» —
Она кричит, изнемогая.
Чувствительным сердцам не нужно много слов:
Старушка с радостью богиню принимает,
У камелька ее одежду осушает,
И тотчас ужин ей готов.
«Трапезой бедною моею не погнушайся, —
Старушка говорит. — Вот крынка молока,
Хлеб, яицы. Садись — ты шла издалека —
И силы возвратить старайся!
Но кто ты такова, и как тебя зовут?» —
«Я Истина. Меня и хвалят, и поют,
Пристанища нигде, однакож, не имею.
Ласкать я не умею
И правду говорю — вот вся моя вина;
За то и в рубище бродить осуждена.
Мне плохо жить на свете!» —
«Переночуй ты в хижине моей, —
Старушка отвечает ей, —
А завтра на рассвете
Увидим, чем могу несчастной я помочь».
Проходит ночь,
И солнце келью освещает.
Богиня примечает,
Что добрая ее хозяйшюшка крива,
С горбом и что у ней трясется голова.
«Какой урод, — вскочив, немедля восклицает. —
Куда девался глаз другой?» —
«Не смейся надо мной! —
Старушка ей сказала. —
Когда гонимую судьбой
От бури я спасала,
В награду от нее насмешек не ждала». —
«Пожалуй, не сердись! Я вижу: ты мила,
Умна, но ты горбата,
Крива, дурна лицом». — «Я в том не виновата.
Поди ж, оставь меня! Мне кажется, с тобой
И с доброю душой
Ужиться никому не можно.

Ты правду говори, да только осторожно».
 Богиня с посохом и в рубище своем,
 Вздохнув, пошла путем,
 Не говоря ни слова.
 Проказнице такой,
 Я слышал, вечно бы шататься здесь нагой
 Без Дмитрева и без Крылова.

ЛИСТОЧЕК

«Куда, Листочек, ты летишь
 Иссохший, пожелтый?
 Не знаю, говоришь:
 Сломила буря дуб дебелий,
 Который верною подпорой мне служил
 И рощи красотою был.
 Носимый ныне Аквилонем
 Или Зефиром, я лечу
 Куда предписано мне строгим их законом,
 А не туда, куда хочу,
 С холма на луг, с горы в долину,
 Без страха, ропота на грозную судьбину.
 Всему конец! Я помню сей урок,
 Для всех равно суровый:
 Несусь, куда летит и гордый лист лавровый,
 И розы нежные листок».

БОГАЧ И БЕДНЯК

«В уме ли ты, несчастный? —
 Богатый бедняку однажды говорил. —
 Ты в лотерею рубль последний положил,
 А сам без обуви и в нищете ужасной!
 Не лучше ли беречь деньжонки на обед,
 А не бросать в огонь». — Бедняк ему в ответ:
 «Винить меня ты волен,
 Надежду я купил и тем пока доволен».

ДВЕ СТАРЫЕ КОШКИ

Две Кошки старые смиренно рассуждали
О прежних радостях своих,
Как в старину они жилали,
Как все любили их!
«Настали времена, обычаи дурные, —
Одна вполголоса твердила так другой. —
В котях учтивости не видно никакой,
Все стали сорванцы прямые.
Поверишь ли? сижу по суткам я одна;
Никто не примечает,
Никто не приласкает,
Как будто я чумой заражена». —
«Ах, как, сестрица, ты мурлычишь справедливо! —
Седая кошка ей в ответ. —
Совсем переменялся свет!
Учтивость, постоянство — диво!
Бывало, я взгляну, и несколько котов
Вертятся вокруг меня, прыжками забавляют;
Клянусь, что всякий был мне угождать готов,
А нынче все пересмевают.
Неблагодарные, как я любила их!
Они изменой заплатили;
Забудем мы с тобой обманщиков таких,
Забудем, как они забыли!» —
«Голубушки мои, — прервал усастый кот: —
Все чередом своим идет;
Вы были молоды, и вас тогда любили!
Взгляните на себя: вы седы, без зубов;
Какой же ожидать вам ласки от котов?»

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

СКАЗКА

Муж умирающий так говорил жене:
«Скажи чистосердечно мне:
Вот слишком десять лет, как я живу с тобою,
Была ль ты мне верна? Я от тебя не скрою:

Казалось мне, сосед Фома
Любил тебя, дружок, без ума.
Скажи всю истину; чего тебе бояться?
Я через час умру, впросак не попадешь!» —
«Нет, муженек, не смею я признаться:
Ну, как обманешь — не умрешь!»

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Одна красавица, по имени Прията,
 Была знатна, богата,
Ловка и молода, притом и не глупа.
К ней обожателей охотно прилепилась
 Несметная толпа,
Лишь с матерью она в собрание явилась.
На лучших женихов и летом и зимой
Пять лет и более был урожай большой.
 Прията-душенька спесива,
На выбор милого чрезмерно щекотлива,
 А на отказ — скоро:
И свах и женихов ссылает со двора.
 Тот ей — по росту не угоден,
 Тот — сух, а тот — дороден,
Тот — слишком белокур или черноволос,
 У этого — короток нос.
Хотела, чтоб жених был у нее — приятен,
 Красавец, статен,
 Умен, богат и знатен,
 Не холоден и не ревнив.
Как договор такой довольно прихотлив,
Первостатейные искатели отстали,
Места их женихи похуже заступали.
Прията матушке изволит толковать:
 «Зачем мне свадьбой поспешать,
 Себя лишь унижать!»
А между тем старик с песочными часами
 Бредет дорогою своей.
То прелесть унесет, то свежесть роз, лилей.
 Пятью годами
Сатурн красавицу довольно обязал.
Деревни, города починивать нам можно;

Жалеть лишь только должно,
Что этих средств для лиц никто не вымышлял.
Пусть скажут, есть на то — румяна и белила!
И вся волшебная духов в уборных сила!

Когда *прости*
Любовь спесивице сказала,
Ей скука показала
К супружеству пути.
Уж не попрержнему кичливо разбирала
И скоро жениха по мыслям отыскала.
Но вышла за кого она?
За старика — и горбуна!

НАЙДЕННЫЙ ТОПОР

Два русских мужика однажды в торг ходили,
О барышах своих дорогою судили.

Лежит топор.

Один его поднял и говорит не в спор:

«Изрядно!

Находка счастлива». Другой ему: «Ну, ладно.

Нам нужен был топор, и мы его нашли».

А тот: «Не ты, а я заметил, брат, вдали

Сокровище такое,

И я его поднял, не доходя корчмы,

Так я один — не двое.

Оставь меня в покое,

Пожалуй, не мешай нехстати слова *мы*».

Друг друга, рассердясь, в пути не потакнули;

Кричав, пришли в село — тут больше вышел спор.

Из этого села пропал вчера топор.

Крестьяне говорят: «Где вы топор стянули?»

Друзей толкнули,

Хотят вязать,

Примерно наказать.

Один кричит: «Топор нашли глухой порою

Мы оба у реки в кусточках под корчмою».

Другой ему в ответ:

«Оставь меня в покое,

Ты прежде сам кричал — нашли топор не двое;

Так мне в побоях доли нет».

ЩУКА И УДА

Щука уду проглотила;
От того в тоске была, —
И рвалась и вопила.
Близ ее плотва жила;
Вопрошает щуку:
«Мне, кума, поведай муку,
Рвет которая тебя». —
«Ненавижу я себя, —
Щука отвечает. —
Все меня здесь огорчает.
И в другую я реку
Плыть хочу прогнать тоску». —
«Ни с какою
Ты рекою,
Кумушка, покою
Век не можешь получить,
Хоть и в море станешь жить.
Если внутренность терзает,
Счастье исчезает;
Нас тревожит каждый час
Совести немолчный глас».

ПРОХОЖИЙ И СОБАКА

По Невской некто шел, чтоб видеться с любезной,
Или хотел смотреть в театре драмы слезной,
Иль вести разносил;
Но как бы ни было, прохожий мой спешил.
Собачка, выбежав, в пути ему мешает,
И суется, и лает;
Ее никто не унимает.
Спокойно пешеход свой продолжает путь,
Не хочет палкою собаки оттолкнуть.
Собака наконец устала
И от прохожего отстала.
Худой нередко журналист,
Зоильством наполняя лист,
Облает всех, и никому не вреден.
Он злобою богат, умом и вкусом беден.

БОТ И НЕВА

Среди Петрополя жил двувесельный бот.
 Без дальних он хлопот,
От Пантелеймона через Фонтанку к саду
 Перевозил народ,
 Крича: Терплю досаду
 И мучусь пятый год!
В соседстве у меня Нева, пространно море;
 Но в этом все и горе,
 И все мои беды,
Что я, Нева, твоей не видывал воды!
Умел бы, как другой, я парусы раскинуть,
Катать с музыкою и в бурю не погибнуть,
 В Кронштадт лететь готов!
 Я с маленьким кормилом
Пушуся в запуски с Рафайлом Уриилом;
 Не струшу от седых валов!
Едва промолвить бот успел десяток слов,
 Летит Борей и дует,
Крутит садову пыль и на Неве бунтует.
Открыв он челюсти свирепых моря волн,
 Отправился туда, где челн;
Без умыслу сорвал тогда веревку бота.
 Где очутился бот?
 Исполнилась охота:
Борея по следам, среди Невских быстрых вод,
 К Подзорному несется;
Здесь с гонкой дровяной, там с катером столкнется.
 Потом вверх дном
 Кувыркается он без боку,
В щепы рассыпался и мысль свою высоко
 В Неву спустил;
А на Фонтанке бот гораздо б доле жил!

ПЛЕШИВЫЙ И ОРЕЛ

Всего беречься и страшиться
Есть средство навсегда спокойствия лишиться;
Однако был такой на свете человек,

Который в трусости провел весь век,
Из дому своего не смел ступить ногою,
Боясь постигнут быть нечаянной бедою.

Людей

Он бегал, как зверей;

Они ему злодеями мечтались,
Которы дух его исторгнуть покушались;
А чтоб себя от рук убийцев сохранить,
Весь зеркалами дом внутри велел обить.
Теперь ужели он спокойствие вкушает?
Нет, дом его ему паденьем угрожает.
«Быть может, — мыслит он, — что стены упадут
Иль вихри сильные все зданье потрясут,
Тогда какими я могу спастись судьбами,
Лежа под тяжкими раздавленный стенами?
Нет, нет; оставлю я и город и людей,
В пустыню удалюсь, где б не было зверей;
В долинах живучи там, нечего бояться,
Не буду там врагов и зданий ужасаться».

Намеренья сего мой трус не пременил

И на лугах спокойно жил.

Но там-то мы несчастье и встречаем,

Где одного не чаем.

Со черепахою меж облаков Орел
Над головой его плешивою летел,
Которую, сочтя за камень твердый,

Орел немилосердый

Свою добычу опустил
И черепахою плешь трусю проломил.

Как ни живи на свете осторожно,
Но ежели чего избегнуть невозможно,
Того не избежишь нигде —
Ни в поле, ни в земле, ни в делях, ни в воде.

ВОЛ, ОСЕЛ И КОНЬ

Однажды вол, осел и конь между собою
О первенстве вступили в спор.
Осел, вы скажете, то сущий вздор!
Уродине такой и гордостью пустою
Прилично ль мысли надувать?
Но гордость никому, по правде, не под стать,
Однакоже встречаем и меж нами,
Что, голову иной наполня пустяками,
Всех ставит за ничто,
И даже то
Не только с умными, — бывает с дураками.
Итак, осел стал утверждать,
Что вряд полезнее его где приискать.
Тут вол, сколь ни был тих, умерен,
Но, все свои дела по пальцам разочтя,
Сказал: «В том целый мир уверен,
Что всех полезней я».
Взмахнул красивый конь волнистой гривой
И с выступкой манежной, горделивой,
«Молчите! — закричал. —
Не я ли с воином победы разделял?
Не я ли был от века
Всем предпочтен скотам?»
Но чтобы в пустяках не спорить нам,
То спросимте о том решенья человека».
А человек как тут, и не один;
Их трое в ряд, и все различных состояний:
Цыган, да мельник, да поселянин.
Осел, без дальних разысканий,
Кто ближе был, тому поклон:

«Пожалуй, рассуди: полезней я иль он?
 О первенстве у нас размолвка меж собою». —
 «Ты, подлинно, — сказал цыган, —
 С пустою головою!
 Такой ли склад коню и образ дан,
 Какой имеешь ты, безумная скотина?
 На взгляд он сушая картина;
 А пользы от него так вдруг и не сочтешь. . .» —
 «Нет, брат! ты врешь! —
 Тут мельник закричал, — ослиная порода
 Полезней всей
 Скотины для людей.
 Ну где бы с мельницы нам ждать дохода,
 Когда б ослы перевелись?» —
 «Пожалуйста, остановись, —
 Прервал поселянин, — могу на всех послаться,
 Что первенство должно быть отдано волам,
 И чем бы нам
 Без них питаться?» —
 «О! наш, — сказал тут конь, — напрасен труд!
 Я вижу у людей на все своя причина,
 И их пристрастен суд». —
 «Да, польза частная есть общая пружина, —
 Цыган ему в ответ. —
 Не ею ль движется издавна свет?»

ПРОХОЖИЙ И ГОСПОДСКИЙ СЛУГА

Шел некто близ палат, через господский двор,
 И видит, что слуга метет в том доме сени.
 Подмел и с лестницы потом счищать стал сор;
 Но только принялся не с верхней он ступени,
 А с той,
 Которая всех ниже.
 Чиста ступень; слуга с метлой
 На ту, которая к сметенной ближе:
 И та чиста.
 Слуга мой начал улыбаться;
 «Без двух, без двух!» — кричит спроста
 И ну за третью приниматься.
 Подмел и ту, — еще убавилось труда.

Глядь вниз — неожиданная беда!
Уж чистых двух не видно из-под сора.
«Эк! сколько всякого накидано здесь вздора! —
Слуга сквозь зуб ворчит. — Гну спину целый час,
А не спорится и с трудами!
Как будто сеют на заказ». —
Пошел бедняк обратными следами
Метенное вторично подметать.
Вот вподробну пылинки не видать!
Но только чистота не долго та продлилась,
И нижняя ступень
Опять от верхней засорилась.
Слуга стал в пень;
Устанешь поневоле!
Раз десять вниз сошел иль боле.
«Дурак! дурак! —
Прохожий закричал, тут выйдя из терпенья, —
Да ты метешь не так!
Ну если бы, какого где правленья
Желая плутни истребить,
Кто начал наперед меньших тузить:
Сперва бы сторожа, привратных и копистов;
Потом подьячий род, канцеляристов;
Потом секретарей;
А там-то бы взялся и за судей:
То скоро ли бы он завел в судах порядки?
Судью подьячим не уймешь;
Подьячего хоть в трут сожжешь,
Судья попрежнему брать станет взятки».

ПЕТУХ СТОРОЖ

На то журавль, чтоб не дремали щуки!
Когда в овчарню волк зайдет от скуки,
Не волк в том виноват, — пастух!

Ученый был у барина петух,
И барин петуху стеречь велел пшеницу.
«Ключ вдоволь, — говорит, — овес, крупу, пшено,
Пшеницы береги ты каждое зерно
И всякую от ней гони исправно птицу.

Услужишь мне — счастлив; а нет — смотри!»
Так строго пригрозя, ну как не быть беспечным.
Стал сторож на часы! стоит день, два и три;
Ни встречным от него, не только поперечным,
Роденьке петухам,
Когтистым коршунам, нахальным воробьям,
Смиренной голубице —
Нет, словом, никому пощады на пшенице,
Всех носом клюв да клюв, кто к ней ни подойдет.
С ползущих, ходящих, летящих не смигнет,
И сам не трогает ее ни мало.
Конец бы тот же был, какое и начало;
Но жадность, корень злу всему,
Надев приятную личину,
Сказала так ему:
«Петух! тебя совсем не видно господину;
Клюнь зернышко хоть раз!
Ну, клюнул и прошло. . . подальше в добрый час.
Что ново, то страшит; изведено, — уж шутка!
Ужель от твоего малюточки желудка
Господский будет пуст амбар?»
Советчика в доводах дар
Пришел по мысли петуха.
«Конечно, — думал он, — не много в том греха!
Сим маленьким носком
Не разорю я барский дом».
Петух мой прав! И мысль его неспорно права!
Обеды одного не сделают вреда.
Но вот беда:
С кого пример берут? С пристава.
Случилось точно так и тут!
Увидя, что петух пшеницу начал кушать,
Все стадом на нее летят, бегут
И сторожа не мыслят слушать.
Он слово им; они в отпор словам:
«Не кушай сам».
Ну, что пустым поможет спорам!
Ходить попрежнему дозором
Охота в нем прошла;
Да как из сытного все вскакивать стола!
Таким-то способом пшеничка убыла:
Едва-едва ее осталась половина.

Дошла та весть до господина.
Бежит он к петуху, шумит и кажет прут:
«Уж я тебя достану! —
Кричит ему. — Ах, плут!
Изрядно ты радел господскому карману!»
А тот в ответ: «Не дай напраслины терпеть:
Одни глаза — всего не углядеть!»
И впрямь у петухов *одни* у всех глаза!
Хозяину б давно. . .
Тут нужно — *не лоза*,
Но чаще взглядывать в окно.

РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА

Везде к пословицам имеют веру;
Некстати, кстати ли — все ставят их к примеру:
Таков введен обряд!
А кто ему не платит дани?
У нас, у русских, говорят,
Что будто мир худой полезней доброй брани.
Напротив, лучше век с коварным весть войну;
С ним менее враждой, чем дружбой, потеряем!
Врага мы стережем, а другу доверяем.
Хочу к тому сказать вам сказочку одну.

Соскучилось овцам всегда быть настороже:
Вчера, сегодня, завтра то же,
Все бегай от волков!
Нельзя и поиграть свободно!
Отправили они за миром к ним послов.
«Нам, — волки говорят, — и миролюбье сродно.
Согласны с вами мы в союз вступить;
Но, чтоб доверенность взаимно сохранить,
То сделаем трактат в порядке самом строгом
И укрепим двойным залогом:
Мы вам дадим родных своих сынов,
Волчаток без когтей и без зубов;
А вы нам дайте ваших псов».
Овечки добрые от радости чуть дышат:
«Ну, — думают, — навек спаслися от врага!»
Дают собак, трактаты пишут,

И, прыгая, бегут в луга
Свободой полной наслаждаться.
Но вот случилось как:
Бывало волки к ним начнут лишь подбираться,
То вдруг, на лай собак,
Бежит пастух с дубинкой:
Вряд поживиться где одной скотинкой;
Теперь, как псы молчат,
А от волчат
Бегут к волкам гонцы с вестями,
Теперь они, став прежними врагами,
На стадо невзначай набросились толпой
И всех покушали овец до одной.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЗОЛОТО

СКАЗКА

Жил за морем старик; он не был знатен,
Провел, как говорят, свой век в глуши;
Но был за доброту души
От всех почтен, всем мил и всем приятен.
Совета ль попросить, иль с нуждами, с бедой
К нему бежал и малый и большой,
И всякий от него спокойным возвращался.
Он не был и богат, однако жил без нужд;
Быв также гордости безумной чужд,
За слабость на людей не слишком раздражался,
Умел от ней делить порок:
«Найдите, — говорил, — такого, кто бы мог
Собой представить совершенство!
Один горбат, тот глух, тот хром,
Другой картав, а тот с бельмом,
И недостатки их суть общее наследство.
Природа на пути,
По коем каждому назначено итти,
Рассыпала различные каменья;
Итак, чтоб избежать паденья,
Пойдемте, братцы, мы рука с рукой».
И подлинно он то оправдывал собой,
Всем простирая руку!
С печальным грусть делил, с унылым скуку,

С убогим серебром; когда ж копейки нет,
То, дав хотя благой совет,
Утешив, обласкав, с словами лил надежду.
Случалось ли найти невежду,
Иль вертопраха, иль лжеца,
С такою ж кротостью, не затевая ссоры,
Их просвещал умы и исправлял сердца.
Там прекращал семейные раздоры,
Здесь с юными девицами шутил,
Искал супругов им достойных;
Для всех был нужен, мил
И видел вкруг себя одних довольных.

Когда-то добрый сей мудрец
Нашел несметное червонцами именьё:
«Вот новое убогих всех наследье!» —
Найдя, он вдруг вскричал; но под конец
Задумался и взял другие меры.
«Нет, лучше деньги те пушу я в рост;
Войду в чины, займу хороший пост:
Ужель министры все, судьи и кавалеры
Достигли службою высоких столь честей?
Ну, много ль бы нашлось на степенях людей,
Когда бы степени за службу раздавались?
И графства с молотка нередко продавались;
А простенький, судейский чин —
Безделица! . . . куплю, и не один!

Тогда в достоинстве сем новом
Могу для каждого я пользу оказать:
За притесненного горою стать,
А сирому служить покровом.
Притом и сам уж сделаюсь не тот;
Не буду никаких домашних знать хлопот.
Куплю побольше слуг, сострою дом огромный,
Прибавлю пашней и садов
И буду в них владелец полный».
Сказал и за десять замков
Любезные червонцы замыкает.

Когда же снова он о почестях мечтает,
Тогда пришли ему сказать,
Что в праздничном наряде,
Как по воскресным дням то исстари в обряде,

Крестьяне юные сошлись поплясать
И ждут его прихода.
«Как будто я живу для них и хорóвода!
Вели одним начать», —
Хозяин отвечал и спрятался подалей,
Чтоб лучше жертвой быть забот, мечты, печалей.
Потом придумал он
Участок золота, назначенного бедным,
Сложить с тем золотом найденным;
Но вдруг за дверью слышит стон:
То бедный был из ближнего селенья;
Знав благодать мудреца, пришел к нему
Просить в напасти вспоможенья.
«Меня, — он говорит, — влекут в тюрьму
За то, что не плачу оброка,
Недели не дают поправиться мне срока!
Ах, сжапись, помощи беде моей!
Скот, рухлядь, хлеб — все выпродано в доме;
Лишь шестеро детей остались на соломе». —
«Ей-ей, —
Наш Крез сказал, — нет ни единой
Копеечки наличными теперь!»
Проситель затворяет дверь,
Без подозрения ко лжи постыдной,
Вздыхнул, — и вон ушел, ни слова не сказав.

Тут, сердце у себя богатый отыскав,
Бежит к крестьянину, бросается на шею,
Дает сто золотых, с признанием в вине;
Потом, собрав народ, живущий в той стране:
«Друзья! — им говорит, — врага я здесь имею!
Спасите от него! С тех пор, как он со мной,
Я сделался ни ваш, ни свой:
Душа моя черствее камня стала.
Сей враг: куски металла! . .
Пусть всяк из вас возьмет единую их часть
И сердцу моему даст прежнее веселье.
В руках у одного они влекут напасть;
По многим разойдясь, приносят утешенье». —
Излишек золота, равно как нищеты,
Всегда покоя враг, нередко правоты.

ОРЛИЦА, ТУРУХТАН И ТЕТЕРЕВ

Орлица
Царица

Над стадом птиц была,
Любила истину, щедроты изливала,
Неправду, клевету с престола презирала.
За то премудрою из птиц она слыла,
За то ее любили,
Покой ее хранили.
Но наконец она всемошною рукой,
По правилам природы,
Прожив назначенные годы,
Взята была судьбой,
А попросту сказать — Орлица жизнь скончала;
Тоску и горести на птичий род нагнала;
И все в отчаяньи горчайши слезы льют,
Унылым тоном
И со стоном
Хвалы покойнице поют.
Что сердцу горестно, легко ли то забыть?
Слеза — души отрада
И доброй памяти награда.
Но — как ни горестно — ее не возвратить...
Пернатые рассуждают,
И так друг друга уверяют,
Что без царя нельзя никак на свете жить
И что царю у них, конечно, должно быть!
И тотчас меж собой совет они собрали
И стали толковать,
Кого в цари избрать.
И наконец избрали...

Великий боже!
Кого же?
Турухтана!

Хоть знали многие, что нрав его крутой,
Что будет царь лихой,
Что сущего тирана
Не надо избирать,
Но должно было потакать, —

И тысячу похвал везде ему трубили:
Иной разумным звал, другие находили,
Что будет он отец отечества всего,
Иные клали всю надежду на него,
Иные до небес ту птицу возносили,
И злого петуха в корону нарядили.

А он —

Лишь шаг на трон,
То хищной тварью всей себя и окружил:
Сычей, сорок, ворон — в павлины нарядил,
И с сею сволочью он тем лишь забавлялся,
Что доброй дичью всей без милости ругался:
Кого велит до смерти заклевать,
Кого в леса дальнейшие сослать,
Кого велит терзать сорокопугу —
И всякую минуту
Несчастья каждый ждал.

Томился птичий род, стонал. . .

В ужасном страхе все, а делать что — не знают!
«Виновны сами мы, — пернаты рассуждают, —
И, знать, карает нас вселенные творец,
За наши каверзы, тираном сим вконец,
Или за то, что мы в цари избрали птицу
Кровопийцу! . . .»

И в горести они летят толпой к леску,
Размыкать там свою смертельную тоску.
Не гимны, Турухтан, тебе дичина свищет,
Возмездия делам твоим тиранским ищет.
Когда народ стенет, всяк час беда, напасть,
Пернаты, знать, злодейств терпеть не станут боле!
Им нужен добрый царь, — ты ж гнусен на престоле!
Коль необуздан ты — твоя несносна власть!

И птичий весь совет решился,
Чтоб жизни Турухтан и царствия лишился.
К такому приступить гораздо делу трудно!

Однако как же быть?
Казалось многим то безумно,
Но чем иным переменить? . .

Ужасно действие и пропасть в нем греха!

Да как ни есть
Свершили мечь —
Убили петуха!
Не стало Турухтана, —
Избавились тирана!

В восторге, в радости, все птицы вне себя,

Злодея истребя,
Друг друга лобызают
И так болтают:

«Теперь в спокойствии и неге заживем,
Как птицу смирную на царство изберем!»
И в той сумятице на трон всяк предлагает:
Кто гуся, кто сову, кто курицу желает,
И в выборе царя у птиц различный толк.

О рок!

Проникнуть можно ли судеб твоих причину?
Караешь явно ты пернатую дичину!
И вдруг сомкнулись все, во всех местах запели,
И все согласно захотели,

Чтоб Тетерев был царь.
Хоть он глухая тварь,
Хоть он разиня бестолковый,

Хоть всякому стрелку подарок он готовый,

Но все в надежде той,
Что Тетерев глухой
Пойдет стезей Орлицы. . .

Ошиблись бедны птицы!
Глухарь безумный их —
Скупяга из скупых,

Не царствует — корпит над скопленной добычью,
И управлять другим несчастной отдал дичью.

Не бьет он, не клюет,
Лишь крохи бережет.

Любимцы ж царство разоряют,
Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают...
Их гнусной прихотью — кто по миру пошел,
Иной лишен гнезда, у них колья не нашел.
Нет честности ни в чем, идет всё на коварстве,
И сущий стал разврат во всем дичином царстве.
Ведь выбор без ума урок вам дал таков:
Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов.

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властью такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь —
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами, —
И, словом, бедными Ногами,
Как шашками, вертишь». —
«Молчите, дерзкие, — им Голова сказала, —
Иль силою я вас заставляю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?» —
«Все это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да между нами, ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться

И можем иногда, споткнувшись, — как же быть, —
Твое величество об камень расшибить».

Смысл этой басни всякий знает. . .
Но должно — тс! — молчать: дурак — кто все болтает.

РЕКА И ЗЕРКАЛО

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, — деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.

Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать —
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твердым гласом говорит:

«Ребенок некогда сердился,
Увидев в зеркале свой безобразный вид;
Ну в зеркало стучать и в сердце веселиться,
Что может зеркало разбить.

Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? Нельзя — и поневоле
Он должен был и стыд и срам питать.
Монарх, стыдись! Ужели это сходство

Прилично для тебя? . .
Я — зеркало: разбей меня,
Река — твое потомство:
Ты в ней найдешь еще себя».

Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать. . .
Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта была на басню походила.

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР И ЗЕФИР

«Какие всюду я ношу опустошенья,
 Лишь дуну — все падет от страшных моих сил! —
 Так, с видом гордого презренья,
 Ветр Южный кроткому Зефиру говорил. —
 Крепчайшие древа я долу повергаю,
 Обширнейших морей я воды возмущаю
 И бурь ужаснейших бываю я творец.
 Скажи, Зефир, мне, наконец,
 Не должен ли моей завидовать ты части?
 Смотри, как разнишься со мною ты во власти!
 С цветочка на цветок порхаешь только ты,
 Или над пестрыми летаешь ты полями;
 Тебе покорствуют лужочки и кусты,
 А я, коль захочу, колеблю небесами». —
 «Тиранствуй, разоряй, опустошая мир,
 Пусть будут все тебя страшиться, ненавидеть, —
 С приятной тихостью сказал ему Зефир, —
 Во мне ж пусть будет всяк любовь и благодать видеть».

ТЕРНОВНИК И ЯБЛОНЯ

Вблизи дороги небольшой
 Терновник с яблонью росли,
 И все, кто по дороге той
 Иль ехали, иль шли,
 Покою яблоне ни мало не давали:
 То яблоки срывали,
 То листья обивали.
 В несчастьи зря себя таком,
 Довольно яблоня с собою рассуждала.
 Потом
 Накрепко предприняла

Обиды все переносить
И всем за зло добром платить.
Терновник, близ ее в соседстве возрастая
И злобою себя единою питаю,
Чрезмерно тем был рад,
Что в горести, в тоске нет яблоне отрад.
«Вот добродетелям твоим какая мзда!
Вот что за них ты получила!
Но если б ты, как я, свою жизнь проводила,
То б ни несчастье, ни беда
Не смели до тебя вовеки прикасаться.
Ты стала б, как и я,
Покоем наслаждаться». —
Терновник, яблоне слова сии твердя,
Над муками ее язвительно смеялся.
Но вдруг — откуда? как? совсем не знаю — взялся
Прохожий на дороге той
И, яблони прельстясь плодами,
Вдруг исполинскими шагами
Подходит к ней — и мощною рукой
Все дерево потрясает.
Валяются яблоки — сюда, туда,
К ногам терновника иное упадает.
Прохожий же тогда,
Не мысля ни о чем, лишь только подбирает
И как-то невзначай за терн он зацепляет, —
Мгновенно чувствует он боль в руке своей,
Зрит рану и зрит кровь, текущую из ней,
И чает,
Что сея злее раны не бывает.
Правдива ль мысль сия?
Кто хочет, тот о том пускай и рассуждает:
Рука! его, а не моя.
Но это пусть всяк знает,
Что в гневе, в ярости своей
Прохожий до корня терновник отсекает.

Читатель! в басне сей
Ты можешь видеть ясно:
Что люди добрые хоть терпят и ужасно,
Хоть сильно гонят их, однакож — почитают,
Злодеев же тотчас, немедля — истребляют.

ЦАРЬ И ПРИДВОРНЫЙ

СКАЗКА

Случилось одному царю в Египте быть
И близ тех пирамид ходить,
Что чудом в свете почитают.
Скажу я правду всю
И ничего не утаю:
Царево зрение пирамиды прельщают.
Придворные ж таких случаев не теряют
И превосходно знают,
Когда и как царю польстить.
И потому один так начал говорить:
«Великий государь! зри камня блеск того,
Что сверху прочие собою прикрывает,
И кои сделаны лишь только для него.
Не верно ль, государь, сие изображает
Народ твой и тебя?»
Не те ли меж тобой и им суть отношенья?..»
Так царь льстецу на то сказал:
«Мой друг, совсем с тобой противного я мненья
И мыслить никогда, как ты, не буду я.
Я вижу, истину сего изображенья,
Которое весьма ты ложно понимал,
И потому желаю,
Чтоб случай сей заметил ты,
За тем, что важным я его весьма считаю:
Тот камень, что свой блеск бросает с высоты,
Разбился б в прах, — частей его не отыскали, —
Когда б минуту хоть одну
Поддерживать его другие перестали».

ВЕРХОВАЯ ЛОШАДЬ

ПРИТЧА

Все люди в свете сем подвержены страстям.
К несчастью, страсти их почти всегда такие,
Что следствия от них бывают им худые.
Всечасно нашим то встречается глазам,
Привержен как иной ко взяткам и крючкам,
Как сильно прилеплен другой к обогащенью,

Иной к вину, тот к развращенью,
Иной к игре, другой к властям. . .
А Клит, читатели, пристрастен к лошадям.
 Не трудно согласиться,
Что бы полезнее то было во сто раз,
 Когда бы всякий между нас
Ко пользе общества желал всегда стремиться;
Но видно этому так скоро не бывать!

Меж тем уж Клит идет ту лошадь торговать,
Которую к нему недавно приводили,
Которою в нем страсть лишь пуше возбудили,
И Клит купил. . . Но что ж? как лошадь ни статна,
 Собой как ни красива,

Погрешность в ней тотчас открылася одна,
А именно: была она весьма пуглива.
Однако этого не ставит Клит бедой,
Он сей порок весьма легко исправить чаёт;
И только что успел приехать он домой,
То способ вот какой на то употребляет:

 Велел тотчас салфетку взять
И лошади глаза покрепче завязать.

 Потом

 Садится на нее верхом
 И скачет близ всего,
Чего пугался конь до случая сего.
С завязанными конь глазами,
 Не зря предметов пред собой,
Мчит смело седока, пыль взносит облаками. . .
 И в ров глубокий, водяной
С собою всадника с стремленьем вовлекает.

О вы, правители скотов или людей,

 Заметьте через опыт сей,

Что тот безумно поступает,

 Кто нужный свет скрывает

 От их очей;

Что скот и человек, когда лишены зренья,

 Опаснее для управленья.

ОСЕЛ

Среди какого-то, однажды, где-то поля
На ветвях тополя владыка птиц сидел,
А близ него (своя ведь всякому есть доля!)

Бродил меж тиною осел.

Соскучилось орлу сидеть, он вдруг расправил
Могучи крылья и к солнцу воспарил.

Задумался осел, траву глотать оставил

И сам с собой заговорил:

«Вот как орел летает!

Да мне же что мешает,

На чудо всем зверям,

Проездитья по небесам?»

Как! разве нам, ослам, нет к солнцу и дороги?

На то ли создан я, чтобы стоять здесь пнем?

Неужели и мы на небо не взмахнем?

Пустое! милосерды боги

Унизят ли осла перед орлом когда?

Плечьми и телом всем наш брат его пошире;

Ему ног дано две, а у меня четыре;

Предлинны уши, хвост — и мне б не влезть туда,

Откуда гордо так изволит он смотреть?

Сейчас же защищу честь нашего народа,

Сейчас же вознесусь я первый из болота.

Глядите все! смотри, дивись, обширный свет!

Осел летит, парит в воздушное селенье!»

И наш осел, дабы исполнить намеренье,

Встал разом на дыбы, напялил в небо глаз,

И — прыг; куда же? вверх? — Нет! прямо, прямо
в грязь.

«Что за диковинка? Чего б недоставало
К летанью мне? Все есть, а вниз упал», —
Осел, вставая, прорычал.
«Безделки: только крыл», — Синичка отвечала.

О вы! рожденные не взлазить на Парнас,
Поймете ли рассказ?

СЫЧ, ФИЛИН, СОВЫ И НЕТОПЫРЬ

Сыч с Филином да две Совы,
В лесу слетевшись, горько выли:
«О горе нам! увы! увы!
За что наш голос не влюбили?
Уж наша ль песнь не песнь! ей-ей!
Нам кажется, что соловей
Ничуть не лучше попевает.
Нам кажется — но лишь начнем,
Лишь только, сладясь, запоем —
Вмиг уши всякий затыкает
И прочь бежит; увы! увы!» —
«О чем это ревете вы? —
Спросил их Нетопырь. — Дубрава
От стону вашего дрожит». —
«Как не реветь! дурная слава
Наш дух и сердце тяготит.
Мы поминутно распевали,
И поминутно нас ругали;
Никто не хочет похвалить!» —
«Обидна клевета, не спорю;
Но вашему, соседи, горю
Я научу, как пособить.
Вы птиц молвой пренебрегите
И с нынешнего ж дня начните
Назло самих себя хвалить.
Я уверяю вас без лести,
Что стоите вы всякой чести».
Тотчас благой его совет
Сыч, Совы с Филином приняли:
Всю ночь друг другу проплескали.

С тех пор, лишь Филин заревет,
Сычи и ну кричать: «Прекрасно!
Как складно! ладно! доброгласно! . . .»
Проклятые! умолку нет.

ВОЛК И ЛИСИЦА

«А! благодетель наш, здорово! —
Вскричала, Волка стрев, Лиса. —
Уж сколько лет и зим мохнатого лица
Любимца Львова
Не видывала я! Да что ж ты так угрюм?
Конечно, надоел тебе придворный шум?
Открой, светлейший Волк: что сделалось с тобою?
Я любопытна знать весьма». —
«Светлейший? Ах, известною порою
Находит и на светлость тьма!
Велят блистать — блестяшь, а там — изволь померкнуть!
Увы! уж лучше во сто раз
Родиться в свет без глаз,
Чем, проглянув на час,
Потом ослепнуть.
Блажен, блажен, кто знает двор
По слуху одному; блажен тысящекратно,
Кого не видит львиный взор,
Не ищет кто и не теряет безвозвратно
Ни места, ни чинов! А я? Несчастный зверь!
Служил вождем у Льва (о сю пору на коже
С десяток видно ран), служил потом вельможей
Там верно, ревностно; не крал, не лгал — теперь?
В отставку выброшен — иль, так сказать, уволен —
Без хлеба, наг и бос, за сорок службы лет!» —
«Молчал бы ты, молчал, — Лиса ему в ответ. —
И наг? и бос? — да цел: так вот и будь доволен,
А не ропщи на царский гнев.
Знать, право, в добрый час великодушный Лев
Тебя от должности отставил,
Что в память верного слуги
Себе он не оставил
Твоих ушей или ноги.

БЫК И ОВЦА

Овечка за реку хотела перейти;
Пошла, но как-то оступилась
И с моста в воду повалилась,
Упала и кричит: «Ахти, тону! ахти,
Тону! спасите!
От бед! избавьте! помогите!»
Услышал крик
Овечкин бык
И к берегу стремглав пустился;
В минуту прибежал и начал... помогать? —
Да, как же бы не так! Бык начал укорять
В неосторожности овцу. «Я здесь явился, —
Сказал толстяк, — чтобы спасительный урок
И увещанье дать. Не стыдно ли враспloch
И рукава спустя в опасности вдаваться?
Как можно на мосту итти и спотыкаться?
Вот, видишь ли теперь, оплошная овца,
С тобою что случилось?
Сама всему виной, сама! Зачем свалилась?
Зачем не береглась? И для чего с конца
Пошла? Держалась бы, держалась середины!
А то нелегкая помчала близ краев!
Ты стоишь, глупая, сей горестной судьбины,
Ты гибнешь по делам!» Оратор из быков
Читал бы долее овце нравоученье,
Но кончилось ее терпенье.
Она ныряла из воды,
Ныряла, наконец нырнула,
В последний раз на белый свет взглянула,
И... утонула.
Ни дать, ни взять у нас одни и те же беды!
Коль на кого судьба оковы
Чугунные взвалит, тому везде
Златые правила готовы;
Рука же помощи — нигде.
Напрасно ищешь сожаленья,
Напрасно слезы льешь кровавы пред людьми.
Ты просишь вспоможенья —
Тебе читают казаньи;

Везде несчастному встречаются быки
И поученья.
Сенеку сыщешь завсегда,
А Флора Силина, поверьте, никогда!

ОРЕЛ И МУРАВЕЙ

Гора высокая стояла —
Такая, что наверх ни птица не взлетала,
Ни зверь не заходил;
А многим, очень многим птицам —
Овсянкам, зябликам, синицам,
Короче — всем хребет горы казался мил.
Кому высокое не кажется приятно,
От мухи до слона и от слона обратно?
Но более всего взор птиц к себе манил
Дуб важный, величавый,
Взросший на челе горы.
Всяк рад втереться в знать, войти в знакомство с славой —
И сокол и нетопыри;
Лебяжий род и род свиной
Пленились дерева вершиной.
Глядят,
На гору поглядят:
Прекрасна, хороша; а дуб? Дуб так прекрасен,
Что невозможно утерпеть
Не испытать к нему на макушку взлететь.
Попытка не беда, кто с этим не согласен?
Не боги же горшки
Скудельны обжигают!
И птицы-смельчаки,
Кто днем, а кто и в ночь, летают да летают.
Но тщетны их труды:
Не только ни одна до дерева вершины
Не возмогла достичь — куды!
Едва ль до половины
Двум, много четверем, подняться удалось.
Ни сил, ни духу нет, терпенья не бывало
Вспорхнуть, но мало-мало
Устанут — и назад, и дело все хоть брось. . .
Орел, один орел (известно, царь пернатых)

Осмелился, взвился, летит, летит — взлетел
 И прямо на дуб сел.
 Любуясь сам собой на ветвях сучковатых,
 Он так там рассуждал:
 «Уж подлинно гора! Довольно я летал
 На Ост, и Зюд, и Норд, и Вест, — под облаками,
 Под солнцем и под небесами, —
 Но с роду не видал
 Такой горы высокой!
 По чести говорю, что только разве око
 Сюда всех может досягать,
 А здесь витать
 Орлу лишь суждено судьбою.
 Нет, птички, нет! сюда чресчур вам далеко;
 Весь мир у ног — и вы такую высоту. . .» —
 «Да, нечего сказать, довольно высоко!» —
 Вдруг кто-то произнес. И что ж? Перед собою
 Кого б, вы думали, орел
 Узрел?
 На той же на горе, на том же дубе самом,
 На дубе важном, величавом,
 Он видит близ себя
 Крупинку — муравья!!
 «Возможно ли? — воскликнул птиц владыка. —
 Возможно ли? Ты, тварь, ничтожная толико,
 Ты там же, где и я?
 Не ветры ль занесли тебя?
 Скажи: как наряду с орлом ты очутился?» —
 «Весьма некстати ты столь много удивился, —
 Ответствовал орлу на сделанный вопрос
 Смиренный муравей: — Ты очень схож со мною;
 Терпенье и талант равны между собою;
 Ты силен — ты взлетел, я слаб — так я всполоз».

ОСЛЫ

Ослов здоровых, дюжих пара
 Шум страшный завели
 Близ хлебного амбара,
 Куда на их хребтах мякину привезли.

«О ты, — сказал один, — о ты, в котором
Ума ни капли нет! Наиглупейшим вздором

Твоя набита голова!

Прямой осел, дурак. . .» — «Скотина ты, скотина! —

Ответствовал другой на первого слова. —

Тебя кругом обидела судьбина;

Итак, тебе ли рассуждать

Со мной о разуме досталось?» —

«С тобой? Кем запятналось

Все поколение ослов? Отца и мать,

И прадеда, и деда —

Всех, всех ты осрамил!» —

«Животное! Да чем?» — «Урод! Или забыл,

Что ты не говоришь, а врешь». — «Я вру? Отведай

Получше что-нибудь сказать». —

«Умолкни, подла тварь». — «Что, что? Молчать? Молчать

Перед тобой, навозным гадом?

Не стану». — «О! так я клянусь тебе и адом,

И небом, и землей, — чем хочешь, — что тебя

Заставлю уважать себя;

Без милосердия сей час же изувечу!»

И сей же час осел ослу

Дал славного туза. «Врага геройски встречу! —

Вскричал обиженный. — Будь к равному числу

Ударов ты готов! копыта я имею,

Взбешен, сердит: итак, озорнику, злодею,

Враю не уступлю, не перестану мстить

За честь мою тебе; давай друг друга бить!» —

«Давай!» И бой начался.

Кто замечать старался,

Тот верно видел, что всегда, у всех ослов

От бранных слов

Доходит дело вмиг до драки. . .

На брань не скупы и писаки.

Писаки, — так, ни то, ни се, — да их война

Для тела и души нимало не вредна;

А вот кто больно, больно

За честь колоться рад, кто шпагой. . . но довольно.

Дворянской гордости струна

Известна, думаю, давно и без меня,

ПЕТУХ И АЛМАЗ

В обыкновенну пору,
Селянам возвестя наставший утра час,
Взлетел петух на кучу сору
И, разгребаячи ее, нашел — алмаз.
«Какая вещь! И ты под кучей
Меж щепками лежишь? — он сам себе сказал. —
Недаром же все люди случай
Зовут слепым. На что петух тебя сыскал?
Клевать камня я не сроден,
А станется, что ты к чему-нибудь и годен.
Художнику твоя известнее цена.
Но для меня
Ты хуже хлебного зерна».

На что и трусу меч? Злой женщине приятства?
На что глупцу и честь, и слава, и богатства?

ГОЛУБЬ ИСТОРИК

Задумал голубь быть историком зверей;
На правду много ли затей?
Сходил к бобру в архив, спросил того, другого,
Кто с беспристрастием короче всех знаком,
Кто честностью живет — так дело и с концом,
И бытопись у голубя готова. —
Да что за бытопись! В ней лести ни полслова:
Нагая истина везде
Сняла, как брильянт в прозрачной воде.
Дела больших зверей и маленьких зверишек,
Начав от льва и до маргышек,
С возможной верностью наш голубь описал
И в свет Историю, как водится, издал.
Все, все ее читали.
Все голубя до смерти выхваляли
В глаза, а за глаза пошел иначе толк.
Озлился первый волк;

«Историк всех волков до крайности обидел:
Кто, волки, чудеса из вас такие видел,
Чтобы я мясо ел?»
«А кто, — промолвил тигр, вздымая страшно брови, —
Кто, звери, усмотрел,
Чтоб я охотник был до крови?»
«А кто, — пристал и крот, — захочет на меня
Всклепать, что будто бы ни зги не вижу я?»
«А кто, — рыча, осел к словам крота прибавил, —
Кто скажет, чтобы я на дурака был схож?
Вот ложь-то, так уж ложь!
Представьте! И осла он даже обесславил!»
«Чего клеветнику на ум ни прибрело! —
Таща лисица за крыло
Историка, зверям сказала. —
Вот он! Я с ним на суд, суд праведный предстала;
Скажите: кто и где слышал
Такую небылицу,
Чтоб смиренный род лисиц кур ночью воровал?
Видали ль хоть одну лисицу
В курятнике когда?»
«Не видывали никогда!» —
И тигр, и волк, и крот с ослом ей отвечали.
«Смерть голубю лгуну! сейчас злодей умрет!» —
С сим словом бросились к нему и зверь и скот —
По перышку бедняжку растерзали.

Диковинка ль!? Везде за правду погибали!

РАК И СЫН ЕГО

Рак раку говорил: «Как, сын, тебе не стыдно
Все вкось да вкось ходить. По чести, мне обидно
На эту выступку смотреть! Будь, сын, умней;
Принудь себя; поди прямой». —
«Согласен! —
Отцу он отвечал, —
Но, батюшка, ведь я родяся не видал,
Чтоб кто-нибудь из нас не криво выступал.

Итак, дабы мой труд остался не напрасен,
Извольте наперед шажка два-три ступить,
Извольте вы, а я за вами».

Тот добродетели нас может научить,
Кто учит добрыми делами.
Вотще чернит порок пустая голова:
Пример над юными сердцами
Сильнее действует, чем красные слова.

СОН МОГОЛЬЦА

Однажды доброму могольцу снился сон,
Уж подлинно чудесной:
Вдруг видит, будто он,
Какой-то силой неизвестной,
В обитель вознесен всевышнего царя,
И там — подумайте! — находит визиря.
Потом открылася пред ним и пропасть ада,
Кого ж — прошу сказать — узнал он в адской мгле?
Дервиша. . . да, дервиш, служитель Ороздада,

В котле,

В клокочущей смоле

На ужин дьяволам варился.

Моголец в страхе пробудился;

Скорей бежать за колдуном;

Поклоны в пояс; бьет челом:

«Отец мой, изъясни чудесное виденье». —

«Твой сон есть божий глас, — колдун ему в ответ, —

Визирь в раю за то, что в области сует,

Средь пышного двора, любил уединенье.

Дервишу ж поделом: не будь он суесвят;

Не ползай перед тем, кто силен и богат;

Не суйся к визирям ходить на поклоненье».

Когда б, не бывши колдуном,

И я прибавить мог к словам его два слова,

Тогда смиренно вас молил бы об одном:

Друзья, любите сень родительского крова;

Где ж счастье, как не здесь, на лоне тишины,

С забвением сует, с беспечностью свободы?

О блага чистые, о сладкий дар природы!

Где вы, мои поля? Где вы, любовь весны?

Страна, где я расцвел в тени уединенья,
Где сладость тайная во грудь мою лилась,
О рощи, о друзья, когда увижу вас?
Когда, покинув свет, опять без принужденья
Вкушать мне вашу сень, ваш сумрак и покой?
О! кто мне возвратит родимые долины?
Когда, когда и Феб и дщери Мнемозины
Придут под тихий кров беседовать со мной?
При них мои часы весельем окрыленны;
Тогда постигну ход таинственных небес
И выпренных светил стези неоткровенны.
Когда ж не мой удел познание сих чудес,
Пусть буду напоен лесов очарованьем,
Пускай пленяюсь источников журчаньем,
Пусть буду воспевать их блеск и тихий ток!
Нить для меня совется не из золота;
Мой низок будет кров, постеля не богата;
Но меньше ль бедных сон и сладок и глубок?
И меньше ль он души невинной усладенье?
Ему преобращу мою пустыню в храм;
Придет ли час отбыть к неведомым брегам —
Мой век был тихий день, а смерть успокоенье.

ИСТИНА И БАСНЯ

Однажды Истина нагая,
Оставя кладезь свой, на белый вышла свет.
Бог с ней! Не пригожа, как смерть худая,
Лицом угрюмая, с сутулиной от лет.
Стук-стук у всех ворот: «Пустите, ради бога!
Я Истина, больна, устала, чуть хожу!
Морозно, ветрено, иззябла и дрожу!» —
«Нет места, матушка! счастливая дорога!» —
Везде ей был ответ.
Что делать? на бок лечь, пусть снегом занесет!
Присела на сугроб, стучит зубами!
Вдруг Басня, в золоте, облитая парчой,
А правду молвить — мишурой,
Обнизанная жемчугами,
Вся в камнях дорогих,
Блистающих, как жар, хотя фальшивых,

На санках золотых,
На тройке рысаков красивых
Катит, и прямо к ней. — «Зачем ты здесь, сестра?
Одна! В такой мороз! Прогулкам не пора!» —
«Ты видишь, зябну! Люди глухи:
Никто мне не дает приюта ни на час.
Я всем страшна! мы жалкий люд, старухи:
Как будто от чумы, все бегают от нас!» —
«А ты ведь мне большая,
Не хвастаясь сказать! Ну то ли дело я?
Весь мир моя семья!
И кто ж виной? Зачем таскаешься нагая?
Тебе ль не знать, мой друг, что маску любит свет?
Изволь-ка выслушать мой сестринский совет:
Нам должно быть дружнее и жить не так, как прежде,
Жить вместе; а тебе в моей ходить одежде.
С тобой и для меня отворит дверь мудрец,
Со мною и тебя не выгонит глупец;
А глупым нынче род — и род весьма обильный!»
На Басню обративши взор,
К ней в сани прыг. . . летят и следу нет! С тех пор
Везде сестрицы неразлучно:
И Басня не глупа, и с Истиной не скучно!

ОРЕЛ И ЖУК

Орел, пусться из туч, на кролика напал.
Бедняк, без памяти, куда бы приютиться,
На норку жука набежал;
Не норка — щель; ему ли в ней укрыться?
И лапке места нет! Наш кролик так и сяк,
Свернувшись в кулак,
Прилег, дрожит. Орел за ним стрелюю
И хочет драть. Жучок приполз к его ногам:
«Царь птиц! и я, и он — ничто перед тобою!
Но сжался, пощади! Позор обоим нам,
Когда в моей норе невинность растерзаешь!
Он мой сосед, мой кум! Мы старые друзья!
Ты сам, мой царь, права гостеприимства знаешь;
Смягчись, или пускай погибну с ним и я!»

Орел с улыбкою надменной,
Ни слова не сказав, толкнул жучка крылом,
Сшиб с места, оглушил, а кума, смявши в ком,
Как не бывал! Жучок, жестоко оскорбленный,
В гнездо к орлу и вмиг яички все побил:
Яички, дар любви, надежду, утешенье!
Хотя б одно, хотя б одно он пощадил!
Царь птиц, узря в гнезде такое разоренье,
Наполнил криком лес;

Стенает:

О ярость! Кто сей враг? Кому отмстить? Не знает!
Напрасно сетует: среди пустых небес
Отчаянного стон бесплодно исчезает.
Что делать! До весны утечи отложить,
Гнездо ж повыше свить.

Пришла весна! в гнезде яички! Матка села.
Но жук не спит, опять к гнезду, — яичек нет!
Увы! едва ль взглянуть на них она успела!
Страданье выше мер! Грустит! Противен свет!
И эхо целый год не стихнуло в дубраве!

Отчаянный орел

К престолу Зевса полетел
И мыслит: «Кто дерзнет к сидящему во славе
С злодейской мыслью приступить!
Днесь будет бог богов детей моих хранить!
Где место безопасней в мире?
Осмелюсь, хищники, подняться к небесам!»
И яйца кладет на Зевсовой порфире.
Но жук — проворен сам —
На хитрости пустился:

Он платье вечного закапал грязью. Бог —
Который пятнышка на нем терпеть не мог —
Тряхнулся, — яйца хлоп! Орел взбесился,
На Зевса окрик: «Я сейчас с небес долой!
Оставляю и тебя, и гром, и нектар твой!

В пустыню спрячусь! Бог с тобою!»
Всевышний струсил, звать жучка; жучок предстал;
Что было, где и как, Зевесу рассказал,
И вышло, что орел один всему виною.
Мирить их: кстати ли! и слышать не хотят!
Что ж сделал царь вселенной?

Нарушил ход вещей, от века утвержденной:
С тех пор, когда орлы на яйцах сидят,
Род жучий, вместе с байбаками,
Не видя света, скрыт под снежными буграми.

СОКОЛ И ГОЛУБКА

Голубку сокол драл в когтях.
«Попалась! ну, теперь оставь свои затеи!
Плутовка! Знаю вас! Ругательницы, змеи!
Ваш род соколю вечный враг!
Есть боги-мстители!» — «Ах, я б того желала!» —
Голубка, чуть дыша, измятая стенала. —
«Как! как! Отступница! не веровать богам!
Не верить силе провиденья!
Хотел тебя пустить; не стоишь, вижу сам;
Умри! безбожным нет прощенья!»

МАРТЫШКА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ КИТАЙСКИЕ ТЕНИ

Творцы и прозой и стихами,
Которых громкий слог пугает весь Парнас,
Которые понять себя не властны сами,
Поймите мой рассказ!
Один фигляр в Москве показывал мартышку
С волшебным фонарем. На картах ли гадать,
Взбираться ль по шнуру на крышку,
Или кувиркаться и вприсядку плясать
По гибкому канату,
Иль, спичкой выпрямься, под шляпою с пером,
На задни лапки став, ружьем,
Как должно прусскому солдату,
Метать по слову артикул:
Потап всему горазд. Не зверь, а утешенье!
Однажды в воскресенье
Хозяин, подкурив, на улице заснул.
Потапке торжество. «Уж то-то погуляю!
И я штукарь! И я, народ как тешить, знаю!»
Бежит, зовет гостей:
Индюшек, поросят, собак, котят, гусей!

Сошлись. «Сюда! Сюда! скорей скамьи, подушки
В закуту господам!

Добро пожаловать; у входа ни полушки,
Из чести игрище!» Уж гости по местам,
Приносится фонарь, все окна затворились,
И свечи потушились.

Потап в суконном колпаке,

С указкою в руке,

С жеманной харею, явился пред собором;

Пренизкий всем поклон;

Потом с кадушки речь, как Цицерон:

Заставил всех зевать и хлопать целым хором!

Довольный похвалой,

С картинкою стекло тотчас в фонарь вставляет!

«Смотрите: вот луна, вот солнце! — возглашает. —

Вот с Евою Адам, скоты, ковчег и Ной!

Вот слабый царь-горох с морковкою-царицей!

Вот журка-долгонос обедает с лисицей!

Вот небо, вот земля... Что? видно ли?»

Моргают, морщатся, кряхтят! Глядят, —

Напрасно! Нет следа великолепной сцены!

«По чести, — кот шепнул, — кудрявых много слов!

Но, бог с ним, где он взял царей, цариц, скотов!

Зги божьей не видать! Одни впотемках стены!» —

«Темно, соседушка, скажу и я», —

Промолвила свинья.

«Мне видится! вот! .. вот! .. Я, правда, близорука!

Но что-то хорошо! Ой старость! То-то скука!

Уж было бы о чем с детьми поговорить!» —

Индейка крикала, хлоп-хлоп сквозь сон глазами.

А наш Потап? Кричит, гремит, стучит ногами!

Одно лишь позабыл: фонарь свой осветить!

ССОРА ПЛЕШИВЫХ

Два кума лысые дорогой шли

И видят, что-то на траве блистает.

«Ну! — думают. — Мы клад нашли!»

«Моя находка!» — «Вздор!» Уж кума кум толкает

И в спину и в бока!

Увы! последнего седого хохолка
На гладких лысинах не стало!
 За что же дело стало?
 За что свирепый бой?
 За гребень роговой!

ЦАПЛЯ

Однажды цапля-долгошея
На паре длинных ног путем-дорогой шла;
Дорога путницу к потоку привела.
День красный был; вода, на солнышке светлея,
Казалась в тишине прозрачным стеклом;
В ней щука-кумушка за карпом-куманьком,
 У берега резвясь, гонялась.
Что ж цапля? Носом их? Ни крошки: зазевалась,
Изволит отдыхать, глазеть по сторонам
 И аппетита дожидаться:
Ее обычай был обедать по часам
И диететики Тиссотовой держаться.
Приходит аппетит; причудница в поток;
Глядит: вдруг видит, линь, виль-виль, со дна поднялся!
То вверх на солнышко, то книзу на песок!
Сластене этот кус несладким показался, —
 Скривила шею, носом щелк:
«Мне, цапле, есть линя! Мне челядью такую
 Себя кормить? И впрямь! Хорош в них толк!
 Я и трески клевнуть не удостою!»
Но вот и линь уплыл, пожаловал пискарь.
«Пискарь? Ну что за статья! Таковую удить тварь,
Поганить только нос! Избави бог от срама!»
 Ой ты, разборчивая дама!
Приструнил голод! Что? Глядишь туда-сюда?
 И лягушоночек теперь тебе еда!

Друзья мои, друзья! Не будем прихотливы!
Кто льстилса много взять, тот часто все терял.
Одною скромностью желаний мы счастливы!
Никто, никто из нас всего не получил.

МАРТЫШКИ И ЛЕВ

Мартышки тешились лаптой;
Вот как: одна из них, сидя на пне, держала
В коленях голову другой;
Та, — лапку на спину, — зажмурясь, узнавала,
Кто бил. Хлоп-хлоп! «Потап, проворней! Кто?» —
«Мирошка!» —
«Соврал!» И все, как бесы, врозь!
Прыжки; кувырканье вперед, и взад, и вкось;
Крик, хохот, писк! Одна мяукает как кошка,
Другая, ноги вверх, повисла на суку;
А третья ну скакать сорокой по песку!
Такого поискать веселья!
Вдруг из лесу на шум выходит лев,
Ученый, смиренный принц, брат внучатный царев:
Ботанизировал по роще от безделья.
Мартышкам мат;
Ни пикнут, струсили, дрожат!
«Здесь праздник! — Лев сказал: — Что ж тихо?
Забавляйтесь,
Играйте, детушки, не опасайтесь!
Я добр! Хотите ли, и сам в игру войду!» —
«Ах, милостливый князь, какое снисхожденье!
Как вашей светлости быть с нами наряду!
С мартышками играть! Ваш сан! Наш долг!
Почтенье! . . .» —
«Пустое! Что за долг! Я так хочу! Смелей!
Не все ли мы равны! Вы б сами то ж сказали,
Когда бы так, как я, философов читали!
Я, детушки, не чван! Вы знатности моей
Не трусьте! Ну, начнем!» Мартышки верть глазами,
И, веря (как и все) приветника словам,
Опять играть, гвоздить друг друга по рукам.
Брат царский — хлоп! — и вдруг под царскими когтями
Из лапки брызжет кровь ключом!
Мартышка — ой! — и прочь, тряся хвостом;
Кто бил, не думав, отгадала;
Однако промолчала.
Хохочет князь; другие, рот скривя,
Туда ж за барином смеются,
Хотя от смеха слезы льются;

И задом, задом — в лес! Бегут и про себя
Бормочут: не играй с большими господами!
Добрейшие из них — с когтями!

КОТ И МЫШЬ

Случилось так, что кот Федотка-сыроед,
Сова Трофимовна-сопунья,
И мышка-хлебница, и ласточка-прыгунья,
Все плуты, сколько-то, не помню, лет,
Не вместе, но в одной дуплистой, дряхлой ели
Пристанище имели.
Подметил их стрелок — и сетку на дупло.
Лишь только ночь от дня свой сумрак отделила
(В тот час, как на полях ни темно, ни светло,
Когда, не видя, ждешь небесного светила),
Наш кот из норки — шасть, — и прямо бряк под сеть.
Беда Федотушке! Приходит умереть!
Копышется, хлопочет,
Взмяукался наш кот.
А мышка-вор — как тут! Ей пир, в ладоши бьет.
Хохочет.
«Соседушка, нельзя ль помочь мне? — из сетей
Сказал умильно узник сй. —
Бог добрым воздаянье!
Ты ж, нещечко мое, душа моя, была,
Не знаю почему, всегда мне так мила.
Как свет моих очей! Как дневное сиянье!
Я нынче к завтрене спешил
(Всех набожных котов обыкновенье),
Но, зная, неведеньем пред богом погрешил,
Зная, окаянному за дело искушенье!
По воле вышнего под сеть попал!
Но гневный милует: несчастному в спасенье
Тебя мне бог сюда послал!
Соседка, помоги!» — «Помочь тебе! Злодею!
Мышатнику! Коту! С ума ли я сошла!
Избавь его, себе на шею!» —
«Ах, мышка! — молвил кот. — Тебе ль хочу я зла?
Напротив, я с тобой сейчас в союз вступаю!
Сова и ласточка твои враги;

Прикажешь? Вмиг их уберу!» — «Я знаю,
Что ты сластена, кот! Но слов побереги:
Меня не обмануть таким красивым слогом!

Глуха я! Оставайся с богом!»

Лишь хлебница домой,
А ласточка уж там: назад! на ель взбираться!
Тут новая беда: столкнулася с совой.

Куда деваться?

Опять к коту; грызть, грызть тетета!

Удалось!

Благочестивый распутлялся;
Вдруг ловчий из лесу с дубиной показался,
Союзники скорей давай бог ноги, врозь!

И тем все дело заключилось.

Потом опять коту увидеть мышь случилось:

«Ах, друг мой, дай себя обнять!

Боишься? Постыдись; твой страх мне оскорбленье!
Грешно союзника врагом своим считать!

Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,

Что ты моя вторая мать?» —

«А я могу ль не знать,

Что ты котиче-объедало?

Что кошка с мышкою не ладят никогда!

Что благодарности в вас духу не бывало!

И что по нужде связь не может быть тверда?»

СУРКИ И КРОТ

Свои нам недостатки знать

И в недостатках признаваться —

Как небо и земля; скорей от бед страдать,

Чем бед виною называться!

В пример вам расскажу не басенку, а быль.

Чудна, но справедлива.

Я очевидец сам такого дива

И, право, не хочу пускать в глаза вам пыль!

Однажды на лужок, лишь только солнце село,

Проказники сурки

Сошлись играть в езд, в гулючки, в уголки

И в жмурки! Да, и в жмурки! Это дело

Так верно, как я здесь, и вот как: осокой

Тому, кому ловить, завязывались глазки,
 Концы ж повязки
 Под морду в узелок; а там — бреди слепой!
 Слепой бредет! другие же беситься,
 Кувыркаться, скакать кругом;
 Тот под нос шиш ему, тот в зад его пинком;
 Тот на ухо свистит, а тот пред ним вертится,
 Коверкаясь как бес!
 Бедняжка лапки вверх, хватъ-хватъ, не тут-то было!
 И где поймать таких увертливых повес!
 Ловить бы до утра! Но счастье пособило:
 Возню услышав под землей,
 Из норки вылез крот, монах слепой!
 Туда ж играть с сурками!
 Растешился, катит и прямо — бряк! — в силки.
 Сурки
 Сошлись и говорят: «Он слеп, а мы с глазами!
 Не лучше ли его. . .» — «И, братцы, что за срам! —
 Ворчит надувшись крот. — Игра игрою!
 Я пойман! Мне ловить, с повязкой, как и вам». —
 «Пожалуй! Но с твоей, приятель, слепотою
 Не будет ли нам грех давить тебя узлом?» —
 «О, это уж обидно!
 Как будто и играть невместно мне с сурком!
 Стяни, сударь! еще! еще стяни! мне видно!»

ПОХОРОНЫ ЛЬВИЦЫ

В лесу скончалась львица.
 Тотчас ко всем зверям повестка. Двор и знать
 Стеклись последний долг покойнице отдать.
 Усопшая царица
 Лежала посреди пещеры на одре,
 Покрытом кожею звериной;
 В углу на алтаре
 Жгли ладан, и Потап с смиренной образиной —
 Потап мартышка, ваш знакомец, в нос гнуса,
 С запинкой, заунывным тоном,
 Молитвы бормотал. Все звери, принося
 Царице скорби дань, к одру, с земным поклоном,
 По очереди шли и каждый в лапу — чмок;

Потом поклон царю, который над женою,
 Как каменный, сидя и дав свободный ток
 Слезам, кивал лишь молча головою
 На все поклонников приветствия в ответ.
 Потом и вынос. Царь выл голосом, катался
 От горя по земле, а двор за ним вослед
 Ревел, и так ревел, что гулом возмущался
 Весь дикий и обширный лес;
 Еще ж свидетели с божбой нас уверяли,
 Что суслик, камергер, без чувств упал от слез
 И что лисицу с час мартышки оттирали!
 Я двор зову страной, где чудный род людей:
 Печальны, веселы, приветливы, суровы;
 По виду пламенны, как лед в душе своей;
 Всегда на все готовы;
 Что царь, то и они; народ-хамелеон;
 Монарха обезьяны;
 Ты скажешь, что во всех единый дух вселен;
 Не люди, сущие органы:
 Завел — поют, забыл завесь — молчат. . .
 Итак, за гробом все и воют и мычат,
 Не плачет лишь олень. Причина? Львица съела
 Жену его и дочь. Он смерть ее считал
 Отмщением небес. Короче, он молчал.
 Тотчас к царю лиса-лестюха подлетела
 И шепчет, что олень, бессовестная тварь,
 Смеялся под рукою.
 Вам скажет Соломон, каков во гневе царь!
 А как был царь и лев, — он гривою густою
 Затряс, хвостом забил. . .
 «Смеяться, — возопил, —
 Тебе, червяк? Тебе! Над их стенаньем!
 Когтей не посрамлю преступника терзаньем,
 К волкам его! К волкам!
 Да вмиг расторгнется ругатель по частям:
 Да казнь его смирит, в обителях Плутона,
 Царицы оскорбленной тень!»
 Олень,
 Который не читал пророка Соломона,
 Царю в ответ: «Не сетуй, государь,
 Часы стенаний миновались!
 Да жертву радости положим на алтарь!»

Когда в печальный ход все звери собирались
И я за ними вслед бежал,
Царица пред меня в сияньи вдруг предстала;
Хоть был я ослеплен, но вмиг ее узнал.
«Олень! — святая мне сказала. —
Не плачь! Я в области богов,
Беседую в кругу зверей преобразенных!
Утешь со мною разлученных!
Скажи царю, что там венец ему готов!»
И скрылась». — «Чудо! откровенье!» —
Воскликнул хором двор.
А царь, ослабя взор,
Сказал: «Оленю в награжденье
Даем два луга, чин и лань!»

Не правда ли, что лесть всегда приятна дань?

КОТ И ЗЕРКАЛО

Невежды-мудрецы, которых век проходит
В искании таких вещей,
Каких никто никак в сем мире не находит,
Последуйте коту и будьте поумней!
На дамском туалете
Сидел Федотка кот
И чистил морду. . . Вдруг, глядь в зеркало: Федот
И там. Точь-в-точь! Сходней двух харей нет на свете.
Шерсть дыбом, прыг к нему, и мордой щелк в стекло,
Мяукнул, фыркнул! . . «Понимаю!
Стекло прозрачное! Он там! Поймаю!»
Бежит. . . О, чудо! — никого.
Задумался, куда б так скоро провалиться?
Бежит назад! Опять Федотка перед ним!
«Постой! я знаю как! уж быть тебе моим!»
Наш умница верхом на зеркало садится,
Боясь, чтоб, ходя вокруг, кота не упустить
Или чтоб там и тут в одну минуту быть!
Припал, как вор, вертит глазами;
Две лапки здесь, две лапки там;
Весь вытянут, мурчит, глядит по сторонам;
Нагнулся. . . Вот опять хвост, лапки, нос с усами.

Хвать-хвать! когтями цап-царап!
Дал промах, сорвался и бух на столик с рамы;
Кота же нет как нет. Тогда, жалея лап
 (Заметьте, мудрецы упрямы!)
И ведать не хотя, чего нельзя понять,
Федот наш зеркалу поклон отвесил низкий;
А сам отправился с мышами воевать,
Мурлыча про себя: «Не все к нам вещи близки!
Что тягостно уму, того не нужно знать!»

КАПЛУН И СОКОЛ

Приветы иногда злых умыслов прикраса.

Один

Московский гражданин,

Пришлец из Арзамаса,

Матюшка-долгохвост, по промыслу каплун,

На кухню должен был явиться

И там на очаге с кухмистером судиться.

Вся дворня взбегалась: цып-цып — цып-цып! — Шалун,

Проворно,

Смекнувши, что беда,

Давай бог ноги! — «Господа,

Слуга покорный!

По мне, хотя весь день извольте горло драть,

Меня вам не прельстить учтивыми словами!

Теперь: цып-цып! А там меня щипать

Да в печку! Да сморчками

Набивши брюхо мне, на стол меня! А там

И поминай как звали!»

Тут сокол-крутонос, которого считали

По всей округности примером всем бойцам,

Который на жерди, со спесью соколиной,

Раздувши зоб, сидел

И с смехом на гоньбу глядел,

Сказал: «Дурак каплун! с такой, как ты, скотиной

Из силы выбился честной народ!

Тебя зовут, а ты, урод,

И нос отворотил, оглох, ко всем спиною!

Смотри пожалуй! я тебе ль чета? но так

Не горд! лечу на свист! глухарь, дурак,

Постой! хозяин ждет! вся дворня за тобою!»
Капун, кряхтя, пыхтя, советнику в ответ:
«Князь-сокол, я не глух! Меня хозяин ждет?
Но знать хочу, зачем? А этот твой приятель,
Который в фартуке, как вор с ножом,
Так чванится своим узорным колпаком,
(Конечно, каплунов усердный почитатель)
Прогневался, что я не падок к их словам!

Но если б соколам,
Как нашей братье, каплунам,
На кухне заглянуть случилось
В горшок, где б в кипятке их княжество варилось,
Тогда хозяйский свист и их бы не провел;
Тогда б, как скот-капун, черкнул и князь-сокол!»

ГОЛУБКА И СОРОКА

Голубка двор об двор с сорокою жила,
Сокровищем, а не соседкой.
В гнезде одной любовь цвела;
У той, напротив, день без шума редкой,
Битье яиц, ворчанье, спор!
Лишь только пьяный муж сороку поколотит,
Она тотчас лететь к соседушке на двор,
Щебечет, крехчет, вопит:
«Ох, горьку, мать моя, пришлось мне чашу пить!
Уж видно так и век прожить!
Дал бог мне муженька! Мучитель окаянной!
Житья нет! Бьет меня беспощинно, безданно!
Ревнивец! А как сам — таскаться за совой!»
Голубка слушала, качая головой.
«И ты, — промолвила соседка, — не святая!» —
«То так, не без греха! Случается и мне
И лишнее сказать, и спорить, и в вине
Признаться не хотеть, неправду утверждая;
Но это все пустяк!» — «И, нет! Какой пустяк!
Напротив, мой совет: когда не любишь драк,
Исправь себя!» — «А в чем прикажете исправить?
Исправь! Советница! Смешна с своим умом!
Взялась других учить, собой не смысла править!
Сиди-ка над гнездом!»

3 Голубка и сорока

Голубки дворь обь дворь обь сорокою жила,
Сокровищель оу кесоспадкоу
Въ сряздь однихъ лвдовъ цвгла, Э
Утой, ка противъ оубъ лавъ шула ридкой,
Битбеллиць, сорядкбс, спорь.
Лавб толбко пьалбми музъ сорону поколотиць,
Ока стоплассь летать нъ соспадухъ надворь,
Щурьбгитъ, крехлатъ, богитъ —
Охъ, ворьку, матъ мол, пришлось бмнъ гашу пьтъ,
Уфъ видко тоибъ и вьнв пражитъ!
Давъ бовъ тмъ музкелька! музильб олоякной!
Житбля крптъ! оветъ меня лавъ пошлннко бьзданно
Рвкннвель! а нонь салъ ттаскнотся за собою! —
Голубка слушала, кагал голубой?
И тбъ, пракилвила, сосадка, не святтал! —
То такъ, ке бовъ грюжа! случается и мнн
И лишнее спазатъ, и споритъ, и въ бинь
Принкнаться кезотитъ, кеправду утврждвая,
Но эти вьсѣ пустяки! — „Н: кптъ! кншайтустакъ!
Мнѣтннвѣд, мнн совгитъ: куда кеждь бмнъ брань
Поправъ себя! — а въ зель прикарель поправитъ!
Поправъ! совтпкнщель! смншн а своихъ улншн!
Взялассь друцкн угаѣб, собою кеслбсья правитъ!
Сиди - ка кеудъ етлздомъ!
Узотъ лднн! въ зель себл кождаб кн обвннлн,
Все пьалбко дѣлпго, зтобъ нлз опровержалн.

СТАРЫЙ КОТ И МОЛОДОЙ МЫШОНОК

Один неопытный мышонок

У старого кота под лапою пищал,
И так его, в слезах, на жалость преклонял:
«Помилуй, дедушка! Ведь я еще ребенок!

Как можно крошечке такой, как я,
Твоим домашним быть в отягощенье?

Твоя хозяйюшка и вся ее семья
Придут ли от меня, малютки, в разоренье?
И в чем же мой обед? Зерно, а много два!

Орех мне — на неделю!

К тому ж теперь я худ! Едва-едва
Могу дышать! Вчера оставил лишь постелю;
Был болен! Потерпи! Пусты меня пожить!
Пусть деточки твои меня изволят скушать!» —

«Молчи, молокосос! Тебе ль меня учить?
И мне ли, старику, таких рассказов слушать!
Я кот и стар, мой друг! прощенья не жди,

А лучше, без хлопот, поди

К Плутону, милости его отведашь!

Моим же деточкам всегда есть что обедать!»
Сказал, мышонка — цап! Тот пискнул и пропал.
А кот, покушавши, ни в чем как не бывал!

Ужель рассказ без поученья?

Никак, читатель, есть!

Всем юность льстит себя! все мыслит приобрести!

А старость никогда не знает сожаленья!

СОКОЛ И ФИЛОМЕЛА

Летел сокол. Все куры всхлопотались
Скликать цыплят; бегут цыпляточки, прижались
Под крылья к маткам; ждут, чтобы напасть прошла.

Певица Филомела,

Которая в лесу пустынною жила,
И в тот час, на беду, к подружке полетела

В соседственный лесок,

Попалась к соколу. «Помилуй, — умоляет, —
Ужели соловьев соколией род не знает!

Какой в них вкус! один лишь звонкий голосок, —
И только! Вам, бойцы, грешно нас, певчих, кушать!
Не лучше ль песенки моей послушать?

Прикажешь ли? Спою

Про ласточку, сестру мою. . .

Как я досталась безбожнику Терею. . .» —

«Терей! Терей! Я дам тебе Теря, тварь!

Годится ль твой Терей на ужин?» — «Нет, он царь!

Увы! Сему злодею

Я вместе с Прогною сестрой

На жертву отдана безжалостной судьбой!

Склони соколий слух к несчастной горемыке!

Гармония мила чувствительным сердцам!» —

«Конечно! Натощак и думать о музыке!

Другому пой! Я глух!» — «Я нравлюсь и царям!» —

«Царь дело, я другое!

Пусть царь и тешится музыкою твоей!

Для нас, охотников, она — пустое!

Желудок тощий — без ушей!»

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ

Солнцу раз сказал Борей:

«Солнце, ярко ты сияешь!

Ты всю землю оживляешь

Теплотой своих лучей! . .

Но сравнишься ль ты со мною?

Я сто раз тебя сильнее!

Захочу — пушусь, завою

И в минуту мраком туч

Потемню твой яркий луч.

Всей земле свое сиянье

Ты без шума раздаешь,

Тихо на небо взойдешь,

Продолжаешь путь в молчаньи,

И закат спокоен твой!

Мой обычай не такой!

С ревом, свистом я летаю,

Всем верчу, все возмущаю,

Все дрожит передо мной!

Так не я ли царь земной! . .

И труда не будет много
То на деле доказать!
Хочешь власть мою узнать?
Вот, гляди: большой дорогой
Путешественник идет;
Кто скорей с него сорвет
Плащ, которым он накрылся,
Ты иль я?..» И вмиг Борей
Всею силою своей,
Как неистовый, пустился
С путешественником в бой!
Тянет плащ с него долой.
Но напрасно он хлопочет...
Путешественник вперед
Все идет себе, идет,
Уступить никак не хочет
И плаща не отдает.
Наконец Борей в досаде
Замолчал; и вдруг из туч
Показало солнце луч,
И при первом солнца взгляде,
Оживленный теплотой,
Путешественник по воле
Плащ, не нужный ему боле,
Снял с себя своей рукой!
Солнце весело блеснуло
И сопернику шепнуло:
«Безрассудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь: злобы самовластной
Милость кроткая сильней!»

УМИРАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ

День уж к вечеру склонялся.
Дряхлый лебедь умирал.
Он в тени дерев лежал,
Тихо с жизнью прощался
И при смерти сладко пел.
А над ним сидел уныло
Голубочек сизокрылый,

Слушал пение, смотрел,
Как покойно он кончался,
И грустил и восхищался.
«Что глядишь на старика?» —
Так спросила голубка
Легкомысленная утка. —
«Ах! для сердца и рассудка
Смерть его святой урок! —
Отвечал ей голубок. —
Слышишь, как он сладкогласно
При конце своем поет!
Кто на свете жил прекрасно,
Тот прекрасно и умрет!»

ВОЛКИ И ОВЦЫ

У племени Волков и племени Овец
Велась война чрез тысячные лета.
Соскучившись, они решились наконец
Мир вечный заключить. Не собирав совета,
По обстоятельствам, чтоб время не терять,
Сошлись вожди, велели написать
На гербовых листах подробны договоры
И приложить большую к ним печать
И по обряду разменять.
Притом еще, чтобы вперед у них не вышло ссоры,
Они для верности в заклад
Волчонков отдали, своих любезных чад;
А Овцы, сущи простофили,
В залого отпустили
Собак, своих друзей
И старых сторожей,
Которые, как мир дела окончил ратны,
Остались праздны и заштатны.
Итак, во всем краю настала тишина;
Свобода резвая на пажитях видна;
Уж Волки на Овец вдали лишь скалят зубы,
И пастухи Волков не ходят бить на шубы:
Казалось, что сошел на землю век золотой.
Волчонки между тем повыросли матеры,
В уме у них один разбой,
И стали, как отцы, прямые живодеры.
Лишь только пастухов спустили со двора,
Сии залого клятв и договоров мирных,
Как с словом: «Нам домой пора»,
Напали на ягнят на лучшеньких, на жирных,

И пастию их мчат под тень глухих лесов.
Там волчий весь народ принять их был готов.
Собаки лишь, о том не зная и без печали
Надеявшись на мир, спокойно почивали
 (Где нет забот, там крепок сон);
 И Волки их отнюдь не разбудили,
А, подведя сильнейшего закон,
 Их просто сонных задавили.

Без усталости, друзья, пойдем войной на злых!
Залого пагубны, и ложны клятвы их.
 Когда там мир бывает прочным,
Который заключен с бессовестно-порочным?

ВОРОНА-ПРОСИТЕЛЬНИЦА

Имела некая Ворона вкус:
 Любила муз;
 И говорит Орфею,
 По-русски — Соловью:
«Исполни просьбу ты мою,
О чем просить тебя я смею:
 Имею
 Лишь одного
 Я сына;
Он в старости отрада мне едина;
 Пожалуй, ты его
Наставь так петь, как сам поешь ты нежно!
Он скоро переймет, лишь поучи прилежно».
А Соловей в ответ: «Голубушка моя,
Готов бы оказать тебе услугу я;
Но знай, не только я, да если с Геликона
Сынка сведешь учить всех муз и всех богов,
 Не будет он в числе певцов:
Не может соловьем быть никогда ворона».

Вовек того не даст искусству мастерство,
Чего лишило нас, к несчастью, естество.

СОН МОГОЛЬЦА

Б А С Н Я

Могольцу снилися жилища елисейски:

Визирь блаженный в них
За добрые дела житейски,
В числе угодников святых,
Покойно спал на лоне гурий.

Но сонный видит ад,
Где пламенем объят,
Терзаемый бичами фурий,
Пустынник испускал ужасный вопль и стон.

Моголец в ужасе проснулся,
Не ведая, что значит сон.
Он думал, что пророк в сих мертвых обманулся
Иль тайну для него скрывал.
Тотчас гадателя призвал,

И тот ему в ответ: «Я не дивлюсь ни мало,
Что в снах есть разум, цель и склад.
Нам небо и в мечтах премудрость завещало...
Сей праведник, визирь, оставя двор и град,
Жил честно и всегда любил уединенье;
Пустынник на поклон таскался к визирям».
С гадателем сказав, что значит сновиденье,
Внушил бы я любовь к деревне и полям.
Обитель мирная! в тебе успокоенье
И все дары небес даются щедро нам.

Уединение, источник благ и счастья!
Места любимые! Ужели никогда
Не скроюсь в вашу сень от бури и ненастья?

Блаженству моему настанет ли чреда?
Ах, кто остановит меня под мрачной тенью?
Когда перенесусь в священные леса?
О музы! сельских дней утеха и краса!
Научите ль меня небесных тел теченью?
Светил блистающих несчетны имена
Узнаю ли от вас? Иль, если мне дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пускай пленит меня источников журчанье,
И я любовь и мир пустынный воспою!
Пусть Парка не прядет из злата жизнь мою
И я не буду спать под бархатным наметом;
Ужели через то я потеряю сон?
И меньше ль по трудах мне будет сладок он?
Зимой — близ огонька, в тени древесной — летом,
Без страха двери сам для Парки отпру,
Беспечно век прожив, спокойно и умру.

ПАСТУХ И СОЛОВЕЙ

В. А. Озерову

Любимец строгой Мельпомены,
Прости усердный стих безвестному певцу!
Не лавры к твоему венцу,
Рукою дерзкою сплетенны,
Я в дар тебе принес. К чему мой фимиам
Творцу Димитрия, кому бессмертны музы,
Сложив признательности узы,
Открыли славы храм?
А храм сей затворен для всех зоилов строгих,
Богатых завистью, талантами убогих.
Ах, если и теперь они своей рукой
Посмеют к твоему творенью прикасаться,
А ты, наш Эврипид, чтоб позабыть их рой,
Захочешь с музами расстаться
И боле не писать,
Тогда прошу тебя рассказ мой прочитать.

Пастух, задумавшись в ночи безмолвной мая,
С высокого холма вокруг себя смотрел,
Как месяц в тишине великолепно шел,

Лучом серебряным долины освещая,
Как в рощах липовых чуть легким ветерком
Листы колеблемы шептали
И светлые ручьи, почив с природой сном,
Едва меж берегов струей своей мелькали.
Из рощи соловей
Долины оглашал гармонией своей,
И эхо песнь его холмам передавало.
Все душу пастуха задумчиво пленяло,
Как вдруг певец любви на ветвях замолчал.
Напрасно наш пастух просил о песнях новых.
Печальный соловей, вздохнув, ему сказал:
«Не долго в рощах сих дубовых
Я радость воспевал!
Пройдет и петь охота,
Когда с соседнего болота
Лягушки кваканьем как бы назло глушат;
Пусть эта тварь поет, а соловьи молчат!» —
«Пой, нежный соловей, — пастух сказал Орфею, —
Для них ушей я не имею.
Ты им молчаньем петь охоту придаешь:
Кто будет слушать их, когда ты запоешь?»

СНЕГИРЬ

В избе Пустынника Снегирь по воле жил:
По воле, то есть, мог вылетывать из клетки,
Глядеть в окно сквозь сетки;
Но дело не о том: он страстно петь любил.
Пустынник сам играл прекрасно на свирели,
И, в птице видя страсть, он петь ее учил
И под свирель свистать людские трели.
Снегирь их перенял и, на голос людской
Свистя, как звонкая свирель, переливался.
Пустынник, на руку склоняясь головой,
Не раз певцом по часу любовался.
Снегирь мой счастлив был!
Чего б еще хотеть в такой счастливой части?
Пустынник Снегиря любил
И сам из рук его кормил.
Но мучат, знать, и птиц враги покоя — страсти.
Уныл Снегирь, и мало пел,
И часто пасмурный сидел
На клетке у окошка,
В которую его Пустынник запирает
Лишь на ночь, чтоб певца не подхватила кошка.
И вот о чем Снегирь, случась один, мечтал:
«К чему мне все ученье?
Кто слушает мое здесь пенье?
Хозяин мой да кот!
Для них весь день дери я рот!
Что прибыли в такой и воле?
Ах, если бы в лесу я, в поле
Хоть раз меж птицами на лад людской запел,
Какого птичий род не слыживал от века,

Они б, дивясь, почли, что слышат челове́ка!

Меня б и Соловей послушать прилетел.

Да что же? Я не заперт в клетке;

Но на окно ведь сеть опущена.

Ахти! Она

Никак разорвана?

Так точно; вылечу, спою на ближней ветке. . .»

Сказал, вспорхнул, в лес темный полетел,

И, стаю резвую увидевши пернатых,

Он сел

Между певич и певунов крылатых;

И, севши, посвистом всю ро́щу огласил.

Пернатые вздрогнули,

Друг на друга взглянули

И замолчали все; а мой певец, что сил,

И громкой флейтою, и тихою цевницей

Свистал на лад людской пред птичьей станицей.

«Да что это за новый лад? . . —

Щегленок, Дрозд и Чиж заговорил с Синицей. —

Он не чирикает, он и свистит не птицей,

Поет, как человек, — ну что это за склад?

Избави боже нас от тако́го тона! . . .» —

«Вот каркать бы умел», —

Сидевшая на пне́ закаркала Ворона.

«Куда какой хитрец, —

Картавий засвистал Скворец, —

Поет как человек! Ты видно, брат, ученый? . .

Слыхали мы таких — прощай!

Тебе ль уж был чета тот Попугай зеленый. . .» —

«Да, да, тебе ль чета зеленый Попугай, —

Скворца Сорока перервала, —

Которого в дому господском я видала,

Ведь как кричал — да я его перекричала!

А ты отколь? ты что поешь?» — «Поет он вздор!» —

Весь разом закричал пернатых мелкий хор.

А мой певец, оставя ветку,

Скорей домой, скорей на клетку

Вспорхнул и опустил головку под крыло.

Не много времени прошло,

Как и Пустынник сам явился;

С порога до лесу он беглеца следил

И слышал, как над ним суд птичий совершился.

«Товарищ, — он сказал, — что так ты приуныл?» —
«Ах, дедушка! Ах, где я был?
Зачем я пению людскому научился?..» —
«Не для того, мой друг, чтоб пением людским
Ты перед птицами хвалился.
Тебе уроком сим
Пусть опыт истину полезную откроет:
Что и у нас, людей,
Тот завсегда слывет умней,
С волками кто по-волчьи воет».

МЕДВЕДЬ

Медведя по дворам Цыган водил плясать:
В деревне русскую Медведь увидев пляску,
Сам захотел ее, затейник, перенять.
Медведи, нечего сказать,
Ловки перенимать.
Вот раз, как днем Цыган на солнце спал враспяжку,
Мой Мишенька поднялся на дыбки,
Платок хозяйский взял он в лапу,
Из-под Цыгана вынул шляпу,
Набросил набекрень, как хваты-ямщики,
И, топнувши ногой, Медведь плясать пустился.
«А, каково?» — Барбосу он сказал.
Барбос вблизи на этот раз случился;
Собака — умный зверь, и пляски он видал.
«Да плохо!» — пес Барбос Медведю отвечал. —
«Ты судишь строго, брат! — собаке молвил Мишка. —
Я чем не молодцом пляшу?
Чем хуже, как вчера плясал ямщик ваш Гришка?
Гляди, как ловко я платком машу,
Как выступаю важно, плавно...» —
«Ай, Миша, славно, славно!
Такого плясуна
Еще не видела вся наша сторона!
Легок ты, как цыпленок». —
Так крикнул мимо тут бежавший поросенок:
Порода их известно как умна!
Но Миша,
Суд поросенка слыша,

Задумался, вздохнул, трудиться перестал
И, с видом скромным, сам с собою бормотал:
 «Хулит меня собака, то не чудо,
Успеху сам не очень верил я;
 Но если хвалит уж свинья —
 Пляшу я, верно, худо!»

Быть может, и людьми за правило взято
 Медвежье слово золотое:
Как умный что хулит, наверно худо то;
 А хвалит глупый — хуже вдвое!

ЖИВОПИСЕЦ

Был живописец славный,
Рафаилу в искусстве равный
И очень, очень не дурак;
Но сердцем жалкий был простак:
Уж до того он совести держался,
Что даже знатным льстить боялся!
А кто сие почтет за грех?

Спросите вы у всех.

Сей добрый человек хотел себя прославить,
И чем же? Вздумал он представить

Пороки все и глупости людей.

Судя по мастерству, он сущий чародей:
Нельстива кисть его что ни изобразила,

Одушевила.

Картину кончивши, тотчас
Он выставил ее народу напоказ;

Но лишь ее узрели,

Кокетки обомлели,

У плута волос дыбом стал,

Лжец трепетал,

Грызть ногти начал скряга,

Грозил указами сутяга,

Кобенился пред живописцом франт,

И Катилиною назвал его педант.

Пылая в сердце мщеньем,

Порочные кричат художнику с презреньем:

«Ты пасквиль написал,

Честь нашу обругал;

В картине сей хотел смеяться ты над нами». —

«Бог с вами! —

Художник отвечал: —

Я глупость и порок изобразить желал,
А вас не трогал я, да я вас и не знал:
Уродов можно ли вам сравнивать с собою,
 Когда красавицы вы душою?»
Но мастер сей не мог себя тем оправдать;
Хоть умные его взялися защищать,
 Но их немного было,
И все витийство их глупцов не убедило.
Художник отдан был под суд,
Который сжечь велел его прекрасный труд.

Так будет всякому, кто только дар имеет
И льстить пороку не умеет.

ОТКУПЩИК И ХАРОН

Узревши тень с огромным пузом,
Харон вдруг ахнул и вскричал:
«Боюсь, чтоб с сим тяжелым грузом
И сам я в Стиксе не пропал.
Откуда ты и что такое?
Скажи, дебелая душа!
Ты, видно, что-то не простое,
Ты кардинал или паша?» —
«Кто б ни был я, но вы не стойте,
Об этом смею вас просить,
Ввалиться в лодку мне позвольте,
Я должен в тартар поспешить;
Скажу, старик, вам откровенно:
Хочу прожект Плутону дать,
И я надеюсь, несомненно,
Ваш перевоз на откуп взять.
Всегда с им планом занимаясь,
Я в мире толст, покоен был;
Богатства многого лишаясь,
О том при смерти не тужил.
Какие знатные доходы
Легко здесь можно получать:
Сюда толпятся все народы,
Итак, со всех мы можем драть!»

Британцу скажем мы и Галлу:
Нам чисты деньги оточи;
А господину Камчадалу:
Ясак мехами заплати.
Теперь вы служите без платы,
Не правда ли? Но у меня
Вы скоро будете богаты
И столько же почти, как я;
Не рубище на вас дурное,
Не сей засаленный колпак,
Нет, будет платье дорогое,
И пить вы станете арак».
Харон угрюмый, дикий, строгий,
Смекнул и в первый раз запел;
Немудрено, — мужик убогий
Надежду к счастью возымел.
Он жирной тени поклонился
И с ней как можно скоро плыл;
Плывя, Юпитеру молился,
Чтоб груз его он сохранил.

ПАРИК И БОЛВАН, НА КОТОРОМ ЕГО РАСЧЕСЫВАЮТ

С плешивой знатности когда парик снимали,
То самый сей парик болван носил.
«Уж то-то, чаю, вы сегодня рассуждали? —
Болван у Парика спросил. —
Ведь много, думаю, у знатности рассудка?» —
«Как у тебя, дубового отрубка».

СВИНЬЯ И ЯГНЕНОК

Ягненку погулять без матери случилось,
И горе страшное бедняжке приключилось:
Увяз в болоте он; барахтаясь там,
Блеял о помощи к свиньям,
Что в тине нежилась, в серали как султан.
Расхрюкалося вдруг Эпикурейцев стадо;
Не помогать оно — упреки делать радо:

«В какую ты забрел, бесстыдник, грязь?
Вот молодость, увы! к чему приводит вас!
А если б пожилым скотам повиновался,
Тогда б, молокосос, в беду ты не попался;
Каков ты прежде был? Как свинка бел, пригож;
Теперь же, посмотри, ну на кого ты схож!» —
Так мудрецы сии ягненка укоряли;
Но между тем они того не примечали,
Что сами глубже все в болото погрязали.

Всяк скажет, кто сию (уж какова ни есть)

Изволит басенку прочесть:

Бывают и у нас наставники такие —
Всем проповедают, а сами не святые.

МОСЬКА И СОБАКА НА ПРИВЯЗИ

«Ах! сжался надо мной, сиятельная Моська! —
Любимцу барскому Пес старый говорил. —
Весь век усердно я на привязи служил;
Смотри, изранена дубиной грудь геройска;
Я ужас был всегда для здешних всех воров,
Я был прямой слуга, не из числа льстецов.
Воззри, премудрый Мопс, на многие заслуги,
На дряхлость лет моих, на слабость и недуги;
Доставь в награду мне, почтенный мой патрон,
Хоть каплю молока». — «Да где такой закон? —
С презреньем временщик речь Псову прерывает. —
Нет! Барин милостей своих не расточает.
Послушай! Молоко дается только нам,
Придворным господам;
А вы, на привязи герои,
Довольны будьте тем, что вам дают помои».

ОСЕЛ В СЧАСТЬИ

«Ты помнишь ли Осла, — Вол Лошади сказал. —
У нашего он господина
Навоз таскал;
Но, к удивлению, сия скотина
На верх величия взошла:

Фортуна по уши влюбилась в Осла!
Навоз сперва возил, а ныне возит папу,
И папские льстецы Осла целуют в лапу;
Обвешен золотом, осыпан жемчугом,
Из смирной твари он стал страшным гордецом». —
«Да стал ли он умней средь пышности и славы?»
Спросила Лошадь у Вола. —
«Сего-то сделать лишь Фортуна не могла.
Переменяет честь ведь не умы, а нравы!»

ДЬЯК И НИЩИЙ

Придрался к нищему старинный пьяный дьяк:
«Ноздря твоя гласит, что нюхал ты табак,
И буде на тебя пойду в приказ с доносом,
По уложению ты проститься должен с носом.
Так если нужен нос тебе для табаку,
Отдай котомку мне, лохмотья и клюку».

АССИГНАЦИЯ И АЛТЫН

Увидевши алтын в подьяческой мошне,
Бумажка синяя сказала: «Больно мне,
Почтенной в обществе пятирублевым чином,
В одном собрании присутствовать с алтыном;
Как мог позволить то преблагогородный крюк,
Чтобы к нему в мошну входил полушкин внук!» —
«Оставь пустую спесь и глупые издевки! —
Бумажке отвечал алтын. —
То правда, что мой чин
По курсу стоит три копейки;
Но древностью алтынов род
Едва ль не превзошел подьяческий народ!
Давно уже слывут алтыны господами:
Дружились они с дьяками
И через частое, различно сватовство
Вступили в близкое с подьячими родство;
Старинное свое прозвание им дали,
И многим вотчины алтыны отказали!

Я братец внучатный хозяину мошны;
Мы оба искренно друг в друга влюблены,
Мы оба совестью славны
И оба мы достоинствами равны».

МОЛЬ И КАФТАН

Жил-был суконный великан:
Приказная версты кафтан,
Отличный от других кафтанов
Ужасной глубиной карманов.
Подьячий сей кафтан от деда получил,
А дед подьяческий подьячий также был,
Верстою также слыл
И также клал в карманы взятки.
Кафтан-старик имел премногие заплатки
И требовал отставки.
Не скоро от него прошение принял внук,
Но наконец старик уволен был в сундук.
Покоился кафтан. Вдруг моли страшна сила
К его карманам приступила
И их без жалости точила.
Вскричал кафтан: «Помилуй, моль!
Точить карманов не изволь!
Ей-ей, они невинны,
Не грабили они, но берегли алтыны,
А грабили всегда приказны дед и внук.
Почто не точишь, моль, подьяческих ты рук?»

КРЫСА И СЕКРЕТАРША

Нередко женщины влюбляются в зверьков:
В собачек, кошечек, и в белок, и в сурков.
Жена секретаря любила крысу страстно, —
Творенье гнусное, но для нее прекрасно.
А муж, усердный хлоп, нижайший секретарь,
Не смел уж не любить жене любезну тварь.
Вседневно уделял он крысе часть хабара
И отдал ей ключи от шкафа и амбара.
Когда бы ключница ему отгрызла нос,

Муж нежный для жены и то бы перенес!
Все привилегии та крысица имела:
Гуляла, кушала, покоилась, жирела,
Но секретарша тем довольна не была,
И крысу в стряпчие она произвела.
Кто одолеть хотел в приказе супостата,
Искал тот милости у крысы-адвоката.
Сутяги с крысою знакомство вдруг свели,
В карманах сахарны гостинцы ей несли;
В приказе шайка их победоносна стала
И с стряпчим-крысою законы все попрала.

БЕЛКА

Для смертных в жизни сей науки утешенье,
Они на путь прямой ведут.
Безумцы лишь одни не любят просвещенья
И что в науках не поймут,
Им кажется безделка.
Однажды белка
Орех себе нашла
И в рот его скорей,
Но он был не по ней,
Так скушать не могла
И наконец его,
Терпения лишась, с презреньем прочь бросает,
Сказав: «Негодный плод для вкуса моего!»
С науками глупец не так ль поступает!

ЛИСИЦА И ПЕТУХ

Лукавая лиса однажды поймала
Бедняжку петуха и, по обычью своему,
Сперва ему
Все перья ощипала.
Бессильного щипать обычай хоть зверей,
Но водится и меж людей!
Так, следственно, лисица
И с нами в сем сходна; потом,
Как первая в правах, в законах мастерица,
Желая правый суд явить над петухом,
«Бездельник»! — говорит ему, —
Я все твои проказы знаю,

И к милосердию моему
Теперь не прибегай: терпеть не стало сил!
Я смерть тебе определяю». —
«Ах! чем я гнев твой заслужил?
Помилуй, лисанька, меня щедротой царской», —
Кричит бедняк под лапою тиранской.
«Ты просишь милости моей,
Ах ты, злодей!
За тяжкие вины, соделанны тобою,
Тебе прощенья нет!» — «Да чем преступен я?» —
«А вот вина твоя:
Зачем всегда встаешь ты раннею порою,
Кричишь, мешаешь спать?» — «Я тем бужу от сна
Людей, чтоб ранее вставали,
К своей работе поспевали, —
Так это не вина». —
«Пусть так — ее! Пстой, да ты женам неверен,
Всегда пред ними лицемерен:
Я слышала, что им вседневно изменял!
Зачем ты с ними столь безбожно поступал?
Итак, чтоб зла творить ты более не мог,
Тебя я к смерти осудила, —
Над злыми мой суд и праведен, и строг!
Ни слова более, никак уж не прощу,
Уми, — обедать я хочу!»

Я слышал, будто бы (однакож это ложно),
Что суд такой у нас легко найти возможно!

ОРЕЛ И ПЧЕЛА

Орел, пернатых царь, парил под небесами;
Устал — спустился с облаков
И древний дуб покрыл огромными крылами;
Под ним пчела вблизи летала
И с разных трав, цветов
Душистый мед сбирала.
С вершины дерева орел надменной
Узрел пчелу среди кустов
И, в мысли погруженный,
Завидным для себя считал

Удел ее смиренной,
И в размышлении глубоком
Так к ней воззвал:
«О ты, которую моим орлиным оком
Едва-едва могу от праха различить
И махом крыл моих в ничто преобратить;
О тварь презренна!
Скажи мне: отчего всегда ты весела,
Меж тем как я, орел, краса и страх вселенной,
Скучаю там, где власть природа мне дала?
Я бури яростны и громы презираю,
Полетом дерзостным до облак возлетаю.
Чтоб в трепет всех привести, довольно взора одного!
Все кроется, летит от крика моего,
И в силе равного нигде я не имею,
Но радостей для сердца нет! . . .» —
«Я делаю добро, других любить умею, —
Пчела дала ответ, —
Так горести не знаю!
Царь птиц! вот разница между меня с тобой,
Она положена природою самой:
Ты умерщвляешь — я питаю
И весь свой век живу, тружуся для других,
А ты — для прихотей своих:
И так не знаешь наслажденья
Других любить,
И утешенья
Другим полезным быть».

СОЛОВЕЙ

В весенний вечерок средь рощицы тенистой
На ветке соловей свистал,
Гармонией своей дивил и восхищал:
Раскаты, дробы, трели, свисты
Вечерний ветерок по роще разносил.
«О, как ты сладко воспеваешь,
Любезный соловей! — так чижик говорил, —
Ты всех собою восхищаешь, —
Пернатых целый хор на голос твой летит,

Внимает и молчит,
Завидуя твоей гармонии небесной». —
«Что мне в их похвалах, до них мне нужды нет! —
Так соловей сказал в ответ. —
Когда пою, доволен я,
Что заслужу за то один лишь взор прелестной
Подруги моей».

Элиза милая! один твой взор бесценной
Для сердца моего пребудет навсегда
Дороже всех похвал, даров фортуны тленной,
И ежели когда
(О, сбудьтесь мечты!) мне суждено судьбою
Взойти на верх честей величия стезею,
Чтоб в мире сем умом и славой я блистал,
Делами громкими вселенну удивлял,
Ужели б я тогда, Элиза несравненна,
Сеи признак ложной благ мгновенных
На страстные твои объятья променял?
Нет! нет! Один твой взор небесный
Все красит для меня в сеи жизни горькой, слезной.

ЛЕВ, УЧРЕДИВШИЙ СУД

Какой-то суд царь лев изволил учредить,
За красный стол лисиц задумал посадить,
Еще прибавил к ним почтенными судьями,
На место тигров и волков,
Мартышек и ослов;
Не знаю, что за склад! — с коварными лисами
Мартышкам и ослам в одном суде рядить,
Однакож думать можно,
Чтоб их судьями посадить,
Имел причины лев, которых знать не можно!
Мы скажем например: у одного жена
Была собою не дурна,
А у зверей,
Да, кажется, и меж людей,
Чтобы судьей быть, и этого довольно,
Хотя б супруг был глуп и очень, очень больно;

Другого лев любил, а третий льстить умел. —
Пронырством, лестью кто в люди не вошел! —
Четвертый. . . словом все достоинства имели,
Хоть многие из них аза не разумели, —
Притом сказать: как суд лев учреждал такой,
Он так-то рассуждал о том с самим собой,
И думал твердо он, что ум лисиц известный,
Надзор его прилежный
Мартышек и ослов на разум наведут, —
Итак, дела в суде порядочно пойдут.
Но как он много ошибался!
Да кто ж в обманы не вдавался?
Открылся суд его — в суде дела пошли —
И что же сделалось? Мартышки и ослы
Лисиц с ума свели.

БАРС И БЕЛКА

По сучьям белочка и вниз и вверх скакала,
Но оступилась и стремглав
На барса старого упала;
А тот, с пресытного обеда задремав,
Едва опомнился впросонках;
Поднявшись на ноги, сквозь зубы зверь ворчит;
А белка перед ним на задних двух ножонках
Трясется и сама не видит, как сидит:
Вздрогнешь и нехотя под лапою тиранской!
Подумав, барс сказал: «Я милую тебя
По истинной щедроте царской;
Но с тем условием, чтоб ты, так жизнь любя,
Призналась, отчего тебе так жить приятно:
Я вижу, ты всегда покойна, весела;
А я в лесах, где власть природа мне дала,
Скучаю и грущу: мне это непонятно». —
«Великий государь! —
Смирненно отвечает белка. —
Ты милостив ко мне, но рассуди — ты царь,
А правду говорить великим не безделка:
Смелее б доложить о том тебе могла
Повыше с деревца. . .» — «Всходи туда!» Взошла.
«Теперь услышишь ты язык души правдивой. . .
Не делаю я зла
И так умею быть счастливой.
Я чистой совестью и сердце веселю;
Не знаешь первого ты в мире наслажденья:
Спокойно засыпать без мук и угрызенья.

Ты ешь ягнят, а я и лист и плод делю
С моими белками-сестрами;
Ты ненавидишь — я люблю:
Все сказано двумя словами».

ФЕНИКС

Однажды Феникс-птица
Из стран Аравии к нам в рощи прилетел:
Народ пернатых зашумел;
Огромная станица
Несется к гостю на поклон.
Уж все вокруг его, уж всех пленяет он
Огнем блестящих глаз, гармонией прелестной,
Драгими перьями, красой своей небесной;
Он царь воздушных птиц, — ему природа трон.
Умолкла зависть вдруг, любовь не ревновала:
Тут в первый раз еще влюбленный соловей
Красу чужую пел с подругою своей,
И пава важная пред всеми признавала,
Что сын Аравии, лесов их новый гость,
Собою затемнил павлиний самый хвост.
Уж гимны в честь ему по воздуху гремели;
Уж птички хором пели
Историю его,
Как он, пернатых царь, сын неба благодатный,
Под старость века своего,
Слагает сам костер, кедровый, ароматный,
Садится на него,
Мгновенно сам собой весь в пепел истлевает
И снова юным оживает
Из праха своего.
Тут горлица одна на горлицу взглянула
И тихо про себя вздохнула.
Сидящий вместе с ней дружок
Под крылышко ее тихонько — толк! —
И милую спросил: «Что томно так воркуешь?
О чем, о чем тоскуешь?
Иль Фениксов тебе завиден лестный рок?» —
«Нет! я грущу о нем, мой миленький дружок!
Увы! он в мире одинок!»

ФИАЛКА И ПОДСОЛНЕЧНИК

Фиалка из травы головку чуть казала;
Пред ней подсолнечник стоял
И вечно скромницу собою затемнял.
Фиалка, видя то, однажды так сказала
Соседу своему:
«Подсолнечник! К чему
Ты солнечных лучей ко мне не допускаешь?
Иль ты желаешь,
Чтоб я цвести нисколько не могла?
Чтобы я высохла и после умерла?
Или ты жалости не знаешь,
Мой друг. . .» — «Негодница! Как смеешь ты просить,
Как голос свой ко мне ты смеешь возносить?
Тебе назначено расти и быть чуть зримой,
Терпи лишь и молчи!
А я, я, Феба сын любимой,
Я стану ли с тобой делить его лучи,
С такою низкою, презренной!
Тебе ли здесь цвести? Где я, краса вселенной,
Тебе тут места нет!»
Едва подсолнечник окончил свой ответ,
Вдруг ветер засвистал; фиалка приклонилась,
И ветер пролетел — фиалка распрямилась
И что же видит пред собой?
Подсолнечник, который красотой
И силою гордился
И всех пренебрегал,
У корня своего сломился
И сам к ее ногам упал!

Вы, гордые вельможи, |
На сей подсолнечник похожи!
Здесь вам урок;
Вы сильны — вас сильнее рок!
Одумайтесь, смиритесь
И перед низшими нимало не гордитесь.

ОСЕЛ СПЛАЧ

Купец из дому в дом перевозиться стал,
И лошадей кормили доотвалу.
Осел увидел то, пристал
И говорит: «Кони! а возят все по малу;
А я бы. . .» — «Ну, изволь, — сказал купец нахалу, —
Посмотрим!» — и ослу полчетверти овса!
Поел, и запрягли и тотчас вьючить стали.
И вот работники уж целый воз наклали. . .
«Довольно ли?» — «Какие чудеса!
Конечно, об ослах не много вы слышали:
Да я всю эту кладь свезу одной ногой».
Прибавили еще сундук, потом другой,
И вот возище наш сравнялся уж с дугой!
«Довольно ли?» — «Вам, братцы, что за дело;
Валите смело,
Я тотчас докажу. . .» И вмиг рванул,
Напружился, нагнулся,
Еще рванул, — и воз вверх дном перевернул
И сам полмертвый растянулся.

Кто не по силам брать старается дела,
Похож на этого осла.

СВЕТЯЩИЙСЯ ЧЕРВЯЧОК И АЛМАЗ

Алмаз и червячок лежали рядом,
Когда полдневный луч во всей красе блистал.
Алмаз, гордясь своим сиятельным нарядом,
Соседу червячку с улыбкою сказал:
«Теперь я вижу, не напрасно
В народе говорят, что светишь ты прекрасно;

Какой прерякий свет и цвет!»
Смиранный червячок немножко оскорбился,
Однако до ночи оставил свой ответ.
И вот природы царь уж в волны погрузился:
Блеснул мой червячок, алмаза будто нет.
«Теперь, соседушка любезный, —
Алмазу он сказал, — послушай мой ответ,
Быть может для тебя и для других полезный!
По блеску никогда я не сравнюсь с тобой:
Твой блеск от солнышка, а мой уж точно мой».
Иной гордится,
Что он почтен и знатен по уму!
Возьми-ка дядю прочь, сестрицу иль куму!
Ни в строй, ни к смотрю не годится.

НАКАЗАННАЯ ЛИСИЦА

Лиса у мужика в курятнике засела
И ну душить цыплят! Натешилась, поела,
Да видя, что всего не переест добра:
«Довольно! — молвила. — Домой пора!
Простите, остальные!
В места укромные, лесные
Заране лучше убегу!»
Помчалась — а следок и виден на снегу!
Не трудно догадаться,
Что лисаньке без казни не остаться:
Легко нашел ее мужик,
И лисанька пошла на воротник.
Что если бы в большом-то свете
Следок был виден у воров?
Тогда, божиться я готов,
Иной не скрылся б — в кабинете.

БАСНЯ КРЫЛОВА

«Прочти-ка басенку Крылова», —
Сказала сыну мать. И вот читает нам.
Я ввек не испытал мучения такого!
Сын басню разбирал без толку по складам,

Кого ж тут повинить? Конечно, не Крылова,
Конечно, не сына; а повините мать
 За то, что неуча такова
Прекрасные стихи заставила читать.

СТРЕЛА

Взлетела из лука стрела,
Всех птиц опередила
И им с насмешкой говорила:
«На что же крылышки природа вам дала,
Бедняжечки?..» — «Да ты ведь силою чужою, —
Кричал щегленок в след, — спозналась с высотой,
 А упадешь — сама собою».

БЫК В ОГОРОДЕ

Сбежался кучею народ —
 И я остановился.
Быка пустил хозяин в огород,
Чтоб травкой подле гряд немного покормился;
А бык бессовестный помчался по грядам!
Хрустят лишь огурцы да кочки под ногами!
 Вот стали выгонять, а бык — рогами,
И задал перебор порядочный бокам!
Ну вот и выгнали, и дверцы затворили...
 Да, чаю, огород не скоро насадили.

Ох! лучше б не впускать быка!
Не пострадали бы ни гряды, ни бока.

ВОЗЫ С СЕНОМ

«Нет, нет, Гнедой! никак не уступлю!
 Я унижаться не люблю!
Как возы повезем, смотри, ступай за мною!
Я в Питере возил секретаря с женою,
 Да только иногда

С дворцовой пристани вода
В бочонке легоньком на мне каталась;
Теперь-то черная работа мне досталась!
Однако дух мой не уныл;
Смотри, как впереди пойду я горделиво». —
«Изволь итти счастливо», —
Сказал Гнедой. . . — и возы повезли.
Послушайте ж! когда дорогой шли,
Гнедой к переднему все возу подвигался,
Щипал сенцо да наедался;
А Рыжий с гордостью лишь удины глодал
И так оголодал,
Что до ночлегу чуть добрался.

Я выскочек таких между людьми видал.
У них в уме всегда тревога:
Чинок бы лишний взяв, опередить других.
Избави господи от замыслов таких!
Переднему трудней дорога.

САДОВНИК

Росли левкои на гряде,
И к ним репейник прилепился!
Садовник Фирс в такой беде
Поплакал, потужил — и наконец решился,
Чтобы усилиться репейнику не дать,
Гряды не поливать.
Репейника в три дни как будто не бывало,
А что ж с левкоями-то стало?

Кто спорит! Надобно худое истребить;
Но с ним хорошего не надобно губить.

ВЕСЫ

«Смотрите, батюшка, диковина какая:
Там тридцать гирь, а здесь одна тяжеле их!» —
«То фунты, милый друг, а это пудовая! . . .»

Мудрец важней толпы в суждениях своих.

КОТ И БЕЛКА

«Не стыдно ль, Васька, все ты спишь!

Грех смертный праздность!» —

«Да что в твоём труде?» — «Как что, какая разность!» —

«Нет, белка! Колесо ты попусту вертишь».

Дамон всегда твердит: «Замучен я делами!»

А есть ли в этом прок? — Ну, рассуждайте сами.

УМПРАЮЩАЯ СОБАКА

Султанка старый занемог,
Султанка слег в постелю;
Лежит он день, лежит неделю,
Никто из медиков Султанке не помог;
Час от часу лишь только хуже:
Все ребра у него наруже;
Как в лихорадке, он дрожит
И уж едва-едва визжит.
В конуре, у одра больного,
Соколка, внук его, стоял;
Не мог он вымолвить от жалости ни слова
И с нежностью его лизал.
Султанка на него взглянул и так сказал:
«Ну! видно мой конец приходит:
Нельзя ни встать, ни сесть;
Душа из тела вон выходит...
А перед смертью как хотелось бы поесть!
Послушай, милый внук, что я тебе открою:
Две кости спрятал я, как был еще здоров;
Умру, ведь не возьму с собою:
Они вон там лежат, у дров;
Поди же, принеси их обе
И старика утешь,
Который скоро будет в гробе...
Да только сам смотри дорогою не ешь».
Как из лука стрела, Соколка мой пустился,
В минуту воротился
И кости в целости принес.
Султанка тронут был до слез.

Ну нюхать кости он, — глотать уже не может;
Понюхал и промолвил так:
«Когда умру, пускай мой внучек это сгложет...
Однакоже теперь не тронь ты их никак.
Кто знает? Может быть, опять здоров я буду.
Коль веку бог продлит, тебя не позабуду:
Вот эту кость отдам тебе,
Большую же возьму себе.
Постой, что мне на ум приходит:
Есть славный у меня еще кусок один;
Я спрятал там его, куда никто не ходит.
Сказать ли? Нет, боюсь: ты съешь, собачий сын!
Ох жаль! . . .» И с словом сим Султанка умирает.

На что сокровища скупой весь век собирает?
Ни для себя, ни для других!
Несносна жизнь и смерть скупых.

КОШКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ В ЖЕНЩИНУ

Был в старину такой дурак,
Что в Кошку по уши влюбился,
Не мог он жить без ней никак:
С ней вместе ночью спать ложился,
С одной тарелки с нею ел
И наконец на ней жениться захотел.
Он стал Юпитеру молиться с теплой верой,
Чтоб Кошку для него в девицу превратил.
Юпитер внял мольбе и чудо сотворил:
Девицу красную из Машки-Кошки серой!
Чудак от радости чуть не сошел с ума,
Ласкает милую, целует, обнимает,
Как куклу наряжает.
Без памяти невеста и сама,
Охотно руку дать и сердце обещает:
Жених не стар, пригож, богат еще притом:
Какая разница с Котом!
Скорей к венцу; и вот они уж обвенчались;
Все гости разошлись, они одни остались.
Супруг супругу раздевал,
То пальчики у ней, то шейку цаловал;

Она сама его, краснея, цаловала,
Вдруг вырвалась и побежала...
Куда же? Под кровать: увидела там мышь.
Природной склонности ничем не истребишь.

СОВЕТ МЫШЕЙ

В мучном анбаре Кот такой удалый был,
Что менее недели
Мышей до сотни задавил;
Десяток или два кой-как уж уцелели
И спрятались в норах.
Что делать? Выдти — страх;
Не выходить? — так смерти ждать голодной!
На лаврах отдыхал Кот сытый и дородной.
Однажды вечером на кровлю он ушел,
Где милая ему назначила свиданье.
Слух до мышей о том дошел, —
Повыбрались из нор, открыли заседанье
И стали рассуждать,
Какие меры им против Кота принять.
Одна Мышь умная, которая живала
С учеными на чердаках
И много книг переглодала,
Совет дала в таких словах:
«Сестрицы! Отвратить грозящее нам бедство
Я нахожу одно лишь средство, —
Простое самое. Оно в том состоит,
Чтоб нашему злодею,
Когда он спит,
Гремушку привязать на шею,
Далеко ль, близко ль Кот, всегда мы будем знать,
И не удастся нас врасплох ему поймать». —
«Прекрасно! Ах! Прекрасно! —
Вскричали все единогласно. —
Зачем откладывать, как можно поскорей
Коту гремушку мы привяжем!
Уж то-то мы себя докажем!
Ай славно! не видать ему теперь Мышей
Так точно, как своих ушей!» —

БАСНИ И СКАЗКИ

Александра Измайлова

С. п. Буревъ

«Все очень хорошо; привязывать кто ж станет?» —
«Ну, ты». — «Благодарю!» —
«Так ты» — «Я посмотрю,
Как духа у тебя достанет!» —
«Однакож надобно». — «Что долго толковать?
Кто сделал предложенье,
Тому и исполнять.

Ну, умница, свое нам покажи уменье». —
И умница равно за это не взялась.
И для чего ж бы так? .. Да лапка затряслась!

Куда как право чудно!
Мы мастера учить других;
А если дело вдруг дойдет до нас самих,
То исполнять нам очень трудно!

КУКУШКА

«Послушайте меня, я, право, не совру, —
Кукушка говорила птицам,
Чижам, щеглятам и синицам, —
Была я далеко, в большом, густом бору;
Там слышала, чего доселе не слыхала,
Как Соловей поет.
Уж не по-нашему. Я хорошо певала,
Да все не то! Так сердце и замрет
От радости, когда во весь он голос свистнет,
А там защелкает иль тихо пустит трель;
Забудешься совсем, и голова повиснет.
Ну что против него свирель!
Дивилась, право, я, дивилась...
Однакоже не потаю:

По-соловьиному и я петь научилась.
Для вас, извольте, пропою
Точнехонько как он, — хотите?» —
«Пропой, послушаем». — «Чур не шуметь, молчите!
Вот выше сяду на суку.
Ну, слушайте ж теперь: куку, куку, куку!»

Кукушка хвастуна на память мне приводит,
Который классиков-поэтов переводит.

ЛЕБЕДЬ, ГУСЬ, УТКА И ЖУРАВЛЬ

Две птицы плавали в пруде:
Красивый Лебедь, чистый, белый,
Да серый Гусь, дрянной. Гляделся месяц светлый
В прозрачной зеркальной воде;
Лучи его в струях играли серебристых;
Зефир чуть колебал листы дерев ветвистых,
И Лебедь начал гимн вечерний богу петь.
Гусь этого не мог стерпеть,
Вскричал: «Га! га!» и, вытянувши шею,
Шипел, подобно змею.
Где утка ни возьмися тут,
И говорит: «Куда как хорошо поют!
Однако Гусь поет приятнее, нежнее,
Да он же и плывет важнее». —
«Что ты, прожора, врешь? —
Прервал ее Журавль. — Молчи, пока не бита!
Недаром первенство ты Гусю отдаешь:
Он есть тебе дает из своего корыта».

Кто утка? — Подлый журналист.
А Гусь? — Рифмач-капиталист.

БЕСХВОСТАЯ ЛИСИЦА

Преосторожная, прехитрая Лисица,
Цыплят и кур ловить большая мастерица,
На старости своей так сделалась проста,
Что в западню попалась;
Вертелась всячески, туда-сюда металась
И вырвалась кой-как, но только без хвоста.
Как в лес бесхвостой показаться?
Плутовка вздумала на хитрости подняться.
Взяв важный и степенный вид,
Идет в пещеру, где собиралися Лисицы.
«Подруги и сестрицы! —
Так говорит она. — Какой нам, право, стыд,
Что по сие мы время

Все носим гнусное и тягостное бремя, —
Сей хвост, который по земле
За нами тащится в грязи или в пыли.
Какая польза в нем, скажите?
А вред весь от него я доказать могу.
Вы, верно, сами подтвердите,
Что без хвоста быть легче на бегу,
Что часто за хвосты собаки нас ловили;
Но если бы теперь хвосты мы обрубили...» —
«Остановись, остановись!» —
Одна ей из сестер сказала. —
«А что?» — «Пожалуйста, к нам задом обернись».
Кургузая тут замолчала,
Попятилась назад и тотчас убежала.

«Как страшно замуж выходить!» —
Невестам всем твердит увядшая девица.
Конечно, что ж ей говорить?
Такая ж и она бесхвостая Лисица.

НАСЕДКА

«Куда как я ужасно похудела! —
Наседка хвастала перед сестрой своей. —
Подумай, двадцать дней
На яицах сидела,
Все время ни пила, ни ела:
Скажу, что много было дела!...» —
«А много ль у тебя, скажи, цыпляток всех?» —
Подруга у нее спросила. —
«Да нет ни одного, попутал как-то грех, —
Все яицы передавила».

Как эта курица, точь-в-точь,
Иной твердит: *сиду за делом день и ночь!*
И подлинно сидит, от места не отходит,
Да перья попусту с бумагой переводит.

СЛЕЗЫ КАЩЕЯ

Не знаю точно кто, а проповедник славный,
Платон, Леванда ли, иль кто-то с ними равный,

Однажды в пост великий говорил

О милостыне поученье

И слушателей всех привел во умиление.

Кащей у кафедры стоял и слезы лил.

Знакомый у него спросил:

«Да что за удивленье?

Ты плачешь, кажется?» — «Как слез не проливать!

Я эту проповедь вовек не позабуду». —

«Что ж? Станешь ли убогим подавать?» —

«Нет, милостыню сам просить теперь я буду».

ДВА КОТА

Кот Ванька с Васьюкою родные братья были;

В одном дому они родились и жили.

Кот Ванька тощий был такой,

Что страшно и взглянуть, доска совсем доской!

А Васья толщиной дворецкому равнялся:

От жира он едва-едва передвигался;

Шерсть лоснилась на нем, как будто бы атлас.

«Нам счастье не одно, хоть мать одна у нас, —

Сказал ему скелет. — Вот ты забот не знаешь:

Без мяса никогда и в будни не бываешь;

Тебе все мясоед, а мне великий пост!

Ты только спишь, а я и сна почти не знаю;

Дом целый от мышей и крыс оберегаю.

При всем усердии я голоден!..» — «И прост! —

Прервал его жиряк. — Будь, братец, поумнее;

Возьми меня в пример, коль хочешь быть жирнее». —

«Что ж делать мне? Скажи». — «Хозяина смехи,

На задних перед ним ногах ходи, пляши;

Подставит руки он, ты прыгай через руки

И перейми мои забавные все штуки;

Поверь, что будешь ты любим, не только сыт.

Знай, глупенький, что тот, кто людям угождает

В безделках, пустяках, у них не потеряет;

А кто ддя пользы их трудится и не спит,

Тот часто голоден бывает,

ДВА РАКА

«Все пятится назад! Куда какой дурак! —
Журил так сына старый Рак. —
Вперед ступай, вперед! Не то я драться стану!» —
«Да покажите мне вы, батюшка, хоть раз,
Как надобно ходить: я перейму у вас;
Извольте вы вперед, а я уж не отстану».

Слугу за пьянство барин бьет,
Но не уймет!
А отчего? Сам барин пьет.

ЯГНЕНОК И ПОРОСЕНОК

Мужик в телеге вез Ягненка
И Поросенка.
Куда же? — В ряд мясной!

Вот Поросенок развизжался,
Как будто бы мясник с ножом за ним уж гнался,
Кричит: «Увы! Увы». — «Проклятый сын свиной! —
Сказал Мужик ему. — Когда ты перестанешь?
Ну что Ягненок не кричит?
Смотри, как он умен! Молчит». —
«Нет, глуп! — прервал визгун, — меня-то не обманешь!
Он думает, что шерсть с него лишь остригут;
А я могу ли быть в покое?
Я знаю, с поросят щетины не берут,
Так верно уж меня убьют,
И на холодное пойду иль на жаркое.
Ах, не сносить мне головы!
Увы! Увы!» —

Полезно иногда для нас и заблуждаться,
Когда несчастья не можно отвратить.
К чему и дальновидным быть?
Что прежде времени нам сетовать и рваться!..

УСТРИЦА И ДВОЕ ПРОХОЖИХ

Шли два прохожие по берегу морскому
И видят — устрица большая на песке
 Лежит от них недалеке.
«Смотри, вон устрица!» — сказал один другому;
А тот нагнулся уж и руку протянул.
 Товарищ тут его толкнул
И говорит: «Пожалуй, не трудися,
Я подыму и сам, ведь устрица моя». —
 «Да, как бы не твоя!» —
«Я указал тебе. . .» — «Что ты! Перекрестися». —
«Конечно, первый я увидел. . .» — «Вот те раз!
 И у меня остер, брат, глаз». —
«Пусть видел ты, а я так даже слышал носом». —
 Еще у них продлился б спор,
Когда б не подоспел Судья к ним *Миротвор*.
Он начал с важностью по форме суд допросом,
 Взял устрицу, открыл
 И проглотил.
«Ну, слушайте, — сказал, — теперь определение:
По раковине вам дается во владенье;
 Ступайте с миром по домам».

Все тяжбы выгодны лишь стряпчим да судьям.

МАКАРЬЕВНИНА УХА

Макарьевна уху сварила.
 Десятка три ершей,
 Налимов двух и двух лещей
Со стерлядью большой в кастрюлю положила
Да лучку, корешков и соли не забыла.
Кондрата Кузьмича с хозяйкой пригласила
И дорогим гостям ушицу подает.
 Отведали — но в душу им нейдет.
Что ж так? Проклятая уху пересолила!

Иной остряк иль баловень-пиит
Уж так стихи свои пересолит,

Или, как говорят поэты-обезьяны,
Положит густо так *румяны*,
Что смысла не видеть.
Охота же кому бессмыслицу читать!

ЧЕРНЫЙ КОТ

п о с в. л. я. н.

Вы любите кота?
Любите: он ведь сирота!
Малюткой вам еще достался!
Кто подарил его, тот с жизнью расстался!
Отличен всем ваш кот: умом и красотой!
Пленяет взоры он своею пестротой.
Какая белизна с блестящей чернотой!
Гордяся быть у вас слугою,
Как важно спину он сгибает вверх дугою
И, лаптяся вокруг вас, мурлычит и ворчит!¹
Как мил, когда, против дивана,
Свернувшись клубком, он на шкапу лежит
И, шейку приподняв, по временам глядит,
Как госпожа его сидит
За нотами у фортепьяна;
Огонь блестит в его глазах,
Игрою вашей очарован,
Лежит, как будто бы прикован,
Не думает и о мышах.
Да ест ли он мышей? Он вами избалован,
Шерсть лоснится, так он жирен!
А нечего сказать, прекрасен и умен!

Коты и все умны; но только лицемеры:
Я знаю многие примеры.
Сказать ли сказку вам про черного кота,
Который уж в преклонные лета
В молоденькую мышь влюбился
И чуть-чуть жизни не лишился?

¹ Полустишие, украденное у И. А. Крылова (см. басню „Кот и Повар“).

Кот этот был злодей:
В анбарах, в погребах его все трепетали;
И усачом его, арабом называли;
Жестокосердием превосходил судей
В республиках во время бунта —
Хотя говядины ел каждый день полфунта;
Но все мышей и крыс и воробьев ловил,
Ловил — да и давил.

Однажды Мышку он увидел молодую,
Такою
Прелестную, какой ни разу не видал.
Увидел, изумился,
Глазами засверкал,
И по уши в нее влюбился
На старости мой черный Кот:
Подвластны все любви — и человек и скот.

Хотел Кот броситься пред Мышкой на колени;
Но та бегом, бегом из комнаты да в сени,
И в норку — юрк.
Простерся Кот перед норкою,
Лежит гора горою.
«Виновница моих смертельных мук! —
Он Мышке говорит, вздыхая
И лапу в нору запуская, —
Люблю, люблю тебя, дай на себя взглянуть;
Я честный кот, все кошки это скажут,
И боги пусть меня накажут,
Коль я хочу. . .» — «Я не хочу! —
Из норки Мышь кричит арабу-усачу. —
Ну не хочу и не хочу!»

Поджавши хвост, повеся вниз головку,
Пошел Кот бедный прочь;
Опять пришел назад, провел у норки ночь;
Не только говорил — и плакал, но плутовку
Никак не мог он убедить,
Чтоб вышла, показала глазки, —

Напрасно было все: как слезы, так и ласки.

Решился наконец ее он подарить

И говорит: «Послушай,

Вот, милая, тебе ветчинный свежий жир,

Голландский лучший сыр,

Конфеты. . . я уйду; ты без меня покушай. . .»

Сказал, дары свои у норки положил.

Вдохнул и скрылся.

Назавтра Кот опять с гостинцами явился,

И с месяц каждый день к жестокой он ходил.

Чего он ей не говорил!

Чего, чего не приносил!

Но тщетно все — любить его Мышь не хотела

Или хотела, да не смела.

А Кот

Совсем уж стал не тот:

Разбюем он не занимался;

По крышам, чердакам, анбарам не таскался,

Мышей и крыс не ел;

Ужасно похудел,

Чуть ноги волочил и так, как тень, шатался.

К возлюбленной его дошла о том молва,

Неопытная удивилась;

От жалости едва-едва

Она не прослезилась;

Но на свидание с зубастым не решилась,

Хотя и слышала, что скоро он умрет.

Вот наконец приходит к норке Кот.

Чуть дышит! В чем душа! Совсем доска доскою!

«В последний раз тебя, мой свет, я беспокою, —

Так говорит губитель прежний крыс, —

Ты на меня не осердись:

Грешно и на врагов пред смертью их сердиться.

Пришел с тобою я проститься.

Что делать, если я любимым быть не мог!

По крайней мере, я умру теперь у ног

Твоих... прости!..» С сим словом протянулся...
Лежит час, два — не смеет идохнуть.
Вот Мышке вздумалось на мертвеца взглянуть, —
Из норки выползла — поближе — Кот очнулся,
 Как тигр на бедную прыгнул,
 Когтями так ее давнул,
Что только пискнула и поминай как звали! ¹
 С отчаянья, с печали
 Не знал, что делать, Кот;
Вот Мышку в зубы он берет,
Потом перед себя кладет...
Глядит, как Сибарит на статую Венеры.
 Глядел, глядел,
 Да всю и съел, —
Опять стал есть мышей, опять он растолстел!

Всего противней мне Тартюфы лицемеры!
 О как бы я был рад,
Когда бы поскорей они попали в ад!

КУПЕЦ МОШНИН

В Калуге был купец Мошнин,
Нет, именитый гражданин.
Торговлю отправлял он многие уж годы,
Не знал, что есть наклад, а только богател.
 Чего он не имел?
Суконны фабрики, чугунные заводы,
С которых получал великие доходы;
Деревни сыновьям с чинами покупал,
И всякий перед ним поклоны в пояс клал.
Все деньги у него, как в банке, занимали,
Однакоже они в долгах не пропадали;
Прикащики его отнюдь не воровали;
 Возьмет ли откуп, иль подряд,
 Наверное найдет тут клад!
 За то его и называли
 В Калуге колдуном.

¹ Полустишие, украденное у И. И. Дмитриева из басни „Зяц и перепелка“.

Жил очень хорошо, как чаша полон дом!
Держал открытый стол, давал пиры и балы;
Обедать ездили к нему и генералы.
Приятель Мошнину купец был Бородин.
Вот как-то, подгуляв один с ним на один,
Тот искренно ему признался,
Что счастие его в торговле удивлялся.
Мошнин расхохотался
И наконец сказал: «Послушай, брат Семен,
Всегда тот счастлив, кто умен.
Знай, я, не испытавши броду,
Не суюсь в воду:
Есть разум у меня, и от того богат;
Убытков не несую, зато я осторожен!»

Лет через шесть попал наш умник в магистрат —
Не в члены, а в тюрьму! За что ж?
Был много должен;
Остался только лишь на нем кафтан один,
И он почти мирским питался подаяньем.
В то время с ярманки приехал Бородин;
Идет к нему и с состраданьем,
С слезами говорит: «Что сделалось с тобой!» —
«Судьба!» — тот отвечал. А вот какой судьбой
Мошнин бедняжка разорился;
При откупах погорячился,
И всех соперников своих он победил,
Да после миллион за это заплатил.
Должник его себя тут объявил банкротом;
Прикащик сделался из честного вдруг плутом;
Один сынок деревню промотал;
Другой сто тысяч проиграл,
А, кажется, он их как должно воспитал!
К тому ж за молодой, второй своей женою
Заводы укрепил, хоть в ней нашел врага
И получил еще на старости рога.
Судьба! Судьба всему виною!

Вот так-то в счастья гордимся мы умом;
В несчастья вину всю на судьбу кладем.

КАРЕТА И ЛОШАДИ

Ах! Если бы хотя под старость дал мне бог
Местечко где-нибудь такое,
Где б мог остаток дней я провести в покое,
Где б взятки брать иль красть я мог, —
Клянуся честью и совестью моею,
Уж дал бы знать себя! Что? Скажут: *не умею?*
Пустое! Выучусь, лишь только захочу,
Да многих, может быть, еще и поучу.
Взгляните: грамоте иные не умеют,
А как живут! Как богатеют!
Вот главное: *иметь не надобно стыда.*
Отставят? Отставляй, и это не беда:
Коль наживу полмиллиона,
В отставку сам тогда пойду без пенсионера.
Рассказывал один знакомый мне купец
(Не здешний и теперь едва ли не покойник),
Что в городе у них советник был делец,
Великий взяточник, невежда и законник:
Указ прибравши на указ,
Оправит всякого за денежки как раз.
Когда напишет сам экстракт, определенье,
Хоть юрисконсультам отдай на рассмотрение:
В законах пропуска, ей-богу, не найдут,
А дела не поймут!
Так спутает, так свяжет
И белым наконец вам черное покажет.
Кто больше даст ему, тот у него и прав;
А там в глаза ругай, он ничего не скажет,
Такой имел уж нрав!
Проситель подарил советнику карету;
Соперник же, узнав о том через людей,
Не знаю, по чьему совету,
Прислал к советнику четверку лошадей.
Он принял их, и я бы сделал то же.
Как четверня была кареты подороже,
То в пользу лошадей и сделан приговор.
Объявлено истцу с ответчиком решение.
Вот вечером катит к советнику на двор
Бедняк, что потерял с каретою имень.

Всердцах кричит ему: «Бездельник! Шельма! Вор!

Ты обманул меня; отдай мою карету». —

«Да, как не так!» — «И совести-то нету!

Отдай; в присутствии при всех я расскажу». —

«Так что ж?» — «Свидетелей представлю, докажу;

К присяге ведь тебя притянем». —

«Пожалуй, присягать мы станем». —

«Ты взял карету, взял?» — «Ну что же, взял, так взял!» —

«А чалых четверню кто, кто к тебе прислал?» —

«Соперник твой, на нем ищи своей потери:

Ведь чалые свезли карету со двора.

Однако ужинать пора.

Прощай, вот бог, вот двери!»

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

Предвидя свой конец, Петр лавочник в грехах

Духовному отцу признался

И смерти дожидался.

Жена стоит пред ним в слезах.

«Не плачь, — он ей сказал, — Дуняша!

Ты знаешь, сколько нам приносит лавка наша;

Беда, коль отойдет от нас теперь Кузьма;

Видь замуж за него, людских речей не бойся. . .» —

«Ох! батюшка, не беспокойся:

Я это думала давно уж и сама».

ПЬЯНИЦА И СУДЬБА

В ночь темную, зимой,

Подъязычий пьяный шел через реку домой,

С прямой дороги сбился

И где ж? У полыньи, каналья, очутился!

Споткнулся и на край на самый повалился;

Заснул и думает, что он на съезжей спит;

На чистом воздухе, как богатырь, храпит.

Ну если б только он во сне поворотился?

Тогда б прощай и взятки и вино!

Пошел бы к тюленям на дно!

Случись же так: Судьба тут мимо проходила,
Приблизилась к нему,
Тихонько разбудила
И говорит ему:
«Проснись, здесь полынья, опасно!
Встань, встань! . . . Постой, тебе я помогу. . .
Вот лучше ляг подальше на снегу,
Там мягче. . . ну вот так, прекрасно!
Когда б ты утонул, тогда бы всю вину
Сложили на меня одну».

И подлинно! В чем мы Судьбу не обвиняем?
Именья ль глупо расточим
Иль от страстей своих здоровье потеряем,
Всегда уже Судьбу, а не себя виним.

СОВЕСТЬ РАЗБОЙНИКА

Попа пред казнию Разбойник попросил.
Приходит поп. Ему тот в ноги повалился
И прослезился.
«Простит ли бог меня?» — Он у него спросил. —
«Покаяться тебе чистосердечно должно. . .
Ну, сколько душ ты потерял?» —
«Да как упомнить можно!
Я, право, не считал». —
«А что, посты, чай, соблюдал?» —
«Помилуй, батюшка! Да разве я татарин.
Чтоб не соблюл поста!
Избави бог, я христианин;
Так стану ль мясом в пост сквернить свои уста!»

И не разбойники за грех большой считают
В пост оскоромиться, обедню прогулять;
А ближнего оклеветать,
Имение и с ним нередко жизнь отнять
В достоинство еще и в честь себе вменяют.

КАПРИЗ ГОСПОЖИ

«Послушай, маменька мой друг, —
Супруге говорил супруг, —
Ванюшка давиче мне в ноги повалился. . .» —
«Что, верно пьян вчера напился?»
Ну, папенька, прости для праздника его.» —
«Нет, маменька, не то; он, знаешь ли, влюбился». —
«Влюбился! А в кого?» —
«Да в горничную Катерину:
Охотою идет Катюша за него». —
«Велю я положить женитьбу им на спину!» —
«Ты шутишь?» — «Никогда я с вами не шучу». —
«Послушай, маменька. . .» — «И слушать не хочу!
Жените их, а я уж на своем поставлю,
В деревню их отправлю
И там свиной пасти заставлю.
Вот вздумали женить слугу!
Да я, сударь, терпеть женатых не могу».

КУПЕЦ БРЮХАНОВ

Когда б я был богат, я все бы спал да ел,
Еще бы пил, и так бы растолстел,
Чтоб скоро с Пробтером¹ сравнялся.
Ничем бы уже я тогда не занимался:
Сидел бы и лежал;
Стихов бы даже не писал,
А только б прежние приятелям читал.

Однако чересчур быть толстым также худо.
В Москве я знал купца — осьмое, право, чудо!
Представьте: он сажень почти был в вышину
И два аршина в ширину.
Однажды из его кафтана,
Без спора, без хлопот,

¹ Ужаснейшей толщины англичанин, о котором Княжнин упоминает в Послании от Дяди Рифмоскрипа к Племяннику.

Обил обойщик два дивана
 И для жены еще украл тут на капот.
 Ну, нечего сказать, мой Брюханов был диво!
 А как тянул он пиво!
 Как ел! Зато не мог ходить
 И заставлял себя по комнатам водить.
 Держал он, по совету
 Искусных докторов, престрогую диету,
 Пускал и кровь, — все пользы нету.
 Без ужина сыпал на жестком тюфяке
 И наконец на голом сундуке:
 В лице немного станет хуже,
 Глядишь — а платье уже!
 К несчастью, мой толстяк купец
 Бездетный был вдовец.
 Одни прикащики с ним жили,
 И многие из них сродни ему хоть были,
 Но в лавках у него и в доме все щечили.
 Добра-то же, добра!
 Ломилися шкапы от серебра.
 Однако без смотренья
 Дошел бы наконец совсем до разоренья:
 Он счетов три года уже не поверял;
 Так мудрено ль и весь утратить капитал?
 Решился Брюханов жениться,
 Не для того, чтобы наследников иметь,
 А чтоб жена могла за домом приглядеть,
 И перестал лечиться.
 Когда есть деньги у кого,
 Хоть будь урод, пойдут охотно за него.
 Притом же не искал жених наш ни богатства,
 Ни красного лица; искал себе жену
 Для облегчения в заботах, для хозяйства;
 И сваха честная нашла ему одну
 Девуцу пожилую,
 Лишь под сорок, такую,
 Пресмирную, хозяйку дорогую:
 Без арифметики по пальцам все считает;
 Крупинка у нее, и та не пропадет;
 Пример для всех купчих: тиха, скромна, учтива,
 В компании важна и молчалива.

LXIX. *Тютючки.*
Капризы Барыни

«Послушай, маминька мой другъ,
Супругъ говорилъ супругу:
Вакхюша давите мнѣ въ ноги повалится...»
— Это, вѣрнѣе тѣбѣ вчера катилса?
Ну, глупышка, прости для справедливна его. —
«Нѣтъ, маминька, не то; онъ, знаешь ли, влюбился.»
— Влюбился? а въ кого? —
«Да въ горничную Катерину;
Озотю и идетъ Катюша за нею.»
— Вамъ я поможемъ фемитвду иль на стипу! —
«Тѣ шутить?» — Нипогда я съ вами не шучу. —
«Послушай, маминька... — Услышать не могу.
Фемите шръ, а я уфъ на своемъ поставлю:
Въ деревню шръ оттарюлю
И тамъ свиней части заставлю.
Вотъ вздумали фемитв случу!
Да я, сударь, терпѣть фематвуръ не могу. —

(27 Фев.
1817).

Нельзя пересказать, как Брюханов был рад,
Что бог ему послал такой завидный клад.
Какое сделал он приданое невесте!
И сколько подарил парчи ей, жемчугу,
Серег, перстней — всего припомнить не могу,
А свахе сто рублей да лисью шубу в двести.
В три тысячи ему стал на другой день бал.
Лишь только молодой на нем не танцовал.

Вступила наконец в хозяйство молодая, —

Пошла тут кутерьма такая,

Что боже упаси!

Святых вон понеси;

С утра до вечера бранится и дерется,

А мужу бедному всех больше достается!

Коль скажет что, беда, — беда, коль и молчит.

Пропал сон у него, пропал и аппетит.

Прошло недели три, четыре, —

Кафтан день ото дня становится все шире.

Вот начал уже сам ходить.

Пойдешь и нехотя, как палкой станут бить.

Нашел в супруге он находку!

Куда девалась его вся толщина!

Как раз избавила его от ней жена —

Простыми средствами — и вогнала в чахотку.

Осталась через год лишь тень его одна!

От лишней тягости кто хочет свободиться,
Тому на злой жене советую жениться.

ПРОСТОДУШНАЯ

Параша девушка премилая была;

В деревне с матерью жила

И вместе с ней хозяйством занималась.

Скромненько, просто одевалась,

Романов в руки не брала

И, кроме сонника, других книг не читала,

А только кружева плела

Да в пѣльцахъ вышивала.
Исполнилось ей уже семнадцать лет;
Пора узнать ей свет,
Пора пристроить уж и к месту.
Приданого ж за ней: большой в Зарайске дом,
Пять тысяч в банке серебром
И триста душ. Неправда ль, что невесту
Такую дай бог хоть кому...
Хоть предводителю в уезде самому?
Но женихи в уездах редки:
Сорокины, мои зарайские соседки,
В девицах все еще сидят,
И им уже сто лет обеим, говорят.
По первому пути зимою,
Лишь начался Филиппов пост,
Парашу маменька взяла в Москву с собою
И прямо — на Кузнецкий мост.
Там у французенок обнов ей накупила,
Как куколку ее по моде нарядила,
И начала учить Парашу танцевать,
Чтоб святками могла в собраньи побывать.
Вот святки уж пришли: Параша выезжает,
И с важной маменькой своей
Собранья, клубы посещает.
Недели не прошло — явилось у ней
Двенадцать женихов, штаб, обер-офицеры,
Большую частью кавалеры;
Но всех счастливее был ротмистр Пустельгин:
Параше только он понравился один,
И чем же? Черными поддельными усами.
Другие были с орденами
И лучше во сто раз,
Но без усов, так им отказ.
В Крещенье Пустельгин с Парашей обручился;
От радости он ум последний потерял;
Всем уши о своей невесте прожужжал.
«По чести, — говорил, — я век бы не женился,
Когда бы феникса такого не сыскал:
Красавица, умна, скромна, тиха, послушна,
И что милей всего, то очень простодушна.
Невинность сущая, а ей семнадцать лет!

Поверьте, что другой такой в столице нет.

В сорочке, право, я родился!»

Через месяц Пустельгин женился

И новый сделал в долг себе к венцу мундир;

Невеста множество имела бриллиантов,

В копейку свадебный стал пир!

При громе певчих, музыкантов

Шампанское лилось рекой;

А ужин был какой!

Пять лучших поваров его приготавливали;

Часов в одиннадцать из-за стола уж встали.

Лишь польский заиграли,

Парашу увели — все гости по домам —

За исключением двух самых близких дам.

Вот новобрачную раздели;

Сидит в дезабилье на креслах у постели.

Явился в шлафроке пред ней ее супруг.

Параша бедная краснеет.

Целует он ее — и вдруг

Она, как смерть, бледнеет,

Вся сморщилась и слезы на глазах.

«Что, ангел мой, с тобой?» — спросил ее муж. — «Ах!

Ах, дурно, дурно мне! Нет мочи! Помогите! . . .» —

«Прикажешь каплей, что ли, дать?»

Или за доктором послать?» —

«За акушером? Да, скорей, скорей пошлите».

ПЬЯНИЦА

Пьянюшкин, отставной квартальный,

Советник титулярный,

Исправно насандалив нос,

В худой шинелишке, зимой, в большом мороз,

По улицам шел утром и шатался.

Навстречу Кум ему, майор Петров, попался.

«Мое почтение!» — «А! Здравствуй, Емельян

Архипович! Да ты, брат, видно

Уже позавтракал! Ну, как тебе не стыдно?

Еще обеден нет, а ты как стелька пьян!» —

«Ах! Виноват, мой благодетель!

Ведь с горя, мой отец!» — «Так с горя-то и пить?» —

«Да как же быть!
Вот бог вам, Алексей Иванович, свидетель:
Есть нечего; все дети босиком;
Жену оставил я с одним лишь пятаком.
Где взять? Давно уже без места я, несчастный!
Сгубил меня разбойник пристав частный!
Я до отставки не пивал:
Спросите, скажет весь квартал.
Теперь же с горя как напьюся,
То будто бы развеселюсь. . .» —
«Не пей, так я тебе охотно помогу». —
«В рот не возьму, ей-богу, не солгу;
Господь порукою! . .» — «Ну, полно, не божися.
Вот крестникам снеси полсотенки рублей». —
«Отец! . . дай ручку. . .» — «Ну, поди домой, проспися,
Да чур смотри вперед не пей».
Летит Пьянюшкин наш, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упал раз пять среди дороги;
Летит. . . домой? О нет! Неужели в кабак?
Да? как бы вам не так!
В трактир, а не в кабак, зашел, чтобы промена
С бумажки беленькой напрасно не платить;
Спросил ветчинки там и хрена,
Немножко так, — перехватить,
Да рюмку водочки, потом бутылку пива,
А после пуншику стакан. . .
Другой, и наконец, о диво!
Пьянюшкин напился уже мертвецки пьян.
К несчастию, еще в трактире он подрался,
А с кем? За что? И сам того не знал;
На лестнице споткнулся и упал,
И весь, как чорт, в грязи, в крови перемарался.
Вот вечером его по улице ведут
Два воина осанки важной,
С секирами, в броне сермяжной,
Толпа кругом. И кум где ни возьмися тут.
Увидел, изумился,
Пожал плечами и спросил:
«Что? верно с горя ты, бедняк, опять напился?» —
«За здравие твое от радости я пил!»

У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьяным быть;
Закается лишь только пить,
Да и напьется вскоре.
Однако надобно, чтоб больше пил народ:
Хоть людям вред, зато откупщикам доход.

ПРИКАЗНЫЕ СИНОНИМЫ

Какой-то человек имел в Приказе дело.
Он прав был и богат; итак, взяв денег, смело
К секретарю ранехонько идет,
Челом ему, а сам мошонку вынимает
И перед ним на стол крестовики кладет.
Тот, бросивши перо, просителя сажает,
Но с денег сам не сводит глаз.
«Вчерашнего числа в Приказ
Я подал, батюшка, прошение. . .» —
«Читал его, ты прав! Все знаю!» — «А решенье
Когда последует? Осмелюсь спросить». —
«Да стоит только доложить. . .
А там и в город свой ты можешь убираться,
Чем здесь напрасно проживаться». —
«Счастливо ж оставаться!»
Проситель через день пришел опять в Приказ.
«Что ж, батюшка, указ
По делу моему? Когда б сегодня можно. . .» —
«Ведь я сказал тебе, что доложить мне должно».
Проситель принужден был с месяц тут прожить.
И слышал то ж да то: *лишь только доложить*.
Не знал, что делать, челобитчик;
Но сжалился над ним повытчик.
«Ну полно, не тужи, —
Шепнул он так ему, — всю правду мне скажи,
Что дал Секретарю?» — «Да двадцать пять целковых». —
«Ну, так десяточек еще ты доложи.
Да мне пять рубликов. Учи вас, бестолковых!
Не смыслите, что доложить
Все то же, что и приложить».
Фунт чаю взять еще с тебя за объясненье».

Истец исполнил все тотчас,
И на другой же день, как раз,
Поспел экстракт, определенье,
И выдали ему указ.

ЛГУН

Павлушка *медный лоб* (приличное прозвание!)
Имел ко лжи большое дарованье.
Мне кажется, еще он в колыбели лгал!
Когда же с барином в Париже побывал
И через Лондон с ним в Россию возвратился,
Вот тут-то лгать пустился!
Однажды. . . ах, его лукавый побери! . .
Однажды этот лгун бездушной
Рассказывал, что в Тюльери
Спускали шар воздушной.
«Представьте, — говорил, — как этот шар велик!
Клянуся честью, такого не бывало!
С Адмиралтейство! . . Что? Нет, мало!» —
«А делал кто его?» — «Мужик
Наш Русский, маркитант, коломенский мясник,
Софрон Егорович Кулик,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это летом в ночь,
В день именин Наполеона.
На шаре вышиты герб, вензель и корона.
Я срисовал — хотите? — покажу. . .
Но после. . . слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шаре посадили
Пять тысяч человек стрелков
И музыку со всех полков.
Все лучшие тут виртуозы были.
Приехал Бонапарт, и заиграли марш.
Наполеон махнул рукою —
И вот Софрон Егорыч наш,
В кафтане бархатном, с предлинной бородою,
Как хватит топором, —
Канат вмиг пополам; раздался ружей гром,
Шар в небе очутился

И вдруг весь газом осветился.
Народ кричит: «Diable Vive Napoléon!
Bravo, monsieur Sophron!»
Шар выше, выше все — и за звездами скрылся...
А знаете ли, где спустился?
На берегу морском, в Кале!
Да, опускаясь к земле,
За сосну как-то зацепился
И на суку повис,
Но по веревкам все спустились тотчас вниз;
Шар только прорвался и больше не годился...
Каков же мужичок *Кулик?*» —

«Повесил бы тебя на сосну за язык, —
Сказал один старик. —
Ну, Павел, исполать! Как ты людей морочишь!
Обманывал бы ты в Париже дураков,
Не земляков.
Смотри, брат, на кого наскочишь!..
Как шар-то был велик?» —
«Свидетелей тебе представляю, если хочешь:
В объеме будет с полверсты». —
«Ну как же прицепил его на сосну ты?
За олухов, что ль, нас считаешь?
Прямой ты *медный лоб!* Ни крошки нет стыда!» —
«Э! Полно, миленький, неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда*».

ТАК, ДА НЕ ТАК

Был жадный Воевода
(Давно его уж прибрал бог),
Богатым друг, враг бедного народа,
Без взяток дня пробыть не мог!
Однажды поутру пришел к нему приятель,
Питейных сборов содержатель,
И говорит: «Из Питера сейчас
Я получил письмо; мне пишут, что в правленьё
К вам с той же почтою отправится указ
Сената, чтобы мне отдать за долг именье

Корнета Тройкина. Вот, делай одолжение!
 Наличных у меня взял тысяч шестьдесят,
 А за имение дадут ли пятьдесят! . .
 Но сам я виноват; введите во владенье». —
 «Не можно, братец, сделать так». —
 «Как?»
 Сенат велел, так сделать должно». —
 «Конечно, только так не можно». —
 «Помилуйте, Сенат. . .» —
 «Все знаю, брат!
 Пускай велел Сенат отдать тебе именье:
 Мы по сенатскому указу исполненье
 Сегодня ж сделаем. . . однако все не так. . .» —
 «Ах, извините, — ну какой же я дурак!
 Забыл вам доложить: ко мне вчера прислали
 Из Оренбурга две прекраснейшие шали;
 Из них одну. . .» —
 «Да обе уж пришли: я подарю жену,
 Другую дочери». Проситель поклонился
 И с шальями чрез пять минут назад явился;
 А Воевода тот же час
 Послал подьячего в правленье,
 И написали там Откупщику как раз
 Указ
 О вводе во владенье.

И взятки брать ведь надобно уменье!
 Вот воевода мой хоть глуп, но не дурак,
 Он ничего не делал так.

ДУРА ПАХОМОВНА

Не дай Бог с дураком связаться, —
 Сказал Иван Андреевич Крылов.
 А с дурою? . . Могу признаться,
 Что дуры во сто раз опасней дураков,
 И тем опасней, чем моложе,
 Красивее, лицом пригоже.
 Боюсь дур: молодых, пригожих не люблю;
 А старых и дурных, ей-богу, не терплю.

Пахомовны старушки сын,
Не помню города какого мещанин,
Который некогда был где-то маркитантом,
Решился сделаться . . . бумажным фабрикантом!
Весь нужный инструмент достал
И по ночам работать стал.
На пробу сделал он синюшку
И матушку свою старушку
Послал бумажку разменять.
Та в лавочке и разменяла,
Хоть в деньгах счет не так-то знала,
Да и на что старухе знать?
Вот мастер наш прилежно работает,
Бумажки все приготавливает,
А матушка меняет,
И разменяла так она бумажек шесть.
Знать надобно б и честь.
Нет, дай седьмую ей принести.
«Откуда, старая, бумажки ты таскаешь?» —
Воскликнул Лавочник Егор. —
Где взять тебе? Твой сын и пьяница и вор.
Уж не фальшивые ль бумажки ты меняешь?» —
«Фальшивые? Что ты, козлиная борода!
Мой сын сам делает бумажки. . .» — «Сам?» — «Да!
да!»

Плохая вышла шутка!
У лавочки стояла будка.
«Фадееч! — Лавочник с испуга закричал, —
Сюда!» и за ворот старуху крепко взял.
Явился в лавочку Фадееч с миной важной,
С секирою, в броне сермяжной.
Он грамоте немножко знал
И ассигнацию фальшивую признал.
Мгновенно учинил свое распоряженье,
Чтоб мастер с фабрики куда не ускользнул,
Пахомовну раз пять ругнул,
А к Надзирателю отправил доношенье.
Потом к Пахомовне гурьбою в дом пошли
И за работою сынка ее нашли;
Веревкой обоих рука с рукой связали,
На съезжую с триумфом отвели;

Судили, наказали —
И слезы тут не помогли!
А бедная уж выла, выла,
Что сдуру и себя и сына погубила.

СЛУЖАНКА

Беда некстати разболтаться!

В какой-то дом пришла
Служанка наниматься.
«Скажи мне, душенька, где прежде ты жила?
Что делала?..» — «Жила-с я у моста Тучкова,
У маклера Волчкова.
Женат, сударыня, на третьей он жене;
Дочь старшая меня немного помоложе;
Совсем почти уж сед, а приставал ко мне!
Бог знает что сулил, да честь всего дороже!
Я отошла. Потом жила у Покрова,
У Галкиной; она вдова:
При флоте здесь служил ее муж Комиссаром.
У ней жил Мичман бедный... даром...
Племянник, по ее словам, —
Уж правда или нет, о том судить не нам!
Хоть беден, но зато и молодец собою!
Ему осьмнадцать лет, а ей уж тридцать пять!
А как она ряба! худа! доска доскою!..
Изволила меня к нему приревновать!
У немца Доктора я после нанялася —
И тут не ужилася!
Муж мот, жена скупа;
Представьте: кофею мне даже не давала!
Да и сама какой пивала!
С цикорием! Еще жила я у Попа;
Немного пил старик; дочь у него невеста,
Скажу, что модница! Зато коса, глупа!..» —
«Прощай, голубушка, ищи другого места» —
«Помилуйте! да чем я так противна вам?
Сшить, вымыть, выгладить умею,
Все в доме сделать разумею,

И десять лишь рублей. . .» — «Полушки я не дам». —
«Да чем же так я несчастлива?
Чем не понравилась?» — «Болтлива!»

ДУРАК ФИЛАТКА

У Толстосумова дурак Филатка был.
Не видывал еще я дурака такого!
Глупее барина! И барин, как роднова,
Филатку дурака любил,
Поил его вином и всюду брал с собою.
Филатка все в деревне жил.
Вот как-то господин поехал с ним водою
Из Нижнего в Казань. Филат тому был рад:
На все зевал, всему дивился;
Однако ничему в пути не научился.
Приехали назад.
Чорт дернул ключницу Маланью
О путешествии спросить у дурака.
«Дервня наша велика,
А не сравняется ни с Нижним, ни с Казанью, —
Филатка говорит. — Церквей! Крестов, крестов!
Тебе не сосчитать, не только что домов!» —
«Ну что ж там, хорошо?» — «И ведомо, не худо!
А вот на Волге я, скажу, уж видел чудо!» —
«Какое?» — «Знаешь ли? Бежим на парусах,
И домы-то на берегах,
Деревья все бегут! Мы к берегу пристали, —
Они, как вкопанные, стали.
Опять поехали, опять бегут, бегут!» —
«Прямой, Филат, ты шут!
Тебе казалось так, а домы-то стояли». —
«Э! нет, Маланьюшка, бежали!» —
«По-твоему! Да ты ведь, правда, без ума!» —
«Так дура ты сама!
Я говорю тебе, коль хочешь — побожуся:
Бежали домы все назад». —
«Ну полно врать, Филат!» —
«Смотри, Маланья, я с тобою не смеюся.
Не веришь, что ли?» — «Нет». — «Бежали!» —
«Как не так!» —

«Поверь же, говорю». — «Да разве я взбесилась!»
Филат, чтоб убедить, покрепче сжал кулак,
Занес. . . и ключница во всем с ним согласилась.

Я спорить с умными люблю:
От споров с ними я учуся;
Но спорить с глупыми боюсь
И им всегда, во всем охотно уступаю.

ДВЕ КОЗЫ

По жердочке чрез ров шла чопорно Коза,
Навстречу ей другая.
«Ах, дерзкая какая!
Где у тебя глаза?»
Не видишь разве ты, что пред тобою дама?
Посторонись!» —
«Направо кругом обернись
Сама, а я упряма. . .
Да почему ты дама?
Такая же коза, как я». —
«Как ты? Ты чья?»
Ты шустера Абрама,
А я Исправница! Исправник барин мой!
Майор!» — «Так что ж? И мой осьмого также класса,
Честнее твоего драбанта Брамербасса
Да поумней, чем твой.
Абрам Самойлыч Блут, штаб-лекарь,
Всем лекарям у нас в губернии пример:
Он оператор, акушер;
Им не нахвалится аптекарь.
А твой Исправник-то головкой очень слаб,
В делах он знает меньше баб,
Лишь мастер драться с мужиками,
Дерет с них кожу он обеими руками.
Неправду, что ли, говорю?
Пойдем к секретарю
Иль к стряпчему; спроси». — «Вот я ж тебя рогами». —
«Есть роги и у нас; бодаемся мы сами». —
Сошлись, нагнувшись, и стукнулись лбами.

Летит исправница, штаб-лекарша летит,
Летят вниз обе вверх ногами.
Ров преглубокий был; на дне лежал гранит.
Бух! — Козы об него, и поминай как звали!
Вороны с галками тут долго пировали.

Пустая, право, честь
Вперед итти или выше сесть.
Что до меня, так я, ей-богу,
Дам всякому скоту дорогу.
Признаться, я ведь трус:
Скотов и женщин злых особенно боюсь.

СОБАЧЬЯ ЗАВИСТЬ

Барбоска у крыльца избы людской лежал.
К нему без памяти вдруг Жучко прибежал
И говорит: «Барбоска!
Ведь господа
Приехали из Питера сюда,
А с ними моська,
Хрипунья старая, Полкан. . .» —
«Щенчишка?» — «Погляди, какой стал великан!
Да как пристал к нему ошейник. . .» —
«Ошейник? Ах, мошенник!
Давно ли я таскал за шиворот его?
Нам, старикам, так ничего?
Ну, право, господа не знают,
За что так награждают!
Да попадись он мне, то я уж проучу:
Как за уши схвачу
И тряску
Такую дам. . .» —
«А вот он сам;
Ну, дай-ка, брат, ему острастку».
Взглянул Барбос, —
По жилам пробежал мороз:
Собаку страшную он видит пред собою;
Полканка был не то, что за год перед сим,
Нет, не Барбоске ладить с ним.

Ретироваться он хотел бы прежде бою.
Вскочил подлец. Не знает, что сказать,
Хвостом вертит — и ну щенка лизать.

Вот так-то Гур Пафнутьич рассердился
На Разумова, что тот орден получил.
«Да как он к нам определился,
Я уж тогда... в архиве был
Помощником! А он был что? Мальчишка,
Так, школьник, писаришка!
Теперь ассессор, кавалер!
А я уж тридцать лет, как обер-офицер,
Но нету у меня и бронзовой медали;
Писцу же так крест дали!» —
«Послушай, Гур: был Разумов писцом,
И мы с тобой писцами были;
Он после сделался дельцом,
Служил с отличием; за то и наградили.
Что сделает он в день,
Того, хоть пять очков надень,
Не сделаешь и в год, как ты ни хоробрился». —
«Молчать, архивна крыса!»

ЗАВЕТНОЕ ПИВО

Фома на завтрак звал Кузьму
И, после водки,
Так говорил ему:
«Покушай-ка селедки.
Ну, что за сельдь! Крупна, жирна;
А как вкусна!
Голландская, ей-богу! Без обману!
У Королева брал. Тебе-то лгать не стану...
Вот свежая икра
Из осетра...
Прикажешь лучку
Зеленого?.. Попробуй эту штучку:
Балык, да ведь какой балык!
Ну так, как мед, во рту и тает.
Нельзя не есть; возьми: кусочек невелик». —

«Помилуй! Этак я не стану и обедать». —
 «А семужки нельзя никак, чтоб не отведасть;
 Ведь из Архангельска прислал в гостинец сват.
 Покушай, брат». —

«Фома Панкратьевич, покушал я довольно». —
 «Э, как тебе не стыдно? Полно.
 Чем только лишь богат,
 Тем гостю дорогому рад...
 А вот грибочки,
 Тут рыжички, а здесь груздочки;
 И тех отведай, и других.

Груздочки хороши, а рыжики как диво!
 Здесь не найдешь таких:
 Из Вологды!» — «А в кружке что?» — «Да пиво». —
 «Ну, накормил ты молодца;
 Пожалуй-ка тепер пивца». —

«Вот этого нельзя; пей, если хочешь, водку». —
 «Помилуй, ты меня соленным все кормил;
 А пива жаль тебе!» — «Я звал ведь на селедку;
 О пиве ж ничего тебе не говорил». —

«Умилосердися! Дай промочить мне глотку». —
 «Пей водку!» —
 «Ведь пиво есть?» — «Есть про себя,
 Не про тебя». —

«Хотя кваску вели подать, Панкратьич». —
 «Есть, Елизарыч,
 И квас,
 Да лишь про нас». —

«Ей-ей, пить хочется». — «А знаешь, на хотенье —
 Терпенье».

Терпение Кузьма тут вовсе потерял,
 Встал,
 За кружку — хватъ рукою;
 Другою

Он так хозяина толкнул,
 Что опрокинул тот стол с завтраком и стул.
 Упал — кричит: «Ай! Караул!»
 Рукой дрожащею хватает
 За свой кровоточивый лоб;
 Сквозь слез грозит, ругает;
 Молчит гость, пиво допивает
 И об пол кружку — хлоп!

Красавицы-кокетки!
Ведь это вам наветки!
Зачем собою нас прельщать?
Зачем любовь в нас возбуждать
Притворной нежностью и хитрыми словами,
Когда мы не любимы вами,
И не хотите вы руки своей нам дать?
Вам весело, как мы любовь к вам жаждем;
Смеетесь, как мы страждем. . .
Не корчите Фому —
Не то попасть вам на Кузьму.

КУРИЦА И ЛЯГУШКА

«Соседка! — курице лягушка говорила, —
Ты всех нас криком оглушила!
К чему кудахтанье такое поднимать?
Неужто для того, чтоб этим весть подать,
Что ты снесла яйцо? . . . Какая же смешная!
Яйцо! Уж подлинно в том важность пребольшая,
И стоит, чтоб кричать. . .» — «Да, — курица в ответ, —
Снесла яйцо! В том важности и нет;
Но счастливой себя считаю,
Что я для тех полезною бываю,
От коих пищу получаю;
А ты, позволь спросить,
Чем кваканье свое могла бы извинить?»

ПОРТРЕТ ЛЬВИЦЫ

Лев, царь зверей,
Списать портрет со львицы, дочери своей,
Мартышке заказал. И вот она трудится,
Суетится,
И так и сяк пред львицею вертится.
То бровки проведет,
То вдруг опять сотрет,
Отскочит, приседает,
То краски подбирает
Иль, сморщась, кисть меняет. . .
Ну, словом, ей хлопот,
Как говорится, полон рот!

И львица уж терпение теряет. . .
 Но вот готов портрет. . .
 Приходит лев, за ним же вслед
 Судьи — ценить творенье.
 «Есть сходство тут, —
 Судил верблюду. —
 Пропущено одно лишь украшеньё:
 Горба недостает!» — «Рогов!» — олень сказал. —
 «Неправда! — слон прервал. —
 Нет только хоботу, а в прочем все прекрасно!» —
 «Напрасно
 Толкуете вы так, —
 Осел примолвил. — Все пустяк!
 А, верно, согласитесь сами,
 Что львица несколько обижена ушами. . .
 Их надо бы длинней пустить!» —
 «Тебе ль судить
 И свой выказывать умишко? —
 Сказал насмешливо зайчишко. —
 Напротив, никакой ошибки нет в ушах!
 Ошибка вся в одних глазах,
 И львица бы тогда была еще милее,
 Когда б глаза провесь косее!» —
 «Не надо вовсе глаз! — добавил крот. —
 Царевна не урод!»

ОСЕЛ ВО ЛЬВИНОЙ КОЖЕ

Во львину кожу нарядился
 Осел и льва задумал представлять!
 (По-свойски, на ослину стать.)
 Но как бы ни было, пред ним и барс смирился, —
 Ослу поклон!
 А он
 И пуще возгордился!
 И рыло к верху. «Прочь! — кричит. —
 Дорогу мне, дорогу! Я сердит!
 Я лев, а не осел!» — «А! а! — лиса сказала,
 Которая за ним давно уж замечала. —
 Не страшен же твой гнев!
 Льву надобности нет хвалиться

И, что он лев,
Кричать! Ну долго ль ошибиться?» —
И наглеца открыла всем.

Окончилось тем,
Что кожу львиную с осла содрали
И от себя с насмешками прогнали.

И вы, я думаю, львов эдаких видали?

.

ДОВЕДЬ

Попавшись в доведи на шашечной доске,
Зазналась шашка пред другими,
Забыв, что из одной она и кости с ними
И на одном сработана станке.
Игрок по прихоти сменил ее другою
И продолжал игру, не думая о ней.
При счастье чванство в прок бывает у людей.
Но что, скажите, в нем, как счастье к нам спиною?
О, доведи-временщики
На шахматном паркете!
Не забывайте, что на свете
Игрушки царской вы руки!

ДВЕ СОБАКИ

«За что ты в спальне спишь, а зябну я в сенях?» —
У мопса жирного спросил кобель курчавый. —
«За что? — тот отвечал, — вся тайна в двух словах:
Ты в дом для службы взят, а я взят для забавы».

ЧЕРНИЛЬНИЦА И ПЕРО

С чернильницей перо заспорили о том,
Кто новой оды был из них прямым творцом.
Вошел поэт, и спор решил высокомерья.
Такие есть везде чернильницы и перья.

БИТЫЙ ПЕС

Пес лаял на воров; пса утром отодрали
За то, что лаем смел встревожить барский сон.
Пес спал в другую ночь; дом воры обокрали.
Отодран пес за то, зачем не лаял он.

ДВА ЖИВОПИСЦА

В столицу съехались портретны мастера.
Петр плох, но с деньгами; соперник Рафаэлю —
Иван, но без гроша. От утра до утра
То женщин, то мужчин малюет кисть Петра;
Иван едва ли кисть и раз возьмет в неделю.
За что ж им от судьбы неравен так дележ?
Портрет Петра был льстив, портрет Ивана — схож.

ПОТОК И РЕКА

Реку стыдил поток, стремящийся с высот,
Что плавно так течет в долине на просторе.
«Дай срок, — был той ответ, — как красный день зайдет,
Я тише, ты быстрее — в одном сольемся море».

ДВА ЧИЖА

«О чем так тужишь ты? — чиж говорил чижу. —
Здесь, в клетке, во сто раз приятней жить, чем в поле». —
«Так, — молвил тот, — тебе, рожденному в неволе,
Но я — я волю знал, и я о ней тужу».

ДЕРВИШ И УЧЕНИК

Ученый муж, Дервиш, в час утра и обеда
Святую воду пил в колодце Магомеда.
Подметил то его нелепый ученик

И на день бегал пить раз двадцать на родник.
Какой же он имел успех с своей догадки?
Остался неучем и слег от лихорадки.

ЧЕЛОВЕК И МОТЫЛЕК

Над мотыльком смеялся человек:
«Гость утренний! По чести, ты мне жалок! —
Он говорит. — Мгновенье — вот твой век!
И мотыльку могила — куст фиалок».
За годом год торопится вослед,
И старику отсчитано сто лет.
Час смерти бьет! Старик на смертном ложе,
Вздыхнув, сказал: «И век мгновенье тоже!»

УБОГИЙ И КАМЕНЬ

Обломок каменный валялся средь дороги.
Таскающий ярмо страданья и суму
Наткнулся на него убогий
И с сердцем говорит ему:
«Природы мертвое созданье!
Зачем дано тебе существованье?
Равно встречаешь ты блеск утра, ночи тьму,
И летний жар, и зимний холод!
Бесчувственно ты ко всему». —
«А мне ль завидовать, чувствительный, тому,
Что чувствовать умеешь голод?»

БРУГОВАЯ ПОРУБА

«Какая ж лошадь я!» — свалившись с мосту в грязь,
Корова говорит. — «Какая ж я корова!» —
Упавши лошадь в ров, вскричала, рассердясь.
Такой пример нам не обнова:
Обычай этот мы найдем и у людей.
Как часто в обществе друзей,
Когда о глупостях людских идет беседа,
Друг на друга мигают два соседа!

ГУСЬ И ЗМЕЯ

«Ну был ли кто когда
Щедрее наделен меня рукой природы? —
Кричал спесивый гусь на берегу пруда. —
Покорны и земля, и воздух мне, и воды.
Все делаю, что б я ни захотел;
Препятствий нет моей непостоянной воле!
Наскучил плавать? Полетел.
Наскучилось летать? Прогуливаюсь в поле». —
«К чему изволишь, гусь, так величать себя? —
С насмешкой хвастуну змея,
Подкравшись, просвистала. —
Оленьего, мой друг, в тебе проворства нет,
С полетом сокола не равен твой полет;
А шука о тебе на дне и не слыхала!
Итак, советую смирнехонько сидеть.
И милости твоей я доложу: не трудно
На все кидаться безрассудно,
Но трудно в чем-нибудь успеть.

Поэт! Нет-нет! Рифмач! Наш трагик, наш сатирик,
Наш баснослов, наш лирик,
Назвать тебя остерегусь,
Но на ухо тебе шепну: ты тот же гусь!

РЕПЕЙНИК

В роскошном цветнике весны, нам столь любезной,
Скажи, что делаешь, репейник бесполезной?
Нет запаха в тебе, ни блеска, ни плодов.
Скажи, что ж делаешь? — «За что могу цепляюсь!»
К тебе я от него с вопросом обращаюсь,
Репейник на лугах и прозы и стихов,
Где зреют в тишине для нас плоды рассудка,
Где розы вымыслов иль скороспелка-шутка,
Скажи, что делаешь? Молчанье твой ответ.
Репейника в тебе несть искренности, нет.

ГУСЬ

В каштанах по уши у барина в дому
Гусь жирный хвастался судьбой пред уткой дикой;
Он знаки щедростей, оказанных ему,
Считал своих заслуг наградой и отликой.
«И жалко и смешно смотреть на эту спесь, —
Дикарки был ответ: — Тут есть ошибка в счете;
Живем мы про себя, вы про других живете;
Мы кормимся, а вас откармливают здесь».

ПАСТУХ И ОВЦА

Пастух стриг шерсть с овцы и говорил ей так:
«Ну, может ли меня отец нежней быть к дочке?
День целый от тебя не отхожу на шаг;
Признайся, что на свет ты родилась в сорочке!
Кормлю тебя, пою, от волка берегу,
А подрастет ли шерсть, все я ж тебя стригу». —
«Чем мне воздать тебе, о добрый пастырь стада, —
Под острием овца смиренно говорит. —
За все твои труды Зевес тебе награда;
А из чего, позволь спросить, тулуп твой сшит?»

ПОЖАР

Небрежностью людей иль прихотью судьбы,
В один и тот же час и рядом
От свечки вспыхнули обои здесь; там на дом
Выкидывало из трубы!
«Чего же было ждать?» — сказал советник зрелый,
Взирая на пожар. — Вам нужен был урок:
Я от такой беды свой домик уберег». —
«А как же так?» — спросил хозяин погорелый. —
«Не освещаю в ночь, а в зиму не топлю». —
«О, нет! Хоть от огня я ныне и терплю;
Но костенеть впотьмах здесь человек не сроден;
В расчетах прибыли ущербу место дам:
Огонь подчас во вред, но чаще в пользу нам,
А твой гробовый дом на то лишь только годен,
Чтоб в нем волков морить и гнезда вить сычам!»

ЯЗЫК И ЗУБЫ

(ВОСТОЧНЫЙ АПОЛОГ)

Один султан пенял седому визирю,
Что твердой стойкости он не имел во нраве.
«За недостаток сей судьбу благодарю!
Им удержался я и в почести и в славе, —
Сказал визирь ему, — и при дворе твоём
Средь частых перемен он был моим щитом.
Мне шестьдесят пять лет, — прибавил он с улыбкой. —
Из твердых тех зубов, которые имел,
Ты видишь — редкий уцелел.
Но все их пережил один язык мой гибкой».

БОБР И ЛИСИЦА

Лисицу встретив, бобр так начал разговор:
«Давно ль, кума, осел был всеми презираем?»

Теперь — какой позор! —

И он стал уважаем.

Не постигаю я, как мог ослиный ум
Такой произвести великий в мире шум!

На всяком сходбище зверином

И речи нет иной, как об уме ослином:

И слон и барс, медведь и волк —

И те в осле находят толк.

Ужель, лиса, осел и вправду стал умнее?»

Хоть уши у него всех наших и длиннее,

Но ведь они, кума,

Не придают ума,

И может ли осла кто в мире быть глупее?»

Так чем всеобщую хвалу он заслужил?»

Лисица хитрая, речь выслушав такую,

Сказала: «Видно, бобр, ты мало в свете жил,

Когда за истину прямую

Все принимаешь то, что гласно говорят.

Что глуп осел, в том нет сомненья никакого,

Но с той поры, как он стал знатен и богат,

Нельзя не уважать зверям осла такого.

А потому

И подражаем мы и льстим во всем ему». —

«Как! — бобр ответственал, — так, стало, по погоде

Вы разбираете достоинство зверей?»

Нет, кумушка, такой я кланяюсь моде, —

Она не по душе моей:

Достойных я зверей, конечно, уважаю,
Но, вообще, ослов
Ослами называю,
Равно как и льстецов
Льстецами величаю».

Лиса, на то бобру не зная, что отвечать,
Принуждена была пред кумом замолчать.

БАРС И ЛИСИЦА

Без всяких происков и лести,
С отменной ревностью служа век целый свой,
Неустрашимый барс, на поле брани, чести,
Во время мирное уволен был домой.
А как он на пути увиделся с лисой,
С старинной кумушкой своею,
Которая, из ничего
Богатой сделавшись придворной госпожею,
Была чиновнее и барса самого
И не в пример тучней его,
То барс, всегда гордясь заслугою прямою
И быв притом на правду строг,
Зная лисьи плутни все, смолчать никак не мог;
«Смотри-ка, — ей сказал, — с тех пор, как я с тобою
Был разлучен, кума, войною,
Где, храбро низлагав отечества врагов,
Как много похудел от ран и от трудов!
А ты так при дворе, напротив, подобрела,
Притом, как кажется, успела
И капитал нажить чрез разные пути,
И наконец меня далеко превзойти
Известностью, чинами;
А есть ведь разница по службе между нами». —
«Вот на! — лиса ему в ответ. —
Ужели воевать обязан целый свет?
Наш мудрый лев так все устроил бесподобно,
Что всякому открыл путь к счастью удобно:
Ты вышел, например, в чины чрез храбрость, кум,
А я, — лисица продолжала, —

Благоволение льва нашего снискала
Через угождение и просвещенный ум». —
«Не лучше ли сказать — чрез низость и коварство, —
Барс возразил лисе, — достигла ты сего.
Но знай, что все твои чины и все богатство
Пред службою прямой не значат ничего».

БЫК И КОМАР

Великий гурт быков из степи гнался.
Один из них особо отличался
Красивой шерстью и складным рогом
И в стаде почитал себя Пагодом.¹
Какой нет глупости в скотах рогатых!
Вот гордости подобие богатых!
Но дело не о том; а этот взрачный бык,
Казавшись сам себе до крайности велик,
Лежащих бьет ногой, идущего бодает,
А маленьких бычков всех больше обижает.
Комар, тогда все стадо облетая
И действие сего безумца замечая,
Спустился на него и сел в отверстие уха,
Прильнув, как к меду муха,
И начал петь трубач крылатый:
«О ты, преглупый скот рогатый!
Зачем ты занят так собой?
Не знаешь наперед, случится что с тобой:
Быть может, зверь иль человек
Нещадно прекратит твой век;
Тогда, конечно, сам ты горько заревешь,
Но к помощи своей уж друга не найдешь».

¹ Языческое божество или кумир у индейцев.

ЧЕРЕПАХА

Раз Черепаха Льву прошение вручила;
Она о месте Льва просила.
«В какой же должности желаешь ты служить?» —
Спросила у нее Собака.
«Я, — отвечала Черепаха, —
Хотела б скороходом быть». —
«Ну можно ли? — Собака возразила. —
Сама бы по себе ты прежде рассудила:
Ну как тебе в сем званьи быть?
Ты ползаешь, а надобно ходить!
Ты попустому Льва просила.
Так, видно, ты при знатных не служила?»
От Черепахи был ответ:
«Не по способности ведь судит ныне свет;
Лишь дал бы бог определиться!
Довольны будут здесь услугою моей».
И что ж? Искательством друзей
Дано то место ей!
И ею не могли довольно нахвалиться.

МЯТА

В одном саду, в тени сиреневых кустов,
На грядке меж цветов,
Лилей и васильков,
И мята выросла простая.
Садовник тамошний, Панфил,
Лилей, васильки водою поливая,
Любуясь ими, их хвалил;

А мята — примечая,
Одна похвал не получая,
Раздумалась с собой:
 «Жестокий жребий мой!
 Я пользу доставляю,
Но лишь одну меня не хвалят. . . Понимаю!
Мой вид не так цветист, я всех из них простей».

Как не жалеть, что свет превратно рассуждает!
Он тех честит и тех ласкает,
Кто не полезнее, а видом поцветней.

УТЮГ И МУНДИР

«Пожалуй, перестань стучать по мне, мой друг! —
Однажды утюгу сказал мундир сердясь. —
Ты видишь, я готов; мне вовсе недосуг.
 Что за привычка завелась
 Всегда задерживать, стучать?
Не хочешь ли мое ты золото отнять,
Которым я к себе вниманье привлекаю?» —
«Твою неопытность я извиняю, —
 Сказал в ответ утюг. —
Когда б глаза имел, увидел бы, мой друг,
 Что я, стуча, тебе добра желаю
 И, что измято, выправляю».

КУМ

«Дивлюся я тебе, Лука! —
Сказал сосед Пахом. — Ужель ума не стало,
Что управляющим ты принял дурака?
Как глуп! Подобного и в свете не бывало.
 Где был твой ум?» —
 «Ах, мой родной, да он мне кум».

И мой совет: кто хочет постараться
 В делах успех иметь,
На кумовство не полагаться,
А на достоинство смотреть.

СЕЛЯНИН С СЫРОМ

У поселянина был с сыром поставец.
Он сберегал его в чулане
И думал сыр продать, ждет прибыли в кармане,
А мышшь, почуя сыр, глядит и наконец —
Юркнула в поставец, засела
И сыру несколько поела.
Стал думать селянин, как горю пособить?
И вздумал кошку посадить!
Сибирскую сажает.
«Теперь, голубушка, — крестьянин рассуждает, —
Тебе уж миновалась честь!
Не станет больше сыра есть».
Проходит ночь, и рассветает.
Вот поселянин наш осматривать идет!
Глядит — и мыши точно нет;
Но с ней и сыр исчез, — как будто не бывало!
Не мышшь — так кошка dokonчала.

С неосторожностью одной беды минем, —
В другую попадем.

СОРОЧЬИ БРЕД

Зимою, спозаранья,
К крестьянину во двор сорока забралась
И стала стрекотать; крестьянка же Маланья
От сна лишь встала и, крестясь,
Идет во двор и слышит
Сорочий крик
И в избу со всех ног бежит: чуть дышит!
«Старик! старик! —
Кричит она, — до коих пор спать станешь?
Ты спишь, не взглянешь, —
Сорока во дворе у нас! Кричит с утра!
Гостей каких-то к нам создатель посылает!
Недаром мылся кот вчера, —
И он ведь будущее знает!
Сберись-ка в город ты — того-сего привезть».

Но муж молчит. «Да встань!» — И мужа разбудила,
Чтоб было что у ней гостям попить, поесть;
Послушал муж, — навез, жена пекла, варила
И наконец обед порядочный срядила,
Оделась и к окну на лавку села, — ждет;
Ждет незваных гостей; глаз с улицы не сводит.
Но нет! Никто к ним в дом не едет и нейдет.

А вот и вечер уж приходит, —

Гостей все нет!

«Так сами у себя пускай мы гости будем, —
Жена сожителю с досадой говорит, —
Сорока ж пусть вперед как хочет, так кричит,
Приметам верить позабудем!»

МУЖ И ЖЕНА

(с к а з к а)

«Жена! . . Федосьюшка. . . Да дай же ради бога
Полтинку только лишь. . . Я не прошу уж много». —
«Полтину. . . дать тебе? . . а если в доме грош?
Лишь только дай, да дай! А сам не принесешь.
Не будет. . . прочь поди. . . не говори ни слова! . .
Ах, согрешила я — не вышла за друга!
Соседка Марьюшка — как в масле сыр живет.
А ты — лишь мучишься. . . и смерть то не придет! . .

Хотя б ты умер уж скорее;

Как камень у меня на шее!» —

«Ну полно ж, не бранись». — «И я ж изволь молчать!» —

«Бог милостлив, у нас всего еще есть вволю». —

«Так надо все и пропивать?» —

«Нет, с завтрашнего дня, поверь, пить полно боле.

И буду навсегда твоей покорен воле». —

«Но что ни говори, а денег гроша нет!» —

«Федосьюшка. . . да. . . умилился. . .

Мне смерть придет. . .

Хоть гривну. . .» — «Отвяжися. . .» —

«Жена. . . ужли меня ты хочешь уморить?»

Вперед не стану пить. . . Вот бог тебе свидетель!

Ну Фенюшка! . . Друг милый! . . Благодетель! . .» —

«Не приведи господь за пьяницею быть!

Хоть глаз ему коли, не даст тебе покою.

На гривенник, злодей!
Да не вина возьми, а водочки! Не пей,
А принеси домой, — быть может, что с тобою
Хоть капельку и я от горя в рот возьму.
Поиди ж. . . Скорей ходи! . . Да не забудь жену».

ТРЕВОГА

Крестьяне под вечер с полей домой убрались.

Намаявшись, кой-где поразметались.

(Ведь в селах простота в семейственном кругу!)

На лавках, на полу заснули без постели,

Другой на сеннике, согнувшись в дугу;

Умолкло все тогда: в селеньи — ни гугу!

Как вдруг колокола на диво зазвенели.

Крестьяне, ахнув, зашумели:

«Пожар! Пожар! — кричат. — Ахти! беда!»

Бегут кто как попало, кто куда,

Без шляп, с разутыми ногами,

С ушатами, с ведрами,

С шестами, с топорами;

Селенье обежав кругом,

И сами в-пень устали.

(А всё колокола гудеть не перестали.)

Но где ж пожар? И слуха нет о нем

Ни здесь, ни в сторонах окольных,

А вышло наконец, что эти чудеса

Наделала коза,

Занутившись в веревках колокольных.

Примолвить можно тут:

Другой в делах увязший плут

Когда распутаться не может,

То и честных людей встревожит.

МЕДВЕДЬ И МЫШОНОК

Досталось Мишке по баллам
В досмотрщики к ульям.
Вкруг пчелок принялся досмотрщик суетиться,
От них Мишутка ни на шаг!
Он не дал никому медком тут поживиться
И на зверей в кустах
Нагнал такой великий страх,
Что даже и лиса не смела подступить!
Досмотрщик прослужил до поздних зимних дней;
Хвала неслась от всех зверей
За столь усердное раденье,
Однакож пало подозренье,
Что есть в Мишутке страсть
Медку покушать всласть!
Нельзя, признаться,
В досмотрщике зверям не сомневаться:
Мишук сытей приметно стал,
Мишук от жиру чуть ступал,
А шуба уж на нем, хоть князю одеваться!
Еще и то смекнул звериный тут совет,
Что меду лишь пчелам досталось на обед.
Хотя досмотрщику улики явной нет,
Но велено ему в Словесный суд явиться, —
Отдать отчет,
Представить к сдаче мед;
Но вор большой руки законов не боится;
Безделкой пред судом он может извиниться.
Медведь, собираясь в путь,
Хотел медку на завтрак почерпнуть,
Но лапу лишь успел он в улей протянуть,
Ан глядь. . . на лапе-то Мышонок шевелится.
«Вор! . . братцы! . . грабит мед! Бегите! Караул!» —
Досмотрщик заревел. В лесу раздался гул,
И взбудоражился тут весь совет звериный!
Представлен Мишкой в суд маленький ворок,
А с ним в свидетели: Осел, Лисица, Волк.
Улика ясная, что пойман сын мышиный
В улью с украденной вошиной;
Да кстати же донес досмотрщик в суд,
Что меду-де в ульях ни капельки не стало:

Пудов до двадцати пропало!
Хоть столько растащить Мышонку б не пристало,
Но формою суда идут;
Хоть Мишка мед поел, но дело так решили:
Мышонок уличен, — Мышонка обвинили
Да и за тот медок,
Который был досмотрщику лишь в прок,
Мышонку казнь определили —
И тотчас задавили.

Такой и меж людей случалось видеть суд:
Наказан маленький, большой оправдан плут.

МУХИ

Пришел на Муху черный год:
Она попала в липкий мед,
Уж тонет в нем, уж борется с кончиной,
На помощь сестр своих зовет,
Жужжа всей ласкою мушиной,
Но некому бедняжке помочь;
Вблизи, однакож, были Мухи,
Да к жалобам ее казались вовсе глухи
И от несчастной все пустились прочь.
Вот Муха, что есть сил натужась и крепясь,
На стол кое-как взволоклась;
От страха только лишь перевела свой дух,
Как вдруг —
Откуда ни взялася —
К ее услугам стая Мух.
Ужель усердьи их к несчастной приманило?
О нет! А истину сказать —
Вкруг ней приволье меду было;
Так это Мух-то и прельстило
Сестрице лапки облизать!
Приятельницам нет простору,
Все к ней наперерыв спешат,
Меж ними дело уж до спору:
Во всю гортань брюжжат,
Всердцах друг друга топчут.
Жужукают одне:

«Пустите нас к родне!»
Другие на передних ропщут,
И всякой лестно, чтоб самой
К сестрице сладкой подобраться,
Рекомендуясь кумой,
Иль свахой, иль сестрой;
И словом — не было из сотни ни одной,
Которая бы тут стыдилася назваться
Ее родней.

В несчастьи никого к себе не дозовешься,
А в счастье от друзей не скоро отобьешься.

ЕЖИ И ВОЛКИ

Сердяся на Ежей, нередко выли Волки,
Что обществу они наносят вред большой:
А бедные Ежи ни телом, ни душой;
Вся их вина лишь в том, что их иголки
Не по зубам Волков.

Другим за правду то ж бывают люди колки:
Молчи, — проглотят! Свет таков.

РЕПЕЙНИК

Репейник, рассердясь, к Зевесу возопил:
«Листами я широк, зачем, как дуб, не крепок?»
Зевес ему в ответ: «За то, что слишком цепок».

Не худо злым давать поменьше сил.

ЗОНТИК

Валялся Зонтик. С красным днем
Забыта вся его бывалая услуга.
Пошло ненастье, дождь; тут вспомнили о нем.

Приди беда, — найдем оставленного друга!

БАРИН И СЛУГА

В народе говорится:
 Заставьте дурака молиться,
 Так он и лоб себе пробьет.
 Какой-то барин прихотливый,
 Сердитый, суетливый,
 Порядок любящий, как крот,
 Достал себе кудрявую болонку
 И вздумал на руки отдать
 Преглупому слуге; купил ему гребенку
 И строго-настрого изволил приказать,
 Чтоб шерсть всегда у резвенькой Бижутки
 Была расчесана, разобрана,
 Как шленская волна.
 Приказы барские — не шутки;
 Об этом как не знать!
 Так наш слуга поклон — и ну чесать,
 От страха иль усердя,
 Без милосердя.
 Вот у Бижутки шерсть
 Уж так расчесана, что можно перечесать;
 Но молодцу все мало.
 От гребешка
 Кудрей как не бывало,
 У верного ж слуги не устает рука;
 И до того он дочесался,
 Что только хохолок остался,
 А спинка — как ладонь.
 Увидев голую собачку,
 Наш барин вспыхнул, как огонь, —
 Так тут когда ж дают потачку, —

И глупенький слуга утерся кулаком.
Слуга дурак и виноват кругом;
А барин-то умен, связавшись с дураком?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАТЕЙНИКЪ

«Что нам сидеть и киснуть
По старым правилам немыслящих людей.
Поищем свеженьких идей,
Начнем писать, а там не долго тиснуть.
Наш век идет
Вперед,
Так нам ужель остаться сзади?
А чтоб набить карман,
Мы исторический махнем роман».
И вот отправились тетради
В типографический станок;
Переплетен том первый в корешок
И посвящен особе знатной тетки;
В продажу поступил ценою в пять рублей;
Прошло с десятков дней, —
Роман уж в рубль, а там, чтоб выручить скорей,
По гривне продан на обертки.

МЫШИ

В хоромах, во втором жилье,
Не знаю я причины, —
Справляли ль именины,
В забаву ль барченкам Петру, Илье,
Иль просто так, — был пир и пляска,
И полу бедному такая тряска,
Что мыши все с испуга вниз,
В избу, перебрались.
А там, никто того не знает,
И смрад и вонь,
И уж огонь
В углу порядочно пылает,
И потолок
Коптеться стал. Пьянюшка дворник свечку
Поставил с огоньком за печку,

А сам — в кабак, и двери на замок.
И вот — пожар. «Смотри, как стены жарки, —
 Мышонок крысе говорит, —
 Уж вон и потолок горит,
А у людей сверху там пыль столбом стоит;
Они ведь упадут; как сальные огарки,
 Растопятся в огне». —
 «Смешон ты мне,
 Мышоночек любезный, —
 Сказала крыса тут, —
Они и все-то так живут:
 И пляшут и поют
 Над самой бездной».

ДОКЛАД

 «Что наше дело? —
 Спросил я у писца. —
 Дождусь ли я конца?» —
«У нас, сударь, совсем поспело,
 Осталось доложить». —
«Кого ж мне попросить,
 Почтенный мой приятель?» —
«Да вот здесь заседатель,
 Извольте у него спросить».
Я заседателю: «Позвольте мне два слова
О деле вам сказать». — «Оно уже готово,
 Осталось доложить.
 Извольте завтра приходите».
Послушался, пришел; но я в судейской
 Был как неопытный новик
 И мог ли понимать злодейский
 Двусмысленный язык?
С полгода я ходил, и не было доклада.
Тут вразумил меня какой-то молодец,
Сказав: «Чтоб делу был конец,
Так доложить самим из кошелька вам надо».
 Я доложил две сотни серебром
К трем стам рублям мной отданных бумажек,
И точно, — дело без оттяжек
 Закончено секретарем.

МЕДВЕДЬ И КОЗА

Медведь сказал Козе:

«*Коман вуз озе*

Скакать, плясать, меня так беспокоить,
Когда тебя я вздумал удостоить

Быть компаньонкою моей?

Постой, проклятая! я дам тебе *суфлей*».

И с словом сим он важно потянулся,

Вскочил и лапой размахнулся, —

Но стукнул вдруг водильщик в барабан,

И наш Медведь *ту дусеман*

Пошел с поникшей головою

Плясать попрежнему с козою.

Столоначальник так на писарей кричит.

Взойдет директор, — замолчит.

САПОЖНИК

(ПРИТЧА)

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага? ..»
Тут Аппеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах;
Но чорт его несет судить о свете;
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

СОРОКА И ЧИЖ

Сорока встретила с Чижом
И говорит ему: «В большом я восхищеньи!
Поздравь меня: со мной ведь попугай знаком
И даже сделал мне сегодня посещение.
Поверишь ли, дружок, как он красив,
Умен, красноречив,
Какие перушки и голосок имеет;
Вполне достоинством своим
Гордиться может он. Мне кажется, что с ним
Никто у нас из птиц сравниться не посмеет». —
«За что ты отдаешь ему такую честь? —
Сороке Чиж с досадой отвечает. —
По голосу у нас ведь птицы лучше есть!
А попугай твой глуп и только что болтает
О том, чего и сам не понимает». —
«Как? наших птиц равнять ты с попугаем смел? .. —
Сорока говорит. — Ведь к нам он прилетел,
Ты знаешь ли? .. Из-за границы! ..
Так уважать его должны за то все птицы!»

Как многие у нас в отечестве родном
Людей с талантами, с умом
Пренебрегают.

Но появись какой-нибудь пришлец,
Хоть будь, пожалуй, и глупец, —
Его превознесут, возвеличают.

ОСЕЛ НА ПИРУ

Слон праздновал свой день рожденья:
Ему минуло лишь сто лет.
Приятны в юности утехи, наслажденья!
Наш слон назвал гостей и задал им обед.
К столу приглашены олень и вол рогатый,
Лисица, волк, медведь косматый,
Баран и леопард, гиена и козел,
И тьма других гостей. Пришел на пир осел,
На креслах важно развалился
И рассуждать о том, о сем пустился;
С такою смелостью и важностью болтал,
Что даже умный слон прислушиваться стал.
«Мне очень странны ваши мненья! —
Сказал ослу какой-то из гостей. —
Не понимаем вас! Вы верно всех умней?» —
«Конечно! — отвечал осел. — В том нет сомненья».

Самоуверенность и редкий ум осла
Мы видим каждый день везде и без числа.

ДВА КОЛОСА

На ниве колосок, спесиво
Подняв головку выше всех,
Соседа своего хотел поднять на смех,
И говорил: «Сосед, скажи мне, что за диво:
Зачем согнулся ты? В сравнении со мной
Ты ниже вполовину». —

«Легко понять тому причину! —
Сказал другой. —
Чем меньше зерен в нас, чем голова пустее,
Тем поднимаемся мы выше и гордее».

КИРПИЧ И ЛЬДИНА

Зимой лежал кирпич на льду
И думал: «Вкруг меня все ходят то и дело!
А я лежу себе, на шаг вперед нейду.
На месте быть одном мне страх как надоело!
Уж двинусь же вперед я наконец,
И докажу я всем, каков я молодец».

Взломало лед весною,
И льдина по реке несет кирпич стрелою.
Мелькают селы, города.
Кирпич заговорил: «Смотрите, господа!
Что? Каково лечу вперед? Взгляните
И справедливо оцените:
Какого стоило мне, кирпичу, труда,
Усердия, таланта и терпенья,
Чтоб двинуться вперед и выйти из забвенья.
Моим заслугам нет числа!»

Соскучась хвастаньем его, сказала льдина:
«Да перестань ты чваниться-то, глина!
Когда б не понесла
Тебя вперед я ненароком,
Недвижно б ты лежал; теперь же лежебоком
Подвижным, видишь, стал,
И вот он о себе бог весть что замечтал.
Не обижайся же, смотри, моим уроком
И знай, что меж людьми есть также кирпичи. . .» —
«Эй, льдина, берегись! — прервал кирпич — Молчи!»

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, — Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Расказывать — так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И верно ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунья с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал, — с ним была плутовка такова.

ДУБ И ТРОСТЬ

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
«Поистине, роптать ты вправе на природу, —
Сказал он, — воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду, —

Ты зашатаешься, начнешь слабеть,

И так нагнешься сиротливо,

Что жалко на тебя смотреть.

Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям, и грозам,

Стою и тверд, и п̄рям,

Как будто б огражден ненарушимым миром:
Тебе все бурей — мне все кажется зефиром.

Хотя б уж ты в окружности росла,

Густою тению ветвей моих покрытой,

От непогод бы я быть мог тебе защитой;

Но вам в удел природа отвела

Брега бурливого Эолова владенья:

Конечно, нет совсем у ней о вас раденья». —

«Ты очень жалостлив, — сказала Трость в ответ, —

Однако не крушись: мне столько худа нет.

Не за себя я вихрей опасуюсь;

Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:

Так бури мало мне вредят;

Едва ль не более тебе они грозят!

То правда, что еще доселе их свирепость

Твою не одолела крепость

И от ударов их ты не склонял лица;

Но — подождем конца!»

Едва лишь это Трость сказала, —

Вдруг мчится с северных сторон

И с градом и с дождем шумящий аквилон.

Дуб держится, — к земле Тростиночка припала.

Бушует ветер, удвоил силы он,

Взревел, и вырвал с корнем вон

Того, кто небесам главой своей касался

И в области теней пятою упирался.

МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил,
И заманил к себе соседа певчих слушать,
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало,
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня, — сказал он с удивленьем. —
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!» —
«То правда, — отвечал хозяин с умиленьем, —
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне, уж лучше пей,
Да дело разумеи.

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил,
И на погибель им Москву оставил:
Тогда все жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собрались,
И вон из стен московских поднялись,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ. — Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры — как хотят;

А ведь Борон не жарят, не варят:
Так мне с гостями немудрено ужиться,
А, может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона, подлинно, осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей,
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался как ворона в суп!

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где сто́ит только догадаться —
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну всякой Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату Механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом;
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет — и Ларчик вам открою:
В Механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон,
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;

Те шепчутся, а те смеются меж собой.

В ушах лишь только отдается:

«Не тут, не так, не там!» Механик пуше рвется.

Потел, потел; но наконец устал,

От Ларчика отстал,

И как открыть его, никак не догадался:

А Ларчик просто открывался.

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,

Затеяла сама в дородстве с ним сравняться.

Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.

«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» —

Подруге говорит. — «Нет, кумушка, далеко!» —

«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?» — «Почти-что ничего». —

«Ну, как теперь?» — «Всё то ж». Пыхтела да пыхтела,

И кончила моя затейница на том,

Что, не сравнившись с Волом,

С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:

И диво ли, когда жить хочет мещанин,

Как именитый гражданин,

А сошка мелкая, как знатный дворянин.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Невеста-девушка смышляла жениха:

Тут нет еще греха,

Да вот что грех: она была спесива.

Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,

И в лентах, и в чести, и молод был бы он

(Красавица была немножко прихотлива):

Ну, чтобы всё имел. Кто ж может всё иметь?

Еще и то заметь,

Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
 Что женихи, как на отбор,
 Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
 А ей они на взгляд
 Не женихи, а женишонки!
Ну, как ей выбирать из этих женихов?
 Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
 То нос широк, то брови густы;
 Тут этак, там не так;
Ну, не придет никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
 Другие новых свах заслали:
Да только женихи средней уж руки.
 «Какие простаки! —
Твердит красавица. — По них ли я невеста?
 Ну, право, их затей не у места!
 И не таких я женихов
 С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
 Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи навертываться реже.
 Проходит год,
 Никто нейдет;
Еще минул годок, еще уплыл год целой:
 К ней свах никто не шлет.
Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
 Зачнет считать своих подруг
 (А ей считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
 Ее как-будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
 Что каждый день, а что-нибудь

Из прелестей ее лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах;
Умильны ямочки пропали на щеках;
Веселость, резвости — как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:

Беда со всех сторон!

Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вокруг ней бывало тесно;
А ныне — ах! — ее зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться;

Перестает она гордиться.

Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.

Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла.

И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье

Мое

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву». —

«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью

От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».
— «Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне еще и от-роду нет году», —
Ягненок говорит. — «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите:
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать.
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал — и в темный лес Ягненка поволок.

СНИЦА

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан, и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлепать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тароватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»

Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? И не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом в-свосяси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пробасть! — говорит она. — И тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про очки лишь мне наггали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

ДВА ГОЛУБЯ

Два Голубя как два родные брата жили,
Друг без друга они не ели и не пили;
Где видишь одного, другой уж, верно, там;
И радость и печаль — все было пополам.
Не видели они, как время пролетало;
Бывало грустно им, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда б хотеть
Или от милой, иль от друга?
Нет, вздумал странствовать один из них — лететь
Увидеть, осмотреть
Диковинки земного круга,
Ложь с истиной сличить, поверить быль с молвой.
«Куда ты? — говорит сквозь слез ему другой. —
Что пользы по свету таскаться?
Иль с другом хочешь ты расстаться?
Бессовестный! Когда меня тебе не жаль,
Так вспомни хищных птиц, силки, грозы ужасны,
И всё, чем странствия опасны!
Хоть подожди весны лететь в такую даль:
Уж я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и корм и скуден так, и мал,
Да, чу! и вброн прокричал:
Ведь это, верно, к худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, нам ведь весело с тобой!
Куда ж еще тебе лететь, не разумею;
А я так без тебя совсем осиротею.
Силки, да коршуны, да громы только мне
Казаться будут и во сне;
Всё стану над тобой бояться я несчастья:
Чуть тучка лишь над головой,
Я буду говорить: ах! где-то братец мой?
Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья!»
Растрогала речь эта Голубка;
Жаль братца, да лететь охота велика:
Она и рассуждать и чувствовать мешает.
«Не плачь, мой милый, — так он друга утешает, —
Я на три дня с тобой, не больше, разлучусь.
Всё наскоро в пути замечу на полете
И, осмотрев, что есть диковинней на свете,

Под крылышко к дружку назад я ворочусь.
Тогда-то будет нам о чем повесть словечко!
Я вспомню каждый час и каждое местечко;
Все расскажу: дела ль, обычай ли какой,
Иль где какое видел диво.

Ты, слушая меня, представишь все так живо,
Как будто б сам летал ты по свету со мной».
Тут — делать нечего — друзья поцеловались,
Простились и расстались.

Вот странник наш летит; вдруг встречу дождь и гром;
Под ним, как океан, синее степь кругом.
Где деться? К счастью, дуб сухой в глаза попался;
Кой-как угнезвился, прижался
К нему наш голубок;

Но ни от ветру он укрыться тут не мог,
Ни от дождя спастись: весь вымок и продрог.
Утих по-малу гром. Чуть солнце просияло,
Желанье позывать бедняжку дале стало.
Встряхнулся и летит, — летит и видит он:
В заглушь под леском рассыпана пшеничка.
Спустился — в сети тут попалась наша птичка!
Беды со всех сторон!

Трепещется он, рвется, бьется;
По счастью, сеть стара: кой-как ее прорвал,
Лишь ножку вывихнул, да крылышко помял!
Но не до них: он прочь без памяти несется.
Вот, пуше той беды, беда над головой!
Отколь ни взялся ястреб злой;
Незвиздел света Голубь мой!

От ястреба из сил последних машет.
Ах, силы в-коротке! совсем истощены!
Уж когти хищные над ним распушены;
Уж холодом в него с широких крыльев пашет.
Тогда орел, с небес направля свой полет,
Ударил в ястреба всей силой, —

И хищник хищнику достался на обед.
Меж тем наш Голубь милой,
Вниз камнем ринувшись, прижался под плетнем,
Но тем еще не кончилось на нем:
Одна беда всегда другую накликает.
Ребенок, черепком намета в Голубка, —
Сей возраст жалости не знает, —

Швырнул — и раскрыл висок у бедняка.
Тогда-то странник наш, с разбитой головою,
С попорченным крылом, с повихнутой ногою,
Кляня охоту видеть свет,
Поплелся кое-как домой без новых бед.
Счастлив еще: его там дружба ожидает!
К отраде он своей,
Услуги, лекаря и помощь видит в ней;
С ней скоро все беды и горе забывает.

О вы, которые объехать свет вокруг
Желанием горите!
Вы эту басенку прочтите,
И в дальний путь такой пускайтесь не вдруг.
Что б ни сулило вам воображенье ваше,
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая, иль где живет ваш друг.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ

Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов царя они просить.
Хоть слушать всякой вздор богам бы и не сродно,
На сей однакож раз послушал их Зевес:
Дал им царя. Летит к ним с шумом царь с небес,
И плотно так он треснул на царство,
Что ходенем пошло трясино государство;
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шопотом царю по кельям дивовались.
И подлинно, что царь на-диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан;
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.

Сначала, что его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь àир и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет:
То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к царю подползть с преданностью дерзнули:
Сперва перед царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком;
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К царю садятся уж и задом.
Царь терпит всё по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким царем житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно царя на славу!
Молитвам теплым их внемя,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
Царь этот не чурбан, совсем иного нрава:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест, а на суде его
Нет правых никого;
Зато уж у него
Что завтрак, что обед, что ужин — то расправа.
На жителей болот
Приходит черный год.
В Лягушках каждый день великий недочет.
С утра до вечера их царь по царству ходит.
И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и — проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье и стон,
Чтоб им Юпитер снова
Пожаловал царя инова;
Что нынешний их царь глотает их как мух:
Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконец, их царь тошнее им засух.
«Почтò ж вы прежде жить счастливо не умели?»

Не мне ль, безумные, — вещал им с неба глас, —
Покоя не было от вас?
Не вы ли о царе мне уши прошумели?
Вам дан был царь? так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже;
Другой вам дан — так этот очень лих;
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

МОР ЗВЕРЕЙ

Лютейший бич небес, природы ужас — мор
Свирепствует в лесах. Уныли звери;
В ад распахнулись настезь двери;
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
Везде разметаны ее свирепства жертвы:
Неумолимая, как сено косит их.
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
Перевернул совсем их страх,
Те ж звери, да не те в великих столь бедах:
Не давит волк овец, и смирен как монах;
Мир курам дав, лиса постится в подземельи:
Им и еда на ум нейдет.
С голубкой голубь врознь живет,
Любви в помине больше нет.
А без любви какое уж веселье?
В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
Тащатся шаг-за-шаг, чуть держатся в них души.
Сбредлись, и в тишине, царя вокруг обсев,
Уставили глаза и приложили уши.
«О други! — начал Лев. — По множеству грехов
Подпали мы под сильный гнев богов;
Так тот из нас, кто всех виновен боле,
Пускай по доброй воле
Отдаст себя на жертву им!
Быть может, что богам мы этим угодим,
И теплое усердие нашей веры
Смягчит жестокость гнева их.
Кому не ведомо из вас, друзей моих,
Что добровольных жертв таких
Бывали многие в истории примеры?»

Итак, смиря свой дух,
 Пусть исповедует здесь всякой вслух,
 В чем погрешил когда он вольно, иль невольно.
 Покаемся, мои друзья!
 Ох, признаюсь, хоть это мне и больно —
 Не прав и я!
 Овечек бедненьких — за что? — совсем безвинно
 Дирал бесчинно;
 А иногда — кто без греха? —
 Случалось, драл и пастуха;
 И в жертву предаюсь охотно.
 Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
 Свои грехи: на ком их боле есть,
 Того бы в жертву и принести, —
 И было бы богам то более угодно».

«О царь наш, добрый царь! От лишней доброты, —
 Лисица говорит, — в грех это ставишь ты.
 Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
 То придет с голоду пропасть нам наконец;
 Притом же, наш спец!
 Поверь, что это честь большая для овец,
 Когда ты их изволишь кушать.
 А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
 Их чаще так учить — им это поделом.
 Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит
 И нашими себя везде царями пишет».

Окончила Лиса; за ней, на тот же лад,
 Лыстецы Льву то же говорят,
 И всякой доказать спешит наперехват,
 Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
 За Львом Медведь, и Тигр, и Волки, в свой черед,
 Во весь народ
 Поведали свои смиренно погрешенья;
 Но их безбожных самых дел
 Никто и шевелить не смел.
 И все, кто были тут богаты
 Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
 Со всех сторон
 Не толькó правы, чуть не святы.
 В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
 Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
 Нам были худы,

На грех меня лукавый натолкнул:
Ни от кого себе найти не могли ссуды,
Из стога у попа я клоч сенца стянул».
При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
«Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника, с рогатой головой,
Его принести богам за все его проказы,
Чтоб и телà нам спасти, и нравы от заразы!
Так, по его грехам у нас и мор такой!»
Приговорили —
И на костер Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
Кто помирней, так тот и виноват.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лёжа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом,
Но как они уж понаелись, —
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем, —
Так рассуждать они пустилися вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О худе, о добре и наконец о дружбе.
«Что может, — говорит Полкан, — приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучшить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить,
И в дружном счастье всё свое блаженство ставить!

Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:

Скажу я смело,

Мы б и не видели, как время бы летело». —

«А что же? это дело! —

Барбос отвечает ему: —

Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,

Мы дня не проживем без драки;

И из чего? Спасибо господам:

Ни голодно, ни тесно нам!

Притом же, право, стыдно:

Пес дружества слывет примером с давних дней,

А дружбы между псов, как будто меж людей,

Почти совсем не видно». —

«Явим же в ней пример мы в наши времена, —

Вскричал Полкан, — дай лапу!» — «Вот она!»

И новые друзья ну обниматься,

Ну целоваться;

Не знают с радости, к кому и приравняться:

«Орест мой!»—«Мой Пилад!» Прочь свары, зависть, злость!

Тут повар на беду из кухни кинул кость.

Вот новые друзья к ней взапуски несутся:

Где делся и совет и лад?

С Пиладом мой Орест грызутся, —

Лишь только клочья вверх летят:

Насилу наконец их розлили водою.

Свет полон дружбою такую.

Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,

Что в дружбе все они едва ль не одинаки:

Послушать, — кажется одна у них душа,

А только кинь им кость, — так что твой собаки!

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк, ночью, думая залезть в овчарню,

Попал на псарню.

Поднялся вдруг весь псарный двор.

Почуя серого так близко забияку,

Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку.
 Псаря кричат: «Ахти, ребята, вор!»
 И вмиг ворота на запор;
 В минуту псарня стала адом.
 Бегут: иной с дубьем,
 Иной с ружьем.
 «Огня! — кричат. — Огня!» Пришли с огнем.
 Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
 Зубами щелкая и ошетиная шерсть,
 Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
 Но, видя то, что тут не перед стадом
 И что приходит наконец
 Ему расчесться за овец, —
 Пустился мой хитрец
 В переговоры,
 И начал так: «Друзья! к чему весь этот шум?
 Я, ваш старинный сват и кум,
 Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
 Забудем прошлое, оставим общий лад!
 А я не только впредь не трону здешних стад,
 Но сам за них с другими клятвой утверждаю,
 И волчьей клятвой утверждаю,
 Что я...» — «Послушай-ка, сосед, —
 Тут ловчий перервал в ответ, —
 Ты сер, а я, приятель, сед,
 И Волчью вашу я давно натуру знаю;
 А потому обычай мой:
 С волками иначе не делай мировой,
 Как снявши шкуру с них долой».

И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

ЛИСИЦА И СУРОК

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» —
 Лисицу спрашивал Сурок.
 «Ох, мой голубчик-куманёк!
 Терплю напраслину, и выслана за взятки.
 Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
 Утратила в делах здоровье и покой,
 В трудах куска не доедала,
 Ночей не досыпала:

И я ж за то под гнев подпала;
А все по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? Да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, — я на тебя пошлюся, —
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько». —
«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает;
И подлинно, — весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, помаленьку,
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь;
Но как не согрешишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодной!
Злой тоской удручена,

К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой,
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило». —
«А, так ты. . .» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? Это дело:
Так поди же, попляши!»

ЛЖЕЦ

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилыгал.
«Нет, — говорит, — что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год всё видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? Ну, право, был он с гору». —

«Что за диковина! — приятель отвечал: —
На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами, вот, теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет:
До половины не дойдет —
Провалится, и в воду упадет;
Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете». —
«А какова у вас река?» —
«Да не мелка.
Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?» —
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом». —
«Поверить трудно!
Однакож, как ни чудно,
А всё чудён и мост, по коем мы пойдем,
Что он лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста, да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо». —
«Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть;
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за дома:
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!» —
«Пусть так, но все признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однакож мост-ат наш каков,
Что лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!

Хоть римский твой и чуден огурец. . .» —
«Послушай-ка, — тут перервал мой лжец, —
Чем на мост нам итти, поищем лучше броду».

ОРЕЛ И ПЧЕЛА

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придает,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлен одной:
Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вокруг цветка,
Сказал Орел однажды ей с презреньем:
«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с умньем!
Вас в улье тысячи все лето лепят сот:
Да кто же после разберет
И отличит твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век, и что ж иметь в виду? . .
Безвестной умереть со всеми наряду!
Какая разница меж нами!
Когда, расширися шумящими крылами,
Ношуся я под облаками,
То всюду рассеваю страх:
Не смеют от земли пернатые подняться,
Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться».

Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть».

ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник:
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот всегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васька говорить. —
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится». —
«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей». —
«Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.

Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,
И крысы хвост у ней отъели.
Тут видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука,
Вперед умнее быть,
И за мышами не ходить.

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел жемчужное зерно,
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то всё у них пустяк.

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят;
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик-Крестьянин с Батраком
Шел, под-вечер, леском,
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь надел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка родной, не выдай, милой!» —
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот, новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нём,
Отнес пол-черепа медведю топором

И брюхо проколол ему железной вилой.

Медведь взревел и зámертво упал:

Медведь мой издыхает.

Прошла беда; Крестьянин встал,

И он же Батрака ругает.

Опешил бедный мой Степан.

«Помилуй, — говорит. — За что?» — «За что, болван!

Чему обрадовался сдуру?

Знай колет: всю испортил шкуру!»

СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,

Да не умен,

Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.

Хоть, кажется, слонов и умная порода,

Однакоже в семье не без урода:

Наш Воевода

В родню был толст,

Да не в родню был прост;

А с умыслу он мухи не обидит.

Вот добрый Воевода видит:

Вступило от овец прошение в Приказ:

«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».

«О плуты! — слон кричит. — Какое преступленье!

Кто грабить дал вам позволение?»

А волки говорят: «Помилуй, наш отец!

Не ты ль нам к зиме на тулупы

Позволил легонький оброк собрать с овец?»

А что они кричат, так овцы глупы:

Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять;

Да и того им жаль отдать».

«Ну то-то ж, — говорит им Слон, — смотрите!

Неправды я не потерплю ни в ком,

По шкурке, так и быть, возьмите;

А больше их не троньте волоском».

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья,
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище:
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роше рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом:
«Изрядно, — говорит, — сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави, бог, и нас от этаких судей.

КРЕСТЬЯНИН В БЕДЕ

К Крестьянину на двор
Залез осенней ночью вор;
Забрался в клеть и, на просторе,
Обшаря стены все, и пол, и потолок,
Покрал бессовестно, что мог:
И то сказать, какая совесть в воре!

Ну так, что наш мужик, бедняк,
 Богатым лег, а с голью встал такую,
 Хоть по-миру поди с сумою;
 Не дай бог никому проснуться худо так!
 Крестьянин тужит и горюет,
 Родно сзывает и друзей,
 Соседей всех и кумовей.
 «Нельзя ли, — говорит, — помочь беде моей?»
 Тут всякий с мужиком толкует
 И умный свой дает совет.
 Кум Карпыч говорит: — «Эх, свет!
 Не надобно было тебе по миру славить,
 Что столько ты богат».
 Сват Климыч говорит: — «Вперед, мой милый сват,
 Старайся клеть к избе гораздо ближе ставить». —
 «Эх, братцы, это все не так, —
 Сосед толкует Фока, —
 Не то беда, что клеть далёка,
 Да надо на дворе лихих держать собак;
 Возьми-ка у меня щенка любого
 От жучки: я бы рад соседа дорогого
 От сердца наделить,
 Чем их топить».
 И, словом, от родни и от друзей любезных
 Советов тысячу надавано полезных,
 Кто сколько мог,
 А делом ни один бедняжке не помог.

На свете таково ж: коль в нужду попадешься,
 Отведай сунуться к друзьям:
 Начнут советовать и вкось тебе, и впрям;
 А чуть о помощи на деле заикнешься,
 То лучший друг
 И нем, и глух.

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
 Как видно, напоказ, —
 Известно, что Слоны в диковинку у нас, —
 Так за Слоном толпы зевак ходили.

Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться, —
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться, —
Ей шавка говорит, — тебе ль с Слоном возиться?»
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет

Вперед

И лаю твоего совсем не примечает». —
«Эх, эх! — ей Моська отвечает. —
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пуškai же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар-грамотей
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за укусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
«Ах, ты, обжора! ах, злодей! —
Тут Ваську Повар укоряет. —
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?»
(А Васька все-таки курчонка убирает.)
«Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут —
А ты... ахти, какой позор!
Теперь все соседи скажут:
«Кот-Васька плут! Кот-Васька вор!»
И Ваську-де, не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:

И ближняго ушей ты не жалѣешь;
То вѣдай, что свои и проза и стихи
Тошнѣ будутъ всемъ Демьяновой ухи.

К О Н Е Ц Ъ .

Рис. И. Иванова

Р

Гр. М. Нечкина

Рисунок И. Иванова к басне И. Крылова
„Демьянова уха“

Он порча, он чума, он язва здешних мест!»

(А Васька слушает, да ест.)

Тут ритор мой, дав волю слов теченью,

Не находил конца нравоученью.

Но что ж? Пока его он пел,

Кот-Васька всё жаркое съел.

А я бы повару иному

Велел на стенке зарубить:

Чтоб там речей не тратить попустому,

Где нужно власть употребить.

КРЕСТЬЯНИН И ЛИСИЦА

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть

Кур красть? —

Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею. —

Я, право, о тебе жалею!

Послушай, мы теперь вдвоем,

Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём

Ни на волос добра не видно.

Не говоря уже, что красть и грех, и стыдно

И что бранит тебя весь свет;

Да дня такого нет,

Чтоб не боялась ты за ужин иль обед

В курятнике оставить шкуры!

Ну, стоят ли того все куры?

Кому такая жизнь сносна?»

Лисица отвечает:

«Меня так все в ней столько огорчает,

Что даже мне и пища не вкусна.

Когда б ты знал, как я в душе честна!

Да что же делать? Нужда, дети;

Притом же иногда, голубчик-кум,

И то приходит в ум,

Что я ли воровством одна живу на свете?

Хоть этот промысел мне точно острый нож». —

«Ну что ж? —

Крестьянин говорит. — Коль вправду ты не лжешь,

Я от греха тебя избавлю

И честный хлеб тебе доставлю;
Наймись курятник мой от лис ты охранять:
Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?
Зато ни в чем не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня как в масле сыр кататься».
Торг слажен: и с того ж часа
Вступила в караул Лиса.
Пошло у мужика житье Лисе привольно;
Мужик богат, всего Лисе довольно;
Лисица стала и сытей,
Лисица стала и жирней,
Но все не сделалась честней:
Некраденый кусок приелся скоро ей;
И кумушка тем службу повершила,
Что, выбрав ночку потемней,
У куманька всех кур передушила.

В ком есть и совесть, и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион, —
Он воровать не перестанет.

ГУСИ

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать
И, — правду истинну сказать, —
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной;
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали
И, встретясь с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?»
Мужик так нами помыкает
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет.
А этого не смыслит неуч сей,

Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!» —
«А вы хотите быть за что отличены?» —
Спросил прохожий их. — «Да наши предки. . .» — «Знаю,
И всё читал; но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?» —
«Да наши предки Рим спасли!» —
«Все так, да вы что сделали такое?» —
«Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им поделом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и боле пояснить —
Да чтоб гусей не раздражить.

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась,
Вокруг конюшен там и кухню наслонялась,
В сору, в навозе извалялась,
В помоях по уши досыта накупалась
И из гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого?» —
Свинью спросил пастух. —
Ведь идет слух,
Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг;
А в доме, так одно богачее другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
Я не заметила богатства никакого:
Всё только лишь навоз да сор;
А, кажется уж, не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

Не дай бог никого сравнением мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

МУХА И ДОРОЖНЫЕ

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками, в гору,
С поклажей и с семьей дворян,
Четверкою рыдван
Тащился.

Кони измучились, и кучер как ни бился,
Пришло хоть стать. Слезает с козел он,
И, лошадей мучитель,

С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон:
А легче нет. Ползут из колымаги вон
Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.

Но, знать, рыдван был плотно нагружен,
Что лошади, хотя его тронули,

Но в гору по песку едва-едва тянули.

Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;

Вокруг повозки суетится:

То над носом юлит у коренной,

То лоб укусит пристяжной,

То вместо кучера на козлы вдруг садится,

Или, оставя лошадей,

И вдоль и поперек шныряет меж людей;

Ну, словно откупщик на ярмарке хлопочет,

И только плачется на то,

Что ей ни в чем никто

Никак помочь не хочет.

Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;

Учитель с барыней шушукуют тишком;

Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,

Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин;

И Муха всем жужжит, что только лишь она

О всем заботится одна.

Меж тем лошадушки, шаг за-шаг, понемногу

Встащились на ровную дорогу.

«Ну, — Муха говорит, — теперь слава богу!
Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;
А мне уж дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носят».

Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя приплесть,
И любят хлопотать, где их совсем не просят.

КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть квартет.
Достали нот, баса, альты, две скрипки
И сели на лужок под липки —
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка. — Погодите!
Как музыке итти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альты,
Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали квартет;
Он всё-таки на лад нейдет.
«Постойте ж, я сыскал секрет, —
Кричит Осел: — мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А все-таки квартет нейдет на лад.
Вот, пуще прежнего, пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось — Соловьёю на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье:
«Пожалуй, — говорят, — возьми на час терпенье,
Чтобы квартет в порядок наш привести»;

И ноты есть у нас, и инструменты есть;
Скажи лишь, как нам сесть! —
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней, —
Им отвечает Соловей, —
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаётесь с нами». —
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», —
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шума, залепетали.
«Мы те, —
Им снизу отвечали, —
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы Корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!

Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится,
Не станет дерева, ни вас».

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело — только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка,
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся.
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплтал. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?
Однакоже смеется Тришке всяк.
А Тришка говорит: «Так я же не дурак,
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют;
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Хотя услуга нам при нужде дорогà,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто человек безродный, одинакой,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?» —
«Прекрасны, что и говорить!
А всё прискучится, как не с кем молвить слова».
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.
В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу,
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться,
И целые проводят вместе дни.
О чем у них и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них —
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был не говорлив;
Мишук с природы молчалив:

Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни,
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».
Пустынник был сговорчив: лег, зевнул,
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах — да он и не без дела:
У друга на нос муха села;
Он друга обмахнул;
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час-от-часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватить друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?!» —
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.

Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
 Какие бабочки, букашки,
 Козявки, мушки, таракашки!
Одни — как изумруд, другие — как коралл!
 Какие крохотны коровки!
 Есть, право, менее булавочной головки!» —
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд?
 Я чай, подумал ты, что гору встретил?» —
«Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват:
 Слона-то я и не приметил».

ЛЕВ НА ЛОВЛЕ

Собака, Лев да Волк с Лисой
 В соседстве как-то жили,
 И вот какой
 Между собой
Они завет все положили:
 Чтоб им зверей съобща ловить
И, что наловится, всё поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
 Лиса оленя поймала,
 И шлет к товарищам послов,
 Чтоб шли делить счастливый лов:
 Добыча, право, недурная!
Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
 И озираючи товарищей кругом,
 Дележ располагает,
 И говорит: «Мы, братцы, вчетвером».
И на-четверо он оленя раздирает.
«Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
 Вот эта часть моя
 По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапку кто протянет,
 Тот с места жив не встанет».

КРЕСТЬЯНЕ И РЕКА

Крестьяне, вышед из терпенья
От разоренья,
Что речки им и ручейки
При водополи причиняли,
Пошли просить себе управы у Реки,
В которую ручьи и речки те впадали.
И было что на них донести!
Где озими разрыты;
Где мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота — что и не счастье!
А та Река течет так смирно, хоть и пышно;
На ней стоят большие города,
И никогда
За ней таких проказ не слышно:
Так, верно, их она уймет, —
Между собой Крестьяне рассуждали.
Но что ж? Как подходить к Реке поближе стали,
И посмотрели, так узнали,
Что половину их добра по ней несет.
Тут, попусту не заводя хлопот,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потом взглянулись меж собой
И, покачавши головой,
Пошли домой.
А отходя, проговорили:
«На что и время тратить нам!
На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам».

МИРСКАЯ СХОДКА

Какой порядок ни затей,
Но если он в руках бессовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

В овечьи старосты у Льва просился Волк.
Стараньем кумушки Лисицы,

Словцо о нем замолвлено у Лявицы.
Но так как о Волках худой на свете толк
И не сказали бы, что смотрит Лев на лица,
То велено звериный весь народ
Созвать на общий сход,
И расспросить того, другого,
Что в Волке доброго он знает, иль худого.
Исполнен и приказ: все звери созваны.
На сходке голоса чин-чином собраны:
Но против Волка нет ни слова,
И Волка велено в овчарню посадить.
Да что же Овцы говорили?
На сходке ведь они уж, верно, были?
Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
А их-то бы всего нужней спросить.

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». —
«Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» —
«Я три тарелки съел». — «И полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты, —
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед-Демьян соседа-Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет,
Сбирается с последней силой
И очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян. — Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,

28.

Мирская сходка.

Качество жизни в мире -

то есть он зависит от условий жизни
в мире, как и качество
жизни в мире, так и качество жизни
от этого зависит, что такое мир
зависит от того, как
жизнь в мире, так и качество жизни
жизни в мире, так и качество жизни
жизни в мире, так и качество жизни

и поэтому так важно

то что жизнь в мире, так и качество жизни
жизни в мире, так и качество жизни
жизни в мире, так и качество жизни
жизни в мире, так и качество жизни
жизни в мире, так и качество жизни
жизни в мире, так и качество жизни
жизни в мире, так и качество жизни

2

Автограф басни И. Крылова „Мирская сходка“

Схватя в охапку
Кушак и шапку, —
Скорей без памяти домой,
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь,
Но если помолчать во время не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

МЫШЬ И КРЫСА

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? —
Вбежавши, Крысе Мышь сказала. —
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву.
Вот отдохнуть и нам пора настала!» —
«Не радуйся, мой свет, —
Ей Крыса говорит в ответ. —
И не надейся попустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

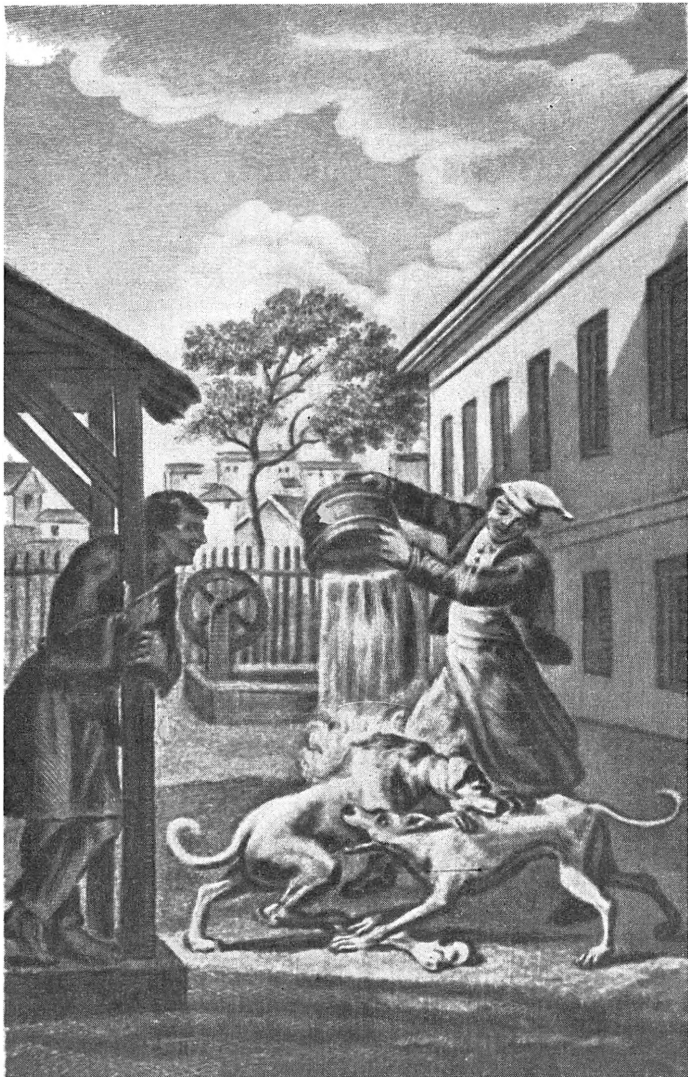
Мартышка, в зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, — говорит, — кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.

А, ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть;
Я даже их могу по пальцам перечесть». —
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ

Набрав валежнику порой холодной, зимной,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжкой ношей дров.
Нес, нес он их и утомился,
Остановился,
На землю с плеч спустил дрова долой,
Присел на них, вздохнул, и думал сам с собой:
«Куда я беден, боже мой!
Нуждаюсь во всем; к тому ж жена и дети,
А там подушное, боярщина, оброк...
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?»
В таком унынии, на свой пеняя рок,
Зовет он Смерть; она у нас не за горами,
А за плечами:
Явилась вмиг
И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»
Увидевши ее свирепую осанку,
Едва промолвить мог бедняк, оторопев:
«Я звал тебя, коль не во гнев,
Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».

*Рисунок А. Орловского к басне И. Крылова
„Две собаки“*

Из басни сей
Нам видеть можно,
Что как бывает жить ни тошно,
А умирать еще тошней.

СЛОН В СЛУЧАЕ

Когда-то в случай Слон попал у Льва.
В минуту по лесам прошла о том молва,
И так, как водится, пошли догадки,
Чем в милость втерся Слон?
Не то красив, не то забавен он;
Что за прием, что за ухватки!
Толкуют звери меж собой.
«Когда бы, — говорит, вертя хвостом, Лисица, —
Был у него пушистый хвост такой,
Я не дивилась бы». — «Или, сестрица, —
Сказал Медведь, — хотя бы по когтям
Он сделался случайным,
Никто того не счел бы чрезвычайным;
Да он и без когтей, то всем известно нам». —
«Да не вошел ли он в случай клыками? —
Вступился в речь их Вол. —
Уж не сочли ли их рогами?» —
«Так вы не знаете, — сказал Осел,
Ушами хлопая, — чем мог он полюбиться
И в знать добиться?
А я так отгадал, —
Без длинных бы ушей он в милость не попал».

Нередко мы, хотя того не примечаем,
Себя в других охотно величаем.

ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк, близко обходя пастуший двор
И видя сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,

А псы смирнехонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
«Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!»

ДВЕ БОЧКИ

Две бочки ехали — одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая себе без шуму и шажком
Плетется,
Другая вскачь несется;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жметсЯ,
Ее слышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку;
Кто делов истинно, — тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу
Без шуму.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
За то на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот, кóй-как знаками стал Волк его манить,
И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть, и с трудностью большою
Кость вытащил, и стал за труд просить.

«Ты шутишь!—зверь вскричал коварный.—

Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!

Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума-Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.

У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные, как яхонты, горят;

Лишь то беда, — висят они высоко:

Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,

Да зуб неймет.

Пробившись попусту час целой,

Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!

На взгляд-то он хорош,

Да зелен, — ягодки нет зрелой:

Тотчас оскомину набьешь».

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,

Их прибыльно сбывает с рук

(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),

Медведь задумал жить такими же трудами.

Пошел по лесу треск и стук,

И слышно за версту проказу.

Орешника, березника и вязу

Мой Мишка погубил несметное число,

А не дается ремесло.

Вот идет к мужику он попросить совета

И говорит: «Сосед, что за причина эта?

Деревья-таки я ломать могу».

А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чем есть тут главное уменьье?» —
«В том, — отвечал сосед, —
Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

СОВЕТ МЫШЕЙ

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить
И, несмотря на кошек и котов,
Свести с ума всех ключниц, поваров
И славу о своих делах трубить заставить
От погребов до чердаков;
А для того Совет назначено составить,
В котором заседать лишь тем, у коих хвост
Длиной во весь их рост:
Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,
Всегда умнее
И расторопнее везде.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;
Притом же об уме мы сами часто судим
По платью, иль по бороде.
Лишь нужно знать, что с общего сужденья
Всё длиннохвостых брать назначено в Совет;
У коих же хвоста к несчастью нет,
Хотя б лишились их они среди сраженья,
Но так как это знак иль неуменья,
Иль нераденья,
Таких в Совет не принимать,
Чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
Всё дело слажено; повещено собранье,
Как ночь настанет на дворе;
И, наконец, в мушном ларе
Открыто заседанье.
Но лишь позаняли места,
Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.
Приметя то, седую Мышь толкает
Мышонок молодой
И говорит: «Какой судьбой
Бесхвостая здесь с нами заседает?
И где же делся наш закон?»

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Услышав что думишка трудится под дугами
 Иск привлекла колыбелью слышавша она из грук
 А дуги были гнуть съ трудом и не вдалеке
 Медведь задумал жить такими же трудами
 Вдруг пошел пошел итруска встал
 Что слышно задрожу медведя все пролезли
 Орешнику врезал и вязы
 Мой диня погумил помыслил часю
 А диня медведя такое ронсил

Идти вышла диня к медведю просить совета
 И поговорила ему что задрожав эта
 Деревья много и диня не могу
 А не согнута была ты подного в дугу
 Скажи мой диня какой диня и ограда
 В диня диняное диня диня
 А диня скажи диня из ответа
 Было та много и диня диня диня диня

Лубочный рисунок к басне И. Крылова

Дай голос, чтоб ее скорее выслать вон.
Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;
И можно ль, чтоб она полезна нам была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только нас, подполицу всю губит».
А Мышь в ответ: «Молчи! все знаю я сама;
Да эта крыса мне кума».

МЕЛЬНИК

У Мельника вода плотину прососала;
Беда б не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? — Мельник мой не думает тужить;
А течь день-ото-дня сильнее становится:
Вода так бьет, как из ведра.
«Эй, Мельник, не зевай! Пора,
Пора тебе за ум хватиться!»
А Мельник говорит: «Далеко до беды,
Не море надо мне воды,
И ею мельница по весь мой век богата».
Он спит, а между тем
Вода бежит, как из ушата.
И вот беда пришла совсем:
Стал жернов, мельница не служит.
Хватился Мельник мой; и охает, и тужит,
И думает, как воду уберечь.
Вот у плотины он, осматривает течь,
Увидел, что к реке пришли напиться куры.
«Негодные! — кричит, — хохлатки, дуры!
Я и без вас воды не знаю где достать;
А вы пришли ее здесь вдосталь допивать».
И в них поленом хватъ.
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды, пошел в свое подворье.

Видал я иногда,
Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,

А думают хозяйству подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такую бережью диковинка ль, что дом
Скорешенько пойдет вверх дном?

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под дубом вековым
Наелась жолудей до-сыта, до-отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, —
Ей с дубу ворон говорит. —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —
«Пусть сохнет, — говорит Свинья, —
Ничуть меня то не тревожит:
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б жолуди: ведь я от них жирею». —
«Неблагодарная! — промолвил Дуб ей тут. —
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жолуди на мне растут».

Невежда так же в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

ЛИСИЦА И ОСЕЛ

«Отколе умная бредешь ты, голова?» —
Лисица, встретясь с Ослом, его спросила. —
«Сейчас лишь ото Льва!
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало, зарычит, так стонет лес кругом,
И я, без памяти, бегом,

Куда глаза глядят, от этого уroda;
А ныне в старости и дряхл и хил,
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.
Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх.
И поплатился он старинными долгами!
Кто мимо Льва ни шел, всяк вымещал ему
По-своему:
Кто зубом, кто рогами. . .» —
«Но ты коснуться Льву, конечно, не дерзнул?» —
Лиса Осла перерывает.
«Вот-на! — Осел ей отвечает: —
А мне чего робеть? И я его лягнул:
Пускай ослиные копыты знает!»

Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь с высоты:
От первых жди от них обиды и досады.

МУХА И ПЧЕЛА

В саду весной, при легком ветерке,
На тонком стебельке
Качалась Муха, сидя,
И, на цветке Пчелу увидя,
Спесиво говорит: «Уж как тебе не лень
С утра до вечера трудиться целый день!
На месте бы твоем я в сутки захирела.
Вот, например, мое
Так, право, райское житье!
За мною только лишь и дела,
Летать по балам, по гостям;
И молвить, не хвалясь, мне в городе знакомы
Вельмож и богачей все дома.
Когда б ты видела, как я пирую там!
Где только свадьба, именины, —
Из первых я уж верно тут.
И ем с фарфоровых богатых блюд,

И пью из хрусталей блестящих сладки вины,
 И прежде всех гостей
 Беру что вздумаю из лакомых сластей;
 Притом же, жалуя пол нежной,
 Вкруг молодых красавиц выюсь,
 И отдыхать у них сажусь
 На щечке розовой, иль шейке белоснежной». —
 «Всё это знаю я, — отвечает Пчела, —
 Но и о том дошли мне слухи,
 Что никому ты не мила,
 Что на пирах лишь морщатся от Мухи,
 Что даже часто, где покажешься ты в дом,
 Тебя гоняют со стыдом». —
 «Вот, — Муха говорит, — гоняют! Что ж такое?
 Коль выгонят в окно, так я влечу в другое».

КРЕСТЬЯНИН И ОВЦА

Крестьянин позвал в суд Овцу:
 Он уголовное взвел на бедняжку дело;
 Судья — Лиса: оно в минуту закипело.
 Запрос ответчику, запрос истцу,
 Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
 Как было дело, в чем улика?
 Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
 Поутру, у меня двух кур не досчитались:
 От них лишь косточки да перышки остались;
 А на дворе одна Овца была».
 Овца же говорит: она всю ночь спала,
 И всех соседей в том в свидетели звала,
 Что никогда за ней не знали никакого
 Ни воровства,
 Ни плутовства;
 А, сверх-того, она совсем не ест мясного.
 И приговор Лисы вот, от слова до слова:
 «Не принимать никак резонов от Овцы,
 Понеже хоронить концы
 Все плуты, ведомо, искусны;
 По справке ж явствует, что в сказанную ночь
 Овца от кур не отлучалась прочь,
 А куры очень вкусны,

И случай был удобен ей, —
То я сужу по совести моей:
Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И вследствие того казнить Овцу,
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

ВОЛК И МЫШОНОК

Из стада серый Волк
В лес овцу затащил, в укромный уголок,
Уж разумеется, не в гости:
Овечку бедную обжора ободрал,
И так ее он убирал,
Что на зубах хрустели кости.
Но как ни жаден был, а съесть всего не мог,
Оставил к ужину запас и подле лег
Понежиться, вздохнуть от жирного обеда.
Вот, близкого его соседа,
Мышонка запахом пирушки привлекло.
Меж мхов и кочек он тихохонько подкрался,
Схватил кусок мяса и с ним скорей убрался
К себе домой, в дупло.
Увидя похищенье,
Волк мой
По лесу поднял вой;
Кричит он: «Караул! Разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое именье!»

Такое ж в городе я видел приключенье:
У Климыча судьи часишки вор стянул,
И он кричит на вора: «Караул!»

ДВА МУЖИКА

«Здорово, кум Фаддей!» — «Здорово, кум Егор!» —
«Ну, каково, приятель, поживаешь?» —
«Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!»

Бог посетил меня: я сжег до-тла свой двор,
И по-миру пошел с тех пор». —
«Как-так? Плохая, кум, игрушка!» —
«Да так! О Рождестве была у нас пирушка;
Я со свечой пошел дать корму лошадям:
Признаться, в голове шумело;
Я как-то заронил, насилу спасся сам;
А двор и всё добро сгорело.
Ну, ты как?» — «Ох, Фаддей, худое дело!
И на меня прогневался, знать, бог:
Ты видишь, я без ног;
Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
Я — тож о Рождестве пошел в ледник за пивом,
И тоже чересчур, признаться, я хлебнул
С друзьями полугару;
А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул:
Ан, бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
Что сделал из меня совсем не-человека,
И вот я с той поры калека». —
«Пеняйте на себя, друзья! —
Сказал им сват Степан. — Коль молвить правду, я
Совсем не чту за чудо,
Что ты сожег свой двор, а ты на костылях:
Для пьяного и со свечою худо;
Да вряд не хуже ль и впотьмах».

ДВЕ СОБАКИ

Дворовый, верный пес
Барбос,
Который барскую усердно службу нес,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он, с умиленья, чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.

«Ну что, Жужутка, как живешь
С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь, помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?» —
«На счастье грех роптать, — Жужутка отвечает: —
Мой господин во мне души не чаёт;
Живу в довольстве и добре,
И ем и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живешь?» — «Я, — отвечал Барбос,
Хвост плетью опустя и свой повеся нос, —
Живу попржнему: терплю и холод,
И голод,
И, сберегаячи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот прекрасно! —
С насмешкой отвечал Жужу. —
На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят.

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала Кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя везде за песни славят
И с лучшими певцами рядом ставят.
Мне говорит Лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки — без ума.

Хотела б очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
И отпущу гулять по рощам и лесам.
В любви я к музыке тебе не уступаю,
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
Меж тем мой бедный Соловей
Едва-едва дышал в когтях у ней.
«Ну, что же? — продолжает Кошка. —
Пропой, дружок, хотя немножко».
Но наш певец не пел, а только что пищал.
«Так этим-то леса ты восхищал! —
С насмешкою она спросила. —
Где ж эта чистота и сила,
О коих все безумолку твердят?
Мне скучен писк такой и от моих котят.
Нет, вижу, что в пеньё ты вовсе не искусен:
Всё без начала, без конца.
Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»
И съела бедного певца —
До крошки.

Сказать ли на ушко яснее мысль мою?
Худые песни Соловьёю
В когтях у Кошки.

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их сбирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкой свой конец, метался.
На Мужика разинув зев,
«Кто ты? Что делаешь?» — спросил сердито Лев.

«Всесильный царь! — сказал Мужик, оторопев, —
Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, всё жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом». —
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?» —
«Великий государь! Здесь не житье им — рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились).
«Да отчего же, — Лев спросил, — скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» —
«О мудрый царь! — Мужик отвечивал. — Оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

ВОРОНА

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не роднися;
И если карлой сотворен,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост.

Утыкавши себе павлиным перьем хвост,
Ворона с Павами пошла голять спесиво,
И думает, что на нее
Родня и прежние приятели ее
Все заглядятся, как на диво;
Что Павам всем она сестра,
И что пришла ее пора
Быть украшением Юнонина двора.
Какой же вышел плод ее высокомерья?
Что Павами она ошипана кругом,
И что, бежав от них едва не кувырком,
Не говоря уж о чужом, —
На ней и своего осталось мало перья.

Она было назад к своим; но те совсем
Заклеванной Вороны не узнали,
Вороны вдосталь ощипали,
И кончились ее затей тем,
Что от Ворон она отстала,
А к Павам не пристала.

Я эту басенку вам быльёю поясню.
Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
Чтоб в знатную войти родню.
Приданого за ней полмиллиона.
Вот выдали Матрену за Барона.
Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
Попреком, что она мешанкой родилась,
А старая за то, что к знатным приплелась.
И сделалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых не взлюбил Овец.
Их просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно —
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пеструю Овцу терпенья нет!
Как сбуть их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с Лисою на совет
И им за тайну открывает,
Что, видя пеструю Овцу, он всякой раз
Глазами целой день страдает,
И что придет ему совсем лишиться глаз,
И как такой беде помочь, совсем не знает.
«Всесильный Лев! — сказал, насупясь, Медведь. —
На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов
Овец передушить. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смиренно говорит: «О царь! наш добрый царь!

Ты верно запретишь гнать эту бедну тварь
И не прольешь невинной крови.
Осмелюсь я совет иной произнести:
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток.
И где бы поскакать, побегать для ягнят;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи Овец Волкам пасти.
Не знаю, как-то мне сдается,
Что род их сам собой переведется.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни сделалось, ты будешь в стороне».
Лисицы мнение в совете силу взяло
И так удачно в ход пошло, что, наконец,
Не только пестрых там Овец —
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки?
Что Лев бы и хорош, да всё злодеи Волки.

БЕЛКА

У Льва служила Белка,
Не знаю, как и чем; но только дело в том,
Что служба Белкина угодна перед Львом;
А угодить на Льва, конечно, не безделка.
За то обещан ей орехов целый воз.
Обещан — между тем всё время улетает,
А Белочка моя нередко голодает,
И скалит перед Львом зубки свои сквозь слез.
Посмотрит: по-лесу то там, то сям мелькают
Ее подружки в вышине;
Она лишь глазками моргает, а оне
Орешки, знай себе, щелкают да щелкают.
Но наша Белочка к орешнику лишь шаг,
Глядит — нельзя никак:
На службу Льву ее то кличут, то толкают.
Вот Белка наконец уж стала и стара,
И Льву наскучила: в отставку ей пора.
Отставку Белке дали,
И точно, целый воз орехов ей прислали.

Орехи славные, каких не видел свет;
Все на-отбор: орех к ореху — чудо!
Одно лишь только худо —
Давно зубов у Белки нет.

ЩУБА

На Щуку подан в суд донос,
Что от нее житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однакож имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые, да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шел,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол.
Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,
И то сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи! — Лиса тут приступила. —
Повесить мало: я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно, —
Так утопить ее в реке». — «Прекрасно!» —
Кричат судьи. На том решили все согласно,
И Щуку бросили — в реку!

БРИТВЫ

С знакомцем съехавшись однажды я в дороге,
С ним вместе на одном ночлеге ночевал.
Поутру, чуть лишь я глаза продрал,

И что же узнаю? Приятель мой в тревоге:
Вчера заснули мы меж шуток, без забот;
Теперь я слушаю — приятель стал не тот.
То вскрикнет он, то охнет, то вздохнет.
«Что сделалось с тобой, мой милый? . . Я надеюсь,
Не болен ты». — «Ох! ничего: я бреюсь». —
«Как! только?» Тут я встал — гляжу: проказник мой
У зеркала сквозь слез так кисло морщит рожу,
Как будто бы с него содрать собирались кожу.
Узнавши наконец вину беды такой,
«Что дива? — я сказал. — Ты сам себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Ведь у тебя не Бритвы — косари;
Не бриться — мучиться ты только с ними станешь». —
«Ох, братец, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Как этого не знать? Ведь мы не так уж глупы;
Да острыми-то я порезаться боюсь». —
«А я, мой друг, тебя уверить смею,
Что Бритвою тупой изрежешься скорей,
А острою обреешься верней:
Умей владеть лишь ею».

Вам пояснить рассказ мой я готов:
Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
С умом людей боятся
И терпят при себе охотней дураков?

БУЛАТ

Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам,
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там. а
У мужика затеи не велики:
Он отыскал тотчас в Булате прок.
Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома, запросто, лучину им щепать;

То ветви у плетня, то сучья обрубать,
Или обтесывать тычины к огороду.

Ну, так что не прошло и году,
Как мой Булат в зубах и в ржавчине кругом,
И дети ездят уж на нем
Верхом.

Вот Еж, в избе под лавкой лежа,
Куда и клынок брошен был,
Однажды так Булату говорил:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про Булат

Так много громкого не ложно говорят:
Не стыдно ли тебе щепать лучину,
Или обтесывать тычину
И, наконец, игрушкой быть ребят?» —
«В руках бы воина врагам я был ужасен, —
Булат отвечает, — а здесь мой дар напрасен;
Так низким лишь трудом я занят здесь в дому.

Но разве я свободен?
Нет, стыдно то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен».

ОСЕЛ

Был у крестьянина Осел
И так себя, казалось, смирно вел,
Что мужику нельзя им было нахвалиться;
А чтобы он в лесу пропасть не мог,
На шею прицепил мужик ему звонок.
Надулся мой Осел: стал важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, он слышал)
И думает, теперь большой он барин стал;
Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, соком
(То может не одним Ослам служить уроком).
Сказать вам должно наперед:
В Осле не много чести было;
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдет ли в рожь, в овес иль в огород, —
Наестся досыта, — и выйдет тихомолком.
Теперь пошло иным все толком:

Куда ни сунется мой знатный господин,
Без умолку звенит на шес новый чин.
Глядят: хозяин, взяв дубину,
Гоняет то со ржи, то с гряд мою скотину;
А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
Ослу колом ворочает бока.
Ну так, что бедный наш вельможа
До осени зачах,
И кости у Осла остались лишь, да кожа.
И у людей в чинах
С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
То плут не так еще приметен;
Но важный чин на плуте, как звонок:
Звук от него и громок, и далек.

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота —
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой, на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Все это ведь за мной». — «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он», — Кот-Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана». —
«Ну, попробуйся ж у Демьяна». —
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унес козленка». —
«Беги ж, вон там живет Трофим». —
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозит за ягненка!» —
«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клиим!» —

«Ох, Вася, у него зарезал я теленка!» —
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, —
Сказал тут Васька Волку, —
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, — сам себя вини:
Что ты посеял — то и жни».

ЛЕВ

Когда уж Лев стал хил и стар,
То жесткая ему постеля надоела:
В ней больно и костям; она ж его не грела.
И вот сзывает он к себе своих бояр,
Медведей и Волков пушистых и косматых,
И говорит: «Друзья! для старика
Постель моя уж чересчур жестка:
Так как бы, не тягча ни бедных, ни богатых,
Мне шерсти пособрать,
Чтоб не на голых камнях спать». —
«Светлейший Лев! — отвечают вельможи. —
Кто станет для тебя жалеть своей,
Не только шерсти — кожи,
И мало ли у нас мохнатых здесь зверей:
Олени, серны, козы, лани,
Они почти не платят дани;
Набрать с них шерсти поскорей:
От этого их не убудет;
Напротив, им же легче будет».
И тотчас выполнен совет премудрый сей.
Лев не нахвалится усердием друзей;
Но в чем же то они усердие явили?
Тем, что бедняжек захватили
И до-чиста обрили,
А сами вдвое хоть богаче шерстью были —
Не поступилися своим ни волоском;
Напротив, всяк из них, кто близко тут случился,
Из той же дани поживился —
И на зиму себе запасся тюфяком.

ПАСТУХ

У Саввы, Пастуха (он барских пас овец),
Вдруг убывать овечки стали.

Наш молодец

В кручине и печали:

Всем плачется и распускает толк,

Что страшный показался волк,

Что начал он овец таскать из стада

И беспощадно их дерет.

«И не диковина, — твердит народ, —

Какая от волков овцам пощада!»

Вот волка стали стеречи.

Но отчего ж у Саввушки в печи

То ши с бараниной, то бок бараний с кашей?

(Из поваренок, за грехи,

В деревню он был сослан в пастухи»

Так кухня у него немножко схожа с нашей.)

За волком поиски; клянет его весь свет;

Обшарили весь лес — а волка следу нет.

Друзья! Пустой ваш труд: на волка только слава,

А ест овец-то — Савва.

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Овечкам от Волков совсем житья не стало,

И до того, что, наконец,

Правительство зверей благие меры взяло —

Вступиться в спасенье Овец,

И учрежден Совет на сей конец.

Большая часть в нем, правда, были Волки;

Но не о всех Волках ведь злые толки;

Видали и таких Волков, и многократ, —

Примеры эти не забыты, —

Которые ходили близко стад

Смирнехонько — когда бывали сыты.

Так почему ж Волкам в Совете и не быть?

Хоть надобно Овец оборонить,

Но и Волков не вовсе ж притеснить.

Вот заседание в глухом лесу открыли;

Судили, думали, рядили

И, наконец, придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забудит
И обижать он Овцу станет:
То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот — и в суд тотчас представить,
В соседний лес иль в бор».
В законе нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видал: до этих пор —
Хоть, говорят, Волкам и не спускают,
Что будь Овца ответчик иль истец, —
А только Волки всё-таки Овец
В леса таскают.

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!» —
«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
Во всем лесу у нас такой певицы нет!» —
«Тебя, мой куманек, век слушать я готова». —
«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтоб начала ты снова. . .
Отколь такой берется голосок?
И чист, и нежен, и высок! . .
Да вы уж родом так: собою невелички,
А песни — что твой соловей!» —
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поешь ты лучше райской птички.
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипнете, хваля друг дружку, —
Всё ваша музыка плоха! . .»

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

ВЕЛЬМОЖА

Какой-то, в древности, Вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон,
Сказать простее — умер он;
И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: «Чем был ты? Где родился?» —
«Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил». —
«Что ж делал ты?» — «Пил, ел и спал,
Да все подписывал, что он ни подавал». —
«Скорей же в рай его!» — «Как! где же справедливость?» —
Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.
«Эх, братец! — отвечал Эак. —
Не знаешь дела ты никак.
Не видишь разве ты? Покойник был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью?
Ведь погубил бы целый край! ..
И ты б там слез не обобрался!
За тем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде, и видел там судью:
Ну так и кажется, что быть ему в раю!

ПРИМЕЧАНИЯ

А. КАНТЕМИР

Шесть басен Кантемира, примыкая к его прославленным сатирам, в то же время являются первым в русской литературе опытом басенного жанра. При всей традиционности их сюжетных мотивов, можно обнаружить в них отклики на общественно-политические события времени Кантемира, полемику против нарушителей петровских «заветов», против тех реакционно-дворянских кругов, которые подняли голову после смерти Петра I. Басни Кантемира «Огонь и восковой болван», «Верблюд и лисица» и др., по мнению В. Стоюнина, имели в виду положение верховников, непрочность их власти (Сочинения, письма... А. Кантемира, стр. LXX и сл.). Первые четыре басни Кантемира написаны в начале 1731 года, остальные две относятся к 1738—1739 годам. Басни Кантемира, как и другие его стихотворения, распространялись в списках. Они были впервые напечатаны после смерти их автора в издании «Сатиры и другие стихотворческие сочинения кн. А. Кантемира с историческими примечаниями...» 1762 г. Здесь басни печатаются по «Сочинениям, письмам и избранным переводам кн. А. Д. Кантемира» под редакцией П. Ефремова, СПб., 1867, стр. 326—333. Текст этого издания был выверен редактором П. Ефремовым по списку с подлинной рукописи сагир и мелких стихотворений Кантемира, относящемуся к 1755 году.

Огонь и восковой болван. В басне «Огонь и восковой болван» Кантемир, согласно догадке В. Стоюнина, имел в виду своих политических противников, реакционеров «верховников» Голицыных, считая, что для пользы России их надо «искоренять скоро», как сказано в заключительной моральной концовке басни (см. В. Е. Стоюнин, вступительная статья к «Сочинениям, письмам и избранным переводам Антисха Кантемира», СПб., 1867, стр. XX).

Пчельная матка и змея. По предположению В. Стоюнина, эта басня имеет в виду императрицу Анну Ивановну, предостерегая ее от политики суровой расправы с противниками самодержавия в 1730 году.

Верблюд и лисица. В этой басне также, видимо, имелись в виду верховники.

Ястреб, Павлин и Сова. По мнению В. Стоюнина, в этой басне речь идет об избрании министров в императорский кабинет,

который должен был заменить Верховный Тайный Совет. Он был так немногочислен, что в члены его не попали многие, которые по своему положению могли бы занять в нем место.

М. ЛОМОНОСОВ

Басни в творчестве М. В. Ломоносова занимают скромное место. Давая русской литературе образцы самых разнообразных жанров, Ломоносов, вероятно, специально для своей «Риторики» написал в 40-х годах три басни, которые впоследствии неоднократно перепечатывались. Впервые они были напечатаны в «Кратком руководстве к красноречию», книга I, Риторика, СПб., 1748, §§ 306, 307, 308, стр. 303—305. Здесь печатаются по этому тексту.

В. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Среди многообразных поэтических опытов и трудов В. К. Тредиаковского басни занимают видное место. Они являлись не только одним из первых опытов в басенном жанре в русской литературе, но и имели своей целью продемонстрировать метрические поиски Тредиаковского, пытавшегося применить и в басне придуманный им «хореический гекзаметр». Именно поэтому он и назвал свои басни так: «Несколько эзоповских басенок для опыта гексаметрами амбическим и хореическим составленных». Ямбическим гекзаметром Тредиаковский называл шестистопный ямб (так называемый александрийский стих), хореическим гекзаметром — тринадцатисложный размер с семью ударениями — двух чередующихся по двухстишиям типов (таким хореическим гекзаметром написана, например, басня «Ворон и лисица»). Написаны басни Тредиаковского, повидимому, в самом начале 1750-х годов (всего их — 51 басня); напечатаны они в «Сочинениях и переводах» Тредиаковского, СПб., 1752, т. I, стр. 185—226. Здесь дается текст по этому изданию.

Пес чван. Чван — т. е. чванливый, тщеславный. Лют добре — очень зол.

Ворон и лисица. Негде — где-то. Вещба — вещанье, речь.

Старуха, болящая глазами. Мазь — мазь. Невишная — плохо видящая, слепая.

Лев жених. Чего для — поэтому. Щитился — оборонялся. Пазногти, пазноготь — ноготь или крайний сустав пальца, где сидит ноготь. Долбнею — колотушкой, деревянным молотком.

Леший и мужик. Наслек — наслег, ночлег.

И. БАРКОВ

О жизни И. С. Баркова сохранилось очень немного данных; даже год его рождения — 1732 — устанавливается на основе косвенных показаний. В 1748 году Ломоносов, выбирая из числа лучших воспитанников Невской семинарии студентов для академического универси-

тета, проэкзаменовал 16-летнего «попова сына» Ивана Баркова, который сам во что бы то ни стало стремился попасть в студенты. Ломоносов отметил при этом, что юный семинарист «имеет острое понятие и латинский язык столько знает, что он профессорские лекции разуместь может».

Принятый в университет Барков учился хорошо и считался одним из даровитейших студентов, хотя и отличался скандальным и буйным поведением. За один из таких скандалов он был в 1751 году исключен из числа студентов и приставлен к «наборному делу». В конце 50-х годов Барков, служивший уже при Академии копистом и корректором, назначается академическим переводчиком, и ему поручаются наиболее ответственные переводы, как в прозе, так и в стихах. Новиков в своем словаре отмечает «веселый нрав и беспечность» Баркова, послужившие причиной ряда анекдотов о его забавных проделках.

Барков оставил большое количество переводов и оригинальных произведений. Ему принадлежат переводы сатир Горация («Квинта Горация Флакка Сатиры или Беседы с примечаниями, с латинского языка предложенные русскими стихами», СПб., 1763), переводы басен Фэдра («Фэдра, Августова отпущенника, нравоучительные басни, с Эзопова образца сочиненные», СПб., 1764, и второе издание — 1787), к которым приложены переводы двустийшии Дионисия Котона. Помимо художественно-литературных переводов, Баркову принадлежат переводы научных книг и исторические работы: «Сокращение универсальной истории Гольберга», выдержавшее множество изданий, начиная с 1766 года, «Сокращение российской истории» (оставшееся в рукописи), издание первого тома «Библиотеки российской исторической» (1767), заключающее Несторову летопись, и др. Умер И. Барков, согласно свидетельству Новикова, в 1768 году в Петербурге.

Тексты басен даны здесь по книге «Фэдра... нравоучительные басни», СПб., 1764, стр. 5, 21, 47, 135.

А. СУМАРОКОВ

«Притчи» А. П. Сумарокова стали появляться в журналах начиная с 1755 года. Они печатались в «Ежемесячных Сочинениях», «Трудолюбивой Пчеле», «Полезном Увеселении» и др. В 1762 году басни Сумарокова вышли отдельным изданием в двух книгах под названием «Притчи Александра Сумарокова», а в 1769 году вышла и третья книга «Притчей». Однако с выходом этих книг работа Сумарокова в избранном жанре не прекращается, и в посмертном издании «Полного собрания всех сочинений в стихах и прозе», осуществленном в 1781 году Н. Новиковым, помещено (в VII томе) шесть книг «притчей» Сумарокова, из которых IV и V книги были, повидимому, собраны и подготовлены к печати самим поэтом, а басни VI книги собраны Новиковым преимущественно из ранее напечатанных Сумароковым в журналах и не вошедших в первые пять книг. Кроме того, несколько басен было дополнительно напечатано Новиковым в IX томе Собрания сочинений Сумарокова. Всего Сумароковым написано свыше трехсот семидесяти «притчей», — больше, чем кем-либо из русских баснописцев. Многие басни Сумарокова («Лисица и Вино-

град», «Снежный ребенок» и др.) перешли в лубочные картинки и стали чрезвычайно популярны в народе. Слава Сумарокова-баснописца во второй половине XVIII века была чрезвычайно велика. Воздействие его басен, признанных общим голосом сокровищем русской поэзии, испытали самые разнообразные поэты того времени.

Тексты басен даны по изд. «Притчи Александра Сумарокова», а не вошедшие в это издание басни по «Полному собранию...», изд. 1781 года.

Кошка. Притчи. Кн. I.

Фижбейная юбка — т. е. широкая юбка на каркасе из китового уса.

Пир у Льва. Притчи. Кн. I.

И вместо португей имеют кушаки — т. е. вместо перевязи для шпаги, — привилегии дворянства, — носят кушак, признак купеческого сословия. Сумароков имеет здесь в виду богатых купцов, добивавшихся дворянского звания.

Жуки и Пчелы. Из этой басни стих «Они работают, а вы их труд ядите» взят был Н. Новиковым эпиграфом к «Трутню» 1769 г. Притчи. Кн. I.

Безногий солдат. Притчи. Кн. II. Впервые — в журнале «Трудолюбивая Пчела» за июль 1759 года, стр. 48.

Копал из ряды — т. е. подрядившись по найму.

Подьяческая дочь. Притчи. Кн. II. Впервые — в «Трудолюбивой Пчеле», 1759.

Корнет — чепец, модный французский головной убор. *Флеровый салоп* — верхняя женская одежда из шелковой материи (род круглого плаща). *Трисет* — карточная игра.

Кисельник. Притчи. Кн. II. Впервые — в журнале «Полезное Увеселение» за май 1761 года. Эта басня восходит к притче Феофана Прокоповича из его слова «В неделю цветную» (Слова и речи. Ч. II, 1760, стр. 263).

Сатир и гнусные люди. Притчи. Кн. II, 1769. В этой притче Сумароков изобразил свое положение поэта-сатирика в дворянском обществе. Последние два стиха этой притчи были взяты эпиграфом к новиковскому журналу «Трутень» на 1770 год.

Чинолюбивая Свинья. Притчи. Кн. III. Римский император Кай Калигула (I век), по преданию, хотел назначить свою любимую лошадь консулом (см. Притчу «Калигулина лошадь»).

Припадки — т. е. фавор.

Ось и Бык. Впервые — в журнале «Всякая Всячина», 1769. Полное собрание сочинений Сумарокова, М., 1781, ч. VII; Притчи. Кн. IV.

Тягло... тянет — работает на барщине.

Василий Иванович Майков родился в 1728 году в Ярославле, в богатой помещичьей семье. Некоторое время учился в академической гимназии в Петербурге, но, не окончив ее, вернулся в Ярославль. С 1747 года Майков был на военной службе в Семеновском полку. По выходе в отставку в 1762 году Майков обратился к литературной деятельности.

Первые стихи его были помещены в журнале Хераскова «Полезное Увеселение», с писательским кружком которого Майков вскоре сближается.

Литературным учителем Майкова являлся Сумароков, во многом определивший гротескно-натуралистическую манеру поэзии Майкова.

Литературную известность поэту доставила комическая поэма «Игрок Ломбера», вышедшая в 1763 году. Это была первая русская комическая поэма, осмеивавшая увлечение дворянского общества картами. В конце 1760-х годов Майков сблизился с Новиковым и его кружком, оказавшим на него сильное влияние. В 1769 году он принимает участие в новиковском «Трутне», вступив в полемику с Чулковым и В. Петровым. В 1770 году Майков снова поступил на службу прокурором военной коллегии и в том же году был избран членом Вольного Экономического Общества и завел в Москве полотняную фабрику. В начале 70-х годов Майков вступил в масонскую ложу и стал одним из видных деятелей масонства. В период дворянской реакции после подавления пугачевского восстания Майков ушел в отставку.

В 1771 году вышло его главное произведение — комическая поэма «Елисей, или раздраженный Вакх» о похождениях пьяного буяна-ямщика. Именно комические поэмы принесли Майкову известность. Бурлескная «ирои-комическая» поэма явилась одним из жанров, получивших распространение в русской классической поэзии XVIII века как жанр, в котором широко вводились бытовые персонажи и натуралистически «низкие» подробности быта. В этом близость поэм Майкова и к его басням.

Еще до появления сборника басен Майков напечатал в 1763 году в «Свободных Часах» басню «Собака на сене». Видимо, начиная с этого времени он и обратился к писанию басен. «Нравоучительные басни» Василия Майкова вышли в двух книгах — первая в 1766, вторая в 1767 году. Они не были забыты и после смерти поэта. Второе издание вышло в 1788 году. Здесь текст дан по изданию 1766—1767 годов.

Скупой. Ст. 15—22 — имеется в виду басня Сумарокова «Сторож богатства своего».

Крестьянин, медведь, сорока и слепень. Сюжет восходит к народной сказке, приведенной впоследствии в «Сказках» Афанасьева.

Один из видных писателей и литературных деятелей XVIII века, примыкавший к группе писателей, объединявшихся вокруг Сумарокова, Алексей Андреевич Ржевский родился в 1737 году в старинной дворянской семье. Он рано начал свою служебную и литературную карьеру. Являясь в молодости представителем аристократической фронды, недовольной неограниченной властью царя, в дальнейшем он сам стал одним из видных деятелей екатерининского царствования. В 1767 году он принимал участие в работе Комиссии сочинения Нового Уложения. С 1771 года А. Ржевский в течение нескольких лет был вице-директором Академии Наук, а в 1775 году был назначен президентом медицинской коллегии. Умер он в 1804 году в чине тайного советника, будучи отставным вельможей прошедшего века. Видную роль играл он начиная с 80-х годов в истории русского масонства. Отдельного издания басен и стихов А. Ржевского не имеется. В качестве члена Российской Академии А. Ржевский принимал деятельное участие в ее работах, но наибольшую известность принесли ему его поэтические произведения. Свои стихи, среди которых большое место занимают басни, А. Ржевский печатал в журналах 60-х годов — «Ежемесячных Сочинениях», «Трудолюбивой Пчеле», «Свободных Часах» и в особенности в «Полезном Увеселении». «Все стихотворения, — отмечал в своем словаре Н. Новиков, — а особливо его оды, притчи и сказки, весьма хороши и изъявляют остроту его разума и способность к стихотворству». В своих «притчах», относящихся к 60-м годам XVIII века, А. Ржевский выступал как ученик и последователь А. Сумарокова.

Муж и Жена. «Полезное Увеселение», 1761, т. I.
Шуняет — укоряет, пилит. *Лытаешь* — бездельничаешь.

Медведи и пчельник. «Полезное Увеселение», 1761, т. I.
Заживной — зажиточный.

М. ХЕРАСКОВ

Михаил Матвеевич Херасков родился в 1733 году, происходил из молдавского рода, переселившегося в Россию при Петре I. Его детские годы прошли на Украине, в г. Переяславле; в 1743 году будущий поэт был отдан в Петербурге в сухопутный шляхетный кадетский корпус, в котором и обучался свыше семи лет. По выходе из корпуса Херасков недолгое время находился на военной службе, а затем поступил в только что открывшийся Московский университет «ассессором». С этого времени он начинает и широкую литературную деятельность. В 1756 году в «Ежемесячных Сочинениях» были помещены его «Притчи» и эпиграммы, а в следующие годы он издает поэму в трех частях «Плоды наук», трагедию «Венецианская монахиня»; с 1760 года он руководит изданием журналов «Полезное Увеселение» и «Свободные Часы», издававшихся при университете. В 1763 году Херасков назначается директором университета.

К 70-м годам Херасков становится деятельным масоном и активным помощником Новикова. В частности, он передает в распо-

ряжение Новикова Университетскую типографию. Массонская деятельность Хераскова сказалась и в его творчестве, в той философии нравственного самоусовершенствования, которая определяет его лирику.

Вокруг Хераскова группировалась талантливая литературная молодежь. В 70-х годах, покинув на несколько лет университет и женившись в Петербурге, он вместе с женой, одной из первых русских поэтесс, устроил в своем доме литературный салон, участники которого читали там свои произведения, помещаемые в журнале «Вечера» (1772—1773).

В творчестве М. Хераскова уже сказались ревизия сумароковской школы и начало русского сентиментализма. Херасков, выступивший в своей эпической поэме «Россияда» (1779) в качестве представителя классической поэзии, — в лирических жанрах и, в частности, в своих баснях выступает уже как писатель, прокладывающий пути сентиментализму. Басня у Хераскова превращается в морально-дидактическую аллегорию, теряет яркость своих красок. Однако, в отличие от этих моралистических басен, вошедших в его книгу «Нравоучительные басни», вышедшую в 1760 году, многие басни Хераскова, печатавшиеся в журналах тех лет, отличаются большим реалистическим и бытовым колоритом и меньшей рассудочностью, чем его «Нравоучительные басни».

Вернувшись в конце 1770-х годов в университет, Херасков стал в конце XVIII века знаменитым писателем, многочисленные и разнообразные произведения которого высоко цтились. Он умер в 1807 году.

Рыбы. Нравоучительные басни. М., 1760.

Демокрит и *Гераклит* — здесь в смысле мыслителей — оптимиста и пессимиста.

Д. ФОНВИЗИН

Лисица-Кознодей. Одно из ранних произведений Фонвизина. Эта басня написана около 1762 года (см. Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина. СПб., 1866, стр. 662); впервые напечатана в «Распускающемся цветке, или собрании разных сочинений и переводов», М., 1787. Вероятно, басню-сатиру эту следует отнести к смерти Елизаветы Петровны, следовавшей в конце 1761 года (см. Д. Благой. Фонвизин. М., 1945, стр. 48).

Кознодей — проповедник. *Альфреско* — настенная живопись.

Н. ЛЕОНТЬЕВ

Николай Васильевич Леонтьев, воспитанник сухопутного кадетского корпуса, довольно долго служил на военной службе в гвардии. Впоследствии перешел на гражданскую службу и занимал различные должности, — состоял в конторе строения Исакиевского собора, затем был сенатором, президентом медицинской коллегии. В литературе Леонтьев выступил еще в юности, прежде всего как автор басен, вышедших отдельным изданием (Басни Николая Леонтьева. СПб., 1766). Басни Леонтьева привлекли внимание современников и заслужили положительную оценку.

Однако, несмотря на это успешное начало, Н. Леонтьев оставляет в дальнейшем басенный жанр. Он избирается в числе первых членов в Российскую Академию и принимает деятельное участие в работе над академическим словарем. Умер Н. Леонтьев в Петербурге в 1824 году. Тексты даны здесь по книге «Басни Николая Леонтьева», СПб., 1766.

Брудастые и Хортые кобели.

Брудастые — длинношерстные охотничьи собаки, *хортые* — гладкошерстные гончие.

М. ЧУЛКОВ

Михаил Дмитриевич Чулков (1734—1792) — один из первых писателей, вышедших из мещанской среды. О его биографии сохранилось мало сведений. Повидимому, в молодости он участвовал в театральной труппе, организованной в Ярославле Волковым, и вместе с нею попал в Петербург. В 1761 году Чулков — актер придворного театра, а в 1765 году числился придворным лакеем. С 1772 года он служит уже в Сенате, а к концу жизни — «при кабинете» Екатерины II в чине надворного советника. Чулков написал огромное количество книг самого разнообразного характера, в том числе авантюрно-бытовой роман «Пригожая повариха» (1770), выпустил сборник сказок и новелл «Пересмешник, или славенские сказки» (1766—1789), издавал сатирические журналы «И то и се» (1769) и «Парнасский Шепетильник» (1770). Вместе с тем Чулков печатает стихи и шуточно-сатирические поэмы («Стихи на качели», «Стихи на семик»). Для Чулкова характерен усиленный интерес к фольклору, который он собирал, издавал, пропагандировал. Поскольку в издаваемом М. Чулковым журнале «И то и се» почти все стихотворные материалы принадлежат самому издателю, то можно с достаточным основанием считать принадлежащими М. Чулкову и помещенные в нем басни, вдобавок весьма близкие по манере к другим стихотворным сатирическим его произведениям.

М. ПОПОВ

Михаил Иванович Попов — по происхождению человек из народа (год рождения неизвестен, умер около 1790 года). Был актером в первом русском театре Ф. Волкова, с которым приехал в Петербург. В 1767 году он был одним из секретарей Комиссии сочинения Нового Уложения. Еще работая в театре, М. Попов сблизился с М. Чулковым, совместно с которым впоследствии издал ряд книг. М. Попову принадлежали стихотворения, ряд переводов, «Краткое описание славянского баснословия» (1768), попытка свода славянской мифологии и др. М. Попов являлся одним из первых писателей-профессионалов, ориентировавшихся на широкого демократического читателя. Он участвовал и в «Трутне» Новикова, в котором в 1769 году и были помещены его басни «Два вора» и «Соловей». Наибольшую известность Попову как писателю принесла его комическая опера «Анюта» (1772), из которой видно его сочувственное отношение к крестьянству. Тексты басен даны по собранию сочинений и переводов М. Попова «Досуги», СПб., 1772.

Среди писателей конца XVIII и начала XIX веков Муравьев занимает видное место. Куратор Московского университета, друг Карамзина, широко образованный человек, он был одним из первых деятелей русского сентиментализма.

Михаил Никитич Муравьев родился в 1757 году в Вологде. В 1760 году его семья переехала в Оренбург, куда отец его был назначен вице-губернатором. Муравьев, получивший неплохое домашнее образование, поступил в 1769 году в Московскую университетскую гимназию. Выделяясь в гимназии, а затем и в университете своими способностями, Муравьев близко познакомился с директором университета Херасковым. До окончания университета ему пришлось поехать на жительство вместе с отцом в Архангельск, а затем он попал семнадцатилетним юношей в Петербург, определив: «сь «фурьером» в Измайловский полк.

В Петербурге Муравьев сблизился с Н. А. Львовым и кругом столичных литераторов, а через него, вероятно, и с Хемницером, только что вступившим на литературное поприще, а также и с другим баснописцем — В. Майковым, взявшимся руководить начинающим поэтом. Именно к этому времени относятся его первые выступления в литературе и книга «Басен в стихах, сочиненных г-ф-фурьером лейб-гвардии Измайловского полка Михаилом Муравьевым» (СПб., 1773). Эти ранние басни молодого начинающего поэта не похожи на будущие произведения Муравьева; они так и остались лишь юношеским дебютом в модном тогда жанре. В 1770-е годы М. Муравьев пополнял свое образование слушанием лекций профессоров Академии Наук по математике и физике. В 1785 году он был назначен воспитателем великих князей, а в 1800 году — сенатором, а затем и попечителем Московского университета. В 1804 году он был избран в члены Российской Академии, в работе которой принимал участие до самой смерти своей в 1807 году.

Литературные взгляды и вкусы молодого Муравьева сложились в сумароковской школе. Этим, равно как и знакомством с В. Майковым, объясняется то, что Муравьев начинает свою литературную деятельность с басни и трагедии. Однако позднее Муравьев отошел от сумароковских традиций, все больше и больше приближаясь к принципам дворянского сентиментализма. В эти годы Муравьев культивирует преимущественно лирические темы, связанные с его субъективно-эстетическим мировоззрением, приходя к поэтической таинственности и меланхолии и предвосхищая в этом отношении поэзию Жуковского.

Тексты здесь даны по книге «Басни в стихах, сочиненные . . . Михаилом Муравьевым», СПб., 1773.

Лисица и козел.

Красс — римский политический интриган и полководец I века до нашей эры; погиб в Аравии, потерпев поражение от парфян.

Миротворец.

«Евстафий» с кораблем сцепился неверным — имеется в виду один из знаменитых эпизодов морского боя с турками близ Чесмы.

Александр Онисимович Аблесимов родился в 1742 году в Галичском уезде Костромской губернии. Отец его, небогатый провинциальный помещик, не мог дать сыну сколько-нибудь солидного образования, и будущий писатель поступил на службу в лейб-кампанскую канцелярию. Молодой канцелярист переписывал А. П. Сумарокову набело его стихи и пристрастился к литературе. Впоследствии Аблесимов перевелся в Комиссию сочинения Нового Уложения, затем перешел на военную службу; дослужившись до капитанского чина, он вышел в отставку и поступил экзекутором в Московскую управу благочиния. В этой должности он и умер в 1783 году в крайней бедности.

Литературную деятельность Аблесимов начал в 1759 году в «Трудолюбивой Пчеле», журнале его литературного патрона А. Сумарокова, напечатав там несколько стихотворений. В дальнейшем он принимает деятельное участие в новиковском «Трутне», примыкая к демократически настроенным, передовым кругам той эпохи. В «Трутне» 1769—1770 года Аблесимов напечатал ряд «былей» — поучительных бытовых басен. Тогда же они были изданы и отдельной книжкой под названием «Сказки в стихах». После прекращения новиковских журналов Аблесимов начал сам издавать в 1781 году (хотя и без обозначения своего имени) особый журнал басен в стихах и прозе под названием «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или когда кому делать нечего» (М., 1781, в Университетской типографии Н. Новикова).

«Рассказчик» выходил маленькими еженедельными листочками и состоял главным образом из стихотворений и сатирических заметок самого издателя. Своими «баснями и былинами» Аблесимов стремился создать своего рода бытовой сатирический, нравоописательный фельетон в стихах; однако его сатира имела ограниченный, натуралистический характер. Во многом он продолжатель и ученик Сумарокова, но сумароковские принципы басен Аблесимов сильно упростил и смягчил, превратив в мелкотравчатое обличение бытовых и семейных неурядиц.

Впрочем, подлинную известность Аблесимову принесли не его басни и стихи, а его комическая опера «Мельник колдун, обманщик и сват», появившаяся в 1782 году и не сходившая долгое время со сцены.

Следует указать, что, при всей умеренности сатиры «Рассказчика забавных басен», ему пришлось разделить печальную участь прочих сатирических журналов XVIII века; он прекратился изданием в конце 1781 года.

Муж и жена. «Трутень»; 1769.

В магистрате — т. е. в долговой тюрьме.

Приказная уловка. «Рассказчик забавных басен». М., 1781.

Читал печатное — имеется в виду журнал Екатерины II «Всякая всячина», в котором «подьячие» брались под защиту именно так, как это здесь изложено. Указ подьячих испужал... — указ, изданный Екатериной II вскоре после восшествия на престол, запрещающий взятки, но не обеспечивший никаких гарантий выполнения его.

Среди русских баснописцев Хемницеру принадлежит почетное и видное место. Он является непосредственным предшественником Крылова, и его басни пользовались широкой популярностью начиная с конца XVIII века по середину XIX века.

Иван Иванович Хемницер родился в 1745 году в Астраханской губернии, в семье малосостоятельного штаб-лекаря. Когда будущему баснописцу исполнилось 11 лет, его отец с семьей переселился в Петербург, где мальчик стал готовиться к медицинской карьере. Однако медиком Хемницеру не пришлось стать, так как в 1757 году он вздумал искать счастья в военной службе и поступил в солдаты в пехотный полк. Во время Семилетней войны юноша принял участие в походе в Германию. Хемницер пробыл на военной службе двенадцать лет. Уже будучи поручиком Копорского полка, он вышел в отставку и поступил на службу в горное ведомство. Там Хемницер сблизился с М. Ф. Соймоновым, своим начальником, и вместе с ним в 1776 году совершил длительное путешествие за границу (в Германию, Голландию и Францию). От этой поездки сохранился путевой дневник Хемницера, в который он записывал свои впечатления от путешествия. Вместе с Соймоновым и Хемницером путешествовал и Н. А. Львов, друг Хемницера, поэт и художник, близкий к Державину. Все они выражали новые для своего времени взгляды на поэзию, отстаивая простоту и естественность в поэзии.

Первым известным нам поэтическим опытом Хемницера явилась «Ода на победу при Журке» 1770 года, не имевшая поэтических достоинств; в 1774 году Хемницер напечатал стихотворный перевод героиды Дора «Письмо Барнвелля», посвятив его Н. А. Львову. Однако подлинное дарование Хемницера сказалося не здесь, а в сатирических жанрах. Еще в 70-х годах он начал писать сатиры, в которых нападал на подьячих и разоблачал пороки господствующих классов.

По возвращении из путешествия по Европе, Хемницер вновь продолжает свою работу в области минералогии, опубликовав ряд специальных трудов. Наряду с этим Хемницер пишет басни, издав анонимно в 1779 году небольшой сборник под заглавием «Басни и сказки NN», доставивший ему литературную известность. Человек без связей, бедняк-разночинец, Хемницер остро ощущал свое неравноправное положение в дворянском обществе и не мог примириться с деспотизмом и хищничеством дворянско-бюрократической верхушки. Но он не был по своей натуре борцом и не имел достаточных сил открыто выступить против дворянского общества. Отрицательное отношение к нему, идеалы честного труженика-разночинца он выразил в баснях, в которых заявлял, что свобода бедняка лучше жизни в неволе сытых, обеспеченных богачей.

В 1782 году Хемницер, видимо под давлением личных обстоятельств, уехал из России, получив место русского консула в Смирне. Около полутора лет пробыл он в далеком азиатском городе, все время болея, тяжело переживая свое одиночество и мечтая об отставке и пенсии.

20 марта 1784 года Хемницер умер. Всею своею жизнью баснописец оправдал безрадостную эпитафию, которую написал самому себе:

Жил честно, целый век трудился
И умер гол, как гол родился.

Большинство басен Хемницера оригинальны по своим сюжетам и тесно связаны с русской действительностью. Такие басни (преимущественно неопубликованные при жизни баснописца), как «Волчье рассуждение», «Путешествие Льва», «Лев, учредивший совет» и др., свидетельствуют о политической наблюдательности и смелости баснописца, не побоявшегося нападать на политику Екатерины II и ее фаворитов. Но, наряду с нотами политического протеста, Хемницер приходит к грустному и безнадежному выводу о тщетности протеста, о неизбежном признании неизменности общественных отношений, к отказу от борьбы.

Басни Хемницера, пользовавшиеся широкой популярностью в конце XVIII и начале XIX веков (достаточно указать, что до 1855 года они были изданы 36 раз), оказали большое воздействие на развитие русской басни, подготовив появление басен Крылова. Наиболее полное научное издание басен и прочих сочинений Хемницера вышло под редакцией Я. К. Грота: «Сочинения и письма Хемницера», Спб., 1873. Тексты басен даны по изд. «Басни и сказки NN», изд. 2-е, Спб., 1792, а не вошедшие в это издание басни — по «Сочинениям И. Хемницера», под ред. Я. К. Грота, в котором впервые были установлены подлинные тексты поэта по его рукописям и устранены «исправления», внесенные в них после смерти Хемницера его друзьями-редакторами.

Два соседа. Сюжет басни предваряет «Повесть о том, как поссорились...» Гоголя.

Е. КОСТРОВ

Ермил Иванович Костров (1752—1796) происходил из экономических крестьян Вятской губернии и первоначальное образование получил в Вятской семинарии. После пребывания в Московской духовной академии он в 1778 году переходит в студенты Московского университета, а по окончании его становится официальным университетским стихотворцем, поставляя стихи на разные торжественные случаи. Наряду с этим Костров много работает как переводчик: он перевел на русский язык «Золотого осла» Апулея и др. Ему принадлежит и незавершенный перевод «Илиады» Гомера. В своих оригинальных стихах Костров являлся одним из предвестников сентиментализма, охотно пользуясь чувствительно-идиллическими мотивами.

В. ЛЕВШИН

Василий Алексеевич Левшин, небогатый тульский помещик, родился в 1746 году. В 1765 году он поступил в армию и участвовал в первой турецкой кампании. Дослужившись до чина поручика, он оставил военную службу и перешел на гражданскую, будучи избран

судьей в г. Белеве. В 1803 году Левшин был назначен чиновником по особым поручениям к статс-секретарю А. А. Витовтову. В 1818 году он вышел в отставку.

Литературная деятельность его имела преимущественно научно-популярный и переводческий характер. Левшин с ранних лет интересовался науками, в особенности экономическими.

Первая книга Левшина — «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени» — вышла в 1773 году, а в 1779 году была напечатана книга «Утренники влюбленного», интересная тем, что в ней, помимо сентиментальных излияний, приводятся цитаты о равенстве из французской энциклопедии, свидетельствующие о вольнолюбивых интересах молодого автора.

Левшин с равной охотой переводил «Идиллии» Геснера («Идиллии и пастушеские поэмы Геснера», с немецкого языка, 1787), драму в трех действиях «Торжество любви» (М., 1787) и сочинял «Полное наставление о строении всякого рода мельниц, водяных, ветряных, паровых, также скотскими и человеческими силами в действие приводимых, по которому каждый может оные устраивать» (2 ч., М., 1817) и др.

Левшин примыкал к тому просветительскому течению в русской литературе XVIII века, которое особенно ярко было представлено деятельностью Н. Новикова. По поручению Новикова он перевел целый ряд экономических и хозяйственных книг. Всего сочинений и переводов Левшина по экономическим, историческим, философским вопросам, переводных повестей, комедий насчитывается свыше 90. Перу Левшина принадлежали также широко известные в XVIII веке книги «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие...» (в 10 ч.ч., М., 1780—1783), в течение долгого времени приписывавшиеся Чулкову. Начав с вольнодумства и энциклопедии, Левшин постепенно переходит к умеренности житейского практицизма, закончив свою литературную деятельность в качестве последователя «Беседы» и Шишкова, ополчаясь на «западные новшества». Басни не занимали большого места в писательской деятельности Левшина, являясь данью популярному в те годы жанру. «Нравоучительные басни и притчи сочинения Василия Левшина» появились в 1787 году. Здесь даем тексты по этому изданию.

О. БЕЛЯЕВ

Осип Петрович Беляев служил с 90-х годов XVIII века при кунсткамере и библиотеке Академии Наук, умер в 1807 году. В 1788—1789 годах он сотрудничал в «Новых Ежемесячных Сочинениях», где поместил ряд переводов и оригинальных произведений, басен, стихотворений, песен и т. п., изданных впоследствии отдельно книжкой «Муза, или собрание разных забавных сочинений в стихах» (СПб., 1794). Кроме того, ему принадлежит описание кунсткамеры «Кабинет Петра Великого» (1793) и книга «Дух Петра Великого» (СПб., 1798).

«Покоящийся Трудолюбец». «Пустынник и Медведь» — анонимная басня, помещенная в журнале «Покоящийся Трудолюбец», 1784, ч. II, стр. 221.

С. ТУЧКОВ

С. А. Тучков — довольно плодовитый писатель 90-х годов XVIII века, масон и участник кружка, близкого к Радищеву. В 1789 году являлся одним из активнейших сотрудников журнала «Беседующий Гражданин», в котором напечатал ряд произведений в стихах и прозе.

Зеркало и Обезьяна. «Беседующий Гражданин», 1789, ч. II.

И. БОГДАНОВИЧ

Ипполит Федорович Богданович родился в 1743 году в помещицкой усадьбе на Украине. Двенадцатилетним подростком он привезен в Москву и записан «юнкером» (т. е. учеником) в юстиц-коллегию. Сблизившись с М. М. Херасковым, он усердно занялся поэзией. Первые поэтические опыты Богдановича появились в журнале «Полезное Увеселение» в 1760 году. В 1763 году он был определен в штаб графа Н. И. Панина переводчиком и тогда же участвовал в издании журнала «Невинное Упражнение», руководимого Е. Е. Дашковой; здесь он печатал свои стихотворения. Подлинную литературную славу принесла Богдановичу поэма «Душенька», написанная в 1778—1783 годах легким, шутивным стихом. Богданович, начавший с свободомыслия, в дальнейшем легко примирился с монархией Екатерины II и сделался официальным поэтом. В 1780 году Богданович был назначен членом государственного архива в Петербурге, в 1796 году вышел в отставку и вскоре уехал в провинцию. Умер он в 1803 году в Курске.

Я. КНЯЖНИН

Яков Борисович Княжнин (1742—1791), получив прекрасное образование, служил в иностранной коллегии. Впоследствии, оставив гражданскую службу, Княжнин переходит на военную — адъютантом графа К. Разумовского. В 1769 году он написал свою первую трагедию «Дидона», обратившую на него внимание литературных кругов. Сблизившись с Сумароковым, он женится на его дочери, также причастной к литературе. В 1773 году Княжнин был исключен со службы за растрату и лишь через несколько лет вернулся к служебной деятельности в качестве секретаря И. И. Бецкого. В 1784 году им была написана и поставлена новая трагедия «Рослав», окончательно упрочившая за ним репутацию первого драматурга эпохи. По своим литературным позициям Княжнин был последовательным сторонником классицизма. Наряду с трагедиями он выступает и как комедиограф (наиболее известны его комедии «Хвастун», «Чудаки» и комическая опера «Несчастье от кареты»). «Мелкие жанры — басни и лирика — занимают в его творчестве незначитель-

ное место. Представитель дворянского просвещения, Княжнин выступал с передовых дворянских позиций. Его последняя трагедия «Вадим Новгородский» (1789), написанная им в канун французской буржуазной революции, знаменовала усиление его гражданской настроенности. Благодаря своему вольнолюбивому духу и образу республиканца Вадима, борющегося с тиранией самодержавия, эта трагедия получила революционный смысл. Екатерина II распорядилась уничтожить печатный текст «Вадима», и трагедия Княжнина долгое время распространялась в рукописных списках, подобно «Путешествию» Радищева.

Г. ХОВАНСКИЙ

Князь Григорий Александрович Хованский (1767—1796) — ученик Я. Б. Княжнина, второстепенный поэт 90-х годов XVIII века. Служил майором в Рязанском пехотном полку. Как поэт Гр. Хованский тяготел к сентиментализму.

Среди его стихотворений выделяются песни в русском духе, многие из которых перешли в фольклор («Ах луга, луга зеленые», «Долго ль в свете одинокой мне скитаться...», «Я вечер в лугах гуляла» и др.). Среди лирических стихов, идиллий, романсов, элегий Хованского имеется и несколько басен. В 1793 году вышел сборник его стихотворений «Мое праздное время»; в 1795 году — второе, дополненное издание под названием «Жертва музам».

Н. НИКОЛЕВ

Николай Петрович Николев родился в 1758 году. Воспитанник княгини Е. Р. Дашковой, он получил блестящее по тому времени образование. Близкие дружеские отношения с графом Н. Паниным свидетельствуют о его симпатиях дворянской фронде. В литературе Николев выступает с 1770 года с «Сатирой на развращенные нравы нынешнего века».

В 1770 году Николев был записан в гвардию. В двадцатилетнем возрасте он ослеп, был вынужден выйти в отставку и предаться исключительно литературным занятиям. Умер Николев в 1815 году.

Вольнолюбивые настроения Николева, хотя и не выходившие за пределы дворянского просветительства, сказались в его трагедии «Сорена и Замир» (1785), которая явилась резким выпадом против самодержавия. Следует отметить также и антикрепостнические мотивы в его комической опере «Розана и Любим».

Басня (Болвац-молокосос из силы вон кричал...). Николев. Творения, т. IV. М., 1796.

Осетил — овладел.

А. РАДИЩЕВ

В творческом наследии автора «Путешествия из Петербурга в Москву» единственная написанная им басня «Журавли» занимает особое место. Напечатанная впервые после смерти Радищева в первом томе собрания его сочинений в 1807 г., эта басня, несомненно,

имеет автобиографическое значение, относясь к последним годам жизни Радищева, после его возвращения из Сибири в 1797 году. В своей басне Радищев говорит о том вынужденном бездействии, о той не удовлетворяющей его жизни, которую он вел по возвращении из ссылки.

Ж у р а в л и. *На он-пол* — на другую сторону.

Г. Д Е Р Ж А В И Н

Басни Гаврилы Романовича Державина в большинстве своем не были напечатаны поэтом при жизни. Лишь две из них («Лев и Волк» и «Крестьянин и Дуб») он опубликовал сам, а остальные 24 басни сохранились в рукописи. Однако это свидетельствует не о недооценке Державиным своих басен, а скорее о соображениях политической осторожности и опасений нажить баснями неприятности и личные столкновения, так как большинство его басен имело злободневный политический, памфлетный характер. Уже в ранних рукописях Державина (1776) имелось три басни; впоследствии он приписал к ним еще восемнадцать и собрал в отдельную тетрадь, видимо намереваясь издать их вместе, неоднократно возвращаясь к ним и внося многочисленные изменения и поправки в текст.

По свидетельству Я. К. Грота, эта позднейшая тетрадь относится к последнему периоду жизни Державина — к 1810 или 1811 году и переписана рукой его секретаря. Басни, включенные в эту тетрадь, написаны были в основном в 90-х годах XVIII века и в первое десятилетие XIX века (см. примечания к Полному собранию сочинений Г. Державина, т. III, СПб., 1866).

Здесь басни печатаются по тексту Полного собрания сочинений Державина под редакцией Я. К. Грота, т. III, СПб, 1866.

Л е в и В о л к. Написана в 1776 году. Напечатана в «Собеседнике Любителей Российского слова», 1783, ч. VIII, под заглавием «Басня: Заслуги свои часто измеряем мы несправедливо...» и со следующим примечанием: «Смысл басни сей выводит, что самолюбие наше употребляет разные весы, когда свои или чужие достоинства мы весим. Кажется, довольно ясно».

Л и с и ц а и з а й ц ы. Помещена в тетради 1790-х годов. По мнению Я. К. Грота, поводом к написанию этой басни послужил второй раздел Польши в 1793 году.

Ф о н а р и. По месту в рукописи Грот относит эту басню к 1796—1798 годам.

Кулибинский фонарь — И. П. Кулибин, замечательный русский механик, изобрел особый фонарь, прототип прожектора. По словам Державина, кулибинский фонарь «производит чрезвычайный свет вдали горизонтальною полосою, но чем ближе подходит, свет уменьшается и, наконец, у самого фонаря совсем темно». По мнению Я. Грота, в заключении этой басни Державин имел в виду генерал-прокурора графа Самойлова, племянника Потемкина, о котором он в объяснениях к оде «Афинейскому витязю» писал как о вельможе,

издали гремящем своим умом, но «коль скоро короче его узнаешь, то увидишь, что он ничего собственно не имеет, а ум его и таланты заимствуются от окружающих его людей, т. е. секретарей».

Аист. По месту в рукописи Я. Грот относит эту басню к 1805 году и предполагает, что она написана на Аракчеева, который хотя еще и не был тогда временщиком, но уже проявлял свои зверские наклонности.

Ю. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий родился в 1752 году в Москве и принадлежал к старинному дворянскому роду. В 1770 году он поступает на военную службу и ведет характерный для офицера-аристократа образ жизни. Однако он не сделал военной карьеры, так как его покровитель Н. Панин был оттеснен потемкинской партией. В 1785 году Нелединский вышел в отставку, так как не мог примириться с бесцеремонным поведением стоявшего у власти Потемкина. Лишь при Павле I Нелединский возвращается к служебным делам, заняв должность статс-секретаря по принятию прошений; однако вскоре подозрительный император удалил его из Петербурга. Как поэт Нелединский-Мелецкий представлял собой характерную фигуру поэта переходного времени — конца XVIII века, с его эпикурейской жизнерадостностью, сочетавшейся с салонным изяществом и чувствительностью дворянского сентиментализма. Его стихи и предваряют ту «легкую поэзию», которая развивается в дворянской литературе 1800-х годов. Наряду с чувствительными, псевдонародными песнями и романсами, принесшими ему известность (в частности, ему принадлежит популярная песня «Выду я на реченьку»), Нелединский перевел и несколько басен Лафонтена, придав им сентиментально-салонный колорит. Умер Нелединский в 1828 году.

Текст басен даем по изданию «Стихотворений» 1876 года, повидимому воспроизводящему рукопись его стихотворений.

И. ДМИТРИЕВ

Иван Иванович Дмитриев родился в 1760 году в семье симбирского помещика. На восьмом году он был отдан в пансион начала в Казань, а затем в Симбирск. Однако после пугачевского восстания родители его переехали в Москву, а четырнадцатилетнего подростка отправили в Петербург, где он в силу «стесненных обстоятельств» должен был поступить рядовым в Семеновский полк, в который был записан с малолетства. Пробыв несколько месяцев в полковой школе, он в течение ряда лет служил унтер-офицером, затем офицером.

Писать стихи Дмитриев начал будучи сержантом Семеновского полка, напечатав свое первое стихотворение («Надпись к портрету Кантемира») еще в 1777 году. Но подлинную литературную известность он заслужил в 1791—1792 годах стихотворениями, опубликованными в «Московском Журнале» Карамзина. Уйдя в 1796 году с военной службы в чине полковника, Дмитриев был назначен това-

рищем министра департамента уделов и обер-прокурором Сената в третий департамент, ведавший делами Польши, Финляндии и Прибалтики. В 1799 году Дмитриев вышел в отставку и переселился в Москву. В 1806 году он назначен сенатором, и ему была поручена ревизия ряда губерний. В 1810 году Дмитриев был назначен министром юстиции. В 1814 году Дмитриев снова ушел в отставку и последние годы своей жизни доживал на покое в Москве, где и умер глубоким стариком в 1837 году.

В 1790 году Дмитриев познакомился с Державиным и с кругом писателей, группировавшихся вокруг него (Богдановичем, Львовым и др.). По словам самого Дмитриева, с этим знакомством ему «открылся путь и к Парнасу». Литературная деятельность Дмитриева тесно связана с именем Карамзина. Помимо близких личных отношений, Дмитриева связывала с Карамзиным общность литературной позиции и творческих принципов, шедших в русле сентиментализма. В 1795 году, вслед за изданием книги Карамзина «Мои безделки», Дмитриев выпускает сборник своих стихотворений «И мои безделки», подчеркивая тем самым свою литературную ориентацию на Карамзина. В 1796 году Дмитриев издает небольшую книжечку своих басен, доставивших ему, наряду с сатирическими сказками, литературную известность. В 1803—1805 годах выходит издание «Сочинений и переводов» И. И. Дмитриева, упрочившее его положение как одного из первых русских поэтов тех лет.

Литературная деятельность Дмитриева фактически закончилась 1810 годом, когда вышло третье, «исправленное и умноженное» издание его басен. Изданием «Сочинений и переводов» в трех частях в 1823 году он подвел итог своей литературной деятельности.

Басни И. И. Дмитриева печатались в журналах начиная с середины 90-х годов XVIII века. Ряд басен вошел уже в первую книгу его стихотворений «И мои безделки» (М., 1795), затем басни Дмитриевым включались в каждое новое издание своих сочинений. (И. И. Дмитриев. Сочинения и переводы, ч. I—III, М., 1803—1805; «Басни Ивана Дмитриева», изд. 3-е, исправленное и умноженное, СПб., 1810; Сочинения, ч. I—III, М., 1818; Стихотворения, ч. I—II, СПб., 1823, и др.). Здесь басни помещены в последовательности отдельного издания басен 1810 года («Басни Ивана Дмитриева», изд. 3-е, 1810).

В. ПУШКИН

Василий Львович Пушкин, дядя А. С. Пушкина, родился в 1770 году в Москве в состоятельной дворянской семье и получил блестящее домашнее образование. Благодаря своему остроумию и сценическому дарованию В. Л. Пушкин вскоре сделался любимцем московских салонов, выступая на любительских спектаклях и вечерах с чтением театральных монологов и сочиняя шуточные куплеты на французском языке. Явившись на службу в Измайловский полк в Петербург, Пушкин сблизился с кружком столичной молодежи и, в частности, с поэтом И. И. Дмитриевым. В 1793 году В. Л. Пушкин впервые выступает в печати в журнале Крылова и Клушина «С.-Петербургский Меркурий». Поэтические мелочи — шарady, буримсы, стихотворные экспромты, стихи в альбомы, эпиграм-

мы — навсегда остались излюбленной формой литературной деятельности В. Л. Пушкина, сочетаясь со всей установившейся за ним репутацией светского любезника и острошлова. Современники ценили в его стихотворениях изящество словесной отделки, остроумие, легкость стиха, сближавшие их с поэзией И. Дмитриева.

Дослужившись до чина поручика, В. Л. Пушкин вышел в отставку и поселился в Москве. В 1803—1804 годах он совершил заграничную поездку по Германии, Франции и Англии. После заграничной поездки Пушкин особенно ревностно стал заниматься литературой, сотрудничая в московских и петербургских журналах и альманахах. Будучи другом и приверженцем Карамзина, В. Л. Пушкин принял участие в литературной борьбе и полемике сторонников Карамзина с «Беседой», откликнувшись на poleмику двумя посланиями, направленными против Шишкова и его сторонников. К 1811 году относится написание Пушкиным комической поэмы «Опасный сосед». Эта поэма хотя и не могла быть напечатана в силу ее фривольного характера, получила широкую известность. В дальнейшем В. Л. Пушкин принимает участие в «Арзамасе», членом которого избран был в 1816 году. Во время своих поездок в Петербург он встречается с арзамасцами и откликается из Москвы на их литературную борьбу с шишковистами. Начиная с 90-х годов XVIII века В. Л. Пушкин пишет и помещает в журналах свои басни; он стремится придать басенному жанру салонное изящество и лирический характер. Басня Пушкина во многом близка к басне Дмитриева, его литературного единомышленника и друга, отличаясь непринужденностью и легкостью манеры. Умер В. Л. Пушкин в 1830 году.

Д. ХВОСТОВ

Среди поэтов начала XIX века граф Д. Хвостов пользовался репутацией бездарного стихотворца, являясь излюбленной мишенью острот и пародий своих многочисленных литературных противников. «Обер-дубина Феба в ранге провинциального секретаря», — писал о нем в «Парнасском календаре» желчный острошлов А. Ф. Воейков. Богатый человек и сенатор, Хвостов мог себе позволить роскошь печатать многочисленные книги своих басен, од, посланий, издавать собрания стихотворений, важно именуя себя «певцом Кубры» — речки, протекавшей в его имении.

Дмитрий Иванович Хвостов родился в 1757 году. Получив домашнее образование и проведя некоторое время в Московском университете, Хвостов поступил в гвардию. Выйдя в 1782 году в отставку, Хвостов определился чиновником в Сенат. Женат он был на племяннице Суворова и, по ходатайству последнего, был пожалован Екатериной в камер-юнкеры, а затем и в графы.

При Павле I Хвостов был назначен синодальным обер-прокурором, в конце 1807 года сделан сенатором, а в 1819 году членом Государственного совета. Умер он в 1835 году.

Современник Фонвизина и даже еще Сумарокова, свидетель смены нескольких литературных поколений, Хвостов упорно сохранял литературные представления и принципы, почерпнутые в поэтике классицизма XVIII века. Он являлся одним из осно-

вателей «Беседы» и в своих многочисленных одах, посланиях и баснях следовал еще за Сумароковым. Не только бездарность и старомодность сиятельного «певца Кубры» вызвала резкие насмешки и гонения на него: консервативность его взглядов, делавших его одним из «столпов» реакции, объясняет изобилие эпиграмм, насмешек и анекдотов, связанных с его именем.

Стихи и, в особенности, басни Хвостова стали притчей во языцех противников «Беседы» — арзамасцев. Они сочиняли даже особые пародийные комические басни, в которых перемежались подлинные выражения Хвостова с пародиями на него.

Текст басен даем по изданию: Д. Хвостов. Полное собрание стихотворений, т. III, Спб., 1822.

П. КАРАБАНОВ

Стихотворец конца XVIII и начала XIX века, Петр Матвеевич Карабанов родился в офицерской семье в 1764 году, умер в 1829 году. Он обучался в Тверской семинарии и в 1782 году поступил в Московский университет; в дальнейшем служил в канторе дворцовых строений и в канцелярии Потемкина. Литературную свою деятельность начинал на страницах журналов 80—90-х годов XVIII века. В 1807 году Карабанов был избран в члены Российской Академии, а затем стал одним из основных участников шишковской «Беседы любителей русского слова», являясь последователем наиболее консервативных ее тенденций. Стихотворения П. Карабанова, «нравственные, лирические, любовные, шуточные, смешанные», издавались в 1801 и в 1812 годах.

А. БУНИНА

Анна Петровна Бунина, кажется, единственная из поэтесс, обращавшаяся к басенному жанру, хотя и не занимавшему особенно большого места в ее творчестве. Анна Петровна Бунина родилась в 1774 году в семье помещика. Она рано пристрастилась к стихам, а во время поездок в Москву познакомилась с литературными кругами. В 1802 году Бунина переехала в Петербург и здесь всецело отдалась литературным занятиям. Она перевела «Правила поэзии» Батте (вышли в 1808 году), а в 1809 году издала свой первый сборник стихотворений под названием «Неопытная муза», сочувственно встреченный критикой. В 1811 году Бунина была избрана членом «Беседы любителей русского слова» и в том же году выпустила сборник «Сельские вечера», в котором выделялась «баснословная повесть» «Падающий Фаетон» в духе Овидиевых «Метаморфоз». Связав свою литературную судьбу с консервативно-охранительным лагерем «Беседы», А. Бунина и в своих стихах выражала те тенденции дворянского консерватизма, которые отличали «беседчиков». Будучи сторонницей классицизма, Бунина, однако, в своих стихах уже испытала воздействие сентиментализма, сказавшееся как в круге ее лирических тем, так и в самой поэтической манере. В 1812 году она издала вторую книгу своей «Неопытной музы», посвященную преимущественно патриотическим откликам на Отечественную войну. В 1819—1821 годах Бунина,

уже тяжело больная, издала три тома Собрания стихотворений, после чего отошла от литературной жизни. Умерла она в 1828 году. Тексты басен даем по Собранию стихотворений Анны Буниной, ч. III, СПб., 1819.

Д. ДАВЫДОВ

Басни в творческом наследии поэта-партизана Дениса Давыдова занимают количественно небольшое место. Однако они сыграли видную роль в русской потаенной поэзии начала XIX века. Благодаря своему политическому протесту против деспотизма самодержавия эти басни получили большую популярность в прогрессивных и революционно настроенных кругах, распространяясь конспиративным путем. Басню «Голова и Ноги» упоминает в своем письме из крепости декабрист В. Штейнгель в числе других «вольных» сочинений, способствовавших развитию либеральных понятий: «Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободою, кто не цитировал басни Дениса Давыдова «Голова и Ноги»...» (см. Общественное движение в России в первую половину XIX века, т. I. Декабристы. 1905, стр. 490).

Орлица, Турухтан и Тетерев. Впервые была опубликована с рукописного списка в журнале «Былое», 1906, № 7, стр. 45—47. Басня приписывается молодому Д. Давыдову и включена в Полное собрание его стихотворений в большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1933). Орлица — Екатерина II. Под Турухтаном подразумевается Павел I, особенно ненавистный дворянским кругам, а под Тетеревом — Александр I, пришедший на престол в результате убийства Павла I, своего отца. Об этих событиях и рассказывается в басне, выражавшей недовольство деятельностью Александра I. Тетеревом Александр назван с намеком на его глухоту.

Голова и Ноги. Написана в 1803 году. Известна была в многочисленных списках, впервые опубликована в 1872 году («Русская Старина», т. VI). Здесь дана по тексту Полного собрания стихотворений Д. Давыдова под редакцией В. Н. Орлова, Л., 1933, стр. 69—70.

Река и Зеркало. Написана в 1808 году; не была напечатана до 1869 года (впервые опубликована в «Русском Вестнике», 1869, т. 84, но получила широкую известность в многочисленных списках, ходивших по рукам; в одном из таких списков она названа «Деспот»). Басня эта в рукописных сборниках запрещенных стихотворений упорно приписывалась А. С. Пушкину.

И. ПНИН

И. Пнин один из наиболее радикальных и свободолюбивых писателей 1790—1800-х годов, чья недолгая литературная деятельность прошла в основном в кругу «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», одним из организаторов и руководителей которого он являлся.

Незаконный сын екатерининского вельможи, фельдмаршала Н. В. Репнина, Иван Петрович Пнин родился в 1773 году. Несмотря на заботы отца о его воспитании и полученное им обычное для дворянской среды того времени образование, И. П. Пнин тяжело переживал свое «незаконное» происхождение; именно этому вопросу он посвятил даже специальное сочинение «Вопль невинности, ствергаемой законами». Десяти лет он поступил в Вольный благородный пансион при Московском университете, в котором искони преобладали литературные интересы. Видимо еще ко времени пребывания в пансионе относятся и первые поэтические опыты Пнина.

После пятилетнего пребывания в университетском пансионе Пнин перешел оттуда в артиллерийско-инженерный шляхетный корпус в Петербурге. В 1789 году он был выпущен из корпуса в армию подпрапорщиком и сразу же принял участие в шведской кампании. В 1797 году Пнин вышел в отставку и обосновался в Петербурге. Здесь совместно с А. Ф. Бестужевым (отцом будущих декабристов) Пнин предпринимает издание «Санкт-Петербургского журнала». Этот журнал просуществовал всего только год, но в истории русской журналистики он занимает видное место, явившись проводником философского и социально-политического радикализма конца XVIII века. В журнале, помимо философских од и сатирических басен самого Пнина, помещались выдержки из политико-экономических трактатов передовых западноевропейских ученых, переводы из Гольбаха и другие произведения, пропагандировавшие материалистическую философию. После переворота 11 марта 1801 года Пнин поступает на государственную службу. К этому же времени относится и его знакомство с А. Н. Радищевым.

Расцвет литературной деятельности Пнина приходится на последние годы его жизни (1802—1805), когда, помимо стихотворений, подготавливаемых им к изданию в сборнике «Моя лира», он работает над недошедшей до нас драмой «Велизарий» и разрабатывает проект издания нового журнала. В 1802 году Пнин входит в члены «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», объединявшего либерально настроенных литераторов, а за два месяца до смерти был избран президентом этого общества. В 1804 году Пнин издал свое основное сочинение «Опыт о просвещении относительно к России», в котором требовал ограничения власти помещиков и обязательного наделения крестьян землей. Однако при всем том Пнин и здесь апеллирует к «просвещенному монарху» и оставляет неизбежной сословную иерархию. Второе издание «Опыта» было запрещено и изъяты из продажи и экземпляры первого издания. В 1805 году Пнин ушел в отставку из департамента народного просвещения, где он служил, и в том же году умер.

В поэтическом наследии Пнина басни занимают довольно значительное место, являясь в ряде случаев выражением его основных политических воззрений. В басне «Царь и Придворный» Пнин подчеркивает значение народа в государстве, а в басне «Верховая лошадь» говорит о роли просвещения как необходимого условия процветания государства. Сочинения И. Пнина были научно изданы под редакцией В. Н. Орлова (И. Пнин. Сочинения. М., 1934).

А. БЕНИЦКИЙ

Рано умерший писатель начала восьмисотых годов А. Бенитцкий принадлежал к числу передовых литературных деятелей, группировавшихся вокруг «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Его кратковременная деятельность была отмечена печатью подлинного таланта и подавала надежды современникам.

Александр Петрович Бенитцкий родился в 1783 году в обедневшей дворянской семье, не имевшей ни крепостных, ни поместья. До пятнадцати лет он воспитывался в Москве, в пансионе университетского профессора Шаена, где основательно изучил иностранные языки. По выходе из пансиона Бенитцкий определился в 1799 году на военную службу; в 1803 году он был произведен в поручики и вышел в отставку, поступив переводчиком в Комиссию составления законов. Вскоре после этого он начал печатать свои произведения. Первые стихотворения его были помещены в «Журнале Российской Словесности», тесно связанном с Вольным обществом.

В 1806 году Бенитцкий вступил в Вольное общество и принял деятельное участие в его работе. Совместно с А. Е. Измайловым Бенитцкий в 1809 году издает журнал «Цветник».

Другим заметным литературным начинанием Бенитцкого было издание им в 1807 году литературного альманаха «Талия, или собрание разных новых сочинений в стихах и прозе», в котором Бенитцкий напечатал большую часть своих басен.

В «Цветнике» Бенитцкий выступал с критикой Шишкова и его сотрудников, защищая литературные принципы сентиментализма. Бенитцкий писал лирические стихи, басни и аллегорические «восточные повести», имевшие особенно широкий успех у современников («Ибрагим, или великодушный», «Бедуин» и др.). В повестях, во многом напоминающих крыловскую повесть «Кайб», Бенитцкий выступает в качестве моралиста-просветителя. Высмеивая пороки дворянского общества, Бенитцкий сохраняет, однако, упование на мудрого и благонамеренного монарха. Резче и ядовитее сатира Бенитцкого в его баснях. В особенности следует отметить его басню «Голубь историк», содержащую резкую критику дворянских «заслуг» и привилегий. Бенитцкий умер в возрасте 26 лет, в 1809 году. Смерть его была отмечена в ряде журналов как серьезная утрата для литературы.

Бык и Овца. Талия, или собрание разных новых сочинений в стихах и прозе. Кн. I, СПб., 1807.

Фрол Силин — герой одноименного очерка Карамзина, крестьянин, оказавший помощь другим в беде.

В. ЖУКОВСКИЙ

В творческом наследии В. А. Жуковского его превосходные басни обычно мало привлекают внимание исследователей. Сам Жуковский, обратившийся к басенному жанру преимущественно в 1806—1807 годах, в годы появления первых басен Крылова, также впоследствии не включил эти басни, печатавшиеся им в 1807 году в «Вестнике

Европы», в собрание своих сочинений (за исключением басни «Сон Могольца»). Эти басни были перепечатаны лишь в посмертных изданиях его сочинений. Басни относятся к первоначальному периоду творчества Жуковского, когда он пробовал свои силы в различных жанрах.

Все басни, здесь помещенные, кроме последних двух, впервые напечатаны в «Вестнике Европы» в 1807 году.

Сон Могольца.

Моголец — житель царства великого Могола (европейцы так называли властителей Индийской империи).

В. ОЗЕРОВ

Владислав Александрович Озеров (1769—1816) — известный драматург-трагик, пользовавшийся кратковременной, но громкой славой. В 1787 году он окончил кадетский корпус, служил на военной службе, а позже в военном департаменте. Свою литературную деятельность начинал как последователь Княжнина; он написал тогда ряд басен и од. Успех его второй трагедии «Эдил в Афинах» (1804) побудил Озерова окончательно перейти к драматургии. После трагедии «Фингал» (на мотивы Оссиана, 1805) он пишет трагедию из русской истории «Дмитрий Донской» (1807), поставленную на сцене в период подъема национально-патриотических настроений в связи с наполеоновскими войнами и имевшую большой успех. Озеров сочетает в своих трагедиях принципы классической драматургии с сентиментализмом, с психологической трактовкой своих героев. Басни В. Озерова написаны также не без воздействия сентиментализма.

К. БАТЮШКОВ

Константин Николаевич Батюшков (1787—1855), один из крупнейших поэтов начала XIX века, родился в Вологде в дворянской семье. Воспитывался в Петербурге и в 1803 году поступил в министерство народного просвещения. В 1807 году он перешел на военную службу и принимал участие в войнах с Наполеоном, побывав в ряде стран Европы. Некоторое время он в 1811 году служил в Публичной библиотеке, затем вновь вернулся в армию в Отечественную войну 1812 года. В 1816 году он вышел в отставку. Будучи членом «Арзамаса», Батюшков принимал деятельное участие в борьбе против «Беседы» и Шишкова. Расстроенное здоровье поэта постепенно ухудшалось, и с 1820 года его литературная деятельность обрывается тяжелым душевным заболеванием. Среди стихов Батюшкова басни занимают скромное место; в сущности, они теряют уже свой басенный характер; однако они показательны для той эволюции, которую проделала басня в начале XIX века.

Пастух и соловей. «Драматический Вестник», 1808, ч. III. Басня обращена к В. А. Озерову, который в это время подвергался нападкам со стороны А. Шаховского и других литераторов, неодобрительно относившихся к его трагедиям.

В литературном наследстве переводчика «Илиады» Н. И. Гнедича басня занимает очень незначительное место. Николай Иванович Гнедич (1784—1833) получил воспитание в Полтавской семинарии и Харьковском коллегииуме, завершив его в Московском университете, по окончании которого он переехал в Петербург и поступил на службу в министерство народного просвещения. В Петербурге Гнедич усиленно занимается литературой. В эти годы Гнедич настроен радикально, во многом сближаясь с литераторами Вольного общества. В стихотворении «Перуанец Испанцу» он горячо выступает против угнетения и рабства.

С 1811 года Гнедич служит вместе с Крыловым в Публичной библиотеке в качестве библиотекаря, работая в то же время над основным трудом своей жизни, переводом «Илиады» Гомера, законченным в 1828 году.

Близость с Крыловым не ограничивалась лишь служебными отношениями, но сказалась и в известной общности их литературных взглядов и вкусов. Басни Н. Гнедича вошли в сборник его стихотворений, вышедший в 1832 году (Стихотворения. СПб., 1832). По этому изданию текст дан и здесь.

А. НАХИМОВ

Аким Николаевич Нахимов был сыном небогатого помещика Богодуховского уезда б. Харьковской губернии. Родился он в 1782 году, образование получил в благородном пансионе при Московском университете. По выходе отсюда поступил на военную службу, затем вскоре перешел в Петербург на статскую службу. По открытии в Харькове университета вернулся на родину, поступил студентом в университет и окончил его по словесному отделению в 1808 году. Выйдя из университета, Нахимов поселился в своей деревеньке, где и предался сочинительству, высмеивая в своих сатирах и баснях «приказных» и «канцеляристов». Умер он в 1814 году.

Сочинения А. Нахимова были собраны в первый раз уже после его смерти Д. Борзенковым в 1815 году (Сочинения А. Нахимова в стихах и прозе, напечатанные по смерти его. Харьков, 1815; второе издание—Х., 1816; третье—М., 1822). При жизни же Нахимов напечатал немного своих стихотворений в периодических изданиях. Его басни, сатиры, эпиграммы ходили больше по рукам, в рукописных списках. Ряд басен, помещенных здесь, печатается по публикации их в «Русской Старине» 1880 года (ноябрь).

В сатирах и баснях Нахимов продолжал традиции сатиры XVIII века. В стихах Нахимова была дана картина провинциального быта, притом быта средних слоев общества. При отрицательном отношении к казнокрадству и дикости «подьячих», Нахимов чрезвычайно сузил рамки своей сатиры, не выходя за пределы осмеяния ненавистного ему «крапивного семени». Только в просвещении, в образовании он видел путь к исправлению нравов.

Живописец. Рафаил — Рафаэль.

Ассигнация и Алтын. Алтын — монета в три копейки. Крюк — судейская плутня и, отсюда, — подьячий, чиновник. Старинное... прозвание — алтынниками называли подьячих-взяточников.

Н. НЕВЕДОМСКИЙ

Николай Васильевич Неведомский родился в 1791 году в Кашинском уезде Тверской губернии и был сыном чиновника Кашинского земского суда. С началом Отечественной войны 1812 года он оставил гражданскую службу и определился добровольцем в волонтерский казачий полк, вместе с которым принимал участие в ряде сражений. В битве под Дессау был ранен. В 1821 году он вышел в отставку, поселился в провинции и занялся сельским хозяйством; скончался в 1853 году. Неведомский был довольно плодовитым автором, писавшим в разных жанрах, в стихах и прозе. В 1812 году вышел сборник «Басни и сказки Николая Неведомского» (СПб., 1812). Из этого сборника извлечены басни, помещенные здесь.

В. ИЗМАЙЛОВ

Владимир Васильевич Измайлов (1773—1830) — писатель карамзинской школы. Родился в Москве в дворянской семье и получил хорошее образование. Некоторое время служил на военной службе, затем, выйдя в отставку, занялся литературой. Ревностный поклонник и последователь Карамзина, он начал свою литературную деятельность в 90-х годах XVIII века, помещая свои произведения в стихах и прозе в «Приятном и полезном препровождении времени», «Аонидах» и «Вестнике Европы». В 1814 году он сам был редактором и издателем «Вестника Европы». Наибольшей известностью из его произведений пользовалось «Путешествие в полуденную Россию» (1800—1802), написанное в подражание «Письмам русского путешественника» Карамзина. В. Измайлов был также горячим приверженцем педагогических идей Руссо, которые излагал на страницах своего журнала «Патриот» (1804). В 1827 году Измайлов издавал «Литературный Музеум». В конце жизни он служил в Московском университете цензором.

Н. ОСТОЛОПОВ

Николай Федорович Остолопов родился в 1782 году в Сольвычегодске; воспитывался в Петербурге в кадетском корпусе. По окончании корпуса Остолопов после нескольких лет службы в коллегии иностранных дел и в министерстве юстиции перевелся в 1808 году в Вологду. В Вологде он служил губернским прокурором, а затем вице-губернатором. С 1820 года он переехал в Петербург, где был назначен редактором «Журнала департамента народного просвещения». Впоследствии Остолопов с 1825 по 1827 год состоял директором петербургских театров и закончил свою карьеру в качестве чиновника министерства финансов. Умер в Астрахани в должности управляющего банком в 1833 году. Разнообразная служебная

карьера не помешала усердному чиновнику оказаться и плодовитым литератором. В течение всей первой трети XIX века Остолопов выступает в качестве поэта, теоретика, критика, переводчика, печатаясь в самых разнообразных повременных изданиях. Начав с помещения своих ранних стихов в московском журнале «Иппокрена» (1801), Остолопов печатается преимущественно в журналах, примыкающих к «Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств» («Свисток муз», «Журнал Российской Словесности», «Северный Вестник», «Цветник» и др.). В 1806 году Остолопов издавал в Петербурге журнал «Любитель Словесности», в котором печатались преимущественно произведения самого издателя, а также других членов Вольного общества (Измайлов, Батюшков, Брусилов, Попугаев и др.).

К числу наиболее значительных произведений Остолопова относятся сентиментальная нравоучительная повесть «Евгения, или ныншнее воспитание» (1803), а также сборник стихотворений «Прежние досуги, или опыты в некоторых родах стихотворства» (1816) и «Апологические стихотворения» (1827). Наибольшей известностью пользовались, однако, не художественные, а теоретические произведения Остолопова, в частности — «Словарь древней и новой поэзии» (1821, три тома). «Словарь» Остолопова представлял собой подновленную в духе сентиментализма поэтику классицизма. Эта эклектичность сказалась и на поэзии Остолопова. По своим общественным взглядам Остолопов оставался благонамеренным приверженцем монархии с налетом прекраснородушного либерализма, отнюдь не разделяя сводободлюбивых устремлений левого крыла Вольного общества.

А. ИЗМАЙЛОВ

Александр Ефимович Измайлов родился в 1779 году в обедневшей помещицкой семье во Владимирской губернии. Образование будущий баснописец получил в Петербурге в Горном кадетском корпусе, куда был отдан в двенадцатилетнем возрасте. По окончании корпуса он поступил на службу в Экспедицию государственных доходов, где и прослужил до 1826 года. С этого времени служебная деятельность Измайлова протекала преимущественно в провинции: сначала вице-губернатором в Твери, а затем в той же должности в Архангельске. Не поладив там с губернатором, которого он изобличал в незаконных поступках, Измайлов в 1829 году возвратился в Петербург и последние годы жизни занимался преподаванием. В 1831 году он умер в бедности, почти нищете. Свою чиновничью службу Измайлов совмещал с интенсивной литературной деятельностью. Выступив впервые в литературе в 1799 году с нравоучительно-сатирическим романом «Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и общества», Измайлов продолжал в этом романе демократические тенденции сатиры XVIII века. Этот роман представляет значительный интерес и для дальнейшего литературного пути Измайлова, ухитрившегося сочетать грубоватый натурализм сатиры XVIII века с салонной чувствительностью сентиментализма своих лирических стихов.

В 1802 году Измайлов вступил в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» и принял вслед затем деятельное

участие в его работе; он примкнул к наиболее умеренной части общества, борющейся с радикальными настроениями в нем. В 1807 году Измайлов был избран секретарем Общества, утратившего к этому времени свою оппозиционность, и вплоть до 1825 года руководил его деятельностью.

В 1809—1810 годах Измайлов совместно с А. Бенитцким издавал журнал «Цветник».

С 1818 по 1826 год А. Измайлов издает и редактирует журнал «Благонамеренный», первоначально также связанный с деятельностью Общества.

В литературной деятельности Измайлова центральное место занимают его басни, пользовавшиеся большим успехом у современников.

В литературной борьбе начала XIX века Измайлов занимал довольно самостоятельное место как лирик, примыкая к карамзинистам, а как баснописец продолжал еще сумароковские традиции. Его басни, которые, по словам Белинского, пленяли своей «мужиковатою оригинальностью», показали еще до Гоголя и «натуральной школы» тот мирок низшего чиновничества, мещанства, вообще мелкого люда, который до этого не нашел своего изображения в литературе.

Басни Измайлова стали появляться в печати с 1805 года; в 1814 году вышло первое издание «Басен и сказок», в дальнейшем при жизни автора оно выдержало еще четыре издания, значительно дополнявшие первый сборник. Подавляющая часть басен Измайлова совершенно самобытна. Нередко эти басни имели в виду конкретные обстоятельства и людей.

Басни А. Е. Измайлова, кроме трех последних, печатаются по последнему прижизненному изданию: «Басни и сказки Александра Измайлова», в трех частях, изд. 5, вновь исправленное и умноженное. СПб., 1826.

С л о з ы К а щ е я. Впервые — «Вестник Европы», 1816, 287.

П л а т о н (Левтин), Л е в а н д а — известные проповедники XVIII века.

Л г у н. В басне высмеивается издатель «Отечественных Записок» Павел Свинын (1788—1839), собиратель памятников старины, путешественник и историк. В своих статьях и заметках он неоднократно преувеличивал и выдумывал небылицы (см. заметку Пушкина в «Детской книжке» — «Маленький жец»).

З а в е т н о е п и в о. «Невский Альманах» на 1829 г. Эту басню Пушкин пересказывает в письме к жене от 30 октября 1833 года.

А. МАЗДОРФ

Второстепенный провинциальный поэт-чиновник 1810-х годов Александр Карлович Маздорф пользовался известностью как баснописец, хотя отдельного издания басен не оставил, печатая их преимущественно в «Вестнике Европы» и «Благонамеренном». Умер он в 1820 году в Симбирске в чине титулярного советника, в тяжкой бедности.

П. ВЯЗЕМСКИЙ

Князь Петр Андреевич Вяземский родился в 1792 году; он получил блестящее образование. Друг Пушкина и многих декабристов, он играл видную роль в литературной жизни 1810—1820-х годов, принимая деятельное участие в «Арзамасе» и выступая ярким защитником сначала Карамзина и сентиментализма, а затем, позднее, романтизма и творчества Пушкина. Свои либеральные убеждения тех лет Вяземский неоднократно высказывал как в письмах, так и в стихотворениях. В 1820 году он подписал прошение об освобождении крестьян. В результате Вяземский был отстранен от службы и ряд лет находился в опале; лишь в дальнейшем, начиная с 30-х годов, отходя от своих либеральных убеждений, он пришел к «примирению» с правительством и сделал видную служебную карьеру в министерстве народного просвещения. Расцвет творчества Вяземского как поэта относится преимущественно к первой четверти XIX века, когда Вяземский примыкал к либеральному лагерю. В эти годы сложился и его легкий, остроумный и точный стих. Наряду с эпикурейскими мотивами, П. А. Вяземский особенно много внимания уделял сатирическим стихам, отличаясь злыми и остроумными эпиграммами. Эпиграмматичность сказалась и в написанных им баснях. Друг Карамзина и Дмитриева, Вяземский выступал против народной реалистической басни Крылова, отстаивая приоритет и превосходство в этом жанре салонных басен Дмитриева. Приверженность к салонной литературе, сказавшаяся в самой манере стихов и прозы Вяземского, в их остроумной и едкой болтовне, сказалась и в его баснях, печатавшихся в журналах 1810—1820-х годов. Умер Вяземский в 1878 году.

Доведь. «Труды Общества любителей российской словесности», 1817, ч. IX. Басня была читана на заседании Общества 25 февраля 1817 года.

Доведь — шашка, проведенная в дамки.

Пожар. При жизни Вяземского не напечатана. Сохранилась в его письме к А. И. Тургеневу от 22 марта 1820 г. из Варшавы («Остафьевский архив», т. II, стр. 29).

М. МАЙКОВ

Михаилу Александровичу Майкову, директору Демидовского училища высших наук в Ярославле, принадлежит ряд басен и лирических стихотворений, вышедших в двух книгах в 1821 году («Собрание басен и стихов»); в 1825 году им была издана книга «Новых басен 1824 г.»; басни его переизданы затем в Ярославле в 1832 и 1836 годах. Здесь текст по изданию: «Басни Михаила Майкова, Ярославль. 1832».

Ф. СЛЕПУШКИН

Ф. Слепушкин — один из первых поэтов — крепостных крестьян. Федор Никифорович Слепушкин, крепостной Е. Новосильцевой, родился в 1783 году в Романовском уезде Ярославской губернии. Грамоте его обучил отец, а после смерти отца толковый и расторопный

мальчик был отдан по оброку в сидельцы к московскому лавочнику. Шестнадцатилетним парнем его снова взяли в деревню и назначили для подмоги мельнику. На мельнице Слепушкин изувечил себе руку и получил разрешение поселиться в Петербурге, где и открыл мелочную лавочку на окраине, а впоследствии, в 1820 году, перебрался в село Рыбацкое на берег Невы. После выхода в свет первого сборника стихотворений Слепушкина («Досуги сельского жителя», 1826) придворные благотворители выкупили его из крепостной зависимости; получив свободу, он сделался купцом и заводчиком. Умер он в 1848 году.

В своих стихах Слепушкин дает описание сельской природы и крепостного быта. Однако, при несомненной одаренности Слепушкина и своеобразии его бытовых зарисовок, он, подобно Алипанову и другим крестьянским поэтам-самоучкам, выражал настроение отсталых слоев крестьянства, проникнутых смирением и идеализацией «патриархальности». Именно эта «патриархальность» и смиренность всячески поддерживались и культивировались «покровителями» из дворянского лагеря, раздувавшими изображение «благоденствия» крепостного крестьянина.

М. СУХАНОВ

Михаил Дмитриевич Суханов, поэт-крестьянин, даровитый самоучка, родился в 1801 или 1802 году в деревне Славянской Архангельской губернии. Рано выучившись грамоте, мальчик пристрастился к чтению. Случайно ему в руки попались стихотворения Ломоносова, которыми он увлекся, и стал им подражать. Подростком 11 лет будущий поэт был отдан «мальчиком» в лавку купца в Архангельске, а затем и сам торговал в лавке отца. В Архангельске он познакомился с приезжими из столицы моряками, уговорившими его послать стихи в журнал. Посланные им в 1824 году в «Русский Инвалид» стихотворения были там напечатаны, и с этого началась литературная известность Суханова. В 1824 году Суханов поселился в Петербурге и стал систематически печататься в журналах («Сын Отечества», «Благонамеренный»). В 1828 году им была издана книжка «Басни, песни и разные стихотворения», за которую Академия присудила ему серебряную медаль. Однако от этого положение крестьянина-поэта не улучшилось, и в борьбе с нуждой он вынужден был писать для книгопродавцев ходкие тогда сонники и «оракулы». В стихах Суханова мы не находим выражения подлинных настроений крепостного крестьянства, а лишь идеализацию сельской жизни, хотя в них и проглядывает нередко знание крестьянского быта, реальные, конкретные черты его. Лишь в своих баснях Суханов выражает протест, хотя и ограниченный, против социального неравенства.

В конце жизни Суханов выступил как собиратель и издатель произведений устного народного творчества, издав «Песни народные, собранные из уст простого народа» (СПб., 1840) и «Древние русские стихотворения» (СПб., 1840). Сборник его песен получил высокую оценку Белинского, назвавшего его «одним из самых замечательных литературных явлений». Умер Суханов в 1843 году. Текст басен даем по изданию: «Басни, песни и разные стихотворения Михайлы Суханова, СПб., 1828».

Егор Алипанов — поэт, вышедший из крепостных рабочих. Сын мастерового Людиновского горного завода, Егор Ипатьевич Алипанов родился в Калужской губернии в 1802 году. Отец его был крепостным майора и заводчика Мальцева. Читать и писать Алипанов выучился самоучкой у отставного сержанта. Подростком он поступил мастерским на завод, а с 1824 года ведал приемкой и продажей заводских изделий. В связи с этим Алипанов по делам попал в Петербург и там познакомился с литературными новинками. Стихотворения крестьянина Слепушкина, попавшие ему в руки, решают его судьбу. Он усиленно работает над изучением литературы и стихосложения и в середине 20-х годов решается представить свои поэтические опыты на суд столичных литераторов. С этого времени его стихи начинают появляться в «Отечественных Записках» и других журналах. Басни Алипанова обращают на него внимание, и в 1831 году он как баснописец получает одобрение Российской Академии Наук, которая издает в 1832 году «на своем иждивении» книгу его басен и стихотворений, наградив автора серебряной медалью «За похвальные в российской словесности упражнения». Крепостной поэт после этого смог получить отпускную от своего владельца. В начале 40-х годов Алипанов заводит свою типографию и, среди других книг, печатает первую книгу стихов Некрасова «Мечты и звуки». Как издатель он скоро прогорел и остался без средств. Литературные занятия не могли обеспечить существование поэта-крестьянина, который вынужден был служить то в качестве десятника на постройке Николаевской железной дороги, то приказчиком на заводе своего прежнего владельца Мальцева. Умер он в 50-х годах.

В баснях и стихах Алипанова много общего с настроениями близких к нему поэтов Слепушкина и Суханова, но мотивы социальной сатиры в его баснях звучат несколько отчетливее.

Тексты даны здесь по изданию: «Басни крестьянина Егора Алипанова, СПб., 1832».

Медведь и Мышонок. По баллам — т. е. по выборам.

А. ЗИЛОВ

Плодовитый баснописец начала 30-х годов, Алексей Зилов издал в 1831—1835 годах пять книг своих басен. Как баснописец А. Зилов являлся продолжателем натуралистических принципов басни А. Измайлова, создав особую бытописательную мещанскую басню. Его басни встретили довольно многочисленные отклики в критике тех лет («Московский Телеграф», 1831, № 6; «Телескоп», 1831, т. II, стр. 386; «Библиотека для Чтения», 1835, т. X, отд. VI, и т. д.).

И. МЯТЛЕВ

Иван Петрович Мятлев (1796—1844) происходил из богатой помещичьей семьи. В 1833 году он издал книжечку стихов под названием «Друзья уговоряли», но подлинную известность принесла ему его юмористическая поэма «Сенсация и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'Этранже», вышедшая в 1840 году. В ней

он едко высмеял низкопоклонство перед заграницей и недостойное поведение русских барыnek в Западной Европе. Пересыпанная французскими словечками и выражениями, эта поэма зло высмеивала пристрастие к французскому языку в высшем обществе и имела шумный успех. Единственная басня, написанная И. Мятлевым, «Медведь и Коза», примыкает к этой поэме, хотя и написана до нее, в 30-х годах.

Коман вуз озе — Как вы осмеливаетесь? *Суфлей* — пощечина.
Ту дусеман — совсем тихонечко.

А. ПУШКИН

Единственной данью Пушкина басенному жанру явилась написанная им в 1829 году «притча» «Сапожник», содержащая полемический ответ Н. И. Надеждину. Надеждин выступил в 1829 году в «Вестнике Европы» с резкими и несправедливыми нападками на «Полтаву» и «Графа Нулина», упрекая Пушкина как в излишнем якобы реализме бытовых красок, так и вообще в несоблюдении эстетических «правил» и норм. Отвечая на критику Надеждина, Пушкин воспользовался известным анекдотом, приведенным в «Естественной истории» Плиния, придав ему басенную аллегоричность. Впервые эта «притча» напечатана была в «Современнике» за 1836 г., ч. III (датируется 1829 годом по положению в рукописной тетради).

Н. ОХЛЕБНИН

Николай Охлебинин издал в 1844 году «Басни Николая Охлебинина в трех книгах», СПб., откуда и взята печатаемая здесь басня.

К. МАСАЛЬСКИЙ

Константин Петрович Масальский (1802—1861), второстепенный писатель 30—40-х годов, окончил курс в дворянском пансионе при Петербургском университете и служил затем в министерстве внутренних дел. В 30-х годах выступал в качестве автора довольно посредственных исторических романов («Стрельцы», 1832; «Черный ящик», 1833; «Регентство Бирона», 1834, и др.). Кроме того, выступал в качестве драматурга-poleмиста (водевиль «Классик и романтик», 1830) и автора научно-популярных исторических работ. В 1840—1850-х годах редактировал журнал «Сын Отечества».

Басни К. Масальского стали появляться в различных журналах (преимущественно в «Сыне Отечества») еще в 30-х годах, но отдельным изданием вышли лишь в 1851 году. В предисловии к ним он писал: «Очень буду рад, если басни мои вам понравятся. Я старался в них не подражать никому, даже Эзопу, отцу всех баснописцев. Все мои басни, — худы ли, хороши ли они, — оригинальные...»

И. КРЫЛОВ

При жизни Крылова вышло до десяти изданий басен, в которых принимал участие сам автор, начиная с первого издания 1809 года и кончая изданием басен в девяти книгах 1843 года, подготовленным им незадолго до смерти,

Это последнее издание вышло в свет после смерти баснописца, в 1844 году. На траурной обертке экземпляров, разосланных ближайшим друзьям и знакомым, было напечатано: «Приношение. На память об Иване Андреевиче. По его желанию. СПб. 1844 г. 3 ноября 3/48 утром» (дата и час — 3 ч. 48 м. утра — смерти Крылова).

Текст (и порядок) басен мы даем по изданию 1843 года. Отбирая басни для данного издания, мы стремились представить различные стороны басенного творчества Крылова, его самобытный, национальный характер. В подавляющем большинстве случаев басни дагируются временем их появления в печати. Далее указываем первую публикацию басни.

Ворона и Лисица. «Драматический Вестник», 1808, ч. I. Сюжет неоднократно встречается в русской басне XVIII века, у Тредиаковского, Сумарокова, Хераскова и др.

Дуб и Трость. «Московский Зритель», 1806, ч. I.

Музыканты. «Драматический Вестник», 1808, ч. I, № 15.

Ворона и Курица. «Сын Отечества», 1812, ч. II, ноябрь, № 8, под названием «Ворона». Басня Крылова, вероятно, написана была в связи с заметкой, помещенной в октябрьском номере «Сына Отечества» (1812, ч. II). Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту — стрелять ворон — и не могли нахвалиться своим *soupe aux corbeaux* . Теперь можно дать отставку старинной русской поговорке: «Попал, как кур во щи», а лучше говорить: «Попал, как ворона во французский суп». К этому же выпуску «Сына Отечества» была приложена и карикатура И. Теребенева «Французский вороний суп», изображавшая четырех оборванных французских гренадеров, жадно разрывавших ворону на части.

Ларчик. «Драматический Вестник», 1808, ч. I, № 6.

Лягушка и Вол. «Драматический Вестник», 1808, ч. I, № 2.

Разборчивая невеста. «Московский Зритель», 1806, ч. I, январь.

Волк и Ягненок. «Драматический Вестник», 1808, ч. I, № 24.

Синица. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, кн. IV. Басня является развитием народной поговорки, приведенной в новиковском «Кошельке» (1784): «Ходила синица море зажигать, море не зажгла, а славы много наделала».

Мартышка и очки. В издании басен 1815 г., ч. III.

Два Голубя. В издании басен 1809 г.

Лягушки, просящие царя. Издание басен 1809 г.

Мор зверей. Издание басен 1809 г.

Собачья дружба. Издание басен 1815 г., ч. III. Крылов намекает в этой басне на политические события в Европе. В январе 1815 г. Австрия, бывшая союзницей России, заключила с Англией и Францией тайный военный союз.

Пилад и Орест — классический пример дружбы (мифол.).

Волк на псарне. «Сын Отечества», 1812, ч. I, № 2. Написана в первых числах октября в связи с получением в Петербурге известий о попытке Наполеона вступить в мирные переговоры через Лористона, имевшего 23 сентября 1812 г. свидание с Кутузовым. Лористон передал Кутузову мирные предложения Наполеона, приведенные в донесении Кутузова Александру I. В них указывалось, что Наполеон «искренно желает положить предел несогласиям между двумя великими народами, и положить его навсегда». Кутузов решительно отклонил предложения Наполеона и 6 октября нанес поражение французским войскам при Тарутине.

Лисица и Сурок. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. XI.

Стрекоза и Муравей. «Драматический Вестник», 1808, ч. I, № 34.

Лжец. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1812, кн. V. Крыловым использованы сюжетные мотивы басен А. Сумарокова «Хвастун», Хемницера «Лжец» и В. Левшина «Лгуи». Этот же басенный сюжет о лжеце широко распространен был в фольклорных русских рассказах и в лубочных анекдотах.

Орел и Пчела. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. XIII.

Щука и Кот. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813. По свидетельству современника, неудача Чичагова вызвала негодование в обществе, и «Крылов написал басню о пирожнике, который берется шить сапоги, т. е. о моряке, начальствующем над сухопутным войском» (Ф. Вигель. Воспоминания).

Петух и Жемчужное зерно. Издание басен 1809 г.

Крестьянин и Работник. Издание басен 1815 г., ч. III.

Слон на воеводстве. «Драматический Вестник», 1808, ч. IV, № 79.

Осел и Соловей. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, кн. I. О поводе к ее сочинению рассказывает В. Кенович, слышавший это от современников Крылова: «Какой-то вельможа (по словам одних, граф Разумовский, других — князь А. Н. Голицын)... пригласил его к себе и просил прочитать две-три басенки. Крылов

артистически прочитал несколько басен, в том числе одну, заимствованную у Лафонтена. Вельможа выслушал их благосклонно и глубокомысленно сказал: «Это хорошо; но почему вы не переводите так, как Ив. Ив. Дмитриев?» — «Не умею», — скромно отвечал поэт... Возвратясь домой, задетый за живое, баснописец вылил свою желчь в басне «Осел и Соловей» (В. Кенович. Примечания к басням Крылова).

Крестьянин в беде. Новые басни. 1811.

Слон и Моська. «Драматический Вестник». 1808, ч. IV, № 85.

Кот и Повар. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, ч. VIII.

Крестьянин и Лисица. Новые басни. 1811.

Гуси. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, ч. I.

Свинья. Новые басни Крылова. 1811.

Муха и Дорожные. «Драматический Вестник», 1808, ч. III, № 63.

Квартет. Новые басни. 1811. По свидетельству современников, басня «Квартет» высмеивала открывшийся 1 января 1810 г. Государственный совет, разделенный на четыре департамента: законов (председатель князь П. Лопухин), военных дел (граф А. Аракчеев), гражданских и духовных дел (граф П. Завадовский) и государственной экономии (граф Н. Мордвинов). «Известно, что продолжительным прениям о том, как их рассадить, и даже нескольким последовавшим пересадкам мы обязаны остроумною баснею Крылова «Квартет» (М. А. Корф. Жизнь гр. Сперанского. СПб., 1861, ч. I, стр. 118). Однако существует и другое толкование, относящее «Квартет» к заседаниям «Беседы», открывшейся в начале 1811 года, также разделенной на четыре разряда, во главе которых были поставлены председатели. Так, Ф. Вигель в своих воспоминаниях указывает: «Крылов хотя и выдал особу свою «Беседе», но, говорят, тайком посмеивался над нею. Доказательством тому поставляют вскоре после ее открытия выданную им басню «Квартет» (Воспоминания. М., 1893, кн. III, стр. 152).

Листы и Корни. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, ч. IV. Появление этой басни являлось, возможно, откликом на обсуждение крестьянского вопроса, которым занимался созданный Александром I «негласный комитет».

Лебедь, Щука и Рак. Новые басни, 1816, ч. IV. Написана в мае 1814 года. Современники относили эту басню к неурядицам в Государственном совете.

Тришкин кафтан. «Сын Отечества», 1815, ч. XXIII. Высказывалось мнение, что басня осмеивала помещиков, закладывавших по нескольку раз свои имения в Опекунский совет.

Пустынный и Медведь. «Драматический Вестник», 1808, ч. I, № 17.

Любопытный. «Сын Отечества», 1814, ч. XVIII, № 40.

Лев на ловле. «Драматический вестник» (под заглавием «Лев, Собака, Лисица и Волк»), 1808, ч. I, № 12. Многочисленные обработки этого сюжета принадлежат Тредиаковскому, Сумарокову, В. Майкову, Хемницеру, Державину.

Крестьяне и Река. Новые басни. 1816, ч. IV. Написана в январе 1814 года.

Мирская сходка. Новые басни, 1816, ч. IV.

Демьянова уха. «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, ч. XI. По свидетельству Лобанова, басня высмеивала заседания «Беседы любителей русского слова» с обычными для них чтениями длинных и скучных произведений ее участников (М. Лобанов. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. СПб., 1847, стр. 55). Это свидетельство М. Лобанова, являвшегося участником «Беседы», находит свое подтверждение и в нравоучительной концовке басни, обращенной к «писателю».

Мышь и Крыса. Новые басни, 1816, ч. V.

Зеркало и Обезьяна. «Сын Отечества», 1816, ч. XXVII. Написана в 1815 г. Сюжетный мотив этой басни встречается у ряда баснописцев XVIII века (А. Сумароков — «Сова и Зеркало»; М. Херасков — «Зеркало и Обезьяна»; С. Тучков — «Зеркало и Обезьяна»).

Крестьянин и Смерть. «Драматический Вестник», 1808, ч. IV.

Слон в случае. Новые басни. 1816, ч. V.

Волк и Пастухи. Новые басни. 1816, ч. V.

Две Бочки. Издание басен 1819 г., ч. VI.

Волк и Журавль. Новые басни. 1816, ч. IV.

Лисица и Виноград. «Драматический Вестник», 1808, ч. IV, № 80.

Трудолюбивый Медведь. «Журнал древней и новой словесности», СПб., 1818, ч. I, № 3, под названием «Медведь и Мужик».

Совет Мышей. Новые басни, 1811. Возможно, что в этой басне Крылов имел в виду Государственный совет, образованный в 1810 году, насмешливо-ироническое отношение к которому нашло свое выражение в басне «Квартет».

Мельник. «Полярная Звезда» на 1825 год. Написана в 1823 году.

Свинья под дубом. «Северная Пчела», 1825, № 5. Написана в 1823 году.

Лисица и Осел. «Северные Цветы» на 1825 год. Написана в 1823 году.

Муха и Пчела. «Северные Цветы» на 1825 год. Написана не позднее 1823 года.

Крестьянин и Овца. «Полярная Звезда» на 1823 год. Написана в 1821 году.

Волк и Мышонок. Издание басен 1825 г., кн. VII. Написана в 1823 году.

Два мужика. Издание басен 1825 г., кн. VII. Написана в 1823 году.

Две собаки. «Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, ч. VI. Написана в 1823 году. На эту же тему: басня М. Хераскова «Две собаки», анонимная басня «Барбос и Азорка» в «Беседующем Гражданине», 1789, басня П. Вяземского «Две собаки» («Сын Отечества», 1819, ч. 48) и др.

Кошка и Соловей. «Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, ч. XXV, кн. I. Написана в 1823 году. В басне «Кошка и Соловей» Крылов, несомненно, имел в виду цензуру и свое положение в условиях той подозрительности, которую она проявляла по отношению к литературе и, в частности, к его басням. Следует учесть, что в 1823 году происходило обсуждение нового цензурного устава (окончательно принятого в 1826 году) и с этой целью учрежден был особый комитет под руководством М. Л. Магницкого. Начав свою работу в 1820 году, Комитет о преобразовании цензуры представил проект нового устава в мае 1823 года. Один из пунктов этого проекта гласил, что «всякое сочинение не только возмутительное против властей предержажших, но и ослабляющее в каком-либо отношении должное к ним... почтение, запрещать».

Рыбья пляска. «Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, № 7. Написана в 1823 году. Эта первоначальная редакция была переработана Крыловым под давлением цензуры или правительственных кругов, увидевших в басне слишком смелую и едкую сатиру на властей и, в частности, на Александра I. Я. К. Грот приво-

дит слышанный им рассказ, объясняющий происхождение этой басни: «Во время одного из своих путешествий по России император Александр I в каком-то городе остановился в губернаторском доме. Готовясь уже к отъезду, он увидел из окна, что на площади приближается к дому довольно большое число людей. На вопрос государя, что это значит, губернатор отвечал, что это депутация от жителей, желающих принести его величеству благодарность за благосостояние края. Государь, спеша отъездом, отклонил прием этих лиц. После распространялась молва, что они шли с жалобой на губернатора, получившего между тем награду» (Я. К. Грот. Труды. СПб., 1901, ч. III, стр. 245). Следует указать на сходство с басней Хемницера «Путешествие Льва» о царе-Льве, отправившемся в путешествие, подобно крыловскому Льву, чтобы ознакомиться с жизнью народа. В настоящем издании дается первоначальная редакция басни «Рыбья пляска» по беловому автографу (Пушкинский Дом).

Ворона. «Полярная Звезда» на 1825 год. Написана в 1823 году. Сюжет неоднократно разрабатывался в русской басне XVIII века (Тредиаковский, Сумароков и др.).

Пестрые овцы. При жизни Крылова не была напечатана, несомненно, по цензурным причинам. Впервые опубликована была в «Русском Архиве», 1867, вып. 3. Здесь печатается по автографу Пушкинского Дома. В. Кеневич высказал предположение, что «Пестрые овцы» являлись откликом на «университетскую историю», «занимавшую в то время общественное мнение» (Примечания, стр. 218). Суть этой «истории» в том, что по доносу в конце 1821 года было произведено в Петербургском университете расследование деятельности прогрессивных профессоров (Галича, Арсеньева и др.), которым ставилось в вину высказывание на лекциях вольнолюбивых мыслей. Комиссия, производившая это расследование в составе реакционеров Д. Рунича, М. Магницкого и др., уволила этих профессоров из университета; пострадали при этом и многие студенты, исключенные из университета «по неблагонадежности» (М. Сухомятин. Исследования и статьи. Т. I, СПб., 1889, стр. 239—267). Однако не менее возможно, что Крылов имел в виду здесь события в Семеновском полку (в 1821 году), солдаты которого выступали против издевательского отношения к ним командира полка Шварца. Возмущение семеновцев было сразу же подавлено, а солдаты жестоко наказаны. Александр I, являвшийся шефом этого полка, принимая жесткие меры, выступал с лицемерными сожалениями.

Белка. «Московский Телеграф», 1830, ч. XXXIII. Эта басня при своем прохождении через цензуру вызвала возражения цензора.

Щука. «Литературная Газета», 1830, от 27 марта.

Бритвы. «Северные Цветы» на 1829 год. Гоголь видел в этой басне сатиру на «недальновзорких начальников», у которых «утвердилось было странное мнение, что нужно опасаться бойких, умных людей и обходить их в должностях из-за того единственно, что некоторые из них были когда-то шалуны и замешались в безрассудное дело»

(Сочинения, т. IV, М., 1880, стр. 756), т. е. Крылов имел в виду декабристов или людей, замешанных в движении декабристов, которые впоследствии не допускались к высшим должностям.

Булат. Издание басен 1830 г., кн. VII. В своей басне Крылов имел в виду героя Отечественной войны 1812 года генерала А. П. Ермолова, который пользовался популярностью в декабристских кругах. В 1827 году он был отставлен Николаем I от командования на Кавказе по подозрению в сношениях с декабристами. С этого времени Ермолов был удален от дел и поселился в почетной ссылке в своем орловском имении. Война с Турцией 1829 года заставила вновь вспомнить имя прославленного полководца.

Осел. Издание басен 1830 г., кн. VIII.

Волк и Кот. Издание басен 1830 г., кн. VIII.

Лев. Издание басен 1830 г., кн. VIII.

Пастух. Альманах «Новоселье», СПб., 1833, ч. I. Басня «Пастух» является развитием народной поговорки: «На волка токмо слава, а овец таскает Савва».

Волки и Овцы. Впервые напечатана в «Новосельи», 1833, т. I.

Кукушка и Петух. Сборник «Сто русских литераторов», 1841, т. II, СПб. Написана в 1834 году. В своей басне Крылов имел в виду Греча и Булгарина, неумеренно хваливших друг друга. Об этом сохранилось свидетельство современников. Н. М. Калмыков рассказывает в своих воспоминаниях, что «лица сии в журналах тридцатых годов восхваляли друг друга до забвения или, как говорят, до бесчувствия. Объяснение это я слышал от самого И. А. Крылова («Русский Архив», 1865, стлб. 1011). В том же сборнике «Сто русских литераторов» (1841), где напечатана басня «Кукушка и Петух», была помещена карикатура Дезарно, изображающая двух писателей с головами Петуха и Кукушки, в которых легко можно было узнать Булгарина и Греча.

Вельможа. «Сын Отечества», 1836, ч. СХХV. Написана в 1834 году.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	V
Русская басня. Вступительная статья <i>Н. Л. Степанова</i>	VII

А. КАНТЕМИР

Огонь и восковой болван	3
Пчельная матка и змея	3
Верблюд и лисица	4
Ястреб, павлин и сова	5
Городская и полевая мышь	6
Чиж и снигирь	7

М. ЛОМОНОСОВ

„Лишь только дневной шум замолк...“	11
„Жениться хорошо, да много и досады...“	12
„Послушайте, прошу, что старому случилось...“	12

В. ТРЕДНАКОВСКИЙ

Петух и жемчужина	13
Пес чван	13
Ворон и лисица	13
Гора, мучающаяся родами	14
Пес и повар	14
Старуха, болящая глазами	15
Лев жених	15
Леший и мужик	16

И. БАРКОВ

Волк и ягненок. I	17
Спесивая галка и павлин	17
Врач из сапожника	18
Влюбившаяся старуха и девица	19
Муравей и Муха	19

А. СУМАРОКОВ

Волк и ягненок	21
Осел и хозяин	22
Скупой	23

Кошка	24
Яйцо	25
Мышый суд	26
Блоха	27
Спорщица	28
Пир у Льва	29
Мышь и кошка. Боярин и бъярыня	30
Мышь и слон	31
Овца	31
Жуки и пчелы	32
Коловратность	32
Безногий солдат	33
Подьяческая дочь	34
Болван	35
Кобель и сука	36
Волки и овцы	37
Заяц	37
Протокол	38
Суд	39
Кисельник	40
Девка	40
Черепаша	41
Порча языка	42
Лев и Клоп	43
Стрекоза	43
Сатир и гнусные люди	43
Кот и мыши	45
Новый календарь	46
Надутый гордостью Осел	47
Две крысы	48
Высокомерная муха	49
Соловей и кукушка	49
Чинопобивая свинья	50
Калигулина лошадь	51
Стряпчий	51
Ось и бык	52
Хвостун	52
Сова и зеркало	53
Ворона и Лиса	53
Мышь медведем	54
Мужик с котомкой	55
Пахарь и обезьяна	56
Два рака	56
Тяжелый комар	57
Свинья и конь	57
Просьба мухи	58
Коршун в павлиньих перьях	59
Лисица и виноград	59
Парисов суд	60

В. МАЙКОВ

Козел и жемчужная раковина	61
Лягушки, просящие о царе	61

Наказание ворожее	64
Повар и портной	65
Конь знатной породы	68
Вор и подьячий	69
Скупой	69
Детина и конь	71
Сорока, галка и соя	72
Корабль и лодка	73
Суеверие	73
Суд картине	74
Собака на сене	76
Лисица и бобр	77
Общество	78
Господин с слугами в опасности жизни	80
Случай	80
Отец и дети	81
Крестьянин, медведь, сорока и слепень	82

А. Р Ж Е В С К И Й

Муж и жена	85
Смиренная вдова	86
Медведи и пчельник	87
Хозяин и батрак	87
Клоп	89
Конь и мужик	89
Козел и лисица	90
Сверчки и клеветники	90
Волк откупщик	91
Коза и львица	92
Волк певец	92
Осел и богатое седло	93
Лисица и заяц	94
Хвастливый грач	95

М. Х Е Р А С К О В

Сорока в чужих перьях	97
Ворона и лисица	97
Вдова в суде	98
Бабочка и пчела	99
Источник и ручей	100
Две собаки	101
Зеркало и обезьяна	102
Фонтанна и речка	103
Девиза и роза	104
Магнит и железó	104
Перо, кисть и скрипка	105
Рыбы	106
Картина и рамы	108
Мартышка во дворянах	108
Дровосек	109

Д. ФОНВИЗИН

Лисица-Кознодей	111
---------------------------	-----

Н. ЛЕОНТЬЕВ

Пчелы	113
Брудастые и хортые кобели	114
Маскарад	116
Павлин и курица	117
Металлы	118
Серебряный стакан и хрустальный	119
Две собаки	119
Лисица, заяц и волк	120

М. ЧУЛКОВ

Сорока	122
Бережливость	123

М. ПОПОВ

Два вора	125
Соловей	126

М. МУРАВЬЕВ

Конь	127
Лисица и козел	127
Кучер и лошади	129
Миротворец	130
Половица	131
Индей и сокэл	131

А. АБЛЕСИМОВ

Муж и жена	133
Быль („Имея девушка с природы чувство нежно...“).	133
Конь и мешок	136
Приказная уловка	137
Дворянка в купчихах	138
Купчиха в дворянках	138

И. ХЕМНИЦЕР

Дерево	141
Обоз	142
Два соседа	142
Хозяин и Мыши	146
Медведь плясун	146
Лев, учредивший совет	148
Конь верховый	148
Богач и бедняк	149
Дворная собака	150
Волчьё рассуждение	152
Желание Кашея	152
Паук и мухи	153

Строитель	153
Соловей и воронь	153
Друзья	154
Заслуженный конь	155
Зеленый осел	156
Соловей и чиж	157
Лошадь и осел	157
Стряпчий и воры	158
Два богача	159
Воля и неволя	161
Стрелка часовая	162
Осел в уборе	163
Лев сват	164
Побор львиный	167
Привилегия	168
Метафизик	169
Собака и мухи	171
Дурак и тень	171
Путешествие льва	172

Е. КОСТРОВ

Танцовщик и Стихотворец	174
-----------------------------------	-----

В. ЛЕВШИН

Пожар	176
Лгун	176
Из службы отставленный бык	177
Осел воевода	178
Богатство	178
Разные пути к богатству	179
Петух и жаворонок	182

О. БЕЛЯЕВ

Лисица и Петух	183
Женитьба льва	184

ИЗ „ПОКОЯЩЕГОСЯ ТРУДОЛЮБЦА“

Пустынник и Медведь	186
-------------------------------	-----

С. ТУЧКОВ

Зеркало и Обезьяна	189
------------------------------	-----

И. БОГДАНОВИЧ

Скупой	190
Пчелы и Шмель	190
Лев и Ребята	191
Журавли и Комар	192

Я. КНЯЖНИН

Рыбак	193
Судья и вор	195
Волосочесатель-сочинитель	195

Г. ХОВАНСКИЙ

Роза 197

Н. НИКОЛЕВ

Басня („Болван-молокосос из силы вон кричал. . .“) 199

Басня („Где в доме попугай. . .“) 199

А. РАДИЦЕВ

Журавли 201

Г. ДЕРЖАВИН

Собака и старуха 203

Лев и Волк 203

Лисица и зайцы 204

Фонари 204

Корабль и игла 205

Жмурки 206

Цвет и Паук 207

Аист 207

Ю. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

Стрекоза 209

Дом Сократа 210

Зяц и лягушки 210

Дуб и трость 211

И. ДМИТРИЕВ

Дуб и Трость 213

Петух, Кот и Мышонок 214

Мышь, удалившаяся от света 215

Чижик и Зяблица 216

Лиса проповедница 217

Часовая стрелка 218

Два Голубя 219

Молчание Словья 221

Прохожий 222

Дряхлая старость 222

Дон-Кихот 223

Муха 224

Кокетка и Пчела 227

Полевой цветок и гвоздика 227

Верблюд и Носорог 228

Воспитание Льва 228

Две Лисы 231

Отец с сыном 231

Пустынник и Фортуна 232

Пчела и Муха 233

Рысь и Крот 233

Смерть и умирающий 234

Жаворонок с детьми и земледелец 235

Истукан и Лиса 237

Желание	237
Сверчки	239
Искатели Фортуны	240

В. ПУШКИН

Лев и его любимец	243
Голубка и Бабочка	243
Пастух и соловей	244
Сурок и Щегленок	244
Волк и Лисица	245
Волк и Пастух	246
Медведь и его гости	247
Кот и Моська	248
Старушка и богиня Истина	248
Листочек	250
Богач и бедняк	250
Две старые кошки	251
Догадливая жена	251

Д. ХВОСТОВ

Разборчивая невеста	253
Найденный топор	254
Щука и уда	255
Прохожий и собака	255
Бот и Нева	256

П. КАРАБАНОВ

Плешивый и Орел	257
---------------------------	-----

А. БУНИНА

Вол, осел и конь	259
Прохожий и господский слуга	260
Петух сторож	261
Русская пословица	263
Добрый человек и золото	264

Д. ДАВЫДОВ

Орлица, Турухтан и Тетерев	267
Голова и Ноги	270
Река и зеркало	271

И. ПНИН

Южный ветер и Эзфир	272
Терновник и яблоня	272

Царь и придворный	274
Верховая лошадь	274

А. БЕНИЦКИЙ

Осел	276
Сыч, Филин, Сова и Нетопырь	277
Волк и Лисица	278
Бык и овца	279
Орел и муравей	280
Ослы	281
Петух и алмаз	283
Голубь историк	283
Рак и сын его	284

В. ЖУКОВСКИЙ

Сон Могольца	286
Истина и Басня	287
Орел и Жук	288
Сокол и Голубка	290
Мартышка, показывающая китайские тени	290
Сора плешивых	291
Цапля	292
Мартышки и Лев	293
Кот и мышь	294
Сурки и крот	295
Похороны львицы	296
Кот и зеркало	298
Каплун и сокол	299
Голубка и сорока	300
Старый кот и молодой мышонок	303
Сокол и Филомела	303
Солнце и Борей	304
Умиравший лебедь	305

В. ОЗЕРОВ

Волки и Овцы	307
Ворона-просительница	308

К. БАТЮШКОВ

Сон Могольца	309
Пастух и соловей	310

Н. ГНЕДИЧ

Снегирь	312
Медведь	314

А. НАХИМОВ

Живописец	316
Откупщик и Харон	317

Парик и болван	318
Свинья и ягненок	318
Моська и собака на привязи	319
Осел в счастье	319
Дьяк и нищий	320
Ассигнация и алтын	320
Моль и кафтан	321
Крыса и секретарша	321

Н. НЕВЕДОМСКИЙ

Белка	323
Лисица и петух	323
Орел и пчела	324
Соловей	325
Лев, учредивший суд	326

В. ИЗМАЙЛОВ

Барс и белка	328
Феникс	329

Н. ОСТОЛОПОВ

Фиалка и подсолнечник	330
Осел силач	331
Светящийся червячок и алмаз	331
Наказанная лисица	332
Басня Крылова	332
Стрела	333
Бык в огороде	333
Возы с сеном	333
Садовник	334
Весы	334
Кот и белка	335

А. ИЗМАЙЛОВ

Умирающая собака	336
Кошка, превращенная в женщину	337
Совет мышей	338
Кукушка	341
Лебедь, Гусь, Утка и Журавль	342
Бесхвостая лисица	342
Наседка	343
Слезы Кащей	344
Два кота	344
Два рака	345
Ягненок и Поросенок	345
Устрица и двое прохожих	346
Макарьевнина уха	346
Черный кот	347
Купец Мошнин	350

Карета и лошади	352
Догадливая жена	353
Пьяница и Судьба	353
Совість разбѣйника	354
Каприз госпожи	355
Купец Брюханов	355
Простѣдушная	359
Пьяница	361
Приказные синонимы	363
Агун	364
Так, да не так	365
Дура Пахомовна	366
Служанка	368
Дурак Филатка	369
Две козы	370
Собачья зависть	371
Заветное пиво	372

А. МАЗДОРФ

Курица и лягушка	375
Портрет львицы	375
Осел во львиной коже	376

П. ВЯЗЕМСКИЙ

Доведь	378
Две собаки	378
Чернильница и перо	378
Битый пес	379
Два живописца	379
Поток и река	379
Два чижа	379
Дервиш и ученик	379
Человек и мотылек	380
Убогий и камень	380
Круговая порука	380
Гусь и змея	381
Репейник	381
Гусь	382
Пастух и овца	382
Пожар	382
Язык и зубы	383

М. МАЙКОВ

Бобр и лисица	384
Барс и лисица	385

Ф. СЛЕПУШКИН

Бык и комар	387
-----------------------	-----

М. СУХАНОВ

Черепаша	388
Мята	388
Утюг и мундир	389
Кум	389
Селянин с сыром	390
Сорочий бред	390
Муж и жена	391

Е. АЛИПАНОВ

Тревога	393
Медведь и Мышонок	394
Мухи	395
Ежи и Волки	396
Релейник	396
Зонтик	396

А. ЗИЛОВ

Барин и слуга	397
Литературный затейник	398
Мыши	398
Доклад	399

И. МЯТЛЕВ

Медведь и Коза	400
--------------------------	-----

А. ПУШКИН

Сапожник	401
--------------------	-----

Н. ОХЛЕБНИН

Сорока и Чиж	402
------------------------	-----

К. МАСАЛЬСКИЙ

Осел на пиру	403
Два колоса	403
Кирпич и льдина	404

И. КРЫЛОВ

Ворона и Лисица	405
Дуб и Трость	406
Музыканты	407
Ворона и Курица	407
Ларчик	408
Лягушка и Вол	409
Разборчивая невеста	409
Волк и Ягненок	411
Синица	412
Мартышка и очки	413
Два Голубя	414
Лягушки, просящие царя	416

Мор аверей	418
Собачья дружба	420
Волк на псарне	421
Лисица и Сурок	422
Стрекоза и Муравей	423
Ажец	424
Орел и Пчела	426
Щука и Кот	427
Петух и жемчужное зерно	428
Крестьянин и Работник	428
Слон на воеводстве	429
Осел и Соловей	430
Крестьянин в беде	430
Слон и Моська	431
Кот и Повар	432
Крестьянин и Лисица	433
Гуси	434
Свинья	435
Муха и дорожные	436
Квартет	437
Листы и Корни	438
Лебедь, Щука и Рак	439
Тришкин кафтан	439
Пустынник и Медведь	440
Любопытный	441
Лев на ловле	442
Крестьяне и Река	443
Мирская сходка	443
Демьянова уха	444
Мышь и Крыса	447
Зеркало и Обезьяна	447
Крестьянин и Смерть	448
Слон в случае	449
Волк и Пастухи	449
Две бочки	450
Волк и Журавль	450
Лисица и виноград	451
Трудолюбивый Медведь	451
Совет Мышей	452
Мельник	455
Свинья под дубом	456
Лисица и Осел	456
Муха и Пчела	457
Крестьянин и Овца	458
Волк и Мышонок	459
Два мужика	459
Две собаки	460
Кошка и Соловей	461
Рыбья пляска	462
Ворона	463
Пестрые Овцы	464
Белка	465

Щука	466
Бритвы	466
Будат	467
Осел	468
Волк и Кот	469
Лев	470
Пастух	471
Волки и Овцы	471
Кукушка и Петух	472
Вельможа	473
Примечания	475

Редактор *А. Островский.*

Технический редактор *А. Кирнарская.* Художник *И. Серов.*

М-16352. Подписано к печати 21/VI 1949 г. Печ. л. 37¹/₄. Уч.-изд. л. 39,1 А. л. 36,64.
Тираж 10 000. Цена 22 р. 50 к. Зак. № 1702.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.